

Г Л Е Б С О К О Л О В

"Ч А Й К И"

Р О М А Н

copyright©Соколов Глеб Станиславович Все права защищены

Копирование без ведома Автора запрещается

*Всем влюбленным, вместившим в
свое сердце величайшее счастье и
злейшее несчастье мира,
посвящаю*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ОДНОНОГИЙ СОЛДАТИК

1.

Легкий ветерок, дувший со стороны канала имени Москвы, шевелил листву деревьев.

Солнце - еще на пути к зениту и, хотя на небе - ни облачка, лучи его не пекли, царствовала приятная прохлада. На широкой глади вод, подернутых легкой рябью, уже сновало несколько лодок с гребцами, принадлежавших спортивному клубу Военно-морского флота.

«Как, в сущности, хорошо мне здесь было!» - думал Виктор, медленно прогуливаясь по дорожкам среди деревьев, росших на высоком берегу канала.

Виктор гулял здесь уже не менее получаса, а перед этим - почти час путешествовал на автобусах нескольких маршрутов, пересаживаясь с одного на другой, - езда эта утомила его настолько, что в конце концов решил: больше для того, чтобы добраться до «своих» мест оттуда, где жил сейчас, и где располагалась его с матерью квартира и все, в, сущности, должно было быть «своим», но таковым не являлось, - никогда не станет пользоваться общественным транспортом. «Только такси!»

Косогор резким уступом спускался вниз к узкой полоске земли, поросшей клоками чахлой травы, потом опять резкий, словно бы выкопанный ковшом экскаватора полуметровый уступ и после него - спокойная гладь воды, которая пришла сюда, в район, который когда-то давно, лет семьдесят назад, был еще за чертой столицы, а теперь - входил в нее, по каналу имени Москвы аж из самой Волги.

Места для прогулок - идеальные. Тем более, в такое замечательное утро.

День был будним, на дорожках среди деревьев кроме Виктора никого не было.

«Я был счастлив здесь. Понял это, лишь уехав отсюда... Неужели навсегда?!» Тоска из-за безвозвратной, - в этом он не сомневался, - потери железной рукой сдавила сердце.

Он глубоко и тяжело вздохнул. Остановился, запрокинул голову, посмотрел на верхушки деревьев, на солнечные лучи, пробивавшиеся сквозь листву...

Это - родной район Виктора. Здесь неподалеку родился, здесь жил, - их дом стоял в пятнадцати минутах ходьбы от

берега канала. Здесь учился... И только перед самым окончанием школы, когда до получения аттестата оставался какой-нибудь месяц, а на носу - выпускные экзамены, с матерью, - отец к этому времени уже давно умер, - узнали: вероятность переезда в новую квартиру - велика.

Новое жилье было, не в пример прежнему, просторное, улучшенной современной планировки, дом - монолитный, холл на первом этаже отделан мрамором.

Адрес, по которому располагалось новое жилье, формально относилось к тому же округу столицы, что и старый, снесенный дом, но на самом деле от прежнего места до дома, в который поселили, надо было ехать несколько остановок на метро. Район там был новый, Виктору чуждый, незнакомый и почти сразу... Ненавистный!

- А куда деваться, Витенька! - говорила мать. - Дом наш старенький - аварийный, под снос. Если бы мы отказывались выехать по-хорошему, нас бы с полицией выселили в первое попавшееся свободное жилье. А так все-таки с нами поступили очень по-человечески - квартиру хоть дали и далеко, практически в другом районе, зато жилье - улучшенной категории, «монолит», комнат больше и каждая - как половина всей нашей прежней квартирки... Конечно, жалко старого дома, столько с ним всего связано! Да, куда деваться, жизнь идет и на одном месте ее не остановишь!..

«С каким бы наслаждением я бы вернулся сейчас в прошлое!» - с тоской думал теперь Виктор, прогуливаясь по обрывистому берегу канала.

Вдалеке над деревьями торчал последний этаж красного кирпичного здания школы, - той самой, в которой он учился, после окончания которой поступил в институт, закончил его и устроился работать в одну крупную фирму.

Ее сотрудником числился и сейчас...

При мысли о работе Виктор глубоко и тяжело вздохнул.

Не хотелось вспоминать о том, что произошло с ним в последнее время, - институт он закончил год назад, какое-то время ушло на поиски работы, - так что на фирме работал относительно недавно, - но мысли об этом сами непрерывно лезли в голову.

2.

Виктора обвинили в растрате денег, которые взял под отчет в бухгалтерии фирмы.

Деньги на самом деле у него украли.

Получив крупную сумму в бухгалтерии, Виктор положил ее в свою сумку. Уходя на обед, оставил ее в комнате. Дверь на время перерыва они закрывали на ключ, - тот лежал у Виктора в кармане. Второй человек, сидевший вместе с ним в комнате, пожилой седенький сотрудник с бородкой, уходил вместе с ним.

Перед тем, как выйти за порог и закрыть дверь, Виктор заглянул в сумку - деньги были на месте.

Когда вернулся - их уже не было. Кто-то, кто знал про подотчетную сумму, проник в комнату, пока их не было, и украл пачку.

Сумма была слишком большой, чтобы он мог возместить ее из своей зарплаты. Как начинающий сотрудник получал мало.

К тому же, - это, конечно, огромная глупость с его стороны, - вскоре после того, как устроился на работу, приобрел в кредит автомобиль! Ничего особенного, по большому счету - просто красивый седан в эдакой молодежной спортивной комплектации... На первый взнос ушли те небольшие накопления, которые успел сделать, отказывая себе во всем в первые полгода работы. Собственно, накопления эти делал с одной целью - купить автомобиль!

Деньги внес, кредит оформил, - проценты на сумму набегали с первого дня, - а вот на работу по-прежнему добирался на общественном транспорте. Модификацию, которую выбрал Виктор, можно было приобрести только на условиях предварительного заказа: сначала делаешь предоплату, потом - ждешь, когда машина прибудет с завода в автосалон.

С прибытием «молодежный седан со спортивным характером», как выбранную машину охарактеризовали в рекламном проспекте автосалона, что-то запаздывал. Сроки по договору пока не были нарушены, - они там вообще указаны такие, что ждать машину можно до пенсии, - но Виктор рассчитывал получить авто раньше.

Черт с ним, с ожиданием! После обвинения в краже, задержка с машиной казалась пустяковой неприятностью.

Эх, если бы не эта неизвестно кем похищенная подотчетная сумма!.. Все бы было хорошо!

Если бы в фирме, в которую устроился после окончания института, все шло, как в первое время после трудоустройства, он бы чувствовал себя в денежном плане уверенно.

Рано или поздно седан привезли бы с завода в салон. Он бы укатил на нем домой, а потом - в автоинспекцию получать номера. Зарплаты, даже той невысокой, что была сейчас - а ему при трудоустройстве обещали скорое повышение, - хватит погасить кредит.

Жил в квартире с матерью, она работала в государственной организации, связанной с жилищно-коммунальным хозяйством. Получала очень неплохо, особенно в последнее время, когда ее сделали руководителем департамента, в который входило несколько довольно крупных отделов. Столовался Виктор за счет родительницы, за квартиру не платил, так что расходов у него, кроме одежды, весьма скромной, и развлечений, достаточно редких, не было.

Был уверен: у матери - достаточно накоплений, чтобы легко погасить его «растрату», - но просить у нее денег не хотел. Да и потом, - в этом он тоже был уверен, - она бы все равно не дала.

В ее представлении, он должен зарабатывать сам, - в общем-то, это справедливо, - против покупки автомобиля она возражала категорически («Ничего еще толком не заработал, зато уже намереваешься приобретать предметы роскоши, да еще в кредит!»). Если бы Виктор теперь еще рассказал ей, что его обвиняют в растрате крупной суммы, при этом, почти наверняка, скоро он лишится работы и, следовательно, не сможет гасить кредит, мать бы наверняка пришла в ярость... «Сам впутался, сам и выпутывайся!» - был бы ее ответ.

К тому же, Виктор был настолько глуп и самонадеян, что первое время после пропажи денег и собственной «растраты» ждал, что справедливость восторжествует: все поймут, что он не тратил эти деньги, что их на самом деле у него украли.

«Какая же счастливая у меня была здесь жизнь! - с тоской подумал Виктор. - Причем именно здесь, в этом райончике рядом с моим домом! Такое ощущение, что каким-то невероятным образом именно эти места приносят мне хорошее настроение, счастье и удачу!»

Он остановился и окинул взглядом водную гладь, по которой медленно двигалась большая моторная яхта, берега канала, - тот, на котором он сейчас находился, и противоположный - там зеленели заросли ветвистых с широкими кронами деревьев и кустарников, чуть левее торчали из-за забора двухэтажные с островерхими крышами домики элитного то ли квартала, то ли коттеджного поселка. Он располагался в городской черте на берегу канала, чуть дальше от берега начинались городские кварталы с густо настроенными высокими двадцати пяти- тридцатипятиэтажными домами, а этот огороженный квартал-поселок существовал словно бы отдельно от остальной Москвы и, как читал как-то Виктор на одном из сайтов, посвященных столичной недвижимости, огромными, - в целый этаж невысокого дома, - квартирами в нем владели члены российского правительства, - действующие и бывшие, - крупные федеральные чиновники. В общем, квартал-поселок вполне тянул на ироничное название «Дворянское гнездо», - как часто называют подобные райончики и дома.

Виктор обернулся и окинул взглядом дома-башни, стоявшие за его спиной в какой-нибудь полусотне метров от берега на его стороне канала.

На название «Дворянское гнездо» не тянули. Слишком старые - воздвигнуты еще в советскую эпоху. Несколько высоченных по тем временам домов приподняты над землей на «тоненьких» бетонных ножках, вокруг которых - стилобат со множеством запутанных проходов, переходов, лесенок, террасок на низких крышах, помещений, предназначенных для магазинчиков, отделений банка, почты. Населены самым разным народом: квартиру здесь в свое время мог купить каждый желающий...

Жилой комплекс назывался «Чайки». Виктор не знал наверняка, но говорили, что название это перешло к нескольким высоким башням одинаковой архитектуры от санатория - нескольких деревянных двухэтажных корпусов, - который когда-то в период после Второй мировой войны существовал на месте жилого комплекса. Здешные места в то время еще не были включены в состав Москвы и место на берегу канала было загородным и весьма подходящим для отдыха - свежий воздух, ровная гладь воды...

«В хороших местах проходили мои детство и юность!» - с тоской подумал Виктор.

Наслаждаясь прогулкой по хорошо знакомым местам, он не мог избавиться от горького чувства: места, его места, больше не были для него домом! Теперь он мог лишь приехать сюда в гости!

А его дом - новый и нелюбимый - был далеко отсюда, надо катить на метро или с пересадкой на нескольких автобусах.

3.

Раньше, пока он жил здесь, все у его было лучше.

«И, кажется, и сам я был лучше: более дерзким, уверенным в себе!» - думал Виктор, отвернувшись от домов «Чаек».

Теперь, когда на него вот-вот заведут уголовное дело, он стал дерганным, потерял былой кураж.

Виктор с тоской посмотрел туда, где за высокими деревьями была едва заметна крыша и последний этаж их школы.

При воспоминании об одном эпизоде, невольная улыбка, - самодовольная, гордая - он казался себе тогда настоящим героем, борцом за личные права, - возникла на его лице.

Большой актовый зал школы был слишком просторным для собравшихся в нем полутора десятка человек - участников небольшого инструментального ансамбля, - скрипка, гитара, ударная установка, - и вокальной группы, которыми руководила школьная учительница музыки.

Когда в репетиции возникала пауза, школьные музыканты и певцы вокальной группы разбредались по большому залу. Учительнице, чтобы вновь собрать их вместе, приходилось повышать голос, несколько раз громко хлопать в ладоши.

Но сейчас, хотя никто не пел и не играл на инструментах, все певцы и музыканты сгруппировались вокруг учительницы, - звали ее Людмила Анатольевна, - и Виктора, игравшего в школьном инструментальном ансамбле на гитаре.

- Я не понимаю: ты что, ненормальный?!.. - воскликнула Людмила Анатольевна, доведенная гитарной игрой Виктора до бешенства.

Тот в ответ лишь презрительно усмехнулся.

- Не осознаешь, что играешь в ансамбле?!.. Понимаешь, в ансамбле! Не соло, не пьесу для классической гитары, а свою партию в том произведении, которое мы вместе исполняем...

- Это все понятно! - упрямо проговорил Виктор. - Про ансамбль, про партию, которая у каждого музыкального инструмента своя, я уже слышал. Проблема в том, что я считаю: партия гитары могла бы быть значительнее. Пытаюсь предложить вам разные варианты, которые придумал... Но вы все отвергаете. Между тем, выступление ансамбля, согласись вы на мои идеи, только выиграло бы!

Видя, что лицо Людмилы Анатольевны, дамы немолодой, уже добрых тридцать лет ведущей в школе уроки музыки, по совместительству, заведующей инструментальным и вокальным ансамблями, становится от злости пунцовым, Виктор опять презрительно усмехнулся.

Понимал, что нарывается, но в последнее время, может быть, потому что учеба в выпускном классе подходила к концу, уже мысленно ощущал себя не школьником - взрослым человеком, здешние порядки и персонажи вызывали в нем особенный протест.

- Чувствую себя прирожденным бунтарем! - гордо заявлял он одноклассникам. - Мне не нравятся существующие порядки, вся эта школьная тупость, косность, не меняющиеся десятки лет... Бессмысленные рожи и давно погасшие глаза наших учителей - скучных личностей, неудачников по жизни! Я не боюсь заявить о своем мнении. Последствия меня не пугают. Лучше нарваться на большие неприятности, чем приучать себя покорно терпеть дерьмо...

Музычка Людмила Анатольевна была явно не худшим представителем «скучных личностей и неудачников». Особых материальных выгод от руководства хором и инструментальным ансамблем не получала. Занималась ими, проявляя энтузиазм. Часть инструментов принесла из дома. Случалось, ученики ломали их, она за свой счет чинила или покупала новые. Но, конечно, столкновения с «прирожденным бунтарем» она осилить не могла: у нее не получалось найти с парнем общий язык, понять, чего он от нее хочет, оставалось лишь багроветь.

Она хорошо знала Витю: он учился у нее еще в младших классах, тогда-то она и отметила его способности к музыке, пригласила его в хор, а позже, когда Виктор самостоятельно, а затем и в платном кружке, освоил гитару - в инструментальный ансамбль.

Но в последнее время Витя, по выражению Людмилы Анатольевны, «как с цепи сорвался». Она в разговорах с другими учителями объясняла это тем, что у парня «стресс перед грядущими экзаменами, прощанием со школой,

поступлением в институт и взрослой жизнью». Скорее всего, это было недалеко от истины.

Музычка старалась не обращать внимание на странное, все более становившееся диким по школьным меркам поведение Вити, тем более что сталкивалась она с ним лишь после уроков во время репетиций - школьный музыкальный ансамбль готовил номер к выпускному вечеру. Но Виктор на репетициях после уроков («Устает он что ли после занятий?!» - думала Людмила Анатольевна) вел себя особенно необычно, словно добиваясь того, чтобы музычка, наконец, выгнала его с репетиций и отправилась к директору школы обсуждать его поведение.

Людмила Анатольевна, точно вознамерившись разозлить «бунтаря» своим показным равнодушием, не делала этого... Вообще никому не говорила о том, что происходило на репетициях. По школе ползли разговоры о «бунтаре» Викторе, о его несносном поведении, о том, что музычка уже доведена до белого каления, но пока все это было лишь сплетнями.

Повода вмешиваться у администрации школы не было.

Виктор вел себя дерзко и с другими учителями, но на их уроках его вызов не был таким явным, как на репетициях ансамбля. Учителя, зная, что дерзкий ученик скоро покинет стены школы, предпочитали с ним не связываться, рассказывая друг другу на переменах в учительской комнате, что Витя, похоже, с большим опозданием вступил в подростковый переходный возраст и теперь ведет себя как классический ершистый тинэйджер.

Учителя так и называли его между собой - «наш тинэйджер... Ну что еще учудил там сегодня наш тинэйджер?»

Регулярные занятия, как таковые, почти по всем предметам подходили к концу, уступая место консультациям к экзаменам. Ученикам выпускного класса все меньше надо было ходить в школу... «Бунт» Виктора пока по естественным причинам оставался незамеченным администрацией школы.

- Между тем, - продолжал юноша, - инструментальный ансамбль - дело добровольное. И чего же мне в нем участвовать, если здесь не прислушиваются к моему мнению, не учитывают моих пожеланий?!.. Не так ли, Людмила Анатольевна?

Заданный Виктором вопрос так подействовал на учительницу музыки, что у нее, и без того выглядевшей как человек, которого того и гляди хватит удар, перехватило дыхание.

- Ты... Ты... - дважды повторила она, не в силах продолжить.

- Ты - индивидуалист! - выпалила следом Людмила Анатольевна.

И тут же, пораженная своими собственными словами, проговорила:

- Ну, конечно!.. Ведь про тебя же рассказывают в школе твои же собственные товарищи, что ты создал какое-то «Тайное общество индивидуалистов»!..

4.

- Честно говоря, поначалу я относился к созданному мною Тайному обществу индивидуалистов как к шутке, - говорил Виктор, медленно бредя вместе с одноклассницей, которую звали Евлампия, по берегу канала от школы к высоким домам микрорайона «Чайки». - Но такое отношение длилось недолго!.. Очень быстро я понял, что те идеи, которые я и Петька и присоединившийся к нам Сашка заложили в наше общество, могут помочь очень многим людям обрести себя.

Евлампия училась в их классе не так давно - всего пару лет. В отличие от большинства одноклассников Виктора, выросших в домах, расположенных поблизости от школы, вместе с родителями жила прежде где-то в другом районе Москвы.

Вроде бы у них была квартира, в которой они жили с Евлампииными то ли бабушкой, то ли дедом. Район там был не очень хороший, но старики переезжать в другой отказывались наотрез.

Потом они умерли, родители Евлампии продали старую квартиру, а новую приобрели в «Чайках». Новой она была, разумеется, только для них.

Евлампия стала учиться в одном классе с Виктором.

Почему-то, - для Вити это было необъяснимо, - матери всех мальчиков в классе, и его собственная не была исключением, сразу стали считать Евлампию красавицей.

Сам Виктор, - да и его одноклассники, - красавицей ее не считал. Она, правда, выделялась среди девочек класса ростом, не то, чтобы очень высоким, - дылдой она не была, - но выше среднего, и статью. Но ведь одного этого недостаточно, чтобы называться красавицей...

Было что-то такое в выражении лица Евлампии - неуловимое, неподдающееся словесному определению, что, на уровне подсознания, интуиции, - не то, чтобы отталкивало от нее, а заставляло мальчиков их класса, как только у них возникало желание как-то подружиться с ней поближе, не делать этого.

Выражение ее лица, да и поведение тоже - надменное, холодное. Должно быть, изрядная эгоистка! Не потому ли, что все в семье - родители, покойные бабушка и дедушка не чаяли в ней души, баловали как могли?..

Подобного же «обожествления» Евлампия, видимо, ожидала и от всех других людей, с которыми сталкивалась. Прежде всего, разумеется, от сверстников.

Виктора что-то неудержимо тянуло к ней. При этом он не мог бы утверждать, что она ему симпатична. Нет... Даже наоборот, в какие-то моменты ему казалось, что ее внешность - отталкивающая.

«Может быть, я просто нахожусь под воздействием мнения мамы?.. Как и мамаш моих друзей?.. Вероятно, хочу понять, что же они все-таки в ней нашли... Я Евлампию

красавицей не считаю, а они - наоборот. Но, может, они правы, и в ней есть что-то, чего я не замечаю?! Пройдет время, и я осознаю, что она и в самом деле - красавица», - так иногда думал Виктор о своей однокласснице.

Загадка не находила решения. Сегодня после уроков, воспользовавшись тем, что к Евлампии подошел Сашка, которому надо было готовить доклад по географии к следующему уроку, - а Евлампия делала доклад к уроку предыдущему и Сашка что-то там у нее выспрашивал про то, как надо оформлять доклад, Виктор, в свою очередь увязался за Сашкой, а потом, когда он побежал куда-то за угол школы, где он почему-то оставил свой портфель, Виктор побрел вместе с Евлампией к калитке в заборе, которым обнесен школьный двор.

Сначала он спрашивал ее что-то про доклад по географии: мол, географичка всех заставляет готовить доклады на разные темы, скоро придет и черед Виктора... Но потом заговорил с девушкой про то, что волновало его больше и казалось ему темой гораздо более интересной, чем всякие там доклады - про созданное им Тайное общество индивидуалистов и бунтарей.

- Ведь, что такое индивидуализм в том смысле, как я его понимаю? - продолжал рассказывать Виктор. - Это - раскрытие всех многообразных способностей индивидуума, человеческой личности и борьба с теми, кто этому мешает, кто человеческую личность подавляет! Вот, например, Людмила Анатольевна, наша учителька по музыке: сколько раз уже я предлагал ей расширить партию гитары в нашем выступлении. Это будет и зрителям-слушателям интересно, и мне. Но она отказывается!.. Привыкла все по старинке делать, по накатанной дорожке двигаться! Я хочу подговорить всех, кто в нашем ансамбле играет, отказаться делать так, как она велит, предложить свое видение того, каким должно быть наше выступление... Что ты смеешься?

Евлампия на самом деле не смеялась, но улыбка, с которой она смотрела на Виктора, была снисходительно-иронической.

Виктор замолчал и принялся внимательно смотреть на девушку.

Та, наконец, проговорила:

- Какое пустое, нелепое кривляние! Что ты привязался к этой несчастной Людмиле Анатольевне?! Мне, когда я ее вижу, всегда становится так ее жалко!.. Ты знаешь, она ведь детдомовская, росла без отца-матери...

Виктор кивнул. Он слышал историю про то, что музыка осиротела еще в младенческом возрасте: отец ее вроде бы испарился еще до ее рождения, а мать умерла от какого-то инфекционного заболевания. Черствые родственники, - то ли тетя, то ли дядя, - сдали малышку Люду в Дом ребенка.

- Посмотри не нее, как она выглядит, как она одета...

После этих слов Евлампия невольно оглядела надетые на ней модные брючки, пиджачок, кофточку, - все новенькое, с иголочки, от дорогих и модных фирм. Недешевыми были и

итальянские ботиночки из натуральной кожи, в которые она обута.

Виктор давно уже заметил: денег на дочку Евлампиины родители не жалели - все то время, что она училась в их классе, на ней всегда были новые дорогие вещи.

Правда, к чести Евлампии, она никогда не торопилась следовать любой моде. Стиль девушки в одежде можно было назвать модно-консервативным. В их классе были девчонки, которые норовили вырядиться так, чтобы на них какие-нибудь тетушки в возрасте на улице показывали пальцем, осуждая какие-нибудь особенно яркие и обтягивающие штанишки, а в школе строгая завуч грозила не допустить их к занятиям.

Евлампия не гналась за дешевой славой школьной модницы, хотя явно, будь у нее желание, с помощью родителей перещеголяла бы всех.

Но все равно, при всей ее сдержанности в одежде, чувствовалось, что вещи, а главным образом - их цена, имеют для нее первостепенное значение.

- В ней же до сих пор чувствуется сиротка-замарашка, - продолжала Евлампия про Людмилу Анатольевну. - Выглядит так, словно до сих пор живет в детском доме за казенный счет...

Виктор вдруг почувствовал, что слова про «сиротку-замарашку» задели его. Словно не про немолодую учительницу музыки они были сказаны, а это о нем самом отозвались столь презрительно. Учительницу ему жалко не было, но он понял, что с тем же презрительным высокомерием, с каким Евлампия рассуждает сейчас о Людмиле Анатольевне, она отзывается, скорее всего, совершенно обо всех людях и - это он тоже почувствовал - и о нем тоже!

Евлампия в этот момент на него внимательно посмотрела: словно бы догадываясь, о чем он в этот момент думает, и что чувствует. И взгляд ее при этом был холоден: его переживания ее нисколько не волновали. А может быть, что еще хуже, она намеренно заставляла его страдать.

- Она, насколько я знаю, - говорила Евлампия. - ведет эти занятия музансамбля уже много лет - с разными классами, одни заканчивают школу, другие переходят в выпускной класс и попадают в ансамбль. У нее и репертуар уже продуман... И все остальное... Это же обычный школьный ансамбль, а не студия звукозаписи какого-нибудь композитора-авангардиста. Нелепо требовать чего-то эдакого... Чего ты от нее требуешь... От обычной школьной учительки музыки!.. Да и зачем тебе все это нужно?!.. Самое большее, чего ты добьешься, - доведешь нашу драгоценную Людмилу Анатольевну до инфаркта. Какой будет печальный итог печальной жизни: с ранних лет в казенном доме, унылая одинокая жизнь в малопrestiжной роли школьной учительницы музыки и в конце - смерть от руки собственного ученика, который своим поведением доведет ее до удара!.. - Евлампия с неожиданной злостью хохотнула.

«А ведь Евлампия-то музычка в ансамбль никогда не приглашала! - подумал в этот момент Виктор. - Хотя она, как

говорили, закончила музыкальную школу и прекрасно играет то ли на фортепьяно, то ли на скрипке, да и голос у нее звучит вполне вокально... Что-то здесь не так... Может, Евлампия так презрительно отзывается о музычке потому, что прежде музыка что-то сказала о Евлампии?»

- Или она попросту выгонит тебя из школьного ансамбля! - добавила девушка.

- Да ничего не будет! - возразил Виктор. - Слушай, если хочешь знать, все эти споры с Людмилой Анатольевной в школьном инструментальном ансамбле - это так, собачья чушь, побочный продукт всей моей деятельности...

Красавица в голос рассмеялась:

- Если это - побочный, то что же - основной?! - проговорила она сквозь смех и в нем Виктору почудилось то же плохо скрываемое презрение, которое звучало в речи Евлампии, когда она говорила об учительнице музыки.

Это резануло душу парня. Но разговор не прекратил. Все-таки нужно сказать те слова, ради которых оказался с девушкой наедине!

- Основной... Ладно... Что ж... - загадочно проговорил Виктор. - Не собирался тебе сообщать об этом именно сейчас, но... Но вообще, нам нужно поговорить, у меня к тебе есть предложение... И, если уж зашел такой разговор, почему бы не рассказать о нем прямо сейчас? Чего тянуть?!..

- Вот как?!.. Интересно! - смеясь, сказала Евлампия, но, как показалось Виктору, пошла немного быстрее, чем прежде - поскорее оказаться дома в одной из башен «Чаяк».

Ему показалось в это мгновение, что она не хочет с ним ни о чем говорить, весь этот разговор воспринимается ею как досадное обстоятельство: прилепился он к ней по дороге домой, а она не смогла от него вовремя улизнуть... Да нет, это ему не кажется, это точно так! Вот он видит в ее глазах холодный блеск, - признак напряженной работы мысли: что бы ему такое сказать, чтобы отвязаться от него побыстрее, а то еще, чего доброго, увяжется за ней и потащится дальше - провожать до самого подъезда. А то еще и прицепится как клещ, станет навязываться в гости. Мол, водички нельзя ли у тебя попить, а то жажда мучает, сил нет!

Но Виктор все же решил договорить до конца. А чего останавливаться на полдороги?!.. Все равно он уже уловил это презрение по отношению к себе, увидел эту холодность и желание прекратить разговор с ним как можно быстрее. Все равно между ними уже было это: он пытался добиться ее дружбы и симпатии, а она с самого начала показала ему, что он ей совершенно неинтересен, и сколько бы он дальше не делал вид, что она ему совершенно не нужна, да и не нужна была с самого начала, ни она, ни он в это не поверят. Оба они теперь знают: она дала его телеге от ворот поворот, не солоно хлебавши он со своим товаром будет вынужден с минуты на минуту развернуть оглобли и катить, уныло сидя с вожжами в руках, восвояси...

5.

Все произошло стремительнее, чем он мог предположить.

- Я хочу предложить тебе вступить в наше тайное общество!.. У нас огромные планы, а людей не хватает. Нужны вот такие, как ты... - начал говорить Виктор.

- Увы, думаю, что тебе не стоит продолжать! - перебила его Евлампия с теперь уже не скрываемым раздражением. - Я, в отличие от тебя, как-то стремлюсь быть взрослой, - не знаю, хорошо это или плохо, хотя больше склоняюсь к тому, что это хорошо... И во всяких глупых ребяческих забавах не намерена участвовать, с учетом того, что класс у нас выпускной, и не успеем мы оглянуться, как надо будет сдавать выпускные экзамены и думать, куда идти дальше... Пару месяцев - и мы уже взрослые. Хочешь - учись, а хочешь - иди работай, зарабатывай себе на жизнь.

- Послушай, так это, наше тайное общество, и есть наш вклад во взрослую жизнь! Мы, юные индивидуалисты, готовим бунт против окостеневших взрослых порядков, мы станем взрослыми, но не такими, как наши родители... - с жаром проговорил Виктор.

Губы Евлампии зло скривились. Она уже не улыбалась и не смеялась над ним, она смотрела на него так, как будто в нем сосредоточилось зло, которое мешает ей быть в этой жизни счастливой.

- И... и... - от этой перемены в настроении девушки молодой человек растерялся. Слова, которые он собирался произнести, вдруг разом куда-то потерялись.

Евлампия продолжала смотреть на него с непонятно откуда взявшейся ненавистью. «А может, она какая-нибудь тайная родственница Людмилы Анатольевны?!.. Нет, не может быть... Она же презирает ее!» - пронеслось в голове у Виктора.

- Какой-то ты все-таки слишком странный, Витя! - перебила его Евлампия. В ее голосе звучало нескрываемое пренебрежение.

«Странно... - пронеслось в этот момент у Виктора в голове. - Ведь она же, вроде всегда нормально ко мне относилась!.. Не чувствовал я никогда с ее стороны вот этого вот презрения и злости».

- Ну, какой из тебя бунтарь?! А, тем более, индивидуалист! - с презрением проговорила она. - Посмотри на себя! Ты бы лучше брючки себе выстирал да выгладил... Живете с матерью вдвоем, у нее, видимо, просто сил не хватает и на работу ходить, и за тобой ухаживать... А ты... С Людмилой Анатольевной уже отношения испортил. Она всем учителям рассказывает, какой ты никчемный, вредный тип... Да еще какое-то тайное общество! Тебя просто под самый занавес со всеми твоими закидонами вышвырнут из школы... Вот подарочек-то твоей мамаше будет!

Он хотел что-то возразить, но девушка продолжала говорить, не давая ему вставить ни слова.

- И что из тебя дальше получится, если ты даже среднего образования получить не можешь?!.. Бунтарь и индивидуалист в мятых перепачканных в школьной столовой брючках.

Витя невольно посмотрел на свои брюки. Они и в самом деле в пятнах. Какая Евлампия, оказывается, внимательная! Разглядела! Пятна появились пару часов назад, когда пролил фруктовый компот в школьном буфете... Он бы не стал разглядывать, есть ли пятна на ее модном костюмчике. А она - все успела.

- Посмотри вокруг себя, Витя! Сколько вокруг хороших, вдумчивых, серьезных ребят!.. Знаешь, я сейчас на курсы хожу, в институт готовлюсь... В общем, это неважно. А важно, что там такие ребята рядом со мной сидят, что я на них смотрю и думаю: какая же я недостаточно серьезная! Нам сейчас надо думать, что мы в жизни станем делать! Как деньги будем зарабатывать... И тут... Ты! Тайное общество бунтарей и индивидуалистов. И его предводитель в залитых компотом брючках... Ничего глупее ты придумать не мог! - презрительно закончила она.

Виктор уже обратил внимание, что Евлампия посматривает на один из подъездов «Чаек», - это, кажется, был ее. Они уже подошли к нему на близкое расстояние. Здесь им надо было разделить: ей пойти к двери подъезда, а ему дальше - к своему дому, до которого еще идти и идти.

Вот сейчас она пойдет к своему подъезду, а он двинется, раздавленный ее презрением, тем, что она ему сказала, дальше... Нет, она не могла ему всего этого сказать! Он не так плох, и не достоин таких слов, это, наверное, обман, спектакль, все подстроено и во всем этом - ни слова правды.

Инстинктивно пытаясь не дать ей уйти и оставить его наедине со всем тем, что она ему наговорила, он взял ее за руку, но она тут же отдернула ее.

- Евлампия, послушай... - заговорил он уже совсем другим тоном, не таким, каким он начал разговор с ней про свое Тайное общество бунтарей и индивидуалистов. Тогда, еще каких-нибудь пять-десять минут назад, он был полон куража, уверенности в себе, теперь - наоборот, он растерялся, потерялся, он ни в чем не был уверен, а главное - в самом себе.

Эти ее слова про мятые испачканные брючки... Она на самом деле так не думает, просто хочет позлить его! Конечно же! И сейчас он в этом убедится!

- Ладно, черт с ним, с тайным обществом... - продолжал говорить он. Его тянуло вновь взять ее за руку, чтобы быть уверенным, что она не уйдет от него к подъезду прямо во время этой его речи, но он сдерживался. - Тем более, что какое оно тайное, раз все о нем знают!.. Не хочешь участвовать в нашем бунте против учителей - не надо, но... Я давно хотел сказать тебе, что ты мне нравишься. Раз с бунтом не получается, - он, чувствуя, что веселость его выглядит неестественно,

усмехнулся. - Давай в субботу просто погуляем... Погода с каждым днем все лучше и лучше! Весна!

Она презрительно рассмеялась и попятилась от него к подъезду, словно чувствуя, что он может попытаться опять схватить ее за руку:

- Слушай, ну теперь я точно знаю, что ты не просто странный, а очень странный мальчуган. Ну, нельзя же так унижаться перед девушками!

- Унижаться?.. Почему?.. - пробормотал он, чувствуя, как какая-то невидимая, но, тем не менее, существующая в реальности увесистая бетонная плита начинает придавливать его к земле.

- Потому, что у тебя, Витя, не только с бунтом ничего не получается, у тебя и со мной ничего не получится. Мне надо заниматься, готовиться в институт. А не прогуливаться с разными... Безумными школьными бунтарями, имеющими только одну перспективу - быть отчисленными до экзаменов!

- Будь здоров! - она развернулась и, оставив его на дорожке между деревьев на берегу канала, торопливо пошла к своему подъезду.

Он не пытался ее остановить.

Знал: говорить уже точно не о чем.

6.

До того, как он вспомнил про эту встречу с Евлампией, на губах его блуждала улыбка. До того приятно ему было вспоминать про те счастливые времена его собственного, как он его называл «бунта», про созданное им Тайное общество бунтарей и индивидуалистов.

Он-тогдашний казался ему теперь героем: как ни крути, а тогда ему удалось привлечь к себе внимание многих вон в той школе, уголок стены которой и часть широкого окна выглядывает сейчас вдалеке из-за деревьев.

Пусть его ругали, критиковали за его «выпендрей», но сейчас ему не было ни капельки стыдно за свое собственное поведение: он по-прежнему думал, что «бунт» его оправдан, в тех условиях его поведение было правильным. Он просто оказался единственным из всех, кто осмелился высказать правду - то, что нужно было сказать. Он был героем!..

Тогда ему казалось, что все трудности будут преодолены, все у него получится... Толком, наверное, он тогда и не смог бы сказать, что «все»... Его «бунт», который, победив, приведет его и его друзей, сподвижников по Тайному обществу к какой-то новой, необыкновенной и счастливой жизни...

Улыбка медленно сошла с его лица... Да... Та короткая, не больше четверти часа, прогулка вот по этим же местам, где он бродит сейчас, по берегу канала с Евлампией, - не нужно было ему про нее вспоминать... Только настроение себе испортил. Тот разговор с девушкой словно бы открыл дверь всех его

неприятностей... Вернее, даже не неприятностей, а какой-то цепи стремительно наступавших одна за другой перемен в жизни, новых обстоятельств, которые привели к тому, что он забросил свое Тайное общество (всем им стало не до обществ - экзамены на носу, поступления в институты), под аккомпанемент непрерывных скандалов со стороны матери сдал не очень успешно экзамены, получил аттестат, с грехом пополам поступил в институт, - вовсе не в тот, в какой планировал поначалу, и под самый конец того выпускного лета они с матерью неожиданно для него, Виктора, покинули его старый район - переехали в новую квартиру.

Тот разговор с Евлампией словно бы подвел черту под одной, прежней, жизнью, и дал старт жизни совсем другой...

С того дня они в школе больше не разговаривали. Да и особенно и не виделись - экзамены, консультации, опять экзамены... На выпускном вечере он Евлампии не запомнил, - была ли она там вообще?... А может, просто ушла пораньше... В любом случае, с ним она бы в ту ночь общаться точно не стала, потому что он так нагрузился шампанским и вином, что под утро сам себе был противен - тошнило, ноги заплетались...

А потом они разлетелись из школьного гнезда, словно птицы, кто куда - кто работать, кто поступать в институт...

Евлампии он с тех пор больше не видел, хотя часто вспоминал ее, особенно почему-то - в последнее время, когда начались у него неприятности на работе, вся эта дикая история с обвинением в краже... Впрочем, проблемы его на работе начались еще до исчезновения денег. Конфликт с одним из коллег... И во время этого конфликта он тоже почему-то вспоминал ее.

Все думалось, что лучше бы тогда она не говорила с ним так пренебрежительно, - он этого не заслужил. И не оставляло его что-то, что можно было бы определить, как «предчувствие несбывшегося» - у них с Евлампией все могло получиться...

«Хотя, конечно, что «все», и как «получиться»?!.. Женился я что ли бы на ней?!» - при этой мысли он невольно усмехнулся.

«Но, вполне вероятно, если бы мы с ней начали встречаться, я бы, возможно... Может, моя жизнь бы с того дня сложилась иначе, и вместо того, чтобы вляпаться во всю эту историю... Хотя, я особенно в нее и не вляпывался, она, эта история с кражей, как-то сама меня в себя вляпала. Но мог бы я сейчас прогуливаться по этому берегу не один, в глубокой тоске, а с Евлампией и в отличном настроении... Неужели я тогда и в самом деле вызывал у нее лишь смех и презрение?!»

Что-то не давало ему в это поверить!

«Эх, ну что же ты, Евлампия, тогда не приняла мое предложение и не пошла со мной погулять?!.. Как глупо ты сделала! Все бы у нас с тобой, согласись ты тогда, было бы иначе!» - подумал он и даже от досады сплюнул на гравиевую дорожку.

И тут что-то, - так бывает, - вдруг заставило Виктора повернуться...

В пятнадцати-двадцати шагах от него, - он мог бы ее окликнуть, особенно не напрягая голоса, - мимо, не замечая его, медленно, словно бы в задумчивости, опустив вниз голову шла Евлампия.

Виктор застыл: так поразило его это появление как раз тогда, когда он думал о ней!

Хотя что тут удивительного - она ведь жила в одном из домов «Чаяк»! Совсем рядом...

Сомнения раздирали его: окликнуть - не окликнуть... Зачем окликать, если она один раз уже презрительно отвергла дружбу с ним?!..

Но что-то недосказанное, странное чудилось ему в том их единственном школьном разговоре. Словно бы какая-то надежда все же оставалась...

И тут чья-то рука легла ему на плечо...

Виктор резко обернулся: перед ним стоял Саша, его одноклассник, с которым в школе они неплохо дружили.

- Витек! Вот так дела!.. Иду, смотрю и не верю своим глазам: неужели это ты?! А говорили, что ты переехал и словно в воду канул - в наши края, которые когда-то были и твоими, носу не показываешь! Говорили даже, не помню, кто, что ты в Америку уехал, работаешь там на какой-то фирме...

- Да какая Америка! Я здесь, в Москве. Никуда не уезжал...

- Дружище, рад был тебя видеть! Но, извини, я сейчас бегу... У меня там под дверью стоит папаша, который приперся с дачи. И, как он выяснил уже оказавшись у двери, забыл ключи от квартиры!.. Если я сейчас не побегу к нему, он придет в такое раздражение, что дальше уже придется бежать из квартиры!

- Увидимся!.. - Саша торопливо обнял Виктора за плечи, улыбнулся ему лучезарной улыбкой и вприпрыжку, как-то странно подбрасывая ноги, побежал в сторону домов «Чайки» - он жил там в квартире с отцом и его матерью, своей бабушкой, насколько помнил Виктор.

Мать Саши жила где-то в другом месте - с новым мужем и ребенком от него, - Сашиним братиком, который был его на пятнадцать лет младше. Воспитала Сашу его бабушка, согбенная старушка, ходившая с палкой, но несмотря на свою внешнюю немощь, умудрявшаяся командовать и сыном, и внуком.

Виктор тут же развернулся в другую сторону, туда, где только что была Евлампия, но с изумлением обнаружил, что девушки - нет.

Куда же она могла подеваться?!.. Весь высокий берег, хоть и зарос деревьями, хорошо просматривался. Во всяком случае, та его часть, за границы которой девушка, если только она в

момент, когда Виктор повернулся к положившему ему руку на плечо школьному приятелю, не кинулась бежать, выйти никак не могла.

И все же она куда-то исчезла.

Пораженный этой загадкой, он прошел шагов двадцать вперед в том направлении, в котором двигалась Евлампия, когда он заметил ее, но на дорожках под деревьями никого не было.

«Может быть, она мне померещилась?!.. Я, и в самом деле, в последнее время часто вспоминаю тот школьный год, мой «бунт», Тайное общество индивидуалистов, ее, наш разговор, события, которые последовали... Да-а, загадка!»

Он остановился.

В последнее время в его жизни возникало много загадок - загадочное исчезновение подотчетной суммы из комнаты, в которой не могло быть посторонних, сегодня - загадочное исчезновение Евлампии...

«Исчезла, ну и ладно! Зачем она мне?!.. Сама, первая, она со мной никогда бы не заговорила. Даже, наверное, не поздоровалась. Сделала бы вид, что не замечает меня, не узнает... Да и мне нет никакого смысла с ней разговаривать - зачем, если свое пренебрежение ко мне она высказала еще тогда!»

Виктор развернулся и побрел по берегу в обратную сторону.

Настроение его изменилось: и прежде оно не было безоблачным, но все же он был рад встрече с любимыми местами, каким-то особенным теплом повеяло на него от них... Теперь же ему показалось, что то неприятное, мрачное, что вторглось в его жизнь недавно, догнало его и здесь...

И Виктор знал, почему ему так кажется: появление Евлампии неожиданно заставило его вспомнить не только о том их достопамятном школьном разговоре, но и о событиях, которые с Евлампией никак не были связаны, но произошли вскоре после их совместной прогулки вот по этому же самому высокому берегу канала.

7.

Последний урок в школе закончился уже после двух пополудни, но пока Виктор спустился по этажам школы вниз, то и дело останавливаясь, - переброситься пару слов с приятелями и приятельницами, - пока вышел из здания, обогнул его и, некоторое время понаблюдав за игрой одноклассников в футбол на школьном стадионе, потом прошел через ворота в школьном заборе - стрелки часов приблизились к трем дням.

День был ясный, солнечный. И хотя лучи, которые бросал на землю с неба огненный диск, были не столь жаркими, как в полдень, Виктор снял короткую джинсовую курточку и остался в майке.

Он побрел по дорожке заросшего деревьями берега канала, больше напоминавшего в этом месте широкое, привольно

раскинувшееся озеро. Впереди, у края заасфальтированного проезда, стояли, сгрудившись плотной кучкой, его одноклассники, и, насколько мог издали разобравшись Виктор, рассматривали что-то, что показывал им, держа в руках, Марат Красюк - парень из их школы, но учившийся в десятом, предпоследнем классе.

Неделю назад Виктор и его друзья, входившие в созданное им Тайное общество бунтарей и индивидуалистов, приняли Марата Красюка в свои ряды. Он сам подошел к Виктору после занятий, рассказал, что ему все осточертело, что в школе скучно, учителя все сплошь тупицы, которые просто отбывают на уроках положенное рабочее время, а в их школе работают лишь из-за того, что не смогли найти себе другого, более престижного места работы.

- Если бы хотя бы какие-то кружки интересные, секции по интересам были бы - это еще другое дело, тогда можно было бы жить, а не маяться, как сейчас, но их нет... Вам-то еще ничего: вы уже свое отмучались, пару месяцев - и все со школой.

Глаза Марата, который несмотря на щуплую фигуру и низкий рост, выглядел старше своих лет, воровато бегали по сторонам, не встречаясь взглядом с глазами Виктора, и даже ни на мгновение не останавливаясь на его лице.

Виктору Марат, - прежде он его не знал, хотя, конечно, и встречался с ним на школьных этажах, - не понравился.

Но, принцип есть принцип, в Тайное общество бунтарей и индивидуалистов он его принял, расценив слова десятиклассника как свидетельство того, что общество, которое было тайным только по названию, овладело умами учеников школы.

«Значит, те идеи, которые я предлагаю - борьбу с косной ежедневной жизнью, попытка раскрыть свою индивидуальность, которую стирает школа, - интересны ребятам... И зря эта музычка на меня ругается. Я прав!» - думал Виктор.

Уже подходя к группке одноклассников, он разглядел метрах в десяти от нее на асфальте проезда, огибавшего высокие дома микрорайона «Чайки», красивый спортивный автомобиль черного цвета.

Стекло рядом с водительским местом наполовину припущено, но рассмотреть сидящего за рулем человека нельзя. Все окна автомобиля сильно затенены и в салоне царит полумрак.

Виктору не пришло в голову, что спортивный автомобиль имеет какое-то отношение к стоящим под кроной старого дерева школьникам, но, тем не менее, он внимательно вгляделся в него. Всегда интересовался автомобилями, а стоявшая у тротуара модель была легендарной. Каждый увлекавшийся автомобилями молодой человек, наверное, мечтал о такой!

Виктор, продолжая коситься на автомобиль, приблизился к группке одноклассников.

Марат, заметив его, тут же повернулся и громко проговорил:

- Привет, Виктор! Не виделись сегодня! Я в школе не был...

Виктор и в самом деле сегодня не встречал Красюка в школьном здании.

Марат сунул какую-то вещь в руки стоявшего напротив него Толика Куликова и подошел к Виктору.

- Я там ребятам одну вещичку притаранил... Вернее, две. Хочешь, взгляни...

- А что за вещички? - спросил Виктор, хотя уже примерно представлял, о чем идет речь.

Едва вступив в Тайное общество бунтарей и индивидуалистов, Красюк начал предлагать одноклассникам Виктора и еще нескольким ребятам из параллельного старшего класса, с которыми он там познакомился, какие-то вещи на продажу - в основном, электронику - более-менее новую, почти не пользованную, и совсем старую: смартфоны, ноутбуки, планшеты, плееры, плазменную телевизионную панель, мониторы... Кроме этого - кое-какие носильные вещи, все подержанные, но модных дорогих брендов - купить такие в магазине за полную стоимость большинство ребят, а вернее, их родителей, не могли.

- Ты знаешь у меня сейчас одна семья уезжает за границу на постоянное место жительства... Собственно, знакомые не мои, а моей сестры... У них там... В общем, семья эта - не то, что мы обычно понимаем под словом «семья», - начал рассказывать Марат историю, которую Виктор уже слышал от Толика Куликова. - Их там, на самом деле, около сорока человек родственников, совсем близких, и не очень, и они говорят - не хотят с собой всякое барахло тащить... Там, за границей, и вещи понадобятся другие, да и мода там - другая... В общем, распродают просто подчистую, буквально под ноль...

«Что они, голыми что ли собираются в новые края переезжать?» - подумал Виктор. История казалась ему странной.

Марат и Виктор медленно побрели по проложенной между деревьями, посыпанной мелким гравием дорожке, удаляясь от кучки старшеклассников и приближаясь к стоявшей на асфальте проезда спортивной машине.

- Сейчас вот ребятам новый смартфончик от, так сказать, супербренда приволок... Не понимаю, зачем они хотят от него избавиться... Такие сейчас в Москве еще не у всех есть, стоят бешеных денег, да еще и в очереди надо постоять - партии производитель завозит маленькие, товара на всех не хватает...

Виктор понял, о какой модели идет речь - он невольно посмотрел в сторону Толика, который вместе с окружившей его кучкой одноклассников, рассматривал что-то, что держал в руках.

Ему бы тоже хотелось заполучить такую модель - это было бы просто здорово!.. Красюк любые вещи предлагал если уж и не совсем за копейки, то уж за треть, самое большее, если вещь была почти что новая - за половину цены! Хотя за эту модель и

половина цены - огромные деньги! Виктор уже хотел подойти к Толику и посмотреть, каков он, новый смартфон, но тут у него за спиной раздалось:

- Эй, тайный глава тайного общества, которого все знают и у которого на самом деле нет никаких тайн! - голос звучал зло и насмешливо. Еще не успев обернуться, Виктор уже знал, кому он принадлежит.

Паша Конев! Ученик параллельного класса, - Виктор почти никогда не общался с ним, они вообще в их классе отчего-то почти не вели дружбу с параллельным выпускным классом. Но это не мешало, - причина этой вражды оставалась для Виктора загадкой, - Коневу не нравится его.

Сколько Виктор себя помнил, - вернее, сколько он помнил их школьные годы, где бы они не пересекались, Паша Конев всегда начинал либо задирается к нему, пытаясь вызвать на драку, - при том, что, к счастью для обоих, они были не драчливы, выяснять отношения с помощью кулаков не любили да и не очень-то умели, - либо начинал говорить какие-то обидные слова...

Когда Виктор повернулся к Коневу, тот уже стоял в нескольких метрах от него.

- Знаешь что, Витек, я тебе давно хотел сказать... - проговорил Паша и пройдя несколько шагов вперед, оказался на дорожке на середине короткого пути от двух приятелей до спортивной машины.

Краем глаза Виктор заметил - стекло водительской двери спортивной машины медленно опустилось и в проеме показалось лицо молодого мужчины - рассмотреть его молодой человек не мог, потому что внимание его было сосредоточено на Паше Коневе.

- Ты вот сейчас замутил свое Тайное общество... Гнусный ты, Витя, мальчик! Тебя всегда интересовало только одно: везде и всегда поставить во главу угла свою подленькую и низенькую персонку. Но сейчас, видимо, в связи с тем, что мы заканчиваем школу, ты просто забился в припадке - тебе во что бы то ни стало надо доказать всем свою исключительность...

Индивидуалист! Бунтарь! - с презрением произнес Паша. - Какой ты, к чертям собачьим, индивидуалист и бунтарь, ты просто жалкий кривляка!

- А эти все... - Конев пренебрежительно махнул рукой в сторону сгрудившихся в кучку старшекласников. - Ты их просто одурачил. Не знаю, почему, но они как-то слишком тебе доверяют. Хотя я бы тебе и трех копеек не доверил!.. Лично я, Витюша, плюю... - Конев сделал паузу и смачно сплюнул на землю. - И на тебя, и на твое это идиотское тайное общество... И всем советую сделать также...

Паша презрительно посмотрел на Виктора и, развернувшись, медленно пошел в сторону широкого столичного проспекта, на который другой стороной выходил микрорайон «Чайки».

8.

В цокольном этаже «Чаяк», над которым словно бы парили на своих зрительно воспринимавшихся тонкими, а на самом деле, конечно, мощных и массивных бетонных ножках, жилые, в десятки этажей, корпуса-свечки, было несколько проходов и внутренних двориков. Этаж не был монолитной постройкой, состоял из нескольких зданий разного размера и конфигурации.

В их нагромождении, словно опасаясь, что его станут преследовать, исчез, как будто вообще не появлялся и не разговаривал с Виктором, Пашка Конев.

- Да-а, чего-то у тебя с ним... - удивленно проговорил, присутствовавший при разговоре Марат. - Он, вообще, кто?.. Он, по-моему, не в вашем классе учится, а в параллельном.

Виктор молчал. Все поджилки его мелко дрожали, дыхание было сперто, кровь пульсировала в висках.

«Все же надо было дать ему в морду! Не стоять и слушать его поганую брехню, а сразу полезть в драку!.. Но я почему-то этого не сделал... Почему я этого не сделал?!»

Паша Конев был маленький, щупленький - Виктор легко бы с ним справился.

«Может, я поэтому и не дал ему в морду?!» В самом деле: претило выяснять отношения с помощью кулаков с таким противником, как Паша Конев.

«Может, он оттого себя и ведет, что прекрасно знает, что я не стану лезть к нему с кулаками!» - продолжал размышлять Виктор, краем глаза замечая: дверь спортивного автомобиля открывается и из салона высовывается и встает на асфальт левая нога водителя.

Потом он ставит на асфальт правую ногу и энергичным рывком выбирается из машины, осторожным движением захлопывает дверцу и, разминая ноги и потягиваясь, медленно идет к Марату и Виктору.

«Но тогда стоило хотя бы сказать ему, что мне тоже на него наплевать!.. - продолжал думать про Пашу Конева Виктор. - Но зачем мне говорить ему это?! Если я вообще не собирался с ним разговаривать... Он ко мне подошел, завел свою волынку. Мерзкая какая-то ситуация: как ни поверни, все нескладно!»

Поймав на себе взгляд человека из спортивного автомобиля, Виктор невольно повернулся к нему.

Возраст молодого мужчины - не определить. Собственно, он мог быть не на много старше Виктора: болезненно худой, низкорослый, с землистым лицом и неопределенного цвета, словно бы грязными, темными волосами, выглядел то ли как взрослый мужчина-недомерок, то ли как повзрослевший и даже состарившийся до срока юноша.

Привлекали внимание его руки: в сравнении с щуплым телом мясистые и непропорционально большие, они были покрыты густым волосом и... татуировками. Но не теми, что

делают себе в тату-салонах модники: драконы, китайские иероглифы, фразы на английском... Щуплый водитель продемонстрировал своими руками богатую тюремную биографию. Виктор не мог определить значение каждой татуировки, да и рассмотреть их сейчас невозможно, но не сомневался - это те самые воровские перстни, про которые он много раз читал и слышал. Каждый из них что-то означает: совершенное преступление, склонность к насилию, какие-то еще подробности «жизнеописания» вора.

Тревожная мысль промелькнула в голове Виктора: «Что надо от нас этому уголовнику?.. Хочет спросить дорогу?.. Непохоже - машина уже долго стоит на месте».

Щуплый молодой мужчина посматривал то на Марата, то на Виктора.

Марат заулыбался, Виктор понял, что человек из спортивного автомобиля знаком десятикласснику.

- Слышал, что эта гнида тебе говорила... - проговорил молодой мужчина, подойдя к двум школьникам и глядя при этом на Виктора.

- Познакомься, Витек, это мой друг... Очень хороший друг... Уважаемый член, так сказать, общества... Э-э... - Марат вдруг замялся.

- Четверть! - сказал молодой мужчина и протянул Виктору свою волосатую лапу в наколках. - Так привычнее. Не люблю, когда ко мне обращаются официально: мол господин такой-то и всякие там имена-отчества... Я же не президент!

Четверть осклабился, обнажая прокуренные зубы: верхние передние были золотыми.

Марат подобострастно засмеялся.

- Что это за фраер? - спросил Четверть Виктора.

- Лох. В одном классе с ним учится, - ответил за него Марат.

- Не в одном. В параллельном, - поправил его Виктор.

Он выругался:

- Все настроение испортил... Я даже... Как-то разнервничался! Надо было ему в морду дать!

Четверть вытащил из кармана пачку дорогих сигарет, протянул Виктору:

- На, закури. Помогает успокоиться.

Виктор взял из пачки сигарету, зажал губами кончик фильтра, но закуривать не стал, - у него не было ни спичек, ни зажигалки, а своих Четверть ему не предложил.

- Чего, нет зажиги?.. - вдруг проговорил Четверть. Он картинно похлопал себя по карманам. - А моя в машине осталась... Пойдем, возьмем!

Кивком головы Четверть поманил Виктора и Марата за собой.

Виктор нового знакомого воспринял настороженно. Не то чтобы его пугали эти руки в наколках, а просто не понимал, что Четверти от него нужно и что может их связывать: явного уголовника из шикарного спортивного автомобиля и обычного столичного школьника... Впрочем, может Четверть уже и не

уголовник, а лишь был им когда-то. А он, Виктор - так уж ли он соответствует «званию» обычного столичного школьника?! Он - предводитель Тайного общества бунтарей и индивидуалистов!

Марат двинулся следом за Четвертью к стоявшему на небольшом расстоянии от них спортивному автомобилю, Виктор - за ними.

Уже у автомобиля он обернулся: сгрудившиеся в кучку члены Тайного общества продолжали увлеченно рассматривать какой-то электронный дивайс, а может - пробовать какую-то его передовую функцию, на трех человек у спортивного авто не обращали никакого внимания.

Четверть сел за руль и откинул соседнее сиденье. Обогнув машину, Марат забрался на тесный задний диван спортивного купе, потянул на себя спинку переднего сиденья, готовя место для Виктора.

Тот забрался в машину и осторожно прикрыл дверь.

Салон машины с первого мгновения поразил роскошью, особым ароматом дороговизны, источаемым каждой деталью. Виктор не сомневался: даже среди автомобилей этой марки и модели, купе Четверти отличается особенным эксклюзивным исполнением.

Мотор автомобиля взревел, заставив парня восхититься звуком работы, в котором ощущалась огромная мощь.

Купе плавно тронулось с места. Не спеша, словно театрально выдерживая паузу прежде, чем выступить перед замороженным зрителем во блеске своих возможностей, покатило по асфальту огибавшего «Чайки» проезда к шоссе.

9.

Отчаянная гонка по шоссе - наперегонки исключительно с собственной тенью, потому что все остальные, двигавшиеся в попутном направлении по шоссе, автомобили и не пытались тягаться со спортивным купе в скорости и способности с места рвануться вперед, подобно бешенному вихрю, захватила впечатлительного Виктора настолько, что он и не понял, они оказались на самой границе Москвы и Марат закричал:

- Четверть, тормозни здесь! У меня вон у тех домов с одной девушкой встреча!..

- Красивая девушка? - ухмыляясь спросил Четверть, резко сбавляя скорость и подруливая к обочине.

- Еще какая красивая! - тут же ответил Марат, хватаясь обеими руками за спинку кресла, в котором сидел Виктор и пытаясь сесть поближе к краю заднего дивана.

- Врешь, Маратка, откуда у тебя красивые?! - неприятно засмеялся Четверть. - Ты же еще у нас маленький... Зачем ты красивым?

- Нужен, значит, зачем-то... - обиженно ответил Марат.

Спортивное купе уже остановилось у тротуара, преградив дорогу отчаянно засигналившему автобусу, только-только начавшему медленно отъезжать от остановки.

- Давай, выпускай меня скорее! - толкнул Виктора в плечо Марат.

Выбравшись из купе, - Виктор в этот момент уловил на себе полные ненависти взгляды толпившихся на автобусной остановке людей, - Марат толкнул его обратно на сиденье спортивной машины:

- Все, давай, пока! В школе увидимся!

Он захлопнул за Виктором дверь, автомобиль тут же рванулся с места...

Сделав петлю по циклопического размера автомобильным развязкам, спортивное купе, до этого мчавшееся в область, развернулось в сторону Москвы и резко сбавило ход.

- Этот твой... Паренек, который там к тебе... - заговорил Четверть. - Не понимает тебя... Лох и фраер... Ты такую историю классную замутил: общество, все такое, а он...

- Да это понятно! - в сердцах ответил Виктор.

За то время, что они неслись по шоссе на шикарной спортивной машине, он, под воздействием новых впечатлений, умудрился позабыть, хотя и на время, разумеется, про встречу с Пашей Коневым.

Теперь мысленно возвращаться к ней было неприятно.

- Беда в том, что он какой-то дальний родственник одной нашей училки, - продолжал говорить Виктор. - А та, в свою очередь, дружит с нашим завучем. То и дело льет ему в уши, что пожелает нужным залить...

- Вот у вас какие, получается, дела! - мрачно проговорил Четверть.

Его волосатые в наколках лапы лежали на рулевом колесе автомобиля.

Спортивное купе еще больше сбавило скорость и теперь еле плелось в последнем перед выделенной полосой для автобусов ряду справа, там, где катят обычно всякие тихходные развалюхи, грузовики... Всем им спортивное купе теперь создавало помеху...

- А завуч в школе... Он может многое. А уж осложнить мне жизнь - для него раз плюнуть... - проговорив это, Виктор выругался.

Теперь он был почти уверен: Паша Конев набросился на него с обидными словами не случайно, должно быть, он что-то узнал от своей дальней родственницы: возможно, школьные педагоги решили с ним, Виктором, расправиться. Еще бы! Кому понравится существование в школе Тайного общества бунтарей!.. Значит, готовилась травля и заранее прознавший про нее Конев решил присоединиться - Виктора он ненавидел давно и, само собой, с удовольствием понаблюдает, как Витю

выпрут из школы без выпускных экзаменов и аттестата... Или как там в таких случаях выгоняют из школы всяческих бунтарей?..

- Я тебя понял, - задумчиво проговорил Четверть. - Я вот, знаешь, к таким людям отношусь, которые многое могут. И ты мне нравишься...

Хотя Виктор понимал, что между ним и этим странным малым с руками, покрытыми татуировками - пропасть, все равно: было приятно слышать эти слова Четверти, которые воспринял, как некую поддержку.

- Спасибо, взаимно... - проговорил Виктор.

Четверть усмехнулся:

- Получается, я тебе тоже нравлюсь?!.. Что ж, тоже спасибо... Как это... За комплимент!

Виктор хохотнул.

Спортивное купе начало стремительно разгоняться.

- Отличная машина! - сказал Виктор. - Мне всегда нравилась эта модель, но теперь я понял, насколько она на самом деле хороша.

- О чем ты говоришь! - согласился с ним Четверть. - А хочешь попробовать поводить ее?.. Поверь, ощущения - незабываемые. Это - не то, что водить даже самую лучшую машину. У тебя права есть? - он повернулся и внимательно посмотрел на Виктора.

- Да откуда?! - с сожалением сказал тот. - Мне восемнадцати-то нет...

-А-а, черт! - Четверть хмыкнул. - Как я не подумал... Ты же еще - маленький! Или нет?

- Да какой я маленький?! - с обидой ответил Виктор.

- Вот именно! Тайное общество бунтарей создать имеешь право, а за рулем сидеть - нет... Но водить-то хоть чуть-чуть умеешь? Пробовал?

- Маленько пробовал, но как... На старом грузовике! У нас в школе были занятия. Так, в рамках уроков труда. Изучали основы автослесарного дела. Да, в общем-то, и не изучали - что там за пару занятий можно изучить... Так, беседы слушали в рамках профориентации. И дали грузовик чуть-чуть по площадке учебной поводить. Да только там столько желающих посидеть за рулем было, что я, наверное, в общей сложности и десяти минут машиной не управлял...

- Так в чем проблема?!.. - удивился Четверть. - У меня тут один двор на примете есть - он на отшибе, так что даже в разгар дня там всех этих припаркованных машин, как везде сейчас, нет. Можем заехать, я тебя поучу... В любом случае, пригодится.

Виктор кивнул головой. Сердце его радостно забилось в предвкушении небывалого наслаждения: поуправлять автомобилем, да еще каким!.. Целая фантастическая спортивная машина!

Ради такого шанса он бы подружился не только с человеком, чьи руки покрыты татуировками! Впрочем, этот Четверть, вроде бы и вполне ничего парень - общаться с ним

можно: в карман не лезет, наркотики не предлагает, а то, что сидел - так, мало ли что с кем когда было. Может, это по молодости, а сейчас он - преуспевающий бизнесмен!

10.

Они и в самом деле заехали в какую-то промышленную зону, где среди старых обветшавших заводских корпусов была неохраняемая площадка, окруженная забором из секций с проволочной сеткой.

Ржавые ворота в заборе были распахнуты.

На площадке стояло несколько грузовичков и бродили одичалые псы, - когда Виктор и Четверть пересаживались, - школьник на водительское сиденье, а хозяин авто - на пассажирское, - они, лая, принялись с угрожающим видом приближаться.

Виктор довольно быстро усвоил, как трогать с места и останавливать спортивную машину, хотелось разогнаться, но площадка была такой маленькой - едва поехав, нужно было тут же тормозить.

И все равно: даже спустя полдесятка лет, Виктор помнил, в каком восторге был он после знакомства «вживую» со спортивным купе Четверти!

Тренировка на площадке закончилась довольно быстро: Виктору начала слать гневные сообщения мать, спрашивая, где он находится и почему не идет домой, готовиться к завтрашней контрольной по математике...

Четверть сначала не мог понять, почему Виктор отказывается продолжать «тренировку».

- Что, мать, контрольная?! - недоуменно переспрашивал он молодого человека, явно не веря, что по таким странным, на взгляд человека, чьи руки покрыты наколками, причинам можно отказываться от такого наслаждения, как управление спортивным автомобилем.

Но потом хозяин авто сдался:

- Ладно, давай пересаживаться, подброшу тебя до дома... К мамочке!.. Контрольную учить! - с сарказмом произнес он. - Придумываешь, небось... С девушкой какой-нибудь, конечно же, договорился. Как и этот, Маратка...

Виктор криво ухмыльнулся: с девушкой, так с девушкой! Ему не хотелось разочаровывать нового знакомого.

Подъехать в компании Четверти к подъезду, хотя тот и готов был подвезти его, Виктор не решился. Мать бы замучила его расспросами про нового знакомого с синими от татуировок кистями рук.

Когда он выбирался из спортивного купе у тротуара за несколько кварталов до своего дома, Четверть на прощание сказал ему:

- Беги, давай!.. С этим в красной кофточке...**
- С каким в красной кофточке?**

- Ну, тот, что пристал к тебе там, у обрыва, у воды...
- Пашка Конев?..
- Да, с Пашкой Коневым... Мои ребята с ним разберутся. Больше он тебя трогать не будет...

Виктор пожал плечами и, осторожно притворив дверь шикарного автомобиля, поторопился в промежутки между домами - во дворы...

На несколько дней зарядили дожди. Школьная крыша начала протекать и в один из дней в самом начале первого урока в класс, в котором сидел вместе с другими ребятами Виктор, неожиданно пришел школьный завхоз и попросил учительницу откомандировать ему в помощь на пятнадцать минут шестерых ребят. Надо быстро перетащить из подвала на чердак доски, рубероид, кровельное железо и кое-какие инструменты для ремонта крыши.

Желавших помочь оказалось больше, чем требовалось: вместо того, чтобы сидеть на скучном уроке и смотреть в окно, залитое косыми струями дождя, куда приятнее прогуляться по этажам школы, пусть и с досками в руках...

Виктор оказался среди тех, кто вышел из класса следом за завхозом.

Когда совершали последнюю ходку из подвала на чердак, - Виктор тащил на пару с завхозом рулон рубероида, завхоз шел впереди, Виктор позади, - неожиданно столкнулись с Пашей Коневым.

Он стоял у поста охранника на входе в школу.

Охранник только что открыл ему дверь, теперь с удивлением разглядывал появившегося в здании Пашу: тот весь, от кроссовок до майки, перепачкан в глине.

Майка на груди мокрая, глина размазана. Явно по дороге к школе пытался почиститься, но получилось плохо. Счищать непросохшую грязь - напрасно тратить силы.

- Где ж ты так вывалялся? - не столько с участием, сколько пораженный видом ученика, спросил охранник.

- Да, нигде... - неуверенно пробормотал Паша, но так тихо, что охранник не расслышал и переспросил:

- Что?.. Где?

- Да там, - отмахнулся Конев, показывая куда-то туда, за двери школы - на улицу, и, увидев Виктора, который рассматривал его с любопытством, отвел взгляд.

- Вы же видите, какая там погода! - бросил Конев охраннику и торопливо пошел по школьному вестибюлю в противоположную сторону от Виктора и других ребят, тащивших в сторону лестницы рубероид и доски.

Витя успел заметить: под глазами у Конева огромные темные тени в пол-лица, словно Паша то ли не спит уже несколько суток подряд, то ли убит каким-то горем...

«Может, у него дома что-то случилось? - подумал Виктор. - Но почему он тогда весь в грязи?»

На следующий день Виктор опять увиделся в школе с Коневым. В этом не было ничего удивительного - учась в одном здании они, так или иначе, оказывались на переменах, которые начинались у всех классов в одно и то же время, в одних и тех же коридорах. Неожиданным было то, что, заметив Витю, идущего ему навстречу, Паша не прошел мимо него с наглым, словно бы торжествующим какую-то победу видом, а тут же остановился, потупил взор, как будто боялся встретиться с Виктором взглядом, резко развернулся и пошел в обратную сторону - к лестнице, по которой можно было спуститься на первый этаж.

Виктор был уверен: ощущения не обманывают его - Паша развернулся именно потому, что не хотел встречаться с ним. Но с чего бы это вдруг он стал избегать встреч с ним?!.. Совсем недавно Конев на берегу канала вел себя нагло, говорил Вите обидные слова, хотя тоже - вполне мог просто пройти мимо...

О новом знакомом по прозвищу Четверть, и о том, что он пообещал ему, что Конев «больше его трогать не будет», Виктор в этот день не подумал. Он вообще не вспоминал с той встречи про Четверть - в школе было много новых событий: репетиция музыкального ансамбля, во время которой он опять повздорил с Людмилой Анатольевной, контрольная по алгебре...

Но Четверть вскоре напомнил о себе. Виктор шел из школы домой по берегу канала и еще издали заметил на том же месте, что и в первый раз, шикарный спортивный автомобиль. Завидев Витю, Четверть распахнул дверцу, выбрался на асфальт и, разминая ноги, пошел навстречу школьнику...

- Привет, Витек, - поздоровался Четверть. - А я тут проезжал мимо, вспомнил про тебя... Штучка тут у меня одна есть. Не знаю, что с ней делать, отдали за долги. Мне не нужна, а тебе, может, пригодится... Пойдем в машину, взглянешь...

11.

Через несколько часов после поездки на спортивном купе в какой-то бар, выпитой там в компании Четверти кружки пива, Виктор оказался дома.

В кармане у него лежал дорогой смартфон последней модели.

Вещь была почти новой, но на задней крышке была прилеплена дурацкая наклейка - причем тоже совсем новая.

Виктору казалось, что сам Четверть эту наклейку и наклеил. Вот только зачем?

- Возьми этот смартфон себе, деньги отдашь потом, как заработаешь... Впрочем, если хочешь, продай... Цену назначь сам, а мне отдай, сколько считаешь нужным, - сказал на прощание Четверть.

Виктору предложение показалось странным, но ему так хотелось именно такой смартфон!.. «С другой стороны, - рассуждал он, - так уж ли странно это предложение?.. Четверти телефон достался за долги... Какие долги, чьи - у человека с такими татуировками могут возникать разные ситуации, которые... Трудно представить остальным! Вполне возможно, Четверти смартфон достался за такие копейки, что сколько бы я ему ни отдал - все окажется больше «себестоимости» ... Чего я добьюсь, отказавшись от смартфона? Только того, что он достанется кому-нибудь другому».

Виктор старался отодрать от телефона наклейку, - какую-то идиотскую «переводилку», из тех, что оказываются вложенными иногда в коробочки жевательной резинки. На картинке: лилового цвета череп с копной темных волос и вытаращенными глазами там, где должны быть пустые черные впадины, внизу надпись по-английски «Нет проблем!»

«И где только Четверть такую нашел?!.. - поражался Виктор. - Хотя, может, это прежний владелец смартфона ее на него наклеил?..»

Но нет, наклейка была совсем свежая, не затертая, не испачканная, как обязательно было бы, если бы на смартфоне она была уже давно.

«Так ведь и девайс почти новый! Не успела еще наклейка-то истрепаться!» - рассуждал Витя.

Хотя, конечно, не к месту была эта какая-то подростково-детская наклейка на таком шикарном смартфоне - такие девайсы не многие взрослые себе могут позволить: игрушка для тех, у кого водятся немалые деньги.

Отчаявшись соскрести наклейку у себя в комнате, Виктор отправился на кухню и там, открыв кран, принялся, смачивая наклейку водой, орудовать тоненькой деревянной зубочисткой - тонкий кончик сдирал со смартфона бумагу, не царапая крышку.

Наконец, наклейка была удалена, и Виктор с немалым удивлением обнаружил, что под ней скрывалась выгравированная каким-то очень тоненьким инструментом надпись: «зайчику в День Рождения. М.»

«Что это еще за зайчик и кто такой М.?» - невольно спросил себя Виктор.

Теперь понял, что наклейка появилась на задней крышке смартфона не случайно - кто-то хотел скрыть под ней гравировку.

«Действительно, идиотская надпись... Зря я содрал этот лиловый череп с глазами! Он тоже ужасен, но все же лучше, чем гравировка!» - пронеслось в голове у Виктора. Ему приходилось видеть старые часы, - кажется, в каком-то музее, - на которых

со всевозможными завитушками нанесена надпись «Дорогому... от друзей по...», но что бы кто-то наносил подобные старомодные надписи на корпус современного модного смартфона - такого ему встречать не приходилось!

Он вздрогнул от того, что на плечо ему легла рука... Конечно же, матери! Увлечшись сдиранием наклейки из-за шума воды, которая текла из крана в металлическую мойку, он не услышал, как она отворила дверь и вошла в квартиру.

- Привет... - пробормотал он.

- Откуда у тебя это? - строгим голосом спросила мать вместо приветствия.

- Да вот, человек один дал... Продает по дешевке...

Мать стремительно взяла смартфон с кухонного стола.

Он ожидал, что она станет тыкать пальцем в экран смартфона, но она даже не перевернула его, - внимание матери было сосредоточено на надписи, выгравированной на задней крышке.

Он забрал у нее из рук смартфон.

Мать, словно замороженная, продолжала смотреть на дивайс.

Виктор пошел в свою комнату и, положив смартфон на край стола экраном вверх, принялся перебирать школьные тетради.

Дверь, отделявшая комнату от коридора, оставалась открытой. Мать по-прежнему была на кухне, иначе бы он услышал ее шаги по коридору. Но из кухни тоже не доносилось ни звука, как будто она так и стоит, не шевелясь, у кухонного стола, у которого он ее оставил.

Через пару минут она все же прошла по коридору к себе в комнату, но тут же вышла оттуда и зашла к нему.

Поглощенный перебиранием школьных тетрадей, не поворачивал головы.

Мать оказалась у него за спиной, взяла со стола смартфон Четверти и тут же положила его обратно так, что теперь он лежал задней крышкой с гравировкой вверх.

Обернувшись, он увидел у нее в руках ее собственный старенький смартфон. Наклонившись над смартфоном Четверти, мать сфотографировала его.

- Зачем ты это делаешь? - удивился Виктор.

- Ты же говоришь, что тебе дали продать... Хочу предложить у нас на работе, - в голосе матери звучала какая-то неискренность.

- А-а... - протянул Виктор.

- Кстати, какая цена? - спросила мать, уже направляясь к двери в коридор.

- Да сколько дадут... Продавец обещает отдать задешево.

Мать кивнула головой и вышла из комнаты.

Прошло несколько дней, Виктор таскал смартфон Четверти с собой в школу, но предложить его кому-либо у него как-то все не получалось.

Один раз он заикнулся было в разговоре с Сашкой, что у него есть отличная игрушка по смешной цене, - хотя, насколько Витя знал, денег у Сашки не водилось в принципе. Отец, с которым он жил, был каким-то странным дядькой, существовал на пенсию, Сашу держал в черном теле. Предположить, что он приобретет смартфон даже очень задешево, невозможно...

Но Сашка не дал Виктору даже раскрыть рот. Увидев в руках одноклассника дорогую игрушку, он проговорил:

- Ты что, тоже теперь подержанными смартфонами приторговываешь?.. Мне можешь не предлагать. Мне уже Марат за эту неделю несколько штук предложил. И все с большой скидкой. Что у нас за поветрие такое в школе с этими подержанными смартфонами началось?!.. Вы, часом, там какую-нибудь лавку, в которой подержанными смартфонами торгуют, с Маратом на пару не грабанули?!.. - Сашка рассмеялся.

«А ведь и в самом деле странно! - подумал Виктор. - Откуда такое количество подержанных девайсов?.. Да притом все - премиального класса! И хозяева, как на подбор, готовы уступить их за минимальную цену... Почти что даром!»

Заметив, как смотрят на них с Сашкой, прислушиваясь к их разговору, две девчонки из их класса - Галя и Маша - известные болтушки и сплетницы, как они то и дело кидают взгляды на смартфон, который он держит в руках, Виктор убрал его в карман...

Разговор с Сашком он завершил шуткой, а когда оказался дома, был рад, что мать, вернувшись с работы, - кстати, позже обычного, - неожиданно предложила ему:

- Давай сюда свой смартфон! Я тебе, кажется, покупателя нашла... Вернее, покупательницу...

Витя с радостью передал ей блестящую игрушку.

- Я понимаю, ты, наверное, надеялся, что я дам тебе деньги, чтобы ты выкупил его для себя, но - извини, ничего не получится. Лишних средств сейчас нет, да и тебе надо думать не о новых телефонах, а о школьных экзаменах и поступлении в институт. Вот когда все удачно сдашь, когда поступишь в вуз, тогда и поговорим!

13.

Через несколько дней, шагая, как обычно, после уроков от школы к дому, Виктор в очередной раз увидел на асфальтированном проезде, огибавшем территорию микрорайона «Чайки», служившим естественной границей небольшому парку, лежавшему между ней и обрывом над каналом, знакомое спортивное купе.

На этот раз Четверть не распахнул дверцу и не вышел из авто навстречу парню. Он вообще не смотрел в сторону Виктора,

видимо уверенный, - и не зря! - что школьник не пройдет мимо его машины и сам потянет за ручку пассажирской двери.

Так и произошло!

«Наверное, пришел за деньгами за смартфон!» - решил Виктор и, подойдя, к автомобилю, постучал костяшками пальцев в боковое водительское стекло.

Четверть сделал рукой жест, приглашающий Витю обойти автомобиль и забраться на пассажирское место.

Парень ошибался, когда предполагал, что его друг с синими от татуировок пальцами и кистями рук, заговорит о деньгах за смартфон.

Об этой теме Четверть вообще не вспомнил за весь вечер ни разу.

Двигатель спортивного авто работал, едва Витя захлопнул дверь, машина тронулась с места...

Через полчаса они были в клубе - за довольно скромной вывеской скрывалось уютное помещение с десятком столиков и маленькой круглой сценой с шестом - для стриптиза - посредине.

Для представления было еще рано, клуб был пуст, но кухня и бар работали.

Четверть проводил парня за столик в самом углу. Заказал еду, выпивку - в прошлый раз они пили пиво, но теперь молодой мужчина решил, видимо, напоить школьника. Официант принес бутылку дорогого коньяку. Четверть сразу наполнил на треть большие пузатые бокалы.

Вите это не понравилось: напиваться ему совсем не хотелось. Алкоголь он употреблял очень редко, да и то совсем понемногу. Никакого пристрастия к нему, в отличие от многих одноклассников, - к примеру, того же Сашки, - не испытывал. Тем более, если мать вечером обнаружит, что он пьян, большего скандала не избежать.

Да и потом - сам-то Четверть, он же за рулем! Виктор надеялся, что знакомый, как тогда, во время первой встречи, даст ему посидеть за рулем спортивного купе. Но теперь... Непонятно, как Четверть собирается добираться из этого ресторана домой - если он выхлещет весь этот коньяк, ему явно не нужно будет садиться за руль.

Виктор отпил немного коньяку из пузатого бокала и поставил его обратно на стол.

Четверть непрерывно шутил и все чокался бокалами с Виктором, предлагая ему выпить свой до дна, но парень упорно отказывался.

Он, правда, и так уже выпил больше, чем намеревался в самом начале, но на столе было полно всякой еды. Витя

усиленно закусывал и, хотя в голове немного шумело, пьяным он себя не чувствовал.

- Слушай, это ваше тайное общество... В него входит такой Степа Филиппов?

Виктор отрицательно повертел головой.

Филиппов учился в одном с ним классе, но всего лишь год - раньше он посещал другую школу. С ребятами в классе Степа, при том, что парень он был добрый и со всеми - в хороших отношениях, - общался мало. Он часто болел и мог по две недели кряду вообще не появляться на занятиях, а когда выздоравливал, почти всегда к воротам школы перед самым началом уроков его подвозил шикарный черный автомобиль, и он же забирал после их окончания. Все знали, что Степа - сын богатого человека. Чем именно занимался его отец и почему его чадо учится в самой обыкновенной школе, никто не знал.

- А ты его привлеки туда. Завербуй... Сам знаешь, как это делается! - продолжал Четверть.

Молодой мужчина, усиленно пытавшийся подпоить Витю, сам, в конце концов, изрядно захмелел. Губы Четверти стали ярко-пунцовыми, глаза блестели, и, когда он отлучался в туалет, Виктор отметил, что походка у его нового приятеля стала нетвердой.

- А зачем он мне? - удивился Виктор. - Я с ним мало общаюсь... Да он вообще... Не знаю, что он в нашей школе делает!.. Неужели ему папаша не мог оплатить учебу где-нибудь за границей?!

- Во-от! - победоносно произнес Четверть, словно, наконец, ему удалось натолкнуть юного друга на мысль, к которой он долго и безуспешно подталкивал его те несколько часов, что они сидели в этом маленьком клубе, постепенно наполнявшемся народом. - В том-то и дело, что не может... Понимаешь... Ладно, что мы все про дела, да про дела! - сказал Четверть, хотя про дела с Витей они не говорили вообще.

Парень предполагал, что новый знакомый заведет речь про смартфон, но тот словно позабыл, что отдал его Вите - ни слова на эту тему!

- Давай-ка лучше выпьем! - Четверть разлил остатки коньяка из бутылки по бокалам.

Виктор почти не пил. Бокал его теперь был полон почти наполовину.

Четверть, уже изрядно охмелевший, продолжал:

- Понимаешь, отец нашего Степушки, бизнесмен, кругом должен и деньги не отдает. А у самого, есть такая проверенная информация, в подмосковном коттедже закрытая на замок комната, до потолка наполненная наличными деньгами. Смекаешь, о чем я?!

- Нет, - Виктор повертел головой.

- Эх ты, молодо-зелено... Неопытный еще! - проговорил Четверть.

Виктор обратил внимание, что язык его приятеля заплетается. Видимо, коньяк подействовал еще сильнее.

- Мои знакомые, хорошие ребята, которым он давно должен и не отдает, устали ждать, когда у Степушкиного папы проснется совесть и готовы, как бы это тебе сказать...

Восстановить справедливость своими руками! Понимаешь?

На этот раз Виктор кивнул головой.

- Само собой, грабить этого жулика никто не станет.

Возьмут только то, что он должен. Остальное оставят ему - пусть подавится! Ему еще с остальными кредиторами рассчитаться надо! - после того, как школьник кивком головы подтвердил свою понятливость, Четверть явно оживился. - Но перед этим надо как-то попасть в особняк... Лучше, если бы дверь в него открыл моим друзьям ты...

- Каким образом? - Витя и до этого не был пьяным, но теперь весь хмель мгновенно вылетел у него из головы.

Теперь-то все сложилось в его голове в законченную картину! И эти руки в наколках, и неожиданная дружба, и смартфон почти за бесплатно и обучение езде на спортивном автомобиле!

Четверть, в отличие от мгновенно протрезвевшего школьника, пьянел, казалось, с каждой минутой все сильнее.

- Да придумай что-нибудь... Проведи какое-нибудь выездное заседание Тайного общества бунтарей за городом - в коттедже у Степашки... С водкой и девочками! - Четверть пьяно рассмеялся, довольный собственной шуткой.

- Когда все наберутся, закажешь как бы для всех пиццу, вместо нее приедут ребята... Не волнуйся, никого из ваших не тронут... Вообще никого обижать не будут - это железно! - продолжал новый друг Виктора. - Вас запрут в какую-нибудь комнату... Посидите, пока не приедет полиция... А ребята возьмут в хранилище у Степашкиного отца ровно столько, сколько он должен и уедут... Всего дел-то!..

- Послушай, Четверть! - начал Виктор.

Но новый знакомый, похоже, не улавливал, что тон школьника вдруг сильно изменился.

- Да что тут слушать?! - отмахнулся он от Вити. - Тебе нечего бояться. Дело во всех отношениях - верное. Полицию даже если и вызовут, в чем я не уверен, потому что телефоны у вас у всех отберут, заявлять ей будет не о чем - в доме ничего не пропадет, бить никого не будут, просто скажут вам, что у них дело к отцу Степана, и лучше вам подождать в комнате.

Возможно, ребята вообще будут в форме полиции...

Степановский папаша об исчезнувших деньгах заявлять не станет, потому, что тогда ему надо будет объяснить нашим доблестным органам, откуда у него целая комната наличных денег...

- Послушай, Четверть! - опять попытался вставить слово Виктор.

- Брось! - в очередной раз отмахнулся тот. - Ты ничем не рискуешь, говорю тебе!.. Самое большее - пойдут разговоры... Да плевать тебе на них! Школу ты уже заканчиваешь, к тому моменту, когда... В общем, ты уже, скорее всего, будешь с

аттестатом на руках. И, замечу тебе, с кругленькой суммой на обзаведение собственным автомобилем! Учти, у меня много хороших знакомых. Они тебе по дешевке, так и быть, могут подогнать хороший спортивный автомобильчик, а?..

- Спортивный автомобильчик?! - словно не расслышав, переспросил Виктор. В глазах его при этом заблестел гнев.

Но Четверть, взгляд которого блуждал то по столу, то по другим посетителям клуба и отчего-то пробежал по лицу молодого человека лишь вскользь, не задерживаясь на нем, не заметил этого.

- Слушай, что я тебя уговариваю?!.. - по-своему истолковал вопрос Виктора Четверть. - Будешь выламываться - не вопрос, решим эту тему без тебя... Ломаешься так, точно я тебя на какое-то преступление подбиваю! У гниды этой, папашки Степана, не его деньги изъять собираются, а чужие. Долг вернуть, понимаешь!.. На него давно надо было самого в полицию заявить. Но он просто, понимаешь, хитрый гнида, изворотливый. Прикрывается своими связями, нанял кучу юристов, которые его в судах защищают. А если послушать этих юристов, то этот малый - никому ничего не должен, никаких денег не занимал... Ты же сам понимаешь, сам сталкивался со всей этой несправедливостью. Не даром свое Тайное общество бунтарей создал! Доказать ничего невозможно!.. Не отказывайся, помоги... А я помогу тебе!.. - с этими словами Четверть вытащил из кармана и бросил на стол перед Виктором пачку новеньких пятитысячных купюр, перехваченных зеленой резинкой.

Сколько в пачке, Виктор не знал, но не сомневался, что сумма значительная.

- Давай, убирай в карман! Нечего им на столе лежать светиться! - властным тоном распорядился подвыпивший Четверть, похоже, без тени сомнений уверенный, что школьник уже у него в кулаке и выламывается только для виду.

- Знаю, тебе нужны деньги, считай, что это тебе аванс за работу... Кстати, если ты сам не знаешь, как организовать все это дело с особняком, я предлагаю тебе раскрутить мой резервный вариант...

- Послушай, Четверть!.. - Виктор начал медленно подниматься из-за стола.

Его собеседник и на это не обратил ровно никакого внимания, - мало ли по каким причинам Витя встает?! Может, ему надо отлучиться в туалет...

- У меня есть одна очень хорошая девочка, - говорил Четверть. - Придумай, как подстроить так, чтобы они со Степаном познакомились. И тогда она вообще все сделает за тебя. Твоя задача заключается лишь в том, чтобы свести ее со Степушкой так, чтобы он не заподозрил, что это знакомство подстроено.

В этот момент Виктор, наконец, как ужаленный, вскочил из-за стола и закричал на Четверть:

- Ты что, с ума сошел?!.. Что ты такое мне предлагаешь?!.. Я - не уголовник!

Вдруг, повинуясь какому-то сиюминутному порыву, Витя схватил лежавшую перед ним на столе скомканную накрахмаленную салфетку, принесенную официанткой вместе со столовыми приборами, и швырнул ее Четверти в лицо.

Тот даже не попытался увернуться. Салфетка попала Четверти в лицо и следом упала на пол.

Рот Четверти приоткрылся, взгляд, выражавший полную растерянность, устремлен на Виктора.

Многие посетители клуба, особенно те, что сидели за соседними столиками, повернулись в их сторону. Ждали что будет дальше... Виктор понял: чем быстрее отсюда уйдет, тем лучше! Быстрым шагом вышел на улицу.

14.

«Что же делать дальше?!» - крутилось у Вити в голове. Он стоял перед клубом и, вдобавок ко всем своим неприятностям, понимал, что не представляет, как выбираться из райончика, в который завез его Четверть.

В десятке шагов от школьника стоял спортивный автомобиль уголовного, - в том, что его новый знакомый - именно уголовник, Витя теперь не сомневался.

Витя помнил улицы, по которым они катили сюда, но одно дело - ехать на хорошей машине, а другое - топать пешком! Чтобы добраться до дома, ему понадобится час, не меньше. Как назло, у Вити не было с собой ни копейки - даже за автобус заплатить нечем. Да и где этот автобус?!.. Какой маршрут ходит отсюда до его дома?..

Постояв некоторое время у входа в клуб, Виктор рассмотрел в дальнем конце улицы павильончик остановки. И в следующее мгновение дверь клуба за его спиной резко распахнулась.

Обернувшись, школьник увидел своего нового знакомого.

Рубашка, надетая на Четверти, с левой стороны была заправлена в джинсы, с правой - выбилась из них, волосы взъерошены, в пунцово-красных губах зажата сигарета. В пальцах правой руки уголовник вертел зажигалку.

Едва их взгляды встретились, Четверть тут же выбросил вперед левую руку и, вцепившись в майку на плече Вити, с силой рванул его к себе.

Виктор невольно сделал шаг в сторону своего нового знакомого. Приблизив лицо к лицу школьника, Четверть, - сигарета при этом выпала у него из губ, - зашипел:

- Смотри, если ты попытаешься кому-нибудь ляпнуть!.. Я шутил, проверял тебя, гнида!.. Что хочешь грабануть приятеля... Если скажешь кому-нибудь хоть слово о том, про что мы здесь с тобой говорили, мои ребята тебя из-под земли достанут. Я тебя лично пропорю ножичком!..

Слюна, летевшая изо рта яростно шипевшего уголовника, попадала на лицо Виктора. Тот схватил Четверть за руку и с силой отбросил ее в сторону.

Уголовник отпустил майку.

Не давая Четверти опомниться, Витя побежал к автобусной остановке. На полпути до нее обернулся: новый знакомый по-прежнему стоял у входа в клуб и смотрел ему вслед.

Из-за поворота на улицу, по которой бежал Виктор, въехал длинный сочлененный автобус и, урча мотором и набирая скорость, покати́л в сторону остановки.

Витя что было мочи побежал вперед.

Когда автобус подкатил к остановке и раскрыл двери, Виктор с разбегу влетел в заднюю и, повалился на одно из свободных сидений - салон был полупустой.

Через двадцать минут, немало покружив по району, он вышел на остановке неподалеку от своего дома.

В голове у него крутилась только одна мысль: как предупредить Степана Филиппова о том, что уголовники ищут возможность проникнуть в загородный коттедж его отца?

«Да я ведь даже не знаю, где он живет! - понял вдруг Виктор. - В загородном коттедже?!.. Но как туда попасть?!.. Где он находится?!»

Номера телефона Степана у Вити не было. Он задумался над тем, кто из его школьных приятелей общался с Филипповым, но, получалось, что каких-то закадычных друзей у того не было. Оставалось одно - прозванивать всех подряд наудачу, кто-нибудь да знает, как с ним связаться!.. Не мог же он за все это время ни с кем не общаться!

И тут Витя вспомнил, что часто видел Степана в сквере на пересечении двух улиц неподалеку от квартала, в котором жил Виктор. Кто-то, - он сейчас уже не помнил, кто, - говорил ему: Филиппов - страстный поклонник катания на скейтборде, роликовой доске. А в углу сквера у глухой стены какого-то здания, было место, облюбованное жившими в окрестных местах поклонниками этого экстремального вида спорта. Там был высокий и широкий бордю́р, окружавший большую квадратную клумбу, заросшую сорной травой, над которой в нескольких местах торчали чахлые цветы.

На этот бордю́р можно было запрыгивать вместе с доской, а потом, проехав по нему полметра или метр, спрыгнуть обратно на асфальт.

Совсем рядом у самой стены было что-то вроде широкой ступеньки, с наклоном почти в сорок пять градусов. Она идеально подходила для всяких скейтбордистских упражнений.

День был погожий. «Да ведь этот Степан сейчас почти наверняка там! Выделяет форте́ля на своей доске!» - решил Виктор и, переходя с торопливого шага на бег, ринулся в направлении сквера.

У стенки и впрямь оказалось полдесятка ребят примерно одного с Витей возраста - все с досками: с грохотом заскакивали на бордюры и на полочку у стены и с еще большим шумом прыгивали с них на асфальт.

Взгляд Виктора перебежал с одной фигуры на другую и не находил среди них Степана.

Уже отчаявшийся, перешедший с бега на спокойную неторопливую походку, молодой человек посмотрел вдоль улицы и - о, чудо! - увидел удалявшуюся от него фигурку с ярко-желтой роликовой доской под мышкой - Филиппов!

Вид у Степана был подавленный, - голова втянута в плечи, весь он ссутулился. Выглядел не как спортсмен-экстремал, прошедший удачную тренировку.

Не успел Витя удивиться этому обстоятельству, как из-за угла, - почти так же, как недавно возле клуба, - с утробным рычанием вырулил автобус и, подкатив к остановке, которая была тут же, неподалеку от угла, распахнул двери.

Степа, словно только теперь разглядел остановившийся автобус, побежал к нему.

«Все, упустил! Сейчас уедет!» - с отчаянием подумал Виктор и кинулся следом, крича: «Степа-ан!»

Филиппов, то ли не слыша витиных криков, то ли не обращая на них внимания, почти уже добежал до автобуса, но когда до него оставалось каких-нибудь три-четыре метра, водитель захлопнул двери и тронул неуклюжую машину с места.

Степан замахал руками, но водитель только прибавил газу. Автобус отъехал от остановки.

Филиппов резко повернулся к еще не добежавшему до него Виктору. Стало ясно, что он слышал, как парень зовет его.

- Слушай, ну передай ты своей Людмиле Анатольевне, что мне сейчас совсем не до ее оркестра и вокальной группы! Я тебя очень прошу, будь человеком! - воскликнул Степан.

До этого видевший удалявшегося от него Филиппова только в профиль и со спины Витя, взглянув ему в лицо, поразился отпечатавшейся на нем усталости и глубокому страданию.

«Может, он болен?!.. Но тогда почему проводит время, катаясь на доске?!»

- Людмиле Анатольевне? - ошарашенно переспросил Виктор.

- Да, это ведь она тебя прислала! Уговаривать меня поучаствовать в вашем концерте по окончании школы!.. - Степан бросил роликовую доску, которую до этого держал под мышкой, вниз. Она с грохотом ударилась своими колесиками об асфальт.

- Слушай, ну, мне, правда, сейчас ни до чего! - продолжал он. - У меня на отца напали, пытались наш коттедж ограбить...

- Коттедж?!.. - переспросил Виктор, испытав потрясение.

«Но как это могло произойти?!.. Ведь Четверть только начал действовать по своему плану! Даже, если бы я согласился

орудовать заодно с ним, должно было пройти еще какое-то время, прежде чем состоялась вечеринка... Нет, это не Четверть!»

- Да, у нас кроме квартиры есть еще коттедж, - подавленным голосом произнес Степан и уселся на роликовую доску. - В дорогом коттеджном поселке. Я там не живу, потому что, если там жить, долго до школы добираться. Там отец наездами бывает, мать тоже здесь живет... Он бизнесом занимается, - Филиппов вдруг резко вскочил с доски и отвернулся от Вити.

- Видимо, думали, что он там какие-то большие ценности хранит, потому что целая банда на него вооруженная напала. Прикатили под видом сотрудников фирмы по ремонту бытовой техники. Вроде как ошиблись адресом, неправильно записали заказ... Выскочили - чуть ли не десять человек, с автоматами... - Степан повернулся к Виктору.

Глаза Филиппова были полны слез.

- Хорошо отец смог заскочить в подвал, там железная дверь, и позвонить в охрану, а те - в полицию... Но все равно, его ранили... - Степан начал громко всхлипывать. - Правда, слава Богу, легко, жизни ничто не угрожает...

Он разрыдался, но через каких-нибудь полминуты справился с собой.

- Извини, Витя... Слушай, я сам только десять минут назад все узнал... Не знаю даже... Ничего не знаю, как я дальше... Как мы... Мать позвонила, я на доске катался... Так что извини, ну, никак мне сейчас не до твоей Людмилы Анатольевны с ее оркестром! Я пойду, извини, голова кругом идет... - он поднял с асфальта роликовую доску.

Виктор схватил его за локоть:

- Степа, ты это... Раз у тебя отец... Раз такое дело, раз они у него какие-то ценности подозревают и за ними охоту ведут... Они ведь того... Они могут и через тебя попытаться на них выйти... В коттедж-то могут попытаться как-нибудь вместе с тобой проникнуть...

Степан вытер длинным рукавом надетой на голое тело кофточки слезы, и, отмахнувшись, проговорил:

- Да знаю я, что ты мне рассказываешь!.. Неужели я ничего не понимаю!.. Мне уже отец все уши прожужжал, лучше бы сам о своей безопасности больше пекся!

- Да правильно он тебе все уши прожужжал! - воскликнул Виктор.

Он чувствовал, что у него отлегло от сердца: после этого нападения обитатели коттеджа явно станут предельно осторожны. И никакому Четверти, как бы он ни ухищрялся и каких бы способов не придумывал, в их дом не проникнуть.

Тут же Витя вспомнил про то последнее, самое гадкое, что Четверть сказал ему, еще когда он сидел за столиком в клубе. Он торопливо, опасаясь, что ему не удастся договорить до конца, что сейчас подкатит следующий автобус и Филиппов уедет, принялся говорить:

- Я знаешь, я вот как раз недавно историю одну слышал... Вернее, читал где-то на каком-то сайте... Что-то про всякие там криминальные дела... В общем, там тоже в дом к одному богачу хотели проникнуть, а у него и охрана и всякие системы безопасности. Никак не преодолеешь их. Так они, гангстеры эти, вот к такому вот сыну его, как ты, подвели приманку - обставив это как случайность, познакомили его с девушкой одной очень красивой, которая была с гангстерами в сговоре... Ну и он растаял...

- Слушай, Витя!.. -с нескрываемым раздражением воскликнул Степан. И тут же, словно испугавшись, что позволил себе так разговаривать с однокашником, добавил:

- Ты извини, пожалуйста, я тебя правильно называю? Ты ведь Витя?.. А то я как-то не помню, как тебя точно зовут. Ты не обижайся на меня: я дурак, сволочь, ору на тебя, а ведь ты мне добра желаешь... Я же понимаю! Но только... Не могу я тебя больше слушать! Всю эту ерунду, которую ты несешь. Мне со всей этой фигней - и про девушек, и про знакомых, мать уже все мозги высверлила... А сейчас еще ко мне какого-нибудь телохранителя приставят и тогда - вообще караул, прощай личная жизнь... А толку-то! Никто, как оказалось, за мной не охотился и через меня в особняк проникнуть и не пытался. А отец, который все меня стращал, взял да и впустил каких-то совершенно непонятных людей. А перед этим охрана поселка, которой там до черта и за которую отец, как и все, платит каждый месяц немалые деньги, дала им проехать на территорию. И всего-то маскировки - фургончик с логотипом магазина бытовой техники и униформа грузчиков на бандитах. И все! И все взрослые дяди купились! И отца чуть не убили! А мозги перед этим выносили мне! И будут еще выносить! Все, не иди за мной дальше! Пока, адье!.. Я пешком пойду, этого автобуса не дождешься!..

Он хлопнул Виктора по плечу и пошел прочь.

Виктор крикнул ему вслед:

- Степа, может я к тебе домой схожу, предупрежу мать, чтобы за тобой машину прислали?!..

Филиппов опять устало отмахнулся:

- Машина занята! Если бы меня хотели похитить, давно бы это сделали... Я уже несколько часов на доске катаюсь...

16.

На следующий день Виктор, возвращаясь из школы, готовился к встрече с Четвертью или с подосланными им бандитами.

Но ни владельца дорогого спортивного авто, ни уголовников ему по дороге не встретилось. Никто не гонялся за ним и на следующий день. И через день... Через неделю Виктор окончательно успокоился, решив, что по каким-то причинам Четверть решил, что лучше ему со школьником больше не

общаться: «И в самом деле зачем ему я?!.. Я его никому не выдал, отец Филиппова, скорее всего, уже предпринял особые меры для собственной безопасности - теперь вряд ли кто-нибудь рискнет сунуться в особняк. Так зачем я теперь Четверть? Связываться со мной - только лишний раз привлекать к себе внимание».

Его немного беспокоила история со смартфоном, который дал ему Четверть: надо будет либо вернуть гаджет, либо деньги... Но как? Четверть-то не появляется!

«Захочет получить свое добро - появится. Швырну ему деньги в рожу, пусть подавится!» - думал Витя.

Но через некоторое время мать сообщила ему, что деньги за смартфон получить не удалось. Он оказался краденым и каким-то образом его бывший владелец позвонил на него (хотя аппарат не был подключен к сети, - это Виктор помнил точно) и потом забрал свой гаджет.

А еще через какое-то время Сашка по секрету сказал Вите, что всякие электронные устройства, которые по дешевке предлагал школьникам Марат, большей частью были крадеными. И все, кто купил их, оказались в убытке: гаджеты пришлось отдать полиции, а деньги за них Марат не возвращает, напирая на то, что помогал по дружбе каким-то своим знакомым, в карман себе никаких денег за посредничество не клал и о том, что товар - краденый, не имел понятия.

«Тем лучше для меня! - решил Витя. - Марат и Четверть как-то связаны... Раз оба погорели со всем своим товаром, прицепляться к одному единственному смартфону, который взял на продажу я, Четверть не будет... Ему не до этого!»

И в самом деле, - Четверть Витя больше не видел, про смартфон его никто не спрашивал. Мать про него ему тоже больше ничего не говорила...

17.

Виктор шел по тротуару оживленной улицы к автобусной остановке. Берег канала с пешеходными дорожками, утопающими в тени раскидистых крон старых деревьев, возвышавшиеся чуть в стороне здания микрорайона «Чайки», - все осталось позади. Слева по асфальту медленно полз в облаке раскаленных выхлопных газов поток автомобилей. Впереди, метрах в двадцати за остановкой, рабочие перегородили улицу пластиковыми барьерами с укрепленными на них знаками «Объезд», «Дорожные работы», «Сужение дороги». Автомобили, и без того плотно сбитые в два ряда, вынуждены были перестраиваться в один.

«Не дожидаться мне автобуса!.. - с тоской подумал Виктор. - По такой пробке да без выделенной полосы он будет тащиться от остановки до остановки целую вечность... Лучше, видимо, сразу отправиться в долгое путешествие пешком».

Он представил, как будет двигаться, с каждым шагом удаляясь от своих мест, мест где он жил раньше, до того последнего, вклинившегося в стык между школой и институтом, лета, по чужим, нелюбимым местам и душу его стремительно заполняла даже не зеленая, а какая-то черно-серо-зеленая неизбывная, густая, словно расплавленная смола, тоска.

«Нет, это ненормально, что я так тоскую по району, в котором я жил раньше! Тысячи, миллионы людей в своей жизни по многу раз переезжают из одного места в другое, и никто из-за этого не переживает. Наоборот, радуются: новые места, новые впечатления, новые хорошие квартиры... Да и я переехал с матерью в квартиру, не в пример той, в которой мы жили раньше, более комфортную, так в чем же дело?» - спрашивал себя он.

- Я только прошу вас, чтобы все было анонимно... Понимаете?! - проговорил Виктор, осознавая, что несет совершеннейшую чушь: разумеется, анонимно!

Ведь он нигде не указывал, ни как его зовут - психологу он представился вымышленным именем Эдуард, - ни своего телефона, - встреча была назначена по электронной почте.

- Да вы не волнуйтесь! - ответил психолог и улыбнулся. - Ко мне бы никто не стал обращаться, если бы я на каждом углу затем вывешивал объявления о том, кто мои пациенты и с какими проблемами они обращались. Консультации совершенно анонимны, я не веду ни картотеки больных, ни каких-то файлов с данными о консультации... Я, вот видите, - он показал на чистую страницу блокнота, лежавшую вместе с ручкой перед ним на столе, - даже не делаю никаких пометок... Я вас понимаю, на вашем месте я вел бы себя точно также... Деликатные проблемы есть деликатные проблемы... Что же касается того, что с вами... Да, вы правильно чувствуете: у вас, как мне кажется, есть определенные проблемы. Болезненная ностальгия по каким-то местам из прошлого...

Врач сделал паузу, подбирая слова.

Виктор внимательно слушал его заключение. Взгляд молодого человека был уставлен в угол, в какую-то точку на полу между кадкой с каким-то экзотическим растением и стеной.

После того, как на работе, обвинив его в краже, ему сначала предложили уволиться, а потом, когда он категорически отказался - взять отпуск, у него появилось много свободного времени.

Чувствуя, что тоска по старой квартире, по прежнему дому приобретает какую-то особую болезненность, неотступна и неодолима, он пришел на прием к психологу. Кабинет, в котором он принял Виктора, располагался в здании медицинского центра, но ни заводить карту, ни предъявлять какие-либо документы от Виктора никто не потребовал, - достаточно было

сказать охраннику, куда он идет, и тот тут же пропустил его внутрь.

- Кстати, а почему вам пришлось уехать с этой вашей квартиры? Из мест, которые так вам нравились?

- Там был старый дом... В нем жила еще моя бабушка, мать отца. Она умерла очень давно, я ее почти не помню. Потом там жили мои родители и я, потом отец умер...

Проговорив это, Виктор замолчал, словно прокручивая перед глазами прошлое.

Врач молчал, понимая, что некоторые воспоминания могут причинять пациенту боль, с которой не так-то просто справиться.

Наконец, Виктор заговорил вновь:

- Дом этот, сколько я себя помню, всегда был в плохом состоянии. Все время там что-то отваливалось - то от соседского балкона кусок отвалится и грохнется вниз, то с фасада часть штукатурки облезет.

Психолог несколько раз понимающе кивнул головой.

- Старый дом-то был? - спросил он.

- Да не то, чтобы очень старый: после войны построили, может, позже, я точно не знаю, но какой-то весь ненадежный, ветхий, - ответил Виктор. - А потом прямо напротив дома стали котлован копать. Там сначала гаражи были, а потом, когда гаражи снесли - пустырь. На его месте собрались строить дом. И, в общем... В нашем доме образовалась большая трещина. Я как раз школу заканчивал, в выпускном классе учился. Там чего-то судили-рядили, как чинить... В общем, власти жильцам предлагали переехать в новые квартиры, а этот дом - его под снос, а на его месте выстроить несколько высоток... Но все отказывались. Вернее, большинство. Не хотели из старого дома переезжать, требовали ремонтные работы провести, но нас убеждали, что это невозможно. Хотя жильцы сами оплатили строительную экспертизу, которая установила, что дом наш вполне пригоден для ремонта и проживания.

Психолог опять несколько раз понимающе кивнул головой.

- А потом, уже когда я практически окончил школу и уже сдавал экзамены, как-то ночью по всему дому в нескольких местах пошли трещины... Ну, тут уже сразу все поменялось - теперь уже всем стало ясно, что дом аварийный. Хотя мне, лично, до сих пор непонятно, как такое могло оказаться. Ведь сначала экспертиза показала, что все не так плохо, а потом - бац, и сразу аварийный!

- Может, копнули как-нибудь посильнее... Вы же сказали, что там рядом котлован рыли для строительства дома. Может, сваи какие-нибудь для фундамента стали забивать... - предположил психолог.

- Может, конечно, - согласился Виктор. - Чиновники сразу повели себя совсем по-другому. Теперь уже никто никому ничего особенно не предлагал. Пошли разговоры, что свободных квартир для переселения нет и будут отправлять, куда получится, кого-то даже за кольцевую автодорогу... Говорили,

что вот-вот будет принято постановление, по которому любого можно будет отправить к чету на рога, лишь бы квартира там была не меньшей площади, чем прежняя... В общем, мать у меня - она сама в этой сфере работает, в ЖКХ, в смысле, как-то там подсуежилась и ей предложили хорошую квартиру, но не в этих местах, а, как бы сказать... По соседству! Но очень по дальнему!

- Понятно! - сказал психолог.

- Я, честно говоря, был против, - продолжал Виктор. - Мне вообще уезжать не хотелось. Но мать сказала, давай, поедem, а то еще чуть-чуть и вообще ничего не достанется, придется за кольцевой жить... Да и квартира новая, и в самом деле, и по площади, и по планировке, и сам дом - не сравнить... Вот только...

- Тоскуете вы по прежним местам и ностальгия эта - мучительна! - закончил за него психолог.

- Да, - Виктор кивнул головой.

- В общем, смотрите... Тоска ваша, разумеется, ненормальна. Как ненормальная и сама ностальгия по прежнему дому.

Виктор удивленно вскинул глаза.

- Нет, конечно, в известной степени ностальгия по прошлому, по каким-то местам, в которых нам было хорошо, присуща всем нам. В том числе и мне. Но в норме, если так можно выразиться, она не должна достигать, как вы говорите, степени зеленой тоски... Не должно быть такого эмоционального накала!

- Что же со мной такое происходит?! - в отчаянии воскликнул Виктор.

- Не происходит, а произошло!.. Такие эмоции почти всегда свидетельствуют о какой-то глубокой травме, пережитой в детстве. И травма эта может быть связана только с одним - расставанием родителей, боязнью ребенка, маленького существа, потерять семью, защиту родителей. Было такое с вами?

- Нет... То есть, я не помню... Вернее, нет...

- Вы выросли в полной семье? - спросил психолог.

- Нет, но... Родители не расставались. Отец умер, когда я был еще маленький...

18.

От психолога Виктор возвращался домой в подавленном состоянии: он понял, что его душевное состояние переходит границы нормы, но что с этим делать - психолог не объяснил.

«Для начала надо понять причину, но вы говорите, что той причины, которую следует предположить, не было и быть не могло... Но даже, если бы мы определили исходную точку ваших страданий, пришлось бы проводить долгую психологическую коррекцию, аутотренинг, которые, об этом говорит опыт, все равно не избавили бы вас полностью от страданий. Такие

психологические травмы полностью не лечатся... Но все равно, если бы вы поняли причину собственных переживаний, вам бы от одного этого уже стало бы немного легче», - врач пожал Виктору руку и предложил «заходить на прием», когда он «что-нибудь вспомнит». Но вспоминать было нечего... Вернее, Виктор не мог ничего вспомнить.

Как-то помимо своей воли он, возвращаясь от психолога, отклонился от маршрута и попал вместо района, в котором они с матерью теперь жили, на берег канала - в свои прежние места!

«Получается, меня тянет сюда потому, что я не могу преодолеть какую-то детскую психологическую травму...» - думал Виктор.

Психолог объяснил ему, что постоянная тяга к каким-то определенным местам - болезненная ностальгия, - обычно возникает у тех людей, которые ребенком пережили страх перед разрушением родительской семьи. Жизнь в благополучной семейной обстановке связывается в сознании ребенка с определенной географической точкой. Когда семейное благополучие рушится, сознание ребенка невольно цепляется за место, в котором ему когда-то было хорошо, где он испытывал чувство защищенности. Родительской семьи больше нет, но осталось место, в котором она была, где ребенку было хорошо. Он цепляется за место, за квартиру, за дом, за город, как за мостик между собой и благополучным прошлым. Страх, что этот мостик исчезнет, проникает во все клетки детского организма.

До такой степени, что, даже став взрослым, он не забывает о «мостике», боится расстаться с ним. Он уже не помнит, куда ведет этот «мостик», но страх потерять его столь же силен, как и в далекие времена почти бессознательных ранних детских лет.

Ностальгию такие повзрослевшие дети объясняют для себя «приятными воспоминаниями о прежних годах», «любовью к родным местам» - все это верно, все может быть причиной, но никогда тяга к месту не может достичь болезненной силы без детской психологической травмы.

«Но никакой травмы у меня не было!» - размышлял Виктор.

Дома в микрорайоне «Чайки», хотя с момента их постройки прошло уже немало лет, выглядели современно и ухоженно - никаких проплешин отвалившейся штукатурки, отлетевшей облицовочной плитки. В цокольном этаже, - в прошлый свой приезд Виктор не обратил на них внимание, - открылось несколько маленьких продуктовых магазинчиков.

В небольшом парке между домами и обрывистым берегом канала шевелили раскидистыми ветвями деревья, - день был ветреный.

Миновав асфальтированный проезд, огибавший «Чайки», Виктор ступил на посыпанную гравием парковую дорожку и пошел помедленнее.

«Когда учился в школе, я был бунтарем, в десятом классе со мной постоянно происходили какие-то истории... Особенно в самом конце учебы! - не без гордости думал Виктор. - И вот теперь - то же самое... Вновь история... Правда, это обвинение в присвоении денег никак не связано ни с каким бунтарством, вел я себя в фирме довольно тихо, не дерзил, как когда-то Людмиле Анатольевне...»

При воспоминании об учительнице музыки, на лице молодого человека возникла невольная блаженная улыбка: полдесяток лет назад, - даже больше! - музычка казалась ему ужасным человеком, чуть ли не монстром, а теперь он понимал, что, в сущности, она была не такой уж плохой тетенькой: совершенно безобидной и даже по-своему благородной, потому что при всех его выкрутасах, она на него так никому из школьного начальства и не пожаловалась. Возможно, она даже любила его: все-таки не каждый ученик в школе с таким увлечением, как Виктор, играл в ее ансамбле на гитаре!

«Да, школьного «бунтарства» я себе на фирме не позволял, но история все-таки возникла!» - подумал Виктор.

Ему было приятно считать, что приключившаяся на работе история - вовсе не результат каких-то странных, непонятных ему обстоятельств, а побочный продукт его особенного «геройства», нестандартности его личности... Хотя, если задуматься, пропажа денег из запертой комнаты никак не могла быть связана с какими-то свойствами его характера, а объяснялась лишь одним: в его ближайшем окружении был вор, позарившийся на крупную сумму... Был при этом Виктор какой-то необыкновенной личностью и прирожденным бунтарем (чем он втайне гордился) или нет - не имело никакого значения.

С каждым шагом настроение его менялось. Только что оно было приподнятым - каждый раз становилось таким в последнее время, когда он попадал в эти «свои» места, но теперь вдруг начало ухудшаться. Причина - он подумал, что места эти теперь вроде как и не совсем «его», живет-то он теперь совсем в другом районе, вот сейчас погуляет по бережку и поедет, пересаживаясь с одного автобуса на другой, домой.

Виктора начала охватывать поистине зеленая тоска - скользкая, сильная, жестокая, как зеленый крокодил!

«Что за чертовщина такая!..» - ему сразу вспомнились слова психолога про детскую травму, которой на самом деле не было...

Он вышел к обрыву и окинул взглядом ровную гладь вод.

Следом взгляд его перешел на человека, поднимавшегося вверх по косогору со стороны узкой полоски песочка, тянувшейся вдоль самой воды.

- Слушай, ты, я смотрю, частый гость в наших местах! - воскликнул Сашка и, проворно преодолев последние метры подъема, оказался на самом верху косогора.

Протянул руку Виктору:

- По делам или просто так... Гуляем?

- Да по делам, в общем-то... А потом... Что-то голова разболелась, душно как-то, решил пройтись, - ответил тот, немного сочинив, но не сильно отойдя при этом от того, что было на самом деле: дела - посещение психолога, а причина, по которой решил пройтись - не рассказывать же об этом Сашке!

Да того и мало интересовало, что ему ответит школьный товарищ!

- А я спустился, понимаешь, к воде, - радостно проговорил тот. Настроение у Сашки, судя по бессмысленной улыбке, блуждавшей по его лицу, по тому, как он весь ходил ходуном, дергая плечами, переминаясь с ноги на ногу и словно бы приплясывая в возбуждении на одном месте, было отличным.

- Я, вот, думаю, можно ли здесь купаться будет, когда станет жарко и вода прогреется? - сказал он, поворачиваясь лицом к каналу.

- Да нет... Здесь же... Еще когда мы в школе учились... - протянул Виктор. - Здесь же никто никогда не купался. Там черт его знает, что может под водой на дне лежать: бутылки всякие битые, железяки ржавые!

Саша повернулся к нему:

- Положим, в школе мы здесь не купались не из-за каких-то там бутылок и железяк, а потому что нам учительки не разрешали. Они ж тряслись, что кто-нибудь, не дай бог, утонет! Представляешь, какой скандал бы был: всех учителей бы под суд отдали за то, что недосмотрели... Тебе, кстати, когда ты свое бунтарское общество создавал, надо было этот пункт в программу включить: чтобы, когда жарко, сбегать на переменах сюда, к каналу и купаться!

Сашка рассмеялся.

Виктор широко улыбнулся и тоже хохотнул - то, что старый приятель вспомнил про те времена, о которых он и сам только что думал, было приятно: значит, произвел он тогда, Витя, на всех впечатление своим бунтарством! Если кого и вспоминают теперь, так это его с его Тайным обществом бунтарей и индивидуалистов!

- А чего я-то?! Я что ли один это тайное общество создал?! - смеясь, проговорил Виктор. - Ты, между прочим, вместе со мной входил в число отцов-основателей. Вот и предложил бы еще один пункт в программу!..

- Я... Скажешь тоже - отец-основатель! Вся школа знала, что Тайное общество - это твое детище, твоя идея! Ты всех взбаламутил! До сих пор, наверное, все учительки вспоминают тебя и в ужасе крестятся! - Сашка захохотал. - А уж мы все... члены тайного братства - такое разве забудешь!..

- Да, члены братства... - задумчиво проговорил Виктор. - Как-то там все наши... С кем учились... Одноклассники?

- Да черт его знает!.. - Сашка вдруг перестал дергаться и тоже - с задумчивостью - потер подбородок. - Я ведь мало с кем вижусь... Вот только тебя уже второй раз подряд за короткое время встречаю.... А так... Класс-то у нас был недружный, скажу я тебе откровенно. Разлетелись кто куда, да и забыли друг про друга. С глаз долой - из сердца вон, как говорится. Даже с выпускного вечера ни разу вместе не собрались, другие вон - видятся постоянно. А мы - если только случайно...

- Ну, а ты кроме меня-то видишь кого-нибудь? Ты же вон хотя бы с этой, с Евлампией, должен встречаться - вы же с ней одни у нас в «Чайках» жили! - неожиданно для себя проговорил Витя.

- Евлампия-то?! - глаза Сашки вдруг стали испуганными. - Да, я ее и в самом деле то и дело встречал. Но раньше, год или два после того, как школу закончили, а потом... Ты... это...

Он с каким-то странным пытливым выражением уставился на Витю.

- Что? - встрепнулся тот.

- Да ничего! - Сашка тут же отвернулся и посмотрел вдаль, куда-то на другой берег канала. - Я не знаю... Вроде как говорили, что погибла она, несчастный случай!

- Как погибла?! Я ее совсем недавно вот здесь, на бережке у канала видел! Она куда-то вон туда по дорожке шла... - Виктор махнул рукой, показывая направление, в котором удалялась от него в тот день Евлампия. - А ее окликать не стал... Постой, да это же как раз было, когда мы с тобой встретились случайно! Ты же должен был ее тоже видеть! Ты еще сказал, что тебя отец у квартиры ждет, он ключи забыл.

- Если ты про тот день, то немудрено, что я ее не заметил. Мне отец такие припадки с этими ключами устроил, что я вообще ничего не замечал! Папаша! - с досадой произнес Саша.

При воспоминании об отце, обладавшем, насколько знал Виктор, несносным характером, настроение у одноклассника испортилось.

- Слушай, я не знаю... Может, это и какая-то чушь, и какая-то ошибка. Но только я Евлампия и в самом деле давно не встречал. А про то, что она на велосипеде в аварию попала...

- На велосипеде?

- Да, вроде на велосипеде она каталась и какой-то перекресток переезжала. И там машина на огромной скорости шла. Вроде задела ее с велосипедом как-то неудачно, Евлампия наша упала и, значит, башкой... Головой, то есть, об асфальт. И все - каюк, тяжелая черепно-мозговая травма, насмерть!

Виктор мучительно вспоминал подробности своего прошлого появления здесь, на берегу у канала, неожиданной встречи с Сашкой.

Перед глазами возникла удалявшаяся фигура Евлампии, ее лицо вполоборота. Профиль... Статная фигура, походка... Нет, он не мог ошибиться, это была Евлампия!

Словно отвечая на его сомнения, Саша проговорил:

- Послушай, про нее мне, знаешь, кто сказал? Отец! Вроде как он какую-то учительницу нашу встретил, и та ему рассказала, что Евлампия погибла. Но ты же знаешь моего отца!.. Какие учительницы - он и в школе-то, по-моему, за все десять лет, что я там учился, ни разу не был. Так что, честно говоря, я не поручусь... Может, она и не погибла, кто-то другой погиб. Евлампия же не единственная девчонка, которая с нами в выпускных классах училась. Может, отец мой чего-то перепутал?..

20.

Одной из причин, по которой Виктор считал, что случившаяся с ним на работе беда - обвинение в краже, - не возникла сама по себе, а была спровоцирована им самим, стала следствием его характера, его собственным «бунтарством», которым он так гордился, было то, что тучи над его головой в офисе начали сгущаться почти с того самого момента, когда он был принят на работу в компанию.

Кража, конечно, с его характером быть связана никак не могла, но, как ни крути, она стала идеальной кульминацией всего, что происходило до нее.

«С одной стороны, обдумывая эту историю раз за разом, я прихожу к выводу, что исчезновение денег - это нечто необычное, навалившаяся на меня неожиданная негаданная беда, - думал Виктор, медленно бредя по берегу канала в сторону шоссе. - С другой стороны, не покидает ощущение, что и кража, и то, что было до этого, при том, что они никак не могут быть звеньями одной цепи, являются именно ими!»

Сашка, некоторое время погуляв с ним под деревьями на берегу, отправился домой - в свою квартиру в «Чайках», через час у него была электричка, на которой он собирался ехать к отцу на дачу.

«Удивительно, я даже не спросил его, чем он занимается! - подумал Виктор про приятеля. - Работает или нет? Середина буднего дня, а он болтается по берегу канала, стоит у воды, пытаюсь понять, можно ли здесь купаться или нет!.. Хотя, он тоже не удивился, встретив меня здесь в это время, не спросил, чем я занимаюсь, почему не на работе... Обсуждали всякую ерунду...»

Прохаживаясь по берегу то в одну сторону, то в другую, они с Сашкой говорили о том, работает ли до сих пор в школе Людмила Анатольевна и если да, то что исполняет школьный музыкальный ансамбль на выпускных вечерах?.. Потом школьный товарищ заторопился домой, а Виктор, распрощавшись с ним, пошел вдоль берега и забрел в такую

глушь, в какие-то такие густые заросли деревьев и кустарников, куда он и в школьные-то годы никогда не забирался!..

«Может, потому не забирался, что, когда я учился в школе, этих зарослей еще не было - разрослись за прошедшие с той поры годы!»

Развернувшись, он медленно побрел обратно.

Пока гулял, погода испортилась. С утра ярко светило солнце, а теперь, глядя на небо, Виктор видел - оно сплошь затянуто тучами.

Резкими порывами налетал холодный ветер.

Дождя вроде не обещали, но, поглядывая на небо, Виктор понимал, что вот-вот начнется ливень. Но шага он, тем не менее, не прибавил...

В голове напряженно крутились одни и те же мысли: что произошло с ним на работе? Вроде бы, ясно, что, но молодой человек чувствовал: какие-то обстоятельства, едва заметные связи между событиями ускользают от него... Вновь и вновь он припоминал все, что произошло с ним с того момента, когда он, закончив институт, после недолгих поисков работы устроился в компанию, в которой через некоторое время для него все кончилось так плохо.

Восстанавливая неделю за неделей, месяц за месяцем в памяти то, что происходило с ним в офисе компании, в которую он устроился работать, Виктор обращал внимание только на одно: все его проблемы с начальством, кульминацией которых стало обвинение в растрате, развивались одновременно с его становившимися все более напряженными отношениями с одним из сотрудников их отдела.

Этого человека звали Алексей Мороховский.

21.

Мороховский был старше Виктора лет на десять. По штатному расписанию он числился старшим специалистом и начальником группы в департаменте, в котором работал и Виктор.

Самое главное обстоятельство: в департаменте - всего два человека: Мороховский и Виктор. Но работают они независимо друг от друга. Виктор в группу Мороховского не входит, и вся группа существует только на бумаге. У Мороховского нет подчиненных.

Когда-то группа и в самом деле существовала.

Компания, в которую устроился работать Виктор, занималась обслуживанием оборудования, которое используется

в системах транспортировки газа. Начиная с тех сложных систем, которые помогают доставлять газ от месторождений к хранилищам, и заканчивая теми, которые отвечают за то, чтобы газ исправно поступал в городские квартиры и сельские дома.

Заказов было очень много - в обширном газовом хозяйстве страны, в огромной инфраструктуре, которая обслуживала экспорт голубого топлива на зарубежные рынки, постоянно требовалось что-нибудь обслуживать, заменять, наладживать, чинить и обновлять. Постепенно компания стала заниматься не только установкой, наладкой оборудования, его обслуживанием, но и поставкой некоторых запасных частей, расходующихся материалов.

Рынок был очень перспективным и емким. Тем более, что компания, в которую трудоустроился Виктор, с самого начала выбрала политику удовлетворения не какой-то одной потребности газотранспортных и газоснабжающих организаций, - допустим, в новых вентилях или каких-нибудь заглушках, а всех возможных запросов - от труб и ремонта всевозможного оборудования до программного обеспечения и интеллектуальных систем контроля и учета.

Потом стали поставлять и некоторые виды самого оборудования. Сначала - того, что используется на крупных объектах газового хозяйства. А потом одному из учредителей компании - Александру Минееву - пришла в голову идея попытаться внедриться на рынок всевозможного газового оборудования, используемого мелкими конечными пользователями - в основном, это оборудование, которое использовалось в загородных домах, в газифицированном «частном секторе»: отопительные котлы, плиты, трубы, устройства контроля, заглушки, задвижки, распределительные устройства.

Компания и до этого пару раз продавала отопительные котлы, но сразу партией для оборудования ими целого коттеджного поселка. А тут Минеев решил развивать собственную торговлю - для начала через дилеров, которые бы распределяли продукцию по торговым точкам, продающим ее напрямую потребителям. Но не просто так - продал и забыл, - а с контрактом на обслуживание.

Для этого надо было найти дилеров. Минеев убедил партнеров - владельцев компании, что для поисков дилеров надо создать в компании специальную группу сотрудников. Тогда-то на эту должность и был назначен Мороховский, к этому моменту уже проработавший в компании несколько лет.

Мороховскому наняли несколько подчиненных, он некоторое время пытался развивать это направление, кое-что ему удалось, но в целом продажи оказались не очень значительными. Так что через некоторое время отдел Мороховского был сокращен - в нем остался только он сам, начальник без подчиненных.

Мороховский продолжал продавать оборудование, но только одной единственной марки и через небольшое

количество дилеров, - насколько знал Виктор, партнеры Минеева поговаривали, что такой бизнес компании не очень нужен.

Но Минеев, - то ли не в его характере было признавать свою неправоту, то ли он и в самом деле не потерял надежду на успех, а в неудачах винил Мороховского, - договорился с еще одним западным производителем оборудования, получил от него особо выгодные эксклюзивные условия, нанял Виктора и поручил ему работать с дилерами.

С несколькими для начала Минеев, для которого успех предприятия был делом чести, договорился сам.

Планировалась большая выставка, компания Виктора обещала дилерам помощь, если они представят их оборудование - наличные деньги, которые украли у Виктора, были предназначены в качестве помощи нескольким фирмам, согласившимся на эти условия.

22.

Виктор с самого начала был поставлен в несколько странное положение. Мороховский был начальником отдела и группы внутри этого отдела. Виктор - тоже начальник группы. И у того и другого группы существуют только на бумаге, потому что кроме руководителей в них никто не работал. Вроде бы, как начальник отдела Мороховский должен был руководить работой Виктора, как начальника группы в его отделе, но молодому человеку сразу было сказано, что его группа должна быть динамично развивающейся, после увеличения объемов бизнеса Виктору будут наняты подчиненные. Подчиняться же он будет, по крайней мере, временно - не Мороховскому, а Минееву.

У Мороховского перспектив - никаких и, получалось, в скором времени, если у Вити хорошо пойдут дела, Минеев уберет Мороховского, а на его место поставит молодого и успешного Виктора.

Кража была выгодна Мороховскому, но в этот день его не было на работе... Стопроцентное алиби!.. Да и потом, красть деньги - слишком большой риск. Желание избавиться от коллеги-конкурента вряд ли заставило бы недруга пойти на него. В том, что Мороховский не брал денег, Виктор полностью уверен.

Но, тем не менее: отношения с Мороховским все то время, что Виктор работал в офисе, постоянно накалялись. И кульминацией стала пропажа денег!

Некоторое время назад еще до пропажи денег

- Слушай, чего ты меня все учишь?! Я должен работать, а вместо этого мне непрерывно приходится слушать всю эту твою... Твою!.. - не найдя подходящего приличного слова, Виктор, вскочивший в возбуждении со своего места за столом,

прошелся по комнате, распахнул пошире и без того открытое окно и, вернувшись к своему столу, сел в кресло.

- Ты не ори на меня! - воскликнул Мороховский и встав со своего кресла из-за стола вышел на середину комнаты.

Столов в ней - четыре. Два занимали Мороховский и Виктор. Два пустовали: один - всегда, другой - временно, сидевший за ним пожилой сотрудник - на больничном.

Виктор видел, что в дверном проеме за спиной Мороховского, - тот стоял лицом к молодому человеку и спиной к двери, - Никифоров, сотрудник другого отдела компании. Звали его так же, как и Виктора.

Виктор Никифоров хотел прямо с порога что-то сказать, но в последнее мгновение осекся, остановился в двери, слушая, о чем говорят люди в комнате.

- Отойди от меня! Я не твой подчиненный, хватит меня поучать! - воскликнул Витя, опять вскакивая с кресла.

Ссора началась с того, что Мороховский прослушал долгий разговор Вити с директором одной фирмы, - должна стать дилером оборудования, которое предлагал по заданию Минеева. Едва Витя положил трубку, хотел внести сведения о результате разговора в специальную компьютерную программу, Мороховский принялся его поучать.

Главная мысль Мороховского заключалась в том, что Витя все делает не так, как надо: неправильно строит разговор с потенциальным клиентом, не на те особенности оборудования, на какие надо, обращает его внимание, пытается договориться с клиентом не о том, о чем вообще нужно договориться...

Мороховский произносил подобные речи не впервые.

Но в первые месяцы работы Витя терпеливо сносил их: ему казалось, что, поскольку он в компании человек новенький и вообще - только недавно закончил институт, поучать его - вроде как естественно и все, что говорит Мороховский, знать Вите не помешает.

Но очень быстро он начал понимать, что ничего полезного сосед по комнате ему не говорит. Лишь отвлекает от работы и пытается убедить Виктора, что ничего у него не получился.

Чем дольше Виктор работал, тем несносней становился Мороховский... В конце концов Витя не выдержал.

- Без году неделя здесь, а туда же - лезет в умники... - сказал Мороховский.

- Ты сам не лезь в умники! И не твое дело, сколько я здесь работаю. Не ты меня сюда принял! - закричал, брызжа слюной, Витя.

Он никогда так не разговаривал с Мороховским, но сегодня у него болела голова, настроение - отвратительное, и он просто вышел из себя.

От такого напора лицо Мороховского перекосилось. Он явно не предполагал, что Витя когда-нибудь станет разговаривать с ним таким злым и пренебрежительным тоном.

Виктор чувствовал - Мороховский вышел из себя и уже не отдает себе отчета в том, какие слова произносит. И, скорее

всего, Мороховский, через некоторое время, когда успокоится, пожалеет, что он вступил в эту перепалку, а он, Витя, пожалеет, что невольно подначил своего соседа по комнате.

- Понабрали тут всяких по объявлениям! Придурок! - воскликнул Мороховский.

- Слушай, я тебя сейчас... - даже не проговорил, а прошипел Виктор и начал медленно выходить из-за стола.

Набрасываться на Мороховского с кулаками он не собирался, но стерпеть оскорбления... Сейчас он ему скажет!

- Все, стоп! Коллеги, расходимся по углам комнаты! - не дал ответить Вите на оскорбление Никифоров.

Быстро пройдя за порог, Никифоров встал между Витей и Мороховским.

Тот хмыкнул и, бросив на Витю презрительный взгляд, вышел из комнаты.

Раздосадованный, что не удалось ответить Мороховскому, Витя в сердцах проговорил:

- Слушай, ты зря влезаешь между нами - мы же не боксеры на ринге, чтобы нас разводять! Сами бы разобрались...

Никифоров, посмотрев в дверь, - Мороховский уже исчез за углом коридора, - негромко сказал тезке:

- Разобраться-то, конечно, разобрались... Я не за него переживаю, он мне, так же как и тебе, не нравится. Я думаю, что тебе надо с ним быть предельно осторожным и никаких поводов для скандала не давать. Мороховский сейчас на многое способен - обвинит тебя черт знает в чем, скажет, что ты на него с кулаками набросился! И тебя уволят. Мороховским, конечно, начальство недовольно - своей задачи он не выполнил, дела у него идут плохо. Но все же он на фирме давно, и драк до сих пор не устраивал...

- Послушай, - Никифоров подошел к Вите ближе и заговорил еще тише, почти шепотом. - С Мороховским такая ситуация уже не в первый раз. У него был подчиненный. И работал гораздо лучше него, и результаты стали появляться... И начальство это примечало. Но Мороховский этого паренька выжил...

- Как выжил?! - возмутился Витя. - Если он лучше него работал!

- Да вот так и выжил! - слегка повысил голос Никифоров. - Работа - это одно, а скандалы и дразги - другое. Он ведь и на дилеров может повлиять, чтобы у тебя ничего не покупали, наплетет с три короба, обманет... Все-таки работает он давно, знает все ходы-выходы, нюансы. А начальство - оно высоко!.. Сверху, конечно, дальше видно, но зато подробности теряются. Так что будь с этим Мороховским поосторожней.

23.

Краски на развороте журнального плаката с изображением спортивного купе - того самого, на котором Витю учил ездить

Четверть - выцвели. Где он взял журнал, из которого шесть лет назад вырвал плакат? Ах, да, мать купила ему по его просьбе в киоске «Печать», когда они вдвоем возвращались из магазина нагруженные сумками с продуктами.

Дешевая бумага, да и печать не очень качественная - плакат этот давно стоило снять со стены и выбросить в мусорное ведро, но Витя не делал этого.

Взгляд его опустился ниже, на стоявшие на тумбочке модели боевых самолетов. Еще одна - пассажирского винтового самолета, из тех, что летали в середине прошлого века, висела в воздухе на тонких, прикрепленных к потолку лесках.

Виктор опять перевел взгляд на плакат с изображением спортивного купе. Он знал, почему он его не выбрасывал. Так же, как и почему здесь стоят эти самолетики, хотя он давно не интересуется ни авиацией, ни авиамоделированием. Он постарался в этой комнате воссоздать атмосферу своей комнаты в старом доме, какой она была перед тем, как они уехали оттуда в новую квартиру.

Та комната была маленькой, и всем этим старым тумбочкам, самолетикам и плакатам на стене было в ней тесно. В комнате новой квартиры, - по сравнению с той его прежней, любимой детской комнатой она была в два раза больше, - прежний интерьер словно бы расплылся, атмосфера уюта куда-то исчезла, но Витя все равно держался и за старые тумбочки, и за этот плакат, хотя мать еще в момент переезда предлагала ему выбросить все, оставить на старой квартире, а сюда купить новую мебель.

«Как будто в этом барахле заключена частичка старого дома, по которому я так тоскую!.. А ведь так оно и есть, но только частичка эта очень маленькая»

Он сел, спустив ноги с дивана, и посмотрел за окно. Погода - под стать его настроению хмурая, дождливая, а в затянувших небо серых тучах - ни единого просвета.

«Ведь когда я жил в том старом доме, наверняка, полно было таких унылых дождливых дней, но теперь кажется, что там всегда светило яркое солнце и настроение было всегда приподнятое... Что же со мной произошло за эти годы, что теперь... А что теперь?!.. Плохое настроение?.. Все дело в этих пропавших деньгах... Если бы не эта беда на работе!»

Он встал, взял со стола смартфон: звонил Сашка. Виктор ответил, они минут пять разговаривали - Сашка интересовался онлайн-курсами по ведению прямых продаж. Во время прошлой беседы по телефону Витин друг говорил, что у него трудности на работе - не идут продажи. Александру казалось, что он чего-то не понимает... Витя посоветовал ему поискать курс одного очень хорошего бизнес-тренера. Но оказалось, что курс платный... Виктор обещал поискать в электронных завалах на своем компьютере - вполне возможно, что у него остались какие-то части курса...

**Виктор положил смартфон обратно на стол.
Да-а, Сашка... Школьный друг!**

Витя тронул висевший на тонких лесках самолет и тот медленно, плавно закачался из стороны в сторону... В компании, в которую он устроился, приятелей у него не появилось - большинство сотрудников были гораздо старше Виктора, да и отдел, в котором он работал, мало пересекался с другими.

Друзья по институту либо женились и были заняты семейными делами, либо с энтузиазмом занимались бизнесом... О чем мог говорить с ними Витя, весь «бизнес» которого на сегодняшний день заключался в ожидании - заведут на него уголовное дело о растрате или нет.

«Только Сашка и остался!.. С ним как-то комфортно, привычно. Да и про работу он, кажется, меня вообще ни разу не спросил...»

Виктор вновь слегка подтолкнул уже перестававший качаться самолет, но тот не стал раскачиваться сильнее, а лишь плавно повел нос в сторону...

«Меняет курс? - подумал молодой человек. - Куда?.. Хочет вылететь в окно?»

Витя представил, как самолет покидает комнату и медленно летит... Туда, где стоял их старый дом! Воображение нарисовало такую живую картину - улицы под пасмурным небом, деревья, автомобили, прохожие, что Виктор улыбнулся.

«Да я ведь, в сущности, не вышел еще из детского возраста! Большой ребенок! Стою тут, играю в самолетик... Я и в далеком детстве, когда только склеил эту модельку, вот также представлял, что она по-настоящему летит над домами...»

«А что мне теперь осталось делать?!» - спросил он себя.

Если бы уже в автосалон приехал на автовозе заказанный и оплаченный кредитом автомобиль!.. Тогда бы сразу появилась масса дел, сразу стало бы не до этого тоскливого настроения...

«Хотя, дела бы я сделал, а потом... Что потом? Одного автомобиля для счастья мало!» Он вспомнил разговор, свидетелем которого стал незадолго до пропажи денег на маленькой кухоньке в офисе их компании...

24.

Кочетов и Никифоров только что налили себе по чашке чая.

Кочетов поставил свою на край буфета и принялся размешивать ложечкой сахар в чашке:

- Ну что, ты на шашлык-то ездил?

- На шашлык?.. С чего ты взял, что я должен был на него ездить?

- Да как же, ты же сам хвастался перед выходными, что купил где-то на рынке отличное мясо для шашлыка!

- Э, слушай, мясо, это, конечно, хорошо, но... - Никифоров хитро улыбнулся. - К мясу мне нужен еще хороший помидорчик, к помидорчику лучок... К лучку - хорошее место на природе, к месту - хорошую погоду, а к ней, и к шашлычку, хорошую

компанию да такую, чтобы в ней была красивая барышня... А к барышне мне бы еще понадобилась взаимность с ее стороны... Так что, видишь сколько всего мне нужно для хорошего шашлыка. А у меня из этих компонентов - только мясо. Соответственно, ни на какой шашлык я не ездил, а мясо зажарил в духовке и съел один.

Виктор улыбнулся, припоминая, с каким лукавым выражением произносил все это Никифоров.

Но тут же улыбка сошла с лица молодого человека. Ведь разговор этот всплыл у него в памяти сразу после того, как он подумал о купленном автомобиле.

«Да, и в самом деле: даже, если бы сейчас вон там, под окном стоял автомобиль, так уж ли это изменило мою жизнь?.. К автомобилю необходимо еще иметь, куда ездить, и, конечно же, с кем ездить!»

И тут, - потом он часто вспоминал этот момент, - он невольно припомнил Евлампия. Не то, чтобы он был как-то особенно влюблен в нее в школьные годы, даже, скорее, он вообще не был в нее влюблен, и не то, чтобы у него не было кроме нее, кого вспомнить - она была не единственной девушкой, которая за его пока еще короткую жизнь взволновала его воображение. Если бы он стал раздумывать на этот счет и сравнивать, то быстро понял бы, что в его жизни уже было много влюбленностей и много «кандидатш», которых бы он мечтал посадить рядом с собой в новый спортивный автомобиль...

Но почему-то в этот момент он подумал именно о Евлампии!

«Вот, если бы тогда у обрыва на берегу канала она поговорила со мной по-другому!.. Если бы у нас все получилось!.. - словно бы заклинал он в эту минуту. - И если бы уже стоял у подъезда новый спортивный автомобиль, то тогда...»

И тут он мыслями унесся в страну фантазий, вообразил, как бы сейчас оделся, быстро спустился бы вниз, к подъезду, забрался в салон, запустил двигатель... Вот он подкатывает к микрорайону «Чайки» ... А Евлампия - она уже стоит у подъезда и приветственно машет ему рукой».

Виктор даже крикнул. И от того, каким неизъяснимым блаженством была наполнена для него эта сцена, и от того, что он сам понимал, как все это глупо - какая-то Евлампия, которую он видел-то последний раз, когда учился в школе... Нет, еще один раз видел совсем недавно, но она прошла мимо него, явно не обратив на него никакого внимания, а, может быть, и обратив, но намеренно отвернувшись после этого, прибавив шагу, только чтобы он не вздумал заговорить с ней... Да, с этой девушкой его ничего не связывало! Кроме, разве что, каких-то его собственных невнятных порывов, которые обуревали его тогда, много лет назад, когда он создал в выпускном классе школы свое Тайное общество бунтарей и индивидуалистов.

Так что лучше ему в своих фантазиях про автомобиль представить какую-то другую девушку. Тем более, что на встречи с красавицами, взволновавшими его воображение, годы, прошедшие с той последней школьной весны, бедны не были.

«Прошедшие годы... Рассуждаю, как старик, - подумал он. - Чертовы деньги! Если бы их не украли, сейчас было бы совсем другое настроение. Что мне стоило взять всю сумму с собой, - таскал бы их целый день при себе, целее бы были».

Он прошелся по комнате... Вспомнил, что как раз подошел срок звонить начальнице отдела кадров.

Когда уходил в вынужденный отпуск, дата возвращения оставалась открытой - договорились, что позвонит перед тем, как появиться в офисе.

«Может быть, все прояснилось?! И деньги нашлись... По крайней мере, выяснилось, кто их украл!»

В душе его затеплилась надежда, он схватился за смартфон.

25.

Виктор шел по улице. В трех кварталах от его дома находился офис крупного банка. Там в отделе выдачи кредитов работал Витин институтский приятель.

Они много общались на первом курсе, а потом приятель, звали его Федором, ушел из их вуза, объяснив, что решил выбрать другую профессию - связанную с финансами.

С тех пор он успел окончить учебное заведение с финансовым профилем и теперь работал в банке каким-то самым простым и низкооплачиваемым клерком.

Виктор хотел узнать у него, сможет ли он получить в их банке кредит - вернуть с его помощью якобы украденную сумму.

Ветер трепал верхушки деревьев, с того момента, как он проснулся, погода стала еще мрачнее, - того и гляди пойдет дождь, а Витя легко одет - ни пиджачка, ни курточки... И зонтика с собой не взял.

Но то, что он может вымокнуть до нитки, волновало его сейчас меньше всего.

То, что сказала Виктору кадровичка, повергло его в глубокое уныние, хотя и до этого настроение у него было - хуже некуда...

- ...Тебе сейчас не нужно возвращаться в офис, - проговорила начальница отдела кадров, едва Виктор успел поздороваться и сказать, что планирует завтра-послезавтра выйти на работу.

- Почему? - упавшим голосом (хотя именно такого ответа он, втайне от себя самого, и ожидал!) спросил Виктор.

- Да потому, что вообще непонятно, что тебе здесь делать?! Чем ты заниматься-то станешь?! - спросила его в ответ начальница отдела кадров.

- Да как чем?! Выйду из отпуска, да стану работать... - пробормотал Витя.

- Станешь работать!.. - передразнила его кадровичка.

- Начальство считает, что тебя надо уволить, а дело это с... деньгами (она, видимо, хотела сказать «с украденными», но не решилась) передать полиции. Расписку-то ты в бухгалтерии написал, а сумму не возвращаешь...

Кадровичка замолчала. Виктор тоже молчал. Он чувствовал, что она сейчас скажет что-то еще, и боялся ее перебить. Он не понимал, что происходит в офисе, и если она сейчас прекратит разговор, ничего ему не расскажет, он так ничего и не узнает.

- Понимаешь, - проговорила кадровичка. - они бы давно уже это сделали... Все не сомневаются, что ты украл деньги. Но ты же человек Минеева... И прежде, чем с тобой все решить окончательно, хотят с ним переговорить и все обсудить...

- С Минеевым? - переспросил Виктор.

- Да, делать что-то с тобой без его ведома, я так поняла, никто не рискует. Не хотят его раздражать, потому что ты - это был его проект, он тебя двигал. Он настаивал и вроде как ты ему нравился. Да и деньги эти были его личные. Так что хотят сначала спросить его решения. А его сейчас нет. Он слег с позвоночником в больницу. Но тебя они видеть не хотят... Видимо, Мороховский постарался. Начальство велело тебе передать, чтобы ты пока погулял в отпуске за свой счет... Оформлять тебе ничего специально не надо, у меня твое заявление с открытой датой есть, так что как только все решится, ты тут же придешь, и мы дату по факту проставим...

- По факту?! Так сколько мне так в отпуске сидеть?!.. - воскликнул молодой человек. - Я и не работаю и не... А если я увольюсь?

- Уволится ты можешь, только вернув деньги. То есть, заявление ты можешь написать, и я все оформлю. Но тут же, - на этот счет уже есть указания, на тебя будет подано заявление в полицию.

- Почему?!

- Как это, почему?!.. Ты расписку писал?! Писал! Все есть в бухгалтерии. Деньги не вернул. Все эти твои истории про обокрали... Где твое заявление в полицию, что тебя обокрали?!.. Да и как бы ты доказал, что ты не украл их сам?!.. Слушай, ладно, мне некогда с тобой все это тут размусоливать. Сам впутался, сам теперь и выпутывайся... Давай!..

Она бросила трубку.

Одно облако очень напоминало очертаниями носорога, а второе... «Что же это может быть?» - задумался Виктор. Он

смотрел на небо, стоя на тротуаре и ожидая, когда на светофоре загорится фигурка зеленого человечка. «Это гигантская черепаха, которую носорог сейчас ударит...» Но облака медленно ползли по небу, предвещая дождь, и гигантская черепаха двигалась вперед ничуть не менее проворно, чем преследовавший ее носорог, и шанса столкнуться у них не было.

«Главную ошибку я сделал в тот день, когда обнаружил пропажу денег. Мне надо было сразу обратиться в полицию, написать заявление, хоть что-то сделать... Как-то зафиксировать, что я ни в чем не виноват, не признаю вину... Я же всего лишь рассказал обо всем в бухгалтерии и отделе кадров!» - Витя шагнул, когда зажегся зеленый, на проезжую часть.

Теперь ему было ясно: он свалил дурака, поступил, как маленький мальчик - хотя бы матери надо было позвонить, она бы что-то посоветовала. Но он не рассказал ничего матери ни в тот день, ни позже. Постеснялся... Сделал все, чтобы оказаться со своей бедой один на один!

Жалкий маленький мальчик, которого взрослые дяди и тети обвинят теперь в преступлении!

«Надо было бежать к адвокату, к юристу, посоветоваться с кем-то, предпринять меры для своей защиты, а не тянуть тупо время, дожидаясь, когда станет еще хуже».

Он преодолел последний десяток метров, отделявший его от дверей банка.

«Куда я иду?!.. Надо было хотя бы заранее позвонить ему, договориться о встрече, - подумал Витя о своем работавшем в банке приятеле, Федьке Протасове. - Может, он уже и не работает там, уволился. Или в отпуске сейчас... Совсем я что-то плох, веду себя, как полный дурак!»

26.

Федька Протасов оказался в банке. Через несколько минут после того, как Виктор попросил сотрудницу, сидевшую за конторкой, позвать его, Федор вышел к нему в тесный холл.

Еще через четверть часа Витя шагнул от дверей банка обратно к светофору.

- Нужен поручитель... - сказал ему Протасов после того, как во второй раз, теперь уже - через полчаса, вышел к истомившемуся в ожидании Виктору. - Понимаешь, я кредитами не занимаюсь, это не мой профиль, но девчонки, которые на этом сидят, сказали, что просто так - без залога и поручителей, тебе денег не дадут... Ты ведь и так уже должен, на тебе кредит висит за машину. А зарплата у тебя - серая... Да и с поручителем могут не дать, у нас тут что-то в последнее время политика по кредитам то и дело меняется: то всем подряд раздают, то к тем,

кто, в общем-то, может отдать, придираются... Но, объективно, сейчас тебе, скорее всего, под более-менее нормальные проценты кредита не взять. А во всяких левых конторах я тебе занимать не советую. С ними ты вообще никогда по-хорошему не разойдешься. Отберут у тебя вообще все, что есть, в конце концов, да еще должен останешься...

Протасов заторопился:

- Все, дружище, извини, больше я тебе времени уделить не могу... У нас совещание у руководства. Сам понимаешь, не могу не пойти. Ты бы предупредил, договорился заранее, пообщались бы. А лучше - вечером, после работы...

Попрощавшись, Протасов ушел за конторку банка, миновал маленький зальчик, зашел в дверь.

Витя вышел на улицу.

Итак, кредит взять, скорее всего, не получится. Можно, конечно, попробовать продать автомобиль... Но как продать машину, за которую еще не рассчитался?! Какая-то уголовщина, выход не для него. Да и где эта машина - ее нет, и неизвестно, когда придет. Мать, конечно же, денег не даст. Как он ни будет клянуть, ее ответ можно предугадать заранее: сам впутался, сам и выпутывайся... Да ведь и в самом деле, он сам во всем виноват!

Значит, начальство настроено против него... - Припоминал он подробности разговора с кадровичкой. Это значит, что дело его - труба... Минеев вряд ли станет за него биться... Эх, не повезло ему тогда с Фроловым! Из-за этого случая начальство, наверняка, и стало думать о нем плохо.

Глупая случайность, но она, скорее всего, подкосила его репутацию больше всего. Такие мелочи, как назло, могут производить сильное эмоциональное впечатление!

27.

Зима на исходе. Солнце светит совсем по-весеннему. Снег, которого за зиму выпало совсем мало, давно растаял. Сухой асфальт, голубое небо, можно было подумать, что на улице апрель.

Виктор шел по улице после обеда в кафе неподалеку от офиса, где в обеденный перерыв собиралась добрая половина сотрудников их компании - во всяком случае, рядовых сотрудников (начальство обедало отдельно, заказывая еду в офис или разъезжаясь по ресторанам на деловые встречи).

Настроение у молодого человека - отличное. Ему как раз накануне одобрили кредит на покупку «молодежного» полуспортивного седана, и он шел, радуясь теплу, свету, представляя, как станет добираться до офиса на собственном автомобиле.

Странно вихлявшийся при ходьбе человек попал в поле его зрения еще пару минут назад, но поскольку он удалялся от Виктора по дальней дорожке просторного сквера, молодой

человек, увлеченный приятными мыслями, поначалу не обратил на него внимания.

Вихлявшийся человек, тем временем, прошел до конца дорожки и оказался у дороги, по которой мчались машины. Сейчас он сделает шаг в сторону зебры, автомобили остановятся, он покинет сквер и перейдет на другую сторону дороги на тротуар у стены дома. Что-то знакомое почудилось Вите в его фигуре.

Человек неожиданно передумал переходить дорогу, резко, словно делая балетное па, развернулся и двинулся в противоположную сторону.

Некоторое время он шел, не вихляясь, наперерез Виктору, расстояние между ними быстро сокращалось.

«Да это же Фролов!» - поразился Витя. Он со все большим напряжением вглядывался в приближавшуюся фигуру.

С Петькой Фроловым он пять лет проучился в институте в одной группе. Петр был малым достаточно странным - на первом курсе он поражал всех черными «сатанинскими» нарядами, мог заявиться на занятия в черном до пят плаще, расшитым серебряными перевернутыми пятиконечными звездами, черной шляпе и черных сапогах. Всем рассказывал, что играет в рок группе, воплощающей идеи «религии Люцифера». При этом малым он был достаточно безобидным, учился если и не на отлично, то, во всяком случае, не хуже многих.

Потом поползли слухи, что Петька употребляет наркотики. Черный плащ с сатанинскими звездами он больше не носил. На занятиях стал появляться сначала через раз, а потом и вообще редко. Одет каждый раз был в грязные, заношенные, словно с чужого плеча курточки и джинсики. Взъерошенные, давно не мытые волосы топорщились в разные стороны, а взгляд Фролова бегал, стараясь не встречаться с взглядами институтских одноклассников.

Потом он вообще куда-то исчез, и Витя слышал, что Фролов взял академический отпуск. Когда Виктор защищал дипломный проект, Петьки в их группе уже не было...

«Что с ним такое? Почему он вихляется? То ли болен, то ли... Да, конечно, наверняка, под наркотой! Лучше мне с ним не встречаться!» - подумал Витя.

Как назло, дорожка, по которой шел Виктор, пересекалась с Фроловской и свернуть было некуда - разве, что двинуться напрямки по траве. К тому же, Петька явно посматривал в Витину сторону. Неужели узнал?!.. Да и почему бы ему его не узнать, не изменился же он за последние несколько лет до такой степени, чтобы его не узнал бывший одноклассник?!

Виктор сбавил шаг, рассчитывая, что Петр пройдет на некотором расстоянии от него своим путем, но тот дошел до пересечения двух дорожек и остановился, поджидая Витю. Значит, заметил, узнал. «Зачем я ему сдался после стольких лет!.. Впрочем, сколько там лет прошло?.. Всего-то года три, не больше...»

28.

- Витек, мы должны с тобой отметить нашу встречу дружеской посиделкой.

- Какой еще посиделкой?

- Пойдем сейчас куда-нибудь посидим...

- Как мы посидим, Петька, я на работе...

Фролов, до этого после каждого сказанного им слова хихикавший, словно он вспоминал о каких-то, известных только ему одному смешных обстоятельствах, теперь начал в голос, широко раскрывая рот, хохотать.

- Чего я такого смешного сказал?! - поразился Виктор.

Но он уже понимал, что поражаться нечему - знакомый его находится в состоянии наркотического опьянения и совершенно невменяем.

- Что ты такого смешного сказал?! - Петя опять зашелся смехом.

Виктор тут обратил внимание, что носок правой кроссовки, надетой на его институтском знакомом, полностью разорван и сквозь дыру видны грязные пальцы.

Петька принялся напевать какую-то песенку на английском. При этом руки его словно бы играли то на воображаемой электрогитаре, то выбивали невидимыми палочками дробь на невидимой ударной установке.

Потом Фролов перестал играть на музыкальных инструментах и петь и стал, громко выкрикивая какие-то непонятные слова, которые, насколько мог судить Витя, были просто набором звуков, отдаленно напоминающие те, что встречаются в английском языке, пританцовывать... При этом две части его разорванной кроссовки разошлись сильнее, и голая ступня вывалилась вперед. Фролов наступал ей на холодный асфальт, но видимого азарта, с которым он выделял свои танцевальные па, это несколько не уменьшало.

Они уже покинули сквер и шли по улице. Через квартал справа будет здание. В нем - офис компании, в которой работал Виктор.

«Черт бы его побрал! Повстречался на мою голову! Как бы от него побыстрее избавиться?!» - думал молодой человек.

Но Фролов, словно уловив флюиды, которые исходили от старого знакомого, перестал пританцовывать. Сунув руки в карманы надетой на нем курточки, которая, как только теперь заметил Виктор, была перепачкана в глине, словно Петька спал в ней где-нибудь под кустами (скорее всего, так оно и было!), молча пошел рядом.

«Ладно, черт с ним, пусть идет! Сейчас дойду до офиса и быстро нырну в двери, а он пусть катится дальше!» - Виктор прибавил шаг, но Фролов тоже пошел быстрее, грязная ступня его высунулась из кроссовки больше, чем на половину. Пятка

кресовки шмякала при каждом шаге об асфальт, но знакомый Виктора не обращал на это никакого внимания.

- Вить, слушай, я хочу тебя попросить... Дай мне денег, - негромко начал Фролов.

«Вот оно, началось! Чего же можно ожидать от наркомана?!» - Виктор еще прибавил шаг.

Петька не отставал:

- Я тебе отдам, клянусь! Завтра же отдам. У меня дома деньги есть, но просто мне ехать далеко...

- Да нет у меня, Петя, извини, не могу...

Фролов вдруг как-то судорожно шаркнул подошвой разорванного кресовка об асфальт, и голая ступня мгновенно убралась внутрь рваной обуви.

Он, видимо, уже привык к этому рваному кресовку, к тому, что пальцы вылезают наружу. Наловчился шаркать подошвой так, чтобы нога придвигалась пяткой к заднику, а пальцы убирались обратно в дырку.

Петька выпрямился, как-то весь подсобрался и, по-прежнему торопливо шагая рядом с Виктором, произнес:

- Эх, Витек, куда делись наши институтские годы, а?!.. Я вот даже ни с кем из наших и не общаюсь, как будто и не учился... Ты вот кого-нибудь видишь?

- Да так, сообщениями со многими обмениваюсь, но...

- Но, наверное, так... формально, без особой душевности! - перебил его Фролов.

Виктор скосил на него глаза: Петр шагал, глядя себе под ноги. Сейчас, если не обращать внимание на рваный кресовок, вид у него был вполне рядовой - даже грязь на куртке не очень бросалась в глаза.

До самого офисного здания Фролов больше не произнес ни слова.

Успокоенный этим, Витя сделал роковую ошибку: у входа в здание он остановился и, повернувшись к Фролову, проговорил:

- Ну, здесь расстанемся. Будь здоров!

Уже когда он произнес эту фразу, он разглядел, что глаза у Петьки совершенно безумные... И еще - за его спиной к тротуару подкатило такси, из которого выбрался директор, главный бухгалтер и один из учредителей их компании. Откуда, с каких переговоров они возвращались - этого Петр не знал.

Фролов что-то пробормотал себе под нос и следом схватился обеими руками за пояс штанов.

Директор, бухгалтерша и учредитель стремительно преодолели несколько шагов, отделявших их от Виктора и, подойдя к нему, остановились.

Директор компании покосился на Фролова, а потом, повернувшись к Вите, сказал:

- Виктор, мы как раз говорили о вас. Нам нужно понять, как обстоят дела по вашему проекту, Минеев вас продвигает, но он, к сожалению, сейчас заболел...

В это мгновение Петька воскликнул:

- Виктор мой друг, я его в обиду не дам! - он схватил директора за локоть, но тут же отпустил его.

Директор повернулся к Фролову.

- Перестаньте это ваше «нужно понять»! - проговорил Петька, глядя на директора, но как будто даже и не видя его, потому что взгляд Витиного знакомого словно бы проходил сквозь директора, устремляясь куда-то дальше. - Мы сейчас уходим. У нас с Виктором дела... Сейчас... Мы тут... Сейчас я вам покажу, какие дела.

С этими словами Фролов принялся расстегивать ремень, пуговицу и молнию надетых на нем грязных заношенных джинсов.

Бухгалтерша издала какой-то странный звук, похожий на стон.

- Петька, ты что?! Прекрати! - сказал Виктор, не подумав...

Говорить ничего не стоило. Надо было молча и быстро зайти в здание. Не продолжать никакого разговора. Не создавать впечатление, что Петька, и в самом деле, его друг... Но все это дошло до Виктора лишь потом.

- Это ваш приятель?! - резким тоном спросил у Петра повернувшийся к нему директор.

- Да... Но... - промямлил Виктор.

- Мы - старые друзья, а сейчас пойдем дальше и продолжим отдыхать... - сказал Фролов.

- Что он делает? - воскликнул директор, потому что в этот момент Фролов стремительно расстегнул куртку и сбросил ее на асфальт.

Следом он опять попытался снять джинсы, но не смог расстегнуть заевшую молнию.

Бухгалтерша взвизгнула и бегом кинулась в офисное здание.

Фролов скинул с себя майку и, оставшись полуголым, принялся, пританцовывая, петь какую-то песню на английском.

- Что это?!.. Скажите ему! - закричал, обращаясь к Виктору директор.

Но прежде, чем молодой человек успел произнести что-то, откуда-то из-за его спины появился Мороховский, - он, видимо, тоже возвращался с обеденного перерыва.

- Геннадий Иванович, Герман Николаевич! - громко воскликнул он, обращаясь к директору и учредителю. - Они же под наркотиками, неужели вы не видите?! Скорее идите в здание, надо вызвать охрану!..

Директор встрепнулся, злобно посмотрел на Витю и торопливо пошагал к входу в офисный центр.

Герман Николаевич, один из трех учредителей компании, презрительно хмыкнул, посмотрел сначала на Фролова, который продолжал с отсутствующим видом гнусаво мычать какую-то песню и неловко пританцовывать, потом на Виктора и не торопясь, с достоинством последовал за директором.

- Ну и компанию ты водишь, Виктор! - воскликнул Мороховский и поторопился за начальством.

- Наркоманы чертовы! - громко воскликнул Мороховский, уже входя в здание и явно имея ввиду не только полуголого танцора, но и Витю.

Только тут Виктор пришел в себя и, больше не обращая внимания на невменяемого Петку, поторопился следом за всеми в офис.

Уже когда он, поднявшись на этаж, выглянул в окно, то обнаружил, что ни Фролова, ни сброшенной им на асфальт одежды перед входом в здание нет...

29.

Через час Виктора вызвали к учредителю - тому самому Герману Николаевичу, самому старшему по возрасту из троих человек, два десятка лет назад основавших их компанию.

Шагая по длинному коридору, Витя надеялся, что речь пойдет о его бизнес-проекте, но уже по тому, как угрюмо и недоверчиво посмотрел на него Герман Николаевич, едва он только перешагнул порог его просторного, со вкусом и богато обставленного кабинета, - напольные часы с боем, дорогая мебель из натуральной кожи, высокие, украшенные резьбой по дереву шкафы с книгами, - понял: разговор будет не о бизнесе.

«Неужели все-таки эта идиотская встреча у подъезда будет иметь последствия?!» - с раздражением подумал Виктор.

Жестом пригласив его садиться на удобное кожаное кресло, приставленное к его столу, учредитель с полминуты придирчиво всматривался в молодого человека.

Уже потом, прокручивая в памяти все, что с ним произошло, Виктор понял: в этот момент Герман Николаевич пытался обнаружить у него какие-то признаки наркотического опьянения.

И лишь не заметив ничего подозрительного, заговорил:

- Послушайте, Виктор... Нет, я не пытаюсь указывать вам, с кем вам дружить, но вы должны делать это в вечернее время, после работы и не здесь, в офисе... - произнес Герман Николаевич. Чувствовалось, что он старается говорить, как можно более мягким тоном.

- О чем вы, я не понимаю, - сказал молодой человек, хотя, конечно, он прекрасно понимал, о чем идет речь.

- Ваш друг, с которым вы там были. Он... Он же наркоман! Не понимаю, как вы... Вы видели, бухгалтерша... Она напугалась...

- Да, это, конечно... Но он мне никакой не друг... Так, старый знакомый. Понимаете...

- Ах, старый знакомый! - перебил Витю учредитель.

- Так-так... - многозначительно добавил Герман Николаевич.

Виктор испытал досаду: явно учредитель решил, что они с Петькой вместе проводили время, а потом Фролов проводил друга к офису.

«Какой бред! Неужели они не видели, что Петька вообще ничего не соображает!.. Как они представляют нашу встречу?! Тем более, что на нее у меня был только час обеденного перерыва».

- Герман Николаевич, я не понимаю... Видите ли, это старый знакомый... - начал рассказывать Виктор, пытаюсь оправдаться.

- Насчет старого хорошего знакомого я уже понял, - вновь перебил его тот. - Давайте прекратим этот разговор. Тем более, что мне не очень хотелось его начинать. Я думаю, что вы учтете то, что я... - он замялся. - То, что я хотел до вас донести.

- Вы работаете у нас недавно, - сказал учредитель, поднимаясь из-за стола.

Виктор тоже встал с кресла.

- Вы уже испытательный срок прошли? - спросил Герман Николаевич, направляясь к двери кабинета.

Витя кивнул головой.

- Но все равно, я думаю, вне зависимости, находится сотрудник на испытательном сроке или нет, он должен думать, соответствует он требованиям компании или нет, в том числе в плане корпоративных норм поведения.

Герман Николаевич распахнул дверь и первым вышел из кабинета в маленькую приемную, в которую выходили двери кабинетов двух других учредителей и директора.

- Пожалуйста, Алла, совещание, которое у нас назначено на четыре... Оповестите всех, что оно переносится на час. Мне нужно сейчас уехать, - бросил он сидевшей за столом в приемной секретарше и, не обращая больше никакого внимания на Виктора, вышел из приемной и направился в туалет.

Через несколько дней Виктор узнал, что Мороховский изо всех сил распространяет про него слухи, что он якобы употребляет наркотики...

Уже после того, как у Виктора украли подотчетную сумму, он узнал, что Мороховский жалуется, что у него до этого тоже, вроде, несколько раз пропадали небольшие суммы денег, но он не сообщал никому, так как не был уверен, что это не он сам по рассеянности их не задевал куда-то...

«Да-а, мнение у всех обо мне должно было в результате сложиться вполне определенное: и сам я - тайный наркоман, и друзья у меня - наркоманы, соответственно деньги я, скорее всего, похитил сам и потратил на наркотики. А потом выставил все так, что меня обокрали... А перед этим не раз втихаря и непоиманный запускал руку в карман Мороховского... Да будь я на месте Германа Николаевича, я бы и сам, наверное, в это поверил!.. Плохи мои дела, одним словом...» - думал Витя.

Он вдруг понял, что стоит на одном месте в нескольких метрах от витрины банка, раскрыв рот. Друг его где-то там, за стеклом, может видеть его... Уже потешается над ним?..

Витя медленно пошел вперед...

«Получается, все конец!» - продолжало нестись у него в голове.

С неба принялись падать крупные капли какого-то случайного слепого дождя, но он не обращал на них внимания.

«Но почему же сразу конец?» - возразил он самому себе.

И тут же ответил:

«Да потому что!.. Минеев вряд ли станет меня выгораживать. Никаких особых результатов по своему проекту я добиться так и не успел... Сейчас дело вообще стоит. Деньги мне взять неоткуда, а если я их не верну, они, скорее всего, засудят меня. Все козыри на их стороне: и юристы, и сами обстоятельства дела... Нет, много мне конечно не дадут... Скорее всего, вообще отделаюсь условным... И что же потом - с судимостью, без работы...»

Он словно бы пришел в себя и опять обнаружил, что стоит посреди тротуара... Провел кончиками пальцев по щеке... А из глаз текут слезы!

Опять пошел. «А чего я хотел?!.. Бунтарь!.. Ну, вот, добунтовался. Все ровесники, небось, наслаждаются жизнью, крутят любовь, а я... Говорила мне тогда в сквере на обрыве Евлампия!.. А я все характер свой показывал, необычностью своей гордился. Да ведь она была права!»

Витя вновь остановился: то, что он все время мысленно возвращается к тому разговору с Евлампией, думает о ней, поразило его. «А мне-то всегда казалось, что та короткая прогулка на обрыве - так... Не самый последний, но и не самый значительный эпизод, а Евлампия... Никак не могу ее забыть!»

Обернувшись, обнаружил, что отошел от банка всего на длину одного дома. Решительно зашагал вперед. Но постепенно движения его стали терять энергичность, шаг замедлился. «Куда я иду? Домой?.. Что мне там делать?.. Надо искать какого-нибудь адвоката, рассказать обо всем матери... Боже, какая тоска!»

И тут ему почему-то подумалось о сквере у канала, о дорожках под разросшимися кронами деревьев, с которых видна спокойная гладь воды. «Пойду туда, там я все еще словно бы в прошлом. Можно бродить и ни о чем не думать, потому что ничего еще нет... Все только будет...»

Снова подумал о Евлампии, о дне того разговора с ней, о тайном обществе бунтарей и индивидуалистов...

«Эге, не вымокнуть бы мне до нитки!» - подумал Витя, глядя на небо, которое все сильнее затягивало черными грозовыми тучами.

«Что я потащился сюда? Надо было после банка домой идти...»

Он подошел к краю обрыва и всмотрелся в покрытую рябинами от набегавших порывов ветра гладь воды.

Он так устал от переживаний, что просто стоять и смотреть на рябившую воду, и ни о чем при этом не думать - доставляло ему неизъяснимое наслаждение.

Витя вспомнил, как в младших классах он собирался построить маленький кораблик и спустить его вот здесь, в двух шагах от их школы, на воду. Кораблик он так и не построил, но долгое время, проходя по обрывистому берегу, и глядя на воду, представлял, как его кораблик, - он представлял его трехтрубным боевым крейсером, - покачивается, - маленький, беззащитный на огромной глади водоема, но, тем не менее, не сдающийся обстоятельствам и готовый плыть как угодно далеко.

Крейсер он не смастерил, зато вскоре на столе в его комнате и рядом со столом, - на леске, свисавшей с потолка, - появилась эскадрилья самолетов-моделей.

Виктор глубоко вдохнул резко посвежевший воздух. Приступ тоски, охвативший его, отступил, но молодой человек знал: если сейчас он в который раз примется думать о своих бедах, она неминуемо вернется. Он постарался отвлечься, принялся представлять свой кораблик - крейсер, - таким, каким он намеревался его сделать. Вот, он, к примеру, плывет вон там вот, на самой середине канала, он такой маленький, что его не различить отсюда. Разве что рассмотришь что-то, похожее на темную черточку, щепочку, болтающуюся на воде. Но вот крейсер приближается к берегу... Его уже можно рассмотреть: носовую артиллерийскую башню, трубы, рубку, в которой находится рулевой и капитан с офицерами...

Виктор блаженно улыбнулся... «Да я же совсем маленький еще, ребенок!» Черт его знает, сколько с тех пор прошло времени, а мысли о модели крейсера доставляют ему неизъяснимое наслаждение!.. А куда же пристанет его крейсер?

Молодой человек сделал шаг к обрыву и наклонившись, посмотрел вниз, на узенькую полоску земли под обрывом, у которой поблескивала вода...

«Да, вот сюда можно пришвартоваться!»

Резкий порыв ветра ударил Виктору в спину, дернулись, зашумели листвою ветви деревьев над его головой. Молодой человек отпрянул от края. Такой порыв ветра может запросто утопить его посудинку!..

Но тогда на помощь команде корабля придет самолет. Витя опять блаженно, совершенно по-детски растянул губы в улыбке.

Да, его самолет, тот самый, который висит на лесках, прикрепленных к потолку в комнате его нового дома. Экипаж воздушного судна не забыл дорогу сюда, в свои прежние, главные и любимые места!

Витя закрыл глаза и представил, как маленькая модель самолетика, вращая винтами, летит над улицами, домами, перекрестками сюда, к каналу.

Ударил еще один порыв ветра, вновь зашумела листва деревьев, что-то вверху хрустнуло, щелкнуло, должно быть сломалась сухая ветвь. Потом все стихло.

Витя медленно открыл глаза, посмотрел вдаль, на середину канала, потом ближе, - никакого крейсера нигде, конечно, не было.

Что-то его беспокоило в эту минуту. Что-то, что он чувствовал очень смутно, но, тем не менее, не мог из-за этого продолжить свои приятные мечтания: ему хотелось еще представить, где, над какой улицей или перекрестком сейчас находится спешащий на выручку военному кораблю маленький самолетик, но он не мог этого сделать. Какая-то заноза сидела в мозгу...

Он повернулся.

Было пасмурно, небо по-прежнему закрывали темные грозовые тучи, но дождя не было. И ветер стих - на деревьях в сквере не шевелился ни один листик.

В нескольких местах по бокам дорожек были недавно вкопаны новенькие красивые скамейки, - раньше, когда Виктор учился в школе, таких тут не было.

На одной из скамеек, самой ближайшей к нему (хотя до нее все равно было метров двадцать) сидела Евлания. Он сразу узнал ее, - девушку невозможно было не узнать: она была в точности такой, какой запомнилась ему по выпускному классу. И эти длинные ниспадавшие на плечи волосы, и высокий лоб, и благородные черты лица. И даже платице, - теперь уже немодное, - кажется, она еще тогда его носила!

И самое главное и невероятное - она смотрела на него, не отворачиваясь и... Этого не могло быть, потому что в его представлении, узнав его, Евлания должна была тут же отвернуться, всем своим видом показывая, что она не узнает его, ей не до него и она не хочет с ним встречаться.

Но она смотрела и улыбалась.

Ему улыбалась.

31.

Потом Витя много раз обдумывал то, как все это произошло. Он хотел даже в какой-то момент отвернуться, посмотреть куда-то в сторону, на какие-нибудь окна верхних этажей «Чаяк». Представлялось, когда повернется обратно - Евлания на скамейке уже не будет. Успеет встать и двинуться, не оборачиваясь, как в прошлый раз, от Виктора.

Но ее взгляд не отпускал его, как замороженный он сделал несколько шагов в сторону девушки. Она как-то слегка повела головой в сторону, как будто у нее затекла шея, улыбка на

мгновение сошла с ее лица. Но следом она улыбнулась вновь. Сомнений не было: она улыбалась ему!

Он медленно преодолел разделявшее их расстояние, все время, пока шел, она улыбалась ему словно бы приклеенной улыбкой.

Ему даже стало казаться, что это - не она, а какая-то другая девушка, внешне очень похожая на Евлампия, но все равно - не она, потому что Евлания никогда бы не стала улыбаться ему столь лучезарно.

- Привет, давно не виделись! - едва он произнес эти слова, прямо ему в спину ударил сильный порыв ветра.

Виктор зябко поежился и подумал о том, что напрасно, выходя из дома, он не захватил с собой какую-нибудь курточку. В такой холодный день она бы не помешала.

- Привет, - проговорила она, по-прежнему как-то неестественно улыбаясь и ему вновь подумалось, не ошибся ли он, та ли эта девушка, с которой учился в школе. «Но если это кто-то другой, то почему она со мной поздоровалась, как со старым знакомым?!»

Вновь порыв ветра, и он опять зябко поежился.

- Отдыхаешь, дышишь воздухом? - спросил он, а сам вдруг испугался: да ведь эта ее улыбочка - это какое-то плохо прикрытое издевательство над ним! Ну, конечно же! Все точно! Сашка, у которого он спрашивал в прошлый раз про Евлампия, встретил ее и рассказал, что он, Виктор, по-прежнему проявляет к ней интерес («Хотя, я же не проявлял к ней никакого интереса!.. То есть, я спросил... Но так... Даже сам не зная, зачем спросил!»).

Узнав от Сашки об его расспросах, красавица Евлампия (Теперь, уже по прошествии шести лет, он вдруг понял, почему их матери считали ее внешность необыкновенной...) решила теперь поглумиться над ним, поиздеваться над тем, что у него совершенно нет гордости: один раз шесть лет назад она уже поговорила с ним пренебрежительно, а он опять готов унижаться перед ней и ищет встречи.

Обида, душевная боль пронзили молодого человека. И от этого боль телесная вдруг проснулась в нем - он простудился, похоже, бродя, не помня себя, в сегодняшнюю сырую, ветреную погоду - тело заныло, заломило руки, ноги.

Если бы можно было развернуться и бежать прочь, он бы так и сделал, но уже поздно.

Евлампия ответила без тени насмешки:

- Да, мне нравится здесь сидеть. Послушай, я так рада тебя видеть! - девушка по-прежнему улыбалась, но улыбка стала немного другой: если прежде в ней читалась самоуверенность и можно было заподозрить насмешку в отношении того, кому она была адресована, то теперь она была мягкой, женственной. Евлания словно ласкала его глазами.

И с чего это он решил, что она намерена над ним издеваться?!

Он почувствовал, как его состояние, до этого подавленное, стремительно улучшается, его начинает охватывать нервная взвинченность - ощущение, что происходит нечто невероятное, во что еще вчера невозможно было поверить: Евлампия, которая, как ему всегда казалось, относилась к нему с высокомерием, полностью изменила тон.

- Тебе приятна наша встреча? - спросил он с ироничной усмешкой и сам себе поразился: его отношения с девушкой и в самом деле изменились, раз он сейчас свободно подтрунивал над ней. Во время их единственного разговора наедине годы назад он не мог позволить себе никакой иронии по отношению к ней, потому что в этом случае она бы просто стремительно прекратила разговор и быстро скрылась в подъезде своего дома в «Чайках».

Она, казалось, вовсе не заметила теперь его иронии и проговорила серьезно:

- Да, конечно, очень приятна. Я знаешь, очень мало вижу кого-нибудь из тех, с кем училась. Такой недружный класс!

«Недружный класс?! Да так ли тебе была нужна эта дружба, когда мы все вместе учились вон в той школе?! - подумал в этот момент Виктор. - Хотя, черт его знает, может, за эти прошедшие годы Евлампия так переменялась, что стала по-другому относиться ко всему, что было».

- Нет, ты только не подумай, что я в чем-то обвиняю тебя. Ты тут совершенно не при чем. Ты-то из наших ребят... Да и при чем тут только ребята, среди всех - и мальчиков, и девочек, был одним из самых дружелюбных. Может, это никто не понимал тогда, потому что мы глупенькие еще были в те годы... - произнесла девушка, подтверждая догадку о том, что она переменялась.

- В те годы... - повторил за ней Виктор. - Так говоришь, словно прошло бог знает сколько: столетие, тысячелетие, эра!.. Как будто целая вечность миновала! Миллионы столетий и миллионы вечностей! Между тем, прошло всего-то шесть лет, даже, может быть, меньше. Это совершеннейшая ерунда!

Он с такой горячностью произнес эту тираду, что, кажется, сам вдруг проникся мыслью - а ведь, и в самом деле, прошло, по космическим меркам, не так уж много - всего-то шесть лет и, не большим преувеличением будет, если он вдруг вообразит, что их школьные годы еще рано записывать в давно миновавшую историю, а их несостоявшиеся тогда в тот еще школьный день отношения с Евланей в такие отношения, в которых поставлена окончательная жирная точка.

- Да, конечно, ерунда все эти годы, которые прошли! - согласилась она с его мыслью.

- Устал, садись вот сюда, - добавила девушка ласковым тоном и слегка подвинулась по скамейке к краю, освобождая место, которого и без того было полно.

Витя охотно уселся на скамейку: как-то он через-чур переутомился за этот день. Вроде бы ничего особенного не

делал, изнурительной физической работой не занимался... От слабости его немного шатало, по спине то и дело пробежал озноб.

«Да и похолодало! - пронеслось у него в голове. - Зря не одел, выходя из дома, курточку... Тучи, ветер, погода испортилась!»

«Да еще и переутомился я, должно быть...» - продолжал думать он.

- А я вот, знаешь, сейчас, можно сказать, на перепутье... - ласковым тоном говорила ему Евлания, и тут же все посторонние мысли вылетали из его головы. Он видел только ее лицо: глаза, губы, высокий чистый лоб. Ее отличала какая-то особенная бледность, но ему казалось, что она ей идет. От этой бледности Евлампия только похорошела.

- На перепутье? Это как?

- Я в одной фирме работала, но уволилась... Сейчас жду новое место, очень интересное, которое мне хотелось бы получить, но оно знаешь... Как это называется, временное. Девушка, которая его сейчас занимает, уходит в декретный отпуск. Как только это произойдет, на ее месте начну работать я...

«Ах вот оно что! - пронеслось в голове Виктора. - Теперь все понятно: она временно не удел, собственно, как и я, бродит по бережку, гуляет, убивает свободное время...»

- А ты чем занимаешься, Витя? - спросила Евлампия и так ласково посмотрела на него, что он почувствовал, что от счастливого предчувствия словно бы медленно, став по мановению волшебства невесомым, взмывает над землей, а душа его давно парит, словно птица...

И не волнует его при этом, что все тело его трясется в ознобе, ломит руки и ноги, - похоже, он простудился и у него поднимается температура.

Странная мысль мешает Виктору сосредоточиться на разговоре с Евлампией: получается, стоило ей поговорить с ним ласково, да не просто ласково, а так, что... Он уверен, если сейчас осторожно возьмет ее за плечи и притянет к себе, чтобы поцеловать, девушка не станет противиться!.. И вот, едва понял, что дело обстоит именно так, ощутил себя, словно Евлания всегда оставалась единственной целью жизни, а дружба с ней - пределом надежд, неожиданно ставшим явью.

«Но, если бы я сейчас ее не встретил?!.. Я бы, наверное, даже не вспомнил о ней... Бродил бы сейчас по бережку, думал о модели самолетика, которая летит на помощь плывущей по глади канала модели крейсера...»

Вслух он после некоторой паузы сказал:

- Да я сейчас в отпуске... А так, работаю в одной фирме, занимаюсь оборудованием... Но что-то мне не нравится. Платят вроде бы неплохо, но перспектив для роста - никаких, да и коллектив подобрался такой, что просто хоть кричи «караул» - склочники, интриганы... Думаю, надо уходить, вот отпуск взял, чтобы перевести дух, поразмыслить, а то чувствую - все как-то не то... Не об этом я мечтал!

- Слушай... - со счастливой улыбкой произнесла Евлампия. - Получается, мы с тобой сейчас встретились... Вроде, как два человека в одинаковом положении - и ты, и я своей работой недовольны и теперь - в поиске!.. И в отпуске! - она задорно рассмеялась.

Виктора опять озноб продрал по коже, - он тоже улыбнулся, но из-за одолевавшего его болезненного озноба улыбка вышла кривой.

- Витя-Витя, мы как будто с тобой начинаем новую жизнь, ты и я! - уже без смеха проговорила она и с какой-то особой лаской, какую он и вообразить не мог с ее стороны, когда учились в школе, посмотрела на него.

Лицо ее показалось ему прекрасным.

«Наши матери, когда мы учились в школе, были неправы, когда считали ее красавицей, - она не просто красавица, а необыкновенная красавица!» - с восторгом подумал Виктор.

Но почему же он раньше этого не замечал?! «А ответ очень прост!» - пронеслось у него в голове.

Все дело - в выражении ее лица, в неких едва уловимых оттенках чувств и настроении, читавшихся в нем. Прежде, в выпускном классе это была надменность, неприязнь, сухость, чувство превосходства, теперь же - доброта, симпатия и... В это невозможно было поверить, но Витя чувствовал, не ошибается: любовь!

Ни говоря ни слова, Евлампия встала со скамейки и медленно двинулась в сторону «Чаяк»...

- Не провожай меня, с минуты на минуту подойдет мать... Иди, я тебя прошу, иди!.. Увидимся! Ты давай, не пропадай!..

Он поднялся следом за ней со скамейки, пошагал по дорожке, но произнести ни слова в ответ не мог - его колотил озноб.

- Я... - все же выдавил из себя он. Подбородок дрожал, зубы норовили застучать друг о друга. Он хотел предложить ей обменяться телефонами, в ближайшие дни встретиться, но словно бы чувствуя, что он сейчас скажет это и не желая отвечать ему ничего, Евлампия приложила пальчик ему к губам:

- Молчи, Витенька, ничего не говори, увидимся! - произнесла она очень ласково.

Какие-то словно бы не ему принадлежавшие и не в его голове рождавшиеся мысли мелькали в сознании: «Ничего, я же знаю, что она живет в «Чайках»... Я буду ждать ее у домов, и она рано или поздно из них выйдет...»

Зачем он станет ждать ее? Что он себе вообразил?..

Когда он пришел в себя, Евлампии рядом с ним не было, он резко повернулся, осматривая сквер и его окрестности, но ее нигде не было - испарилась!

Витя медленно пошел к проспекту.

Перед тем, как покинуть сквер, молодой человек обернулся: Евлани не видно.

«А чего я ожидал?! Она, само собой, уже дома, в своей квартире. Может быть, смотрит в окно, отодвинув край

занавески, на меня...» - он инстинктивно бросил взгляд на один из домов «Чаяк» - тот, в котором жил Сашка, там же где-то и квартира Евлампии.

32.

Половина сидений в автобусе, в который Витя заскочил, решив, что на такси ему теперь надо экономить, были пустыми.

Сидеть не хотелось, - Виктор был перевозбужден, весь во власти переживаний из-за встречи с Евлампией.

Все то, что с ним случилось - невероятно! Если бы еще сегодня утром, когда выходил из дома, кто-нибудь описал ему это ближайшее будущее, он бы ни в коем случае не поверил.

«Почему я не спросил у нее номер ее телефона?!.. А почему я должен был его спросить?! Потому что я как будто вернулся в тот школьный день шесть лет назад! А в тот день я пригласил ее на прогулку, но она отказалась. Сейчас бы она согласилась... Невероятно, что происходит?!.. И что мне за дело до этой Евлампии?»

Но он вспоминал ее лицо, волосы, руки, всю ее фигуру в простеньком платице, и понимал: теперь будет думать о ней постоянно.

«Все же странная встреча, совершенно невероятный поворот в отношениях!»

Хотя, с чего он взял, что был какой-то «поворот»?! В тот памятный школьный день... Мало ли что тогда могло быть! Она могла быть просто не в духе, плохо себя чувствовать. Может, если бы он тогда был немного настойчивей...

Он вдруг почувствовал сильную боль под ребрами и инстинктивно схватился за бок рукой.

Слегка наклонившись вперед, чтобы ослабить боль, успокаивал себя: «Сейчас пройдет... Еще каких-нибудь полминутки... Вот сейчас...»

Но боль не проходила, наоборот, в ней появились какие-то новые оттенки, - она словно бы начала распространяться из подреберья ниже, стрелять в шейку бедра.

Витя медленно, хватаясь за поручни, преодолел расстояние меньше, чем в метр, отделявшее его от свободного сиденья и осторожно опустился на него.

Автобус сделал остановку, впустил и выпустил пассажиров. Боль стремительно, так же, как и возникла, начала отпускать.

Витю с новой силой принялся трясти озноб.

«Что же со мной такое?! - с тоской думал он. - В довершении ко всему, я еще и разболелся!»

Мысли его с приятной встречи с Евлампией перескочили на сегодняшний разговор с кадровичкой, поход в банк.

Витя медленно шел по улице, вон там за углом сейчас покажется его новый дом.

Молодой человек посматривал по сторонам, словно впервые видя и эту улицу, и стоявшие на ней дома с нависшим над ними низким небом.

Все казалось ему чужим, каким-то неприятным, отталкивающим, словно он случайно оказался в этих местах по какому-то тяжелому для него делу. Оно вызывает у него плохое настроение, и уже он сам не может понять: то ли это дело портит ему кровь, то ли сами эти места таковы, что могут и без других обстоятельств вызвать у тех, кто в них оказался, тоску.

«Неужели никогда уже не будет мне счастья?! - думал он. - Все у меня в этих краях пошло наперекосяк. После того, как мы сюда переехали, я и в институт поступил не в тот, какой хотел, и учился как-то так.... Без особого настроения... А как работать пошел, так вообще...»

Из-за угла показался их новый дом.

«Да я уже почти что ненавижу его!» - подумал Витя и сам поразился собственной мысли.

«Но что же мне теперь делать? Разве что уговорить мать поменять квартиру на другую, ту, которая будет в прежних краях», - у него продолжало, хоть и несильно, колоть в боку, но несмотря на это невольная усмешка искривила губы: представил, как мать отнесется к предложению ни с того ни с сего начать менять новую просторную квартиру на другую, такую же или даже хуже, но в другом районе. Да она просто повертит пальцем у виска!

Остается взять и самому приобрести себе жилье в прежних местах. Только вот что-то с зарабатыванием денег у него не ладится! С исчезновением крупных сумм - вот здесь все в порядке!

Витя опять криво улыбнулся сам себе.

«Да ведь есть еще один выход! - подумал он тут же с грустной самоиронией. - Можно жениться на Евлампии и переехать жить к ней... Если, конечно, ее родственники не будут против еще одного жильца в их квартирке... Во всяком случае, время от времени я смогу там у них бывать».

33.

На следующее утро Витя проснулся в прекрасном настроении. Сидя в постели потянулся: «Словно и не было пропажи денег, вынужденного отпуска за свой счет... И все хорошо! И стоит у подъезда пригнанный из автосалона новенький автомобиль!»

Витя счастливо зажмурился. Как все хорошо! И вся счастливая картинка - фантазия, ложь. Дела чудовищно плохи. Отчего же ощущение счастья не покидает его.

«Евлампия! - ответил на собственный вопрос молодой человек. - Дело только в ней».

Откинув одеяло, он сел на кровати - она была та же, что стояла в его комнате в старой квартире: узкая, с потрепанной обивкой. При переезде мать предлагала ему бросить ее в обреченном на снос доме, а в новую квартиру приобрести новенькую мебель, но он отказался.

«Болезненная привязанность, как сказал недавно психолог!» - подумал Витя.

За окном ярко светило солнце - со вчерашнего дня распогодилось. Молодой человек поднялся с кровати, потянулся и тут же почувствовал боль: ломило крестец, ключицы, плечи, предплечья. Сделал несколько шагов - по позвоночнику, заставив содрогнуться, пробежала змейка озноба.

Прислушиваясь к собственному состоянию, он медленно двинулся в туалет и на кухню.

Через десять минут, сидя на стуле за кухонным столом и вынув из подмышки электронный градусник обнаружил: тридцать девять и восемь!

Во всем этом была одна странность: у него и прежде случались в жизни утра, когда он просыпался с высокой температурой. И каждый раз он с первой же минуты после пробуждения оказывался во власти болезненных ощущений и плохого настроения, но сегодня Витя проснулся с высокой температурой и ощущением безграничного счастья!

- А, ну понятно, у тебя грипп! Сейчас как раз такой ходит. У нас у одной тетеньки на работе дочка им только что переболела, - сказала мать, после того, как войдя вечером в квартиру наткнулась на стоявшего в коридоре Витю. Он был бледен и держался рукой за стенку.

- Что с тобой?! - воскликнула она.

- Да так... - он сделал неопределенный жест рукой. Потом рассказал ей про температуру, про боли.

Умолчал о том, что целый день думал о Евлампии, проклинал себя за то, что не настоял на том, чтобы девушка дала ему номер своего мобильного телефона, искал ее в интернете, но обнаружил, что она не бывает на своих страницах в соцсетях, потом не выдержал, решил съездить в прежние места на берег канала, оделся, но уже когда начал обуваться, чтобы выйти из дома, закружилась голова, охватила слабость. Чтобы не упасть, был вынужден упереться рукой в стену. В этот момент и появилась мать.

- У ее дочки тоже поначалу живот болел, ноги-руки ломило, температура высокая, - говорила мать, проходя с доверху заполненными магазинными пакетами на кухню. - Давай, иди ложись, а я тебе сейчас что-нибудь поесть приготовлю.

Витя осторожно, не рискуя удаляться от стены, двинулся в свою комнату.

Когда он уже лежал на кровати, его охватила черная меланхолия: теперь у него даже нет сил вырваться из этих мест.

Может только лежать и смотреть на слегка покачивающийся из-за сквозняка на лесках самолетик, представляя как тот вылетает в окно и, изо всех сил вращая лопастями винтов, плывет над городскими кварталами туда, куда изо всех сил стремится душа хозяина этой комнаты - к берегу канала, где, может быть, бродит сейчас прекрасная молодая девушка по имени Евлампия, где неподалеку школа, в которой они вместе учились, а если пойти в другом направлении, то скоро набредешь на место, где стоял когда-то старый дом со стенами, с которых во многих местах облезла штукатурка.

Дома этого уже нет, вместо него - ровная, поросшая кое-где травой площадка, но когда он стоял там, на третьем его этаже было окно, за которым висел на спускавшихся с потолка лесках этот самый самолетик и жил мальчик Витя - сначала совсем маленький, потом - побольше, потом и вовсе - рослый крепкий парень семнадцати лет...

Когда мать, неся на подносе горячий только что приготовленный ужин - телячьи котлетки, вареный картофель, зеленый горошек и горячие тосты с сыром и ветчиной, - вошла в комнату, Витя, запрокинув голову и раскрыв рот, спал. Из горла его доносились хриплые, клокотавшие звуки...

Самолетик по-прежнему медленно покачивался на своих лесках. Винты двух моторов на крыльях были неподвижны, но за стеклышками кабины словно бы кто-то был.

Кто-то, кто наблюдал за тем, что происходит в этой комнате...

34.

Под вечер третьего дня температура сама собой спала, - он не принимал никаких препаратов, ничем не лечился, в какой-то момент засунул уже по привычке под мышку градусник и с удивлением обнаружил: тридцать шесть целых и шесть десятых градуса.

«А почему я, собственно, удивляюсь? Отлежался, температура и снизилась...»

Прохаживаясь по квартире, - матери не было, задержалась на работе, - вслушивался в собственные ощущения: ни руки, ни ноги больше не ломило, не болел желудок. «Неужели окончательно поправился?! Всего три дня прошло, грипп обычно длится дольше...»

Но стоит ли молодому человеку удивляться победе над болезнью?.. Ведь он еще полон неистраченных сил и природного здоровья.

Отказавшись от ужина, - не было аппетита, - Витя еще до прихода матери улегся в кровать и накрывшись с головой одеялом предавался размышлениям: все эти дни они были только об одном - Евлампия, их случайная встреча на берегу канала, старый дом, которого больше не существовало, та прежняя жизнь.

Сквозь сон он слышал, как в квартиру, а потом и к нему в комнату зашла мать. Витя сделал вид, что спит и ничего не слышит.

Утром следующего дня он, хотя и чувствовал сильную слабость, оделся и вышел на улицу, - находиться в четырех стенах, в который раз прокручивать в голове одни и те же мысли - невыносимо.

Все дни, пока торчал в квартире, как назло, стояла жаркая погода. Сегодня же в воздухе пахнет сыростью, какая-то белесая хмарь закрывает солнце: туман - не туман. Дождя нет, но асфальт мокрый. Кое-где блестят лужи, - должно быть ночью, пока он спал, с неба все же пролилась вода.

Виктор медленно шагал по направлению к школе, в которой учился, к скверу на берегу канала.

Где-то в кабинетах компании, занимающейся торговлей и обслуживанием газового оборудования, сейчас, возможно, немолодые серьезные дяди и тети решают его судьбу, обсуждают, как он украл вверенные ему подотчетные деньги, - конечно же, чтобы приобрести на них наркотики. Возможно, звонят Минееву, чтобы узнать его мнение на счет всей истории, Мороховский, само собой, ходит из одного кабинета в другой и везде возмущается Витиными «грехами» и, разумеется, рассказывает, что он, Мороховский, «с самого начала предупреждал».

Но Вите до всего этого сейчас нет дела. Он бредет в сторону своих мест (никакие другие места для него своими не стали), словно только там разгадка всех его бед и лишь оказавшись там можно обрести какое-то спасение.

Да и чем он может себе помочь: кредит, которым он мог бы покрыть «растрату» ему не дадут, у матери денег не выпросишь, начальство ему все равно не верит... Остается только одно - идти в тюрьму!..

Он встряхивает головой, словно отгоняя от себя эту бредовую мысль (Неужели такое возможно, чтобы его, ни в чем не виноватого, все же судили и отправили в тюрьму?!) и, слыша за спиной характерное урчание дизельного двигателя медленно ползущего по забитой машинами узкой улице автобуса, прибавляет шаг. До остановки - каких-нибудь полтора десятка метров, по какому бы маршруту ни двигался ползущий за спиной автобус, поездка на нем значительно ускорит Витино путешествие до берега канала...

35.

«А что я, собственно, хотел?! Чтобы я появился в сквере, а здесь уже дожидалась меня Евлампия?!»

Витя еще раз посмотрел в сторону скамейки, на которой в прошлую их встречу сидела девушка, - покрытые лаком досточки были мокрыми от осевшей на них из воздуха сырости. На этой скамейке явно никто со вчерашнего дня, а может быть, и дольше, не сидел.

Сквер был на удивление безлюден, даже на подходах к нему - у подъездов большого многоквартирного комплекса «Чайки» с тысячами жителей не было видно ни одного человека.

Молодой человек бесцельно побрел по одной из дорожек, - тянулась вдоль берега, потом вдалеке уходила в тенистую чащобу деревьев и высоких кустарников.

«Все, что было, эта наша с ней встреча - лишь какая-то случайность, - думал Виктор. - Мне показалось, что она стала как-то по-другому относиться ко мне. На самом деле никакого другого отношения не было. Просто у нее что-то изменилось в этот день, может быть, в день накануне этого дня. Она была в каком-то необычном, измененном состоянии. И поэтому встреча со мной прошла под влиянием этого необычного состояния: она говорила со мной ласковее, чем если бы просто встретила меня здесь в другой день... И в самом деле: когда я случайно увидел ее здесь же в первый раз, тогда, когда меня отвлек Сашка, она прошла мимо и, хотя скорее всего заметила меня, не остановилась... И что я себе нафантазировал там, в квартире, пока лежал в кровати больной?! Выдумал чуть ли не целое начало больших отношений!.. Еще бы, мое сознание тоже было в измененном состоянии - высокая температура!»

Он горько усмехнулся самому себе и, еще раз окинув взглядом окрестности, - они по-прежнему оставались безлюдными, - торопливо пошел вперед по дорожке. Так, словно с помощью быстрой ходьбы хотел избавиться от привидевшегося ему здесь в прошлый раз наваждения, не отпускавшего его все три дня болезни.

«Столько переживаний и надежд, как будто стоит мне только появиться в этих местах, как она тут же возникнет передо мной с той же ласковой, доброй улыбкой, что и в прошлый раз - и вот, все упования пошли прахом, я опять один, сыро, пасмурно... И где-то стоит новый дом в новом районе, как символ какой-то новой нелюбимой жизни...» - думал он.

Но, странным образом, несмотря на разочарование (хотя на что он мог надеяться?! На то, что она с прошлого раза стоит на бережке и дожидается его появления - вот уж совсем глупые мечты!), на скверную и с каждой минутой становившуюся все мрачнее погоду, физическое его состояние стремительно улучшалось. Ничего не болело, озноб не бегал змейкой по спине, слабость, которая одолевала его утром, стремительно улетучивалась. С каждым шагом походка его становилась бодрее и пружинистее, каждую клеточку его существа наполняла энергия.

«Это все свежий воздух! Он на меня действует», - думал он.

«Надо погулять подольше! Провентилировать легкие. Ходьба мне явно идет на пользу», - думал он.

Он уже миновал сквер, в котором дорожки между деревьев были посыпаны гравием и в некоторых местах установлены новенькие скамейки, и углубился в заросли деревьев и кустарников, росших вдоль всего берега канала и ограниченных с одной стороны забором спортивного клуба военно-морского флота, а с другой стороны переходившими в чащобы большого старинного парка. Странно, но за все десять лет учебы в школе и все то время, что он жил неподалеку, Витя в эту сторону по берегу никогда не ходил, - может быть, потому, что после школы всегда торопился в противоположном направлении - к дому, а в парке вообще был один или два раза и то потому, что туда их повела классная руководительница вместо одного из уроков.

То ли потому, что он здесь прежде почти никогда не бывал, то ли с тех пор, как они с матерью переехали в другой район деревья в местах вокруг школы изрядно разрослись, но теперь он не узнавал мест, по которым шел - густого леса, через который бежала широкая грунтовая тропа, протоптанная множеством ног.

«Что я так вцепился в эту Евлампию?.. - продолжал размышлять молодой человек. - Словно встретил какого-то старого прекрасного друга! А на самом деле у меня же с ней был неприятный разговор... Вряд ли она могла переменить так сильно свое отношение ко мне: то считала чуть ли не каким-то жалким идиотиком, то смотрит ласково едва ли не с обожанием... Нет, я просто неправильно истолковал этот ее взгляд: он был вовсе не ласковым или не ко мне относился!»

Деревья с густыми, смыкавшимися друг с другом кронами, так что не было видно неба, подступали к тропе все ближе, а сама она становилась все уже. Витя должен был уже давно, кажется, упереться в забор спортивного клуба, чтобы развернуться и пойти обратно, как намеревался сделать с самого начала, но забора нигде не было, он продолжал бодрым шагом идти вперед...

Брел по берегу все дальше и дальше...

«Ничего, прогуляюсь, свежий воздух только на пользу! Надо прийти в себя после болезни».

Из-за густых крон деревьев, подступавших к дорожке с обеих сторон, неба почти не видно, а когда оно все-таки отрывалось в прогалине, становилось ясно: погода портится - дождя пока не было, но тучи, которые невесть откуда нагнал ветер, были темно-серые, низкие.

Мысли Виктора по-прежнему крутились вокруг старой школьной знакомой:

«Ничего хорошего меня с этой Евлампией не связывает, а вот же... Ну и что, что она теперь мне улыбалась? Нравились ли она мне на самом деле в те далекие школьные годы (ему казалось, что все, что произошло с ним шесть лет назад, отделено целой бездной времени)?!.. Может, я просто был привлечен странными рассуждениями всех этих тетушек, матерей одноклассников, о том, что она - красавица?»

Он вдруг почувствовал вновь противную слабость. Должно быть устал, выдохся. Не стоило после болезни изнурять себя прогулками. Хотя, так уж ли много он прошел?

«Должно быть, я прицепился мыслями к этой Евлампии только по одной причине - меня тянет в прежние места и, похоже, в прежние времена. Все, связанное с порой, когда еще стоял и был невредим наш старый дом, кажется мне прекрасным, необыкновенным... И улицы, и девушки!»

Он пошел медленнее. Надо было разворачиваться и возвращаться обратно - в сторону сквера у «Чаек», но Витя продолжал, пусть и не так быстро, как вначале, удаляться от него.

Он уже не понимал, где находится. Похоже, он заблудился, - тропа увела его в сторону от территории спортивного клуба, и он оказался в одном из обширных пределов парка. Тот был таким большим, что блуждать по нему можно было бесконечно.

«Да я ведь до сих пор не встретил ни одного человека!» - вдруг с испугом понял он. Пораженный мыслью - все-таки места эти были далеко не безлюдные и странно, что ему никто не встретился, - остановился.

«Так далеко я никогда не заходил! Странно, когда я учился в школе, меня что-то словно бы удерживало от этих мест», - подумал Витя, и развернувшись, медленно побрел в обратную сторону.

И как только он начал это свое возвращение домой, зеленая тоска, как будто она только и дожидалась этого мгновения, охватила его.

Все, странный морок, связанный со встречей с одноклассницей, исчез, испарился и теперь... «Я должен вернуться к своим делам, к моим «грустным баранам!»

Вся его унылая действительность вмиг возникла в его воображении: новая квартира в нелюбимых местах, деньги, которые, как все теперь думают, он украл...

Он вдруг вышел к развилке двух дорожек, - что-то он не припоминал, чтобы такая попадалась ему, когда он шел сюда. Получается, он и в самом деле заплутал. «Черт, только этого не хватало! Парк здесь огромный, в нем можно бродить до ночи!»

Витя ощутил нервозность и пошагал дальше уже торопливо в надежде поскорее выйти из этой незнакомой ему чащобы и оказаться в привычном сквере на берегу канала напротив «Чаек». Но тропинка петляла из стороны в сторону, пересекалась с другими тропинками, Витя не узнавал мест и, как ни вглядывался в просвет деревьев впереди, глади вод или многоэтажных жилых башен, - свидетельства того, что он приближается к скверу, - видно не было.

Неожиданная апатия охватила его. Сбавляя шаг, подумал: «А чего мне, собственно, торопиться?! А, главное, куда?.. В новую квартиру?! Так ведь стоит мне оказаться там, как душа начинает стремиться сюда, в мои прежние любимые места. Болезненный дефект психики, как разъяснил психолог. Да

только сколько бы я ни осознавал, что он болезненный, деться от него никуда не могу...»

Его вдруг начало знобить... «Неужели опять поднимается температура?» - с огорчением подумал он.

Похоже, что было именно так: опять у него стало ломить руки и ноги и какая-то тянущая боль возникла в животе. С горечью подумал, что даже его организм противится возвращению «домой» - в новую квартиру.

«Да только ли в новую квартиру я не хочу возвращаться?! Похоже, что не хочу я возвращаться еще и в свою нынешнюю жизнь со всеми ее «прелестями» вроде вынужденного отпуска...»

Чтобы как-то взбодриться, начал представлять, как его самолетик - модель, в кабине которой сидит верный ему экипаж, - сможет прилететь сюда в любое время дня и ночи, покружить над сквером, пролететь ниже крон деревьев над этими вот тенистыми тропками в обширном лесопарке. И вместе с моделью самолетика («Глупейшие, совершенно детские фантазии!») побывает здесь и его, Витина, душа.

«Хотя, нет, вот в эту часть парка мой самолет не полетит, - улыбаясь собственным мыслям подумал Витя. - Потому, что здесь все-таки не мои места. Они - там, ближе к школе и «Чайкам», там он будет летать...»

«А странно, получается Сашка-то все-таки ошибся. Евлампия жива, значит, кто-то из наших девочек попал под машину и ее уже нет в живых... - вдруг перескочили его мысли на другую тему. - Грустно... По сравнению с этой бедой все мои трудности, все эти исчезнувшие деньги - сущая ерунда!»

Дорожка впереди поворачивала направо за густые высокие кусты. Прежде, чем он дошел до них, сильный порыв ветра зашелестел там, наверху, кронами деревьев. Подняв голову, Витя увидел, что небо уже полностью затянуто тучами, и следом одинокая капля упала ему на лицо.

«Ого, все-таки будет дождь!.. Как я пойду? У меня ни зонта, ни курточки...» Опять озноб пробежал по позвоночнику...

Он завернул за кусты.

Впереди широкая тропа, по которой он шел, пересекалась с узенькой, заросшей травой тропкой. По ней на перерез ему шла девушка в простеньком платице.

«Да это же Евланя!»

Сердце его радостно забило: «Вот оно! Что за странная встреча?! Она - здесь, в этом темном безлюдном лесу в такую погоду! Да, похоже, эта «случайная» встреча совсем не случайна! Не могли же мы два раза подряд совершенно случайно встретиться!»

Она уже заметила Виктора и, так же, как и в предыдущую встречу, приветливо улыбалась ему...

Виктор был дома. Его опять сильно знобило, и он накинул на плечи одеяло из верблюжьей шерсти. Все равно трясло! Достал из ящика кухонного стола градусник, измерил температуру. Нет, она не повышенная, а наоборот - пониженная. «Почему же трясет?! Разве при слабости может так трясти?»

Вскипятил электрический чайник. Заварил чай в фарфоровом маленьком чайничке. Пока он настаивался, сел у окошка и принялся вспоминать подробности встречи с Евлампией.

Если бы сейчас не чувствовал себя так плохо (когда пришел домой, его вырвало), то был бы на седьмом небе от счастья.

Некоторое время они радостно, словно давно не видевшиеся хорошие друзья, наперебой говорили друг другу, как это здорово, что они опять встретились. Словно бы сама судьба сделала все так, чтобы они не разминулись в этом лесу, где столько всяких путанных дорожек, темных уголков, где захочешь пересечься с кем-нибудь - не сможешь!

Но они, - надо же! - взяли и встретились.

Он говорил ей, что пришел в сквер совершенно случайно, а потом углубился в дебри парка, хотя поначалу вовсе не собирался идти туда. А она призналась ему, что, - вот же удивительно! - всегда страшно боялась гулять здесь, потому что в этой части парка даже солнечным днем темно и безлюдно, здесь почему-то никто никогда не гуляет, а вот, надо же: именно сегодня она отчего-то, словно бы против своей воли забрела сюда! И теперь она понимает, почему это произошло, - и в самом деле - судьба! - и не жалеет об этом!

Пока они говорили, на Виктора упало несколько крупных капель, но настоящий дождь все не начинался.

Евлампия шагала вперед, Витя не задумывался над тем, куда они идут, - девушка живет здесь рядом и знает дорогу. И в самом деле вскоре они вынырнули из чащобы и пошли по берегу канала. Впереди в паре десятков метров виднелся сквер.

Его знобило, чувствовал он себя отвратительно. Когда они оказались на открытом месте, на них опять стали падать редкие капли дождя. Они падали и на нее, он видел, что она тоже одета слишком легко для стремительно портившейся погоды.

Вот и сквер! Сейчас она попрощается с ним и пойдет домой. Не надеясь, что она согласится, Витя предложил Евлампии пройтись еще. Но девушка тут же радостно закивала головой: «Да, конечно, давай пройдемся еще! Я и сама хотела тебе это предложить!»

Они вошли в сквер, медленно прошли по дорожке до той скамейки, сидящей на которой Витя увидел ее в прошлую встречу.

У скамейки Евлампия остановилась, ему показалось, что сейчас она усядется на нее, он уже приготовился сделать то же

самое, но она вдруг, с ласковой улыбкой глядя на него, пошла в обратном направлении по дорожке, по которой они только что пришли сюда.

Он медленно брел рядом с ней. Чувствовал при этом себя ужасно - его трясло от озноба, болели руки и ноги, но не обращал на это внимания. Кажется, от прогулки с девушкой по обрывистому берегу канала сейчас мог удержать только обморок.

Он оживленно нес какую-то чепуху про то, что вот, машин в городе стало черт знает сколько, ни проехать, ни припарковаться, автомобилистам живется с каждым годом все тяжелее, а между тем есть люди вроде него, которые не мыслят жизнь без автомобиля.

Тут он, правда, потупившись, уточнил, что машины у него нет. Пока рассуждает об этой теме больше теоретически, но в ближайшее время «ему бы хотелось» обзавестись собственным автотранспортом... Виктор не стал говорить Евлампии про заказанный, оплаченный, но пока не прибывший в автосалон автомобиль, про кредит, про свою беду на работе... «Успею рассказать про всю муть!» - мелькнуло в голове.

Между тем, успел он подумать и о том, что здорово бы было, если бы у него уже была эта машина - сейчас бы он усадил в нее Евлампию и помчал с ней... Эх, как бы он с ней помчал!.. А куда?.. Да какая разница, куда!.. Нашлось бы куда!

Она отвечала на всю эту его словесную ерунду, которая была ей (в этом он не сомневался) совершенно не интересна, с таким упоением, так поддакивала ему и поддерживала их разговор, что он, несмотря на то что тело его было полно боли и озноба, испытал душевный восторг. Упиваясь им, мог не то, что бродить по скверу у берега канала хотя бы еще сутки напролет, а подхватить Евланю и взмыть с ней, словно птица, в небо и парить там, подобно чайкам, которые, - он видел это, - кружили сейчас над гладью вод и тревожно кричали что-то на своем птичьем языке...

Погода портилась. Пока молодой человек и девушка брели по парковой чащобе, до них под густыми кронами деревьев долетали лишь редкие капли дождя. Здесь же, в сквере, дождь, хоть пока и слабый, стал мочить сильнее.

Погода не подходила для прогулок, но девушка не спешила идти домой - в «Чайки».

Продолжая беседовать с ним, побрела, увлекая Витю за собой, обратно в сторону густых зарослей, из которых оба недавно вышли.

Едва они зашли в них, как дождь начал стремительно усиливаться.

Витя невольно окинул взглядом девушку, словно только теперь осознал, насколько легко и не по погоде она одета - светлое ее платье из тонкой легкой ткани подошло бы для жаркого дня, но сегодня... Вите вдруг захотелось поежиться: он представил, как ей должно быть сейчас холодно... Она и в самом деле была бледна, но бледность эта в сочетании с доброй (а

может быть, вернее сказать - «влюбленной»?) улыбкой, которой он никогда не видел на ее лице в школьные годы, была как-то по-особенному изысканна и казалась ему очаровательной...

О том, что его самого трясло ознобом так, что, кажется, еще немного и он не сможет говорить, оттого что у него начнут лязгать друг об друга зубы, или он просто упадет в обморок, - даже не задумывался!

Евлампия быстро подошла к большому дереву и, прижавшись спиной к его стволу, остановилась. Он с некоторым опозданием догнал ее и, подойдя к ней очень близко, остановился.

- А ты не думаешь, что это начало всемирного потопа? - неожиданно проговорил он после некоторой паузы.

Ливень уже минут пять хлестал так, что, казалось, когда они выйдут из этого леса, густо разросшегося посреди городских кварталов, то не найдут уже ничего - ни многоэтажек «Чаек», ни проспекта - все будет смыто неожиданно низвергнутыми с разгневавшихся небес потоками воды.

- И мы с тобой окажемся единственными уцелевшими после него людьми, - проговорила она, не сводя с Вити внимательного взгляда.

По лбу, щекам, бровям, затылку его текла вода. Густая крона дерева, под которой они стояли, спасала от воды лишь до тех пор, пока ливень не ударил с особенной яростью.

Теперь оба, и Витя, и Евланя вымокли до нитки.

Не понимая, зачем он это делает, - ей может быть это неприятно, - Виктор сделал шаг назад и бесцеремонно осмотрел ее всю - в промокшем, приставшем к телу платье, которое теперь словно бы стало ее второй, сочившейся водой кожей.

Он не удивился бы, если бы она возмутилась откровенным разглядыванием, но она продолжала молча, с ласковой полуулыбкой смотреть на него. Лишь какая-то незлая насмешка впервые за все время появилась в ее глазах, словно бы она спрашивала: «Что, нравлюсь я тебе?»

«Странно... - думал Виктор. - Отчего я всегда недоумевал, когда наши матери говорили, что Евлампия - красавица?! Разве не должно быть каждому очевидно, что она не просто красавица, а - необыкновенная красавица?!»

Несколько долгих мгновений они смотрели в глаза друг другу. Виктора охватило желание прямо сейчас обнять и поцеловать ее. Он чувствовал... Нет, он знал наверняка: девушка не против, наоборот, она даже, кажется, подталкивала его своим взглядом. Но почему-то он все же не решился преодолеть последние разделявшие их пару десятков сантиметров...

Дождь прекратился так же стремительно, как и начался. Они еще некоторое время мило болтали, стоя под деревом, о всяких пустяках: о том, как разрослись деревья вокруг их школы, об изменении климата - Витя месяц назад прочитал на одном из сайтов поразившую его статью какого-то западного ученого, предсказавшего новый всемирный потоп, гибель городов... Евлания сначала вытянула вперед руку с поднятой тыльной стороной вверх ладошкой, проверяя идет ли еще дождь, - на ладошку упало лишь несколько капель, стекавших с листы дерева. Потом медленно, заставив Витю посторониться, пошла вперед. Он двинулся за ней.

Разговор сразу прекратился. Виктор понял - в их встрече наступает какой-то решительный, ключевой момент. Ему стало особенно холодно. Он весь дрожал, уже не в силах скрыть одолевавшего его озноба.

Дойдя в молчании до скамейки, на которой сидела в их прошлую встречу, Евлания остановилась и только теперь вновь взглянула на него:

- Ты весь дрожишь. После дождя похолодало, иди скорее домой...

- Я... Но... - промямлил молодой человек.

«Неужели это все?!» - не тогда, когда под деревом их хлестали метавшиеся от резкого ветра из стороны в сторону струи дождя, а теперь он почувствовал себя так, словно его неожиданно окатили ледяной водой.

И от этого трясти его стало еще сильнее.

- Послушай, Евлания, я... - зубы его стучали до такой степени, что ему трудно было говорить. Он напряг все мышцы, обхватил сам себя руками, пытаясь унять дрожь - ничего не получилось.

- Бедный, ты весь вымок, - она вдруг ласково провела тыльной стороной ладони по его лбу, вытирая капельки воды, которые стекали с мокрых волос вниз.

Потом рукой, которая показалась ему невероятно нежной, мягкой, ласковой, погладила его по волосам - так ласково гладила его только мать, и то, кажется, лишь в далеком детстве, когда он был еще совсем маленьким.

- Не провожай меня дальше, иди скорее домой... У тебя, кажется, температура!.. А меня... Там сейчас мать моя из магазина будет возвращаться, она сегодня не в настроении... Впрочем, как и всегда, - впервые в прежде ласковом, теплом взгляде девушки мелькнуло какое-то подобие злости.

Ему вдруг показалось, что он опять - в том школьном дне. Лепечет ей что-то, а она... Сейчас она презрительно рассмеется: «Да как ты мог вообразить, что я...»

- Евлания! - выпалил он, словно прыгая с разбега с горы в пропасть - так, что во взгляде ее от этого его нервного тона словно бы что-то испуганно дрогнуло.

И уже тише, спокойнее:

- Может... Я подумал... Давай на днях сходим куда-нибудь. Только... Я не знаю, как с тобой связаться, номер телефона...

- Давай, - торопливо ответила она, словно боялась, что если промедлит хоть чуть-чуть с ответом, он умрет от разрыва сердца. - Только знаешь... Ты, наверное, уже заметил... Я тоже плохо себя чувствую. Видишь, бледная какая! Одним словом... Не хочу тебя пугать...

Он, сам не зная отчего, ужасно напрягся.

- В общем, у меня что-то с нервами. Я потому и с работы ушла. Сидела я слишком много во всяких там смартфонах, социальных сетях, а кончилось все тем, что... Не хочу рассказывать, может быть позже...

- Нет, конечно, не рассказывай, не волнуйся только... - пробормотал он, чувствуя облегчение, словно перед этим испугался, что она скажет: «Меня, слышал, наверное, машина сбила...» Хотя, может, она ее на фоне этого нервного расстройства и в самом деле сбила?

- Да я и не волнуюсь. Но мать и врачи... Я думаю, они правы... Мать отобрала у меня смартфон, ноутбук, отключила Интернет в квартире. Да я и сама знаю, что мне лучше не надо... - она замолчала.

Он хотел заговорить, но она перебила его:

- А вот гулять мне можно. Даже нужно - хоть целый день!.. Я так и делаю: брожу здесь целыми днями - то на берегу канала перед домом, то в парк ухожу, где ты меня сегодня встретил. Не поверишь, в какие уголки забредаю!

«Так вот почему я все время натыкаюсь на нее в последнее время! - пронеслось в голове у Виктора. - Я, отпускник не по своей воле, забредаю сюда чуть ли не каждый день, и она - бродит здесь по предписанию врача... Тоже каждый день! Как тут не встретиться!.. Вот все и объяснилось!»

- Так что давай просто назначим время и завтра здесь встретимся: хоть здесь, у скамейки, хоть там, - она показала рукой на чащобу, - у нашего дерева.

- Оно ведь теперь наше, да? - спросила она и взглянула на него в упор.

У него тут же мелькнуло в голове недавнее: как он осматривал ее всю в мокром платье...

- Да, наше! - с чувством ответил Витя.

- Только вот сходить куда-нибудь... Понимаешь, мне в людных шумных местах бывать тоже нельзя... Нервы!.. Если хочешь, сходим в одно кафе - оно на отшибе, там посетителей мало. Я тебе покажу, где это...

Он энергично закивал головой - это помогало скрыть отчаянно колотившую его дрожь:

- Хорошо, тогда завтра! А во сколько?

- Приходи к шести... Я уже буду гулять... А сейчас иди скорее, а то завтра будешь с температурой сорок, и я напрасно стану тебя ждать! - она взяла его за плечи, властным движением развернула, так что он оказался к ней спиной и, приблизившись к нему сзади, шепнула ему в ухо «Беги скорее на свой автобус!» А потом подтолкнула его в поясницу.

Он сделал несколько шагов вперед, обернулся: Евлампия, по-прежнему стоя у скамейки, с улыбкой смотрела ему вслед.

Он тоже улыбнулся и пошел дальше.

«Завтра в шесть! - крутилось у него в голове. - Неужели это не сон?! И откуда она знает про «мой автобус»? Ведь остановка достаточно далеко отсюда, и она никак не могла знать, что добирался я до берега канала не только пешком, но и на автобусе?»

Он обернулся - у скамейки никого не было.

Его так трясло, до такой степени он плохо себя чувствовал, что, поразившись тому, как быстро Евлампия исчезла куда-то, он прошел еще шагов десять и лишь после этого остановился и стал всматриваться в окрестности: куда она запропала?

Исчезнуть столь стремительно она могла лишь, если кинулась бегом в сторону кустов, но... Вдруг взгляд Виктора приметил мелькнувшую между многоэтажками «Чаек» фигурку - вот же она!.. И все равно: либо он просмотрел ее, либо она и в самом деле, попрощавшись с ним, кинулась домой бегом!

Больше не оборачиваясь, Виктор пошел в сторону автобусной остановки.

38.

Они сидели в кафе уже четверть часа. Виктор посматривал по сторонам. Место казалось ему странным: в полуподвале, вход в который находился в торце здания спортивного общества, кроме них с Евланей - ни одного посетителя.

В маленьком зальчике, освещение в котором намеренно приглушено - всего несколько столиков. Откуда-то тянет холодом и сыростью.

Молоденькая официантка появилась не сразу, со скучающим видом приняла заказ - Витя заказал две порции коньяка, кофе себе и травяной чай Евлане, два куса торта, хотя девушка сказала, что она не будет ничего есть...

Некоторое время назад, уже подходя к «Чайкам», Виктор увидел сидевшую на скамейке Евлампию и пошел быстрее. Она тоже издали заметила его, встала со скамейки и медленно побрела ему навстречу.

Витя видел: девушка приветливо улыбается ему. В этот момент он позабыл про то, что отвратительно себя чувствует, про все свои беды на работе. В сердце, в уме его было только одно имя - Евлампия!

От сквера на берегу канала перед «Чайками» они двинулись в сторону густых зарослей парка - туда, где в прошлый раз пытались укрыться от дождя под деревом...

Кафе поначалу показалось Виктору странным, мрачным. Но тут же решил, что нет ничего плохого в том, что они здесь

одни - наоборот, это здорово! Ведь он пришел сюда ради Евлани, никто и ничто не мешает его общению с ней...

От «Чая» до здания спортивного общества дошли минут за десять. Евлампия хорошо знала, куда сворачивать на развилках парковых дорожек - Виктор шел, куда указывала девушка.

- Я нашла это место, когда гуляла... Как-то шла и вдруг почувствовала, что ужасно голодна. До дома - еще дойти надо, потом какое-то время все же нужно, чтобы что-то приготовить... А здесь - сел за столик и вот... Пожалуйста!

Она показала на пирожные и чашку цветочного настоя, которую как раз в этот момент сняла с подноса и поставила на стол перед ней официантка.

Настроение Виктора, и без того приподнятое, стремительно становилось все более восторженным! Официантка сняла с подноса широкие, с узким горлышком бокалы, в которых плескался коньяк. Ушла. Наконец-то они с Евлампией остались наедине.

«А что, если она выбрала это кафе намеренно... - пронеслось в голове у Виктора. - В том смысле, что здесь никто не будет нам мешать, а не потому, что из-за своего нервного расстройства она избегает людных мест».

Виктор наконец-то сделал то, что ему давно хотелось сделать!

Сначала он пересел с кресла, в котором сидел напротив Евлани с другой стороны стола, на диванчик рядом с ней. Оказавшись возле девушки, подвинул ближе бокалы с коньяком.

Протянул один из них девушке, потом взял в руки свой. Они чокнулись. Виктор сделал большой глоток, девушка, - он это хорошо видел, - лишь прикоснулась губами к краю бокала.

- Вообще-то мне нельзя. Но чтобы ты не чувствовал себя в одиночестве... - тут же с улыбкой пояснила она.

Виктор без предисловий привлек ее к себе и страстно поцеловал, - в зальчике кафе кроме них по-прежнему никого не было.

Девушка не сопротивлялась.

Поправляя после долгого поцелуя волосы, она смотрела на него влюбленными глазами.

«Нет, точно она привела меня сюда, чтобы без помех целоваться!.. На скамейке в парке она не могла этого делать без риска того, что ее увидит из окна мать!» - пронеслось у Вити в голове, прежде чем он вновь заключил Евлампию в жаркие объятия.

Он утопал в ее ласковых руках, в запахе ее кожи, в долгих поцелуях и нежных прикосновениях, - она гладила его по волосам, по щекам, по кистям рук в те моменты, когда он отстранялся от нее...

Потом в кафе появилось несколько посетителей. Два столика рядом с ними оказались заняты - за одним расположилась компания из двух молодых людей и трех девушек. Судя по разговорам, все работали в каком-то офисе неподалеку, зашли в подвальное кафе, освободившись в шесть вечера. Другой столик заняли две девушки: пили горячий шоколад и, головами склонившись над чашками друг к другу, о чем-то негромко разговаривали.

Витя и Евлания отстранились друг от друга. Она продолжала смотреть на него ласковым влюбленным взглядом, не притрагивалась к пирожному, не пила ни коньяк, ни чай.

Он махом допил свой коньяк, потом схватил ее рюмку и выпил коньяк и из нее. Понимал, конечно, что ведет себя неприлично («Что теперь она обо мне подумает?! Решит, что выпивоха, алкоголик!»), но охвативший его почти безумный восторг и нервное возбуждение были одновременно и приятны, - дарили ощущение счастья, - и пугали. Казалось, сердце не выдержит бешеного ритма, остановится. Натянутые нервы лопнут, - хотелось приглушить накал!

Выпивка, - да и что там было пить?! - не подействовала. Сбивчиво, торопливо, словно боялся, что девушка уйдет, счастливое наваждение растает так же неожиданно и необъяснимо, как появилось в его жизни, Витя заговорил:

- Но хоть какой-то номер... Адрес почты... Хоть что-нибудь! Как тебя найти, как связаться?!.. Мы расстанемся, разойдемся по домам, а мне захочется поговорить с тобой, пообщаться! Я не могу без тебя, как мне пережить разлуку?!

На его «эскапады» с коньяком она не обратила ни малейшего внимания. Взгляд ее был полон любви и ласки.

- А тебе не нужно ее переживать. Мы не будем с тобой разлучаться!

- Да как же не будем?! - воскликнул Виктор, испытывая одновременно и восторг, и изумление - все еще в какие-то моменты вспоминал ту Евлампию, что была перед ним в тот памятный школьный день на берегу канала, и не мог поверить, что та девушка и эта, что перед ним - один человек.

Воскликнул так громко, что прекратили свой разговор и ужинавшие рядом с вином офисные работники, и пившие шоколад подружки.

- Успокойся, Витя! - Евлания ласково погладила его по руке. - Ты думай все время обо мне, и разлука пролетит быстро.

- Я и так все время о тебе думаю! - произнес он тихо. - Но мне бы хотелось... Послушай, ты не пользуешься мобильной связью, компьютерами... Но у вас же есть дома обычный городской телефон. Не может не быть! Я бы...

- Нет, это еще хуже! Ты можешь попасть на мать. Она сейчас работает по нерегулярному графику. Если она схватит трубку - ни за что не подзовет меня. И постарается сделать так, чтобы я больше с тобой не общалась...

- Да почему?!..

- Не знаю... Она считает... - Евлампия замаялась.

Неожиданная ревность ожгла душу Виктора: «Быть может, вся эта болезнь, нервное расстройство Евлампии вызвано вовсе не переутомлением, а какими-то несчастными любовными отношениями... Она любила кого-то, но они расстались, он отверг ее... Стоп, что она говорила мне тогда, в тот школьный день?.. Что какие-то у нее друзья... Ребята, которые учатся с ней на курсах по подготовке в вуз... Мол, хорошие ребята!.. Может, как раз с одним из них и приключилась с ней история... А со мной... Как бы в противовес ему теперь встречается... Может даже, из мести! Из мести и я сгодился!»

Страшная обида вдруг ожгла Виктора. Взгляд его потемнел, лицо осунулось.

- Витя! - воскликнула она. Тоже, как он совсем недавно, громко, и тоже замолчали и повернулись к ним соседи за двумя другими занятыми в кафе столиками. - Ну, успокойся, пожалуйста... А то мне и в самом деле станет нехорошо! Не мучь меня, не настаивай. Я же не здорова, я же говорила тебе!

«Какая чушь у меня в голове! - подумал он и собственные ревнивые мысли показались смешными. - Всего-то третий раз встречаюсь с ней, а уже ревную... К чему?! К прошлому?! Да какое у нее может быть прошлое?! Мы еще так молоды! Юны, можно сказать!»

- Мы увидимся с тобой... Завтра, послезавтра... Не знаю... Я каждый день в одно и то же время бываю в сквере у дома. Иногда даже гуляю там по нескольку раз в день. Ты всегда можешь меня там встретить.

Он хотел возразить ей: не очень-то удобно каждый раз, когда захочется пообщаться с ней, катить на автобусе на берег канала и подкарауливать ее там!

Она прижалась к нему:

- Витя, я прошу тебя! Потерпи!.. Придет время, и мы сможем общаться как захотим и когда захотим!

Он улыбнулся:

- Я очень на это надеюсь!

39.

- Не провожай меня! Я сейчас должна встретиться с матерью. Там, у главного входа в парк, - она как-то неопределенно махнула рукой в сторону густых зарослей деревьев, начинавшихся сразу за забором, который окружал территорию, принадлежавшую спортивному обществу.

Она торопливо поцеловала его в щеку и, словно опасаясь, что он станет ее удерживать, быстрым шагом двинулась в сторону ворот, за которыми уже начинался парк.

Виктор стоял у стены здания спортивного общества и смотрел Евлампии вслед.

Ему показалось, что в фигуре ее, когда она пошла от него прочь, появилось нечто подавленное, трусливое и словно бы даже вороватое. Он помнил, как она всегда ходила в школе:

расправив плечи и задрав подбородок - не просто гордая, а надменная... Теперь плечи ссутулились, голова подавленно втянута в них, Евлампия шагает торопливо, словно знает, что находится там, где ей нельзя находиться, и боится, что ее окликнут, остановят, накажут...

«Причина подавленности - болезнь?» - размышлял Виктор, глядя девушке вслед.

Теперь он чувствовал: коньяк все же подействовал, он был слегка под хмельком.

Погода была отличная. Идти домой не хотелось. Он бы с удовольствием прошелся с девушкой по парку, но... «Не провожай меня!»

«А может, она опасается, что ее в моем обществе увидит мать?.. - продолжал размышлять молодой человек. - Скорее всего, так и есть!.. Мать у нее была какая-то строгая, сердитая... Что-то в ней было неприятное...»

«Как и в самой Евлампии тогда!» - неожиданно для себя подумал он следом.

Но тут же и возразил себе:

«Я Евлампию в школе толком не знал... Что я мог понять про нее, если учились мы в одном классе не все школьные годы, а лишь несколько лет, никогда не разговаривали и все общение, по которому я сужу о ней - короткий десяти-пятнадцатиминутный разговор уже перед самыми выпускными экзаменами, когда все мы были уже «на отлете», нервничали из-за будущего... То, что у нее всегда была надменная физиономия... Да у меня самого какая была в те годы физиономия?!.. То-то... Из-за моей физиономии учителей едва инфаркт не хватал... Главарь тайного общества бунтарей и индивидуалистов!» - с гордостью за свою «значительность» подумал он.

Девушка вышла за ворота и через несколько мгновений скрылась в лесной чаще.

За спиной Вити из полуподвала, в котором располагалось кафе, вышла компания офисных работников. Они были в хорошем настроении, шутили, смеялись и тут же все, - и молодые мужчины, и женщины, - закурили кто обычную сигарету, кто электронную, обдав Виктора клубами дыма.

Он медленно пошел вдоль стены здания туда, где был еще один выход за территорию спортивного общества - через него они с Евлампией прошли по дороге в кафе.

Вскоре он уже брел по парку. Там, в той его части, куда направилась Евлания были, насколько помнил Виктор, выложенные плиткой дорожки для пешеходов и велосипедистов, скамейки, указатели, сновали в разные стороны двухколесные машины, там были пруды и специальные площадки, на которых в теплое время года можно было пожарить шашлык. Здесь же, в этой части парка, в которую углублялся сейчас молодой человек, не было ни ухоженных дорожек, ни скамеек... Ни людей...

Тропинка, по которой двигался Витя, протоптана теми, кто направлялся от проспекта короткой дорогой через парк к зданию спортивного общества - какими-нибудь гребцами, яхтсменами. С ней пересекались узкие, петлявшие между деревьев и кустарников, тропки. «Вытоптали, небось, собачники из «Чаек»? Кому, кроме них здесь бродить?» - подумал молодой человек.

Вдруг он остановился, - его охватило какое-то непонятное тревожное чувство. словно бы ему грозила какая-то опасность, но он, ощущая ее всеми клетками своего тела, не мог понять, откуда она исходит.

«Что это?!» И тут он понял, в чем дело: ему казалось, - так бывает, мы способны чувствовать на себя чужой взгляд, еще не встретившись с ним глазами, - кто-то смотрит на него!

Он медленно осмотрелся: в густых кустах и за деревьями даже ярким днем лежали густые тени. Что в них таится? Виктор был уверен - кто-то из чащи наблюдает за ним. Ощущение было настолько сильным, что он долго всматривался сначала в одни густые кусты справа от тропинки, потом - в другие, уже с противоположной стороны.

«Да нет, чушь! Кто бы здесь мог за мной следить?! Да вроде и нет никого... Если только какой-нибудь случайный человек. Только зачем ему следить за мной?!.. Может, какое-то хулиганье?!.. Чтобы ограбить... Видят, человек выпил... Да нет, не так уж я много и выпил и совершенно ничего по мне определить нельзя - не шатаюсь, тем более издалека...»

Ему стало еще больше не по себе. Пошел дальше, сначала медленно, то и дело оглядываясь и ожидая, что таинственный наблюдатель вот-вот проявит себя, потом прибавил шаг...

В голове мелькнула дикая мысль:

«А может быть Евлания? Она следит?!»

«Да что за чушь мне на ум приходит?! - поразился он. Возникла в памяти картинка: сутулившаяся девушка медленно удаляется в сторону забора. - Как бы она могла оказаться здесь и сейчас?!.. Она, скорее всего, уже встретилась где-то там, у центрального входа в парк, с мамашей, и они вместе идут куда-то... Куда?.. Ко врачу к какому-нибудь!.. Мамаша читает ей нотации, а Евлания терпеливо все выслушивает, а сама думает обо мне... Так же, как и я сейчас о ней...»

Его вдруг начал колотить озноб. И до этого, пока сидел в кафе, время от времени ощущал, как по позвоночнику пробегают холода и то и дело охватывала слабость. Казалось, не досидит в кафе до конца встречи, упадет без сознания на пол. Но каждый раз коньяк, сильное нервное возбуждение, страстные поцелуи с Евлампией заставляли его позабыть обо всем на свете - оказывалось не до болезней, все слабости как-то сами собой отступали!.. Теперь этого «допинга» не было... И болезненное состояние не преминуло напомнить о себе...

«Здесь в этом диком глухом парке как в лесу - темно, прохладно и сыро... Надо скорее отсюда выбираться...»

Витя пошел еще быстрее.

«Не заблудиться бы...» - в какое-то мгновение показалось, что он ни за что сам не найдет дорогу. В кафе от скамейки рядом с «Чайками» его вела Евлампия!

Но вскоре дорожка сама вывела его на высокий берег над каналом - в сквер перед микрорайоном, состоявшим из высоких, красивых зданий.

«Ну, наконец-то! Заветные «Чайки»!» - с облегчением подумал он и посмотрел в ту сторону, где за кронами высоких разросшихся деревьев едва угадывалось здание их с Евланей школы.

Странно, отчего все же они не общались там?.. Наверное, потому, что, не смотря на все свое бунтарство, он был в те годы робким молодым человеком, надменная красота Евлампии отталкивала его - рядом с ней он чувствовал себя неуверенно... Жалкий школьник!

«То ли дело сейчас! - подумал с горькой иронией Виктор и усмехнулся. - Начинаящий крупный бизнесмен в отпуске за свой счет. Вот-вот будет заведено уголовное дело!»

Он пошел помедленнее.

«И еще - этот озноб!.. Что со мной?!.. Никак не могу поправиться? Но от чего?.. Что со мной происходит?» - впервые в его мысли о собственном болезненном состоянии вплелись нотки тревожности. До этого он, как и многие молодые люди его возраста, не обращал внимания на все эти болезненные проявления - озноб, слабость... Подумаешь, подцепил какой-то вирус! Сколько раз он их подцеплял за последний год?! И каждый все проходило без особого лечения - не брал больничный, привычно переносил все болезни на ногах, ходил по городу даже с высокой температурой.

«Здоровье - лошадиное! Заживает все, как на собаке!» - про себя с гордостью думал он, умом осознавая, но не желая понимать этого сердцем, что в его годы у девяти из десяти молодых парней - «лошадиное» здоровье, которое на самом деле - лишь молодость, полная сил, живущая в долг у своего будущего, у зрелости...

«Мать сказала - это вирус... Сейчас, мол, такой гуляет... Но я вроде поправился. Температура прошла. Но все равно - колотит от озноба... Может, нервное? Заболел на почве переживаний из-за украденных денег. А как объяснить слабость?»

Он неожиданно для самого себя остановился, принялся нащупывать пульс на левой руке. «Не прощупывается!» - испугался, потом сообразил, что такого не может быть. Вернее, может, но у покойника. Истерически рассмеялся, следом обнаружился пульс.

Считать удары не стал.

«Да что мне этот пульс?! Есть он, или его нет - какая мне теперь разница! Где-то вон там... - он посмотрел на ближайшую к нему башню «Чаек». - живет Она, моя возлюбленная Евлампия, и завтра мы с ней обязательно встретимся».

Он двинулся дальше, вспоминая подробности посещения кафе: тесные объятия, жаркие поцелуи, вкус ее губ, языка, запах шелковистых волос... В голове его мутилось от счастья. Он вдруг понял, что вся его предыдущая жизнь, все, что он пережил до этих самых последних дней - ничто по сравнению со счастьем, которое испытывает сейчас.

«Никогда прежде я не испытывал такого ощущения полноты жизни! - поразился он. - Эти ласковые руки, эти глаза... Они подарили мне жизнь! Прежде я не жил вовсе - так, прозябал, словно растение... Теперь я счастлив, и кажется, положи на одну чашу весов мою жизнь, а на другую - еще одно такое свидание, я, не задумываясь, пожертвую жизнь и выберу счастье свидания. Вот, что значит любовь!»

Теперь он знает это!

Гордый тем, что он - человек, которому все это открылось, он, не торопясь, преодолел весь немалый путь до дома пешком.

«Что мне пропавшие деньги?! Что мне вообще вся эта работа?!.. Как далеко и неважно теперь все... Евлампия! Только одно имя!»

40.

Мать была уже дома: притворив дверь, обнаружил в прихожей на том месте, откуда перед уходом он взял свои кроссовки, ее небрежно сброшенные туфли. Левая стояла под углом в сорок пять градусов к стенке шкафа, правая лежала на боку. Витя представил, как мать, войдя в квартиру с пакетами из магазина в руках и большой дамской сумкой, висящей на плече, сбросила в прихожей туфли и направилась в кухню.

Сам он всегда ставил свои кроссовки ровненько: нос к носу, под прямым углом к тумбочке...

Уже хотел сесть на скамеечку под вешалкой и развязать туго затянутые узлы на шнурках, - взгляд случайно упал на собственное отражение в зеркале, задержался на нем.

Виктор приблизился к зеркалу и впился глазами в собственное отражение: он ли это?!.. Кто перед ним: какой-то старичок с провалившимися худыми щеками, глазами, блестящими лихорадочным болезненным блеском, вокруг которых огромные черные круги.

Он провел рукой по волосам: да они поредели за последние дни! Или ему кажется?

Он занервничал: «Что со мной?!.. Это все болезнь, вирус, который подцепил. Недаром, когда шел после встречи в кафе, так знобило! Я по-прежнему не здоров».

Неужели он и на встрече с Евлампией был вот таким красавцем?! Мать его по поводу такого вида сказала бы «красе в гроб кладут». А девушка обнимала его, целовала...

Да нет, он вовсе не так плохо выглядел там в кафе. Хуже ему стало уже после длительной пешей прогулки. Не надо было

идти от берега канала до дома пешком - стоило добраться на автобусе.

Виктор торопливо развязал кроссовки и, бросив их на полу рядом с туфлями матери, - один кроссовок тоже повалился набок, - прошел к себе в комнату.

Повалился на кровать. Его колотил озноб... «Что же делать?!.. Как быстро поправится от этого чертового вируса?» - спрашивал себя.

Решил: сейчас встанет, пойдет на кухню и поищет в аптечке в ящике кухонного гарнитура «какой-нибудь антибиотик».

«Надо что-то принять!» - думал он.

Его охватила слабость, сам не заметив, как это произошло, уснул прямо в одежде...

Проснувшись, Виктор первым делом взглянул на наручные часы: «Ого!»

Было половина одиннадцатого. Учитывая то, что накануне он пришел домой довольно рано - не было еще восьми вечера, получалось, что проспал он больше полусуток.

«Ничего себе, я придавил подушку!» - поразился Витя.

Тут же вспомнил, как смотрел на себя в зеркало, как потом собирался принять лекарство.

Он вскочил с кровати, повел плечами - не знобило, слабости не было.

Настроение тут же поднялось: «Все понятно: потому и спал так долго, что был болен. Отоспался хорошенько, сразу самочувствие улучшилось!»

Виктор почувствовал голод.

С кухни донесся шум льющейся из крана воды, звон посуды.

Будний день, но мать по каким-то причинам была дома, а не на работе.

Приглаживая пятерней волосы, Виктор направился на кухню.

- Ну и вид у тебя! - мрачным тоном, не пожелав ему для начала доброго утра, проговорила мать. - Краше в гроб кладут!

«Как же так?! Я же выспался, отдохнул!» - Витино настроение мгновенно упало.

То, что мать первым делом произнесла ту самую фразу, которая припомнилась ему накануне, когда он стоял перед зеркалом, произвело на него удручающее впечатление.

Хотел сказать что-то про то, что «это вирус. Ты же сама рассказывала про дочь знакомой!», но мать не дала раскрыть рот, на этот раз не просто испортив ему настроение, а огорошив:

- Вчера звонили с твоей работы... Спрашивали, состоишь ли ты на учете по поводу приема наркотиков...

- Я?!.. Кто звонил? - выпалил он.

- Не знаю, какой-то мужчина. Голос молодой... Вернее, не старый. Так, среднего возраста. Не понять. Да и какое это имеет значение?! Я же вижу! - истерически воскликнула она и швырнула в цинковую кухонную мойку ложку, которой только что помешивала в кастрюльке жиденькую овсяную кашу на молоке - обычный главный компонент их семейного завтрака.

- Что видишь?! - не менее истерично закричал он. Нервы его сдали.

- Что ты принимаешь наркотики!

- Как ты можешь это видеть?

- Да посмотри на себя, ты же весь черный, исхудавший! Я сразу поняла, что с тобой что-то не так, - проговорила мать уже совсем тихо. - Витя, расскажи мне всю правду!.. Он сказал, этот человек, который звонил, что тебя потому и отправили в отпуск, что уверены - ты принимаешь наркотики. Они просто не знают, что с тобой делать! У них нет доказательств!

- Как ты могла поверить в эту чушь!.. - молодой человек заметался по кухне. Благо, в их новой квартире она была просторной. На кухне их старенького дома было особенно не разойтись - тут же наткнешься или на спинку стула или на угол кухонной тумбы, или на плиту.

- Это же мой враг звонил! - Виктор был уверен, что мать говорила с Мороховским. Кто, кроме него, мог так подло копать против Вити?

- Зачем ты вообще с ним разговаривала, зачем слушала?! - воскликнул он, остановившись и в упор взглянув на мать.

- Да не разговаривала я! - истерически взвизгнула она. - Что я должна была, трубку что ли бросить?!.. Я ему так и сказала: что вам нужно и кто вы такой и, вообще, я на такие темы ни с кем по телефону не разговариваю. Я не столько ему что-то рассказывала, сколько пыталась понять, кто он такой и чего ему от тебя надо.

- И кто он такой? - нервно спросил Виктор.

- Да откуда я знаю?! Он же отказался представиться. Кто-то из тех, кто с тобой работает... Витя, пойдем к наркологу, сейчас есть новые методики, тебе помогут, я уверена!

- Да ты и в самом деле, кажется, тронулась умом! - закричал он во весь голос. - Какие методики, если я в жизни никаких наркотиков не пробовал?!

- А почему ты так выглядишь?! - прокричала она.

- Потому что я болен, плохо себя чувствую! - в ответ закричал он. - Я же тебе говорил... Ты видела, я долго лежал с температурой!

- Но температура прошла, а ужасный вид остался. И потом...

- Что потом?

- Наркоманы тоже подвержены простудным заболеваниям! Почему ты не ходишь на работу?! Тебя уволили за наркоту?..

- Нет, ты в самом деле сумасшедшая, отвяжись от меня! - вскричал он и, подскочив к окну, повернул рукоятку, распахнул раму. В кухню, где до этого была лишь слегка приоткрыта узкая форточка, хлынул свежий воздух.

- Я не отвяжусь! - захныкала она, опускаясь, словно бы утратив последние силы, на стул. - Мой долг матери не позволяет мне это сделать. Я должна спасти тебя от наркотиков!

Виктор догадывался, что будет дальше...

Хныча и вытирая рукавом текущие по лицу слезы, мать продолжала:

- Пожалуйся, будь хорошим мальчиком, скажи мне всю правду - как долго ты принимаешь наркотики. У тебя есть сейчас доза?.. Может, ты оттого так ужасно выглядишь, что не смог вовремя принять свою дозу? У тебя ломка, да?!

- У меня проблемы на работе. Из-за этого я взял отпуск. Я страшно устал. Никаких наркотиков, я тебе уже сказал, я не принимал и не принимаю! - закрыв окно, уже более спокойно отрезал он.

У матери явно начался ее обычный нервный припадок. Теперь, пока она не успокоится, разговаривать с ней будет невозможно. А заодно - нельзя и находиться в квартире. В какой бы комнате он ни находился, она придет туда и будет долдонить одно и то же - то, что он уже слышал.

Придвинув, освобождая проход, стул к кухонному столу, он вышел в коридорчик, через прихожую прошел в свою комнату.

Быстро напялил джинсы, майку, кофточку.

Когда распахивал по карманам всякую мелочь, на пороге комнаты возникла мать. Плаксивое выражение с ее лица исчезло. Жестким тоном она сказала ему:

- Можешь бегать от меня сколько угодно, но учти: употреблять наркотики я тебе не дам!.. Во всяком случае, пока ты живешь в моей квартире. Надо будет - начнем лечить тебя от наркомании принудительно.

Руки Виктора затряслись, чувствуя, что еще мгновение - и вспылит, начнет кричать на мать, наговорит ей множество злых фраз, он кое как, едва не уронив на пол дорогие часы, подаренные матерью на день рождения на последнем курсе института, выбежал из комнаты в холл, в котором была входная дверь в квартиру.

Холл в их новом жилье был, по меркам старой квартиры, просто огромным. Наверное, большим, чем вся их старая квартира.

Когда он распахивал входную дверь, мать, - она успела подбежать к ней вслед за ним, - злобно шипя произнесла:

- Учти, Изольда Михайловна с удовольствием выполнит любую мою просьбу...

Мать говорила о своей новой приятельнице, которая работала в управе их района. Сама Изольда Михайловна занимала незначительную должность какого-то третьеразрядного экономиста и вряд ли могла хоть кому-нибудь в чем-нибудь помочь. Но вот ее законный супруг, по словам

матери, был то ли генералом, то ли, уж во всяком случае, полковником в центральном аппарате МВД.

Не произнося ни слова в ответ, Витя выбежал из квартиры.

41.

Может быть, не было бы этого старенького, слегка завалившегося на правый бок на неисправной рессоре, автобуса, подкатившего к остановке неподалеку от Витино дома как раз, когда он проходил мимо нее, - он бы не оказался утром этого дня на берегу канала.

Солнце било в окна «Чаек», в сквере на берегу - людно.

Еще когда он приближался к каналу со стороны остановки, подумал: «Черт меня дернул влезть в этот автобус!.. Сейчас я поброжу по бережку, ее, само собой, не встречу, потому что не может же она болтаться на улице круглые сутки, мне станет только хуже...»

Как ему хотелось сейчас увидеть Евлампия!.. До сих пор он не рассказывал ей про то, что произошло у него на работе, про истинную причину своего вынужденного отпуска, - что-то останавливало его, заставляло держать эти обстоятельства в тайне, - но сегодня он расскажет все. Так хотелось ему выговорится! Поделиться переживаниями: и про звонок неизвестного мужчины (конечно же, Мороховского!) с работы, и про то, как не понимает его мать (как она могла поверить в то, что он - наркоман?!.. Да он и алкоголя-то почти не пьет!).

Но Евлани в сквере не было, - что вполне естественно, ведь она обещала ждать его здесь по вечерам.

Виктор побрел по дорожке. Думал, на свежем воздухе нервы успокоятся, но смятение в душе только усиливалось.

«Неестественное у меня положение: девушка, которая, как я смею надеяться, ко мне равнодушна, нашла бы сейчас слова для меня... Один ее вид меня успокоит. Но увидеть ее не могу, хотя она ничем не занята. Какие у нее дела? Эх, ну почему она не дала мне хоть какой-то телефончик, хоть какую-то почту, адресочек, хоть что-то?! Должна же она хоть где-то быть?! Хоть в каком-то, пусть самом задрипанном, мессенджере хоть как-то!»

Он остановился, вытащил из кармана джинсов смартфон, зашел в Интернет, принялся искать Евланию...

Денек был солнечный, жаркий. Четверть двенадцатого, несмотря на будний день в сквере на косогоре над каналом с каждой минутой собиралось все больше народа - мамы с колясками, старушки с внуками и внучками, какие-то мальчишки.

Почти не обращая внимания на то, что происходит рядом с ним, - Евлани в сквере не было, а больше Витю никто не интересовал, - он продолжал искать в сети хоть какую-то зацепку - не может быть, чтобы современная девушка вообще

ничем не пользовалась: не имела страничек в соцсетях, не заходила на форумы, не присутствовала в мессенджерах.

«Пусть ей нельзя, пусть врачи запретили, но хотя бы как-то, хоть украдкой, когда-нибудь, а Евлания должна где-то появляться... Вот, может быть, сейчас она тайком от матери проверяет, оставил ли ей кто-нибудь сообщение в соцсети... А тут как раз я... Напишу ей, и она выйдет из подъезда! И сразу забудется все: и Мороховский, и мать с этим ужасным разговором!» - лихорадочно думал Виктор, торопливо перескакивая с сайта на сайт, со страницы на страницу.

Рядом с ним остановился какой-то мальчик лет шести-семи, но молодой человек, стоя спиной к каналу, лицом к домам «Чаек», словно так будет проще найти в Интернете Евлампия, не обращал на него внимания.

- Вот! - вслух произнес Виктор, обнаружив Евланию в одной из соцсетей.

Мальчик, - Витя заметил это краем глаза, - повернулся к нему и принялся внимательно на него смотреть.

Просматривая страницу, Виктор быстро убедился, что последний раз девушка посещала ее больше месяца тому назад. «Что ж, это соответствует тому, что я знаю: сама мне говорила - заболела... Нервы... Врачи запретили пользоваться Интернетом...»

Он изучил записи, которые делала Евлания до того, как «отключилась» от сети. Странно, но от этих комментариев на Витю повеяло «прежней» Евлампией - той, которую он знал в последнем классе школы. Если бы он не встречался с ней и ему просто дали прочитать эту интернет-страницу, он бы про себя подумал, что его бывшая одноклассница верна себе: презрительная, сухая, надменная...

Было в этом что-то необъяснимое: здесь, в сети, и в его воспоминаниях о школьных временах - одна, а на свиданиях - совсем другая...

Он вдруг счастливо сам себе улыбнулся: «Только почему же все это - необъяснимо?!.. Очень даже объяснимо: во-первых, после ее нервных заболеваний у нее могло измениться отношение к жизни и людям, а во-вторых, и это главное, в Интернете она общается с какими-то случайными знакомыми и для них она - одна, а со мной, ее единственным - совсем другая!»

Витя повернулся к мальчику, - привлек какой-то необычный предмет, который тот держал в руках.

Да это же самая настоящая подозрительная труба!

Прижав окуляр к глазной впадине, мальчик рассматривал дома микрорайона «Чайки».

Почувствовав, что Виктор смотрит на него, он опустил трубу, повернулся к нему:

- Я высматриваю своих дружков, которые живут вон там, в доме, видишь?

Виктор улыбнулся и кивнул головой, - после мыслей о том, что он для Евлании - «единственный и неповторимый», настроение его улучшилось.

- Очень хорошо видно!.. Эту трубу мне папка купил!

Витя опять улыбнулся.

- В нее видно даже, как вон там за окном на подоконнике кот умывается лапкой, - мальчик опять прижал окуляр трубы к глазной впадине. - Вон там, на седьмом этаже. Хочешь посмотреть?

Он повернулся к Виктору, протянул трубу:

- На, посмотри на котика! Он такой смешной!.. Держи! А то у меня уже глаз устал все время в эту трубу смотреть... Я хочу кузнечика половить... Посмотри ты, а потом опять я, - мальчик отпустил трубу и, если бы Виктор, резко согнувшись и вытянув руку, не подхватил ее, она бы упала на гравий и, может быть, разбилась.

Больше не обращая на Виктора внимания и, казалось, позабыв про свою трубу, мальчонка подбежал к ближайшим кустам, уселся на корточки в окружавшую их высокую траву и, делая ладошки лодочкой и составляя их вместе и прижимая к земле, принялся, действительно, кого-то ловить...

Виктор несколько мгновений смотрел с улыбкой на мальчишку, а потом в голову ему пришла неожиданная мысль: «А ведь там, за окнами «Чаяк» должен быть не только кот, умывающийся лапкой, но и Евлампия!»

«На каком этаже она живет?»

- Вот жучок! Вот паучок! - кричал скрывшийся в высокой траве чуть ли не по плечи мальчишка.

Виктор поднес окуляр подзорной трубы к глазу.

«Вот подъезд, в котором живет Сашка! Евлампия - где-то выше его. Значит, на каких-то верхних этажах, потому что Сашка живет явно не в самом низу...»

Витя навел подзорную трубу на последний этаж высокого дома, увидел край крыши. Увеличение - отличное. Он различил смятую сигаретную пачку, валявшуюся на самом краю крыши. Интересно, кто ее там оставил? Наверное, какие-то рабочие, что-то там ремонтировавшие.

Окуляр подзорной трубы начал опускаться вниз. Потом прошелся вправо, влево, Витя принялся одно за другим просматривать окна этажей.

Один, другой... Да вот же она!

Он чуть не вскрикнул от неожиданного приятного открытия: девушка, - это без сомнения была она, он узнал ее статную фигуру, ниспадавшие на плечи распущенные длинные светлые волосы, - подошла к столу возле окна, положила на него что-то, то ли стопку книг, то ли какую-то коробку, - и перешла вглубь комнаты, в темноту. Там она была Виктору не видна...

Он еще некоторое время всматривался в окно, но в нем больше никто не появлялся.

- Что, увидел котика, правда смешной? - раздалось рядом с Виктором.

Он машинально опустил подзорную трубу и повернулся на голос.

Мальчик стоял рядом и доверчиво улыбаясь смотрел на него.

- Да, хороший котик! - ответил Витя и протянул мальчику трубу.

Тот взял ее.

«Значит, она дома! - пронеслось у молодого человека в голове. - Одна или нет?!.. Скорее всего, одна. День - будний, значит, мать должна быть на работе. А что, если рискнуть и заявиться?..»

Не обращая внимания на мальчика с подзорной трубой, который продолжал стоять, улыбаясь, рядом с ним, и, видимо, ожидая, что он скажет что-нибудь про котика в окошке, Витя пошел к башням «Чаяк».

- Пока! До свидания! До завтра! - закричал ему вслед мальчишка.

Витя обернулся и, изобразив на лице улыбку, - ему было в этот момент не до улыбок, потому что он размышлял, стоит ли идти к Евлампии, - помахал мальчишке рукой.

Тот изо всех сил замахал ему рукой в ответ.

«Нет, не стоит идти... Это невежливо, приходить в гости без приглашения... Но я так хочу ее видеть! И потом, есть обстоятельства, извиняющие меня: расскажу ей про мать, про этот разговор про наркотики... - пронеслось у него в голове. - А если ее мать тоже дома, что тогда?!.. Вряд ли... В крайнем случае, если наткнусь на нее, прикинусь продавцом какой-нибудь ерунды... Хотя, она может помнить меня в лицо как одноклассника дочери... Эх, была не была!»

Он прибавил шагу...

И тут вдруг понял, что когда смотрел на окно Евлампии в подзорную трубу, не отсчитал, на каком этаже оно находится: «На предпоследнем? Или на пред-предпоследнем?»

Он был уже рядом со зданием. Задрал голову: этажи, - в «Чайках» было не меньше двадцати, - сливались друг с другом, напознали один на другой, с близкого расстояния определить, в каком окне он видел девушку - невозможно.

Виктор остановился, задумался, как быть, и тут вспомнил одно событие из одного теперь уже далекого школьного года.

Ну, конечно! Вот что поможет найти ему квартиру Евлампии!

42.

Как-то давно, классе в пятом или шестом школы, когда Евлампия еще жила и училась где-то в другом районе Москвы, учительница велела им собирать макулатуру. Как раз была какая-то то ли городская, то ли школьная компания по сбору вторсырья, все классы школы соревновались друг с другом, а школы района - между собой.

Витя помнил, что это соревнование по сбору ненужной бумаги каким-то образом привлекло интерес всех учеников их класса. Всем хотелось, чтобы класс оказался первым.

Сашка, который жил в соседних со школой «Чайках», тут же заявил, что у него дома есть заваленные стопками старых газет и журналов, которые насобирал его покойный дед, антресоли. Если их кто-нибудь освободит, домашние будут только рады, а классу их гарантировано первое место по школе.

Правда Сашка тут же добавил, что дотащить всю свою макулатуру до школы в одиночку не сможет. Ему тут же отрядили группу помощников, в числе которых оказался и Виктор. Саша назвал им номер квартиры, - тринадцатая, - и Виктор помнил, что потом они в классе, наверное, месяца два, расходясь из школы по домам, подтрунивали над Сашей, что он отправляется обратно в свою «несчастливую» квартиру.

«Итак. Сашка живет в тринадцатой! - думал Витя, торопливо шагая по тротуару вдоль цокольного этажа одного из домов «Чаек» к ближайшему подъезду. - Какой это этаж?»

Молодой человек помнил: они носили макулатуру из квартиры Сашки по лестнице - спускаться было недалеко, всего несколько пролетов. «Значит, второй или третий этаж... В таких башнях на этаже может быть много квартир!»

Евланя, - откуда-то Витя помнил это, жила на три этажа выше Сашки. «Именно три этажа, откуда-то я помню это... Стоп!»

Но если три этажа, то это будет пятый... Пусть - шестой этаж. Учитывая высоту башен в «Чайках» - это нижняя часть дома, а Витя, осматривая окна, начал с крыши и потом «спускался» с верхнего этажа вниз. При этом он обнаружил Евланю в окне где-то на верхних этажах здания. Что никак не совпадало с тем, что он помнил про то, где она живет, со школьных лет!

Он даже остановился. «Может, я не заметил, как опустил подзорную трубу вниз и рассматривал как раз пятый или шестой этаж здания?.. В каком состоянии я нахожусь? Выбежал из дома... На нервах! Вместо того, чтобы сидеть на кухне и завтракать, пить кофе, бегаю по берегу канала... Нечего размышлять! Надо проверить - и дело с концом!»

Он решительно зашагал дальше по тротуару.

43.

У подъезда, в котором, судя по маленькой аккуратной табличке над дверью, располагались квартиры, начиная с той, что под первым номером, Вите повезло.

Одновременно с ним к двери со стороны кармана для стоянки автомобилей приближалась старушка, выгуливавшая на поводке малюсенькую собачонку.

Витя остановился, не доходя до подъезда шагов семи, сделал вид, что ему нужно срочно прочитать какое-то сообщение в смартфоне.

Старушка подошла к подъезду, открыла электронным ключом-таблеткой дверь, пропустила внутрь собачку, не торопясь прошла за порог сама.

Дверь, которую удерживал доводчик, стала сама собой медленно закрываться. Витя стремительно преодолел отделявшие его от нее несколько шагов, придержал дверь за ручку.

Выждав некоторое время, за которое, как ему казалось, старушка с собачкой должны уехать на лифте наверх, зашел в подъезд.

Вот и дверь тринадцатой квартиры, - за ней сейчас, возможно, находится Сашка. Только он Вите не нужен. Его квартира - только ориентир, от которого нужно отсчитать три этажа вверх.

Молодой человек вернулся на лестницу и принялся подниматься по ступеням. Один этаж, другой, третий...

Здесь по его прикидкам, если он ничего не напутал, должна находиться квартира Евлампии.

Витя вышел на середину лестничной площадки и остановился.

Что делать дальше? Решил, что единственный вариант - звонить во все двери по очереди. «Одна из них - Евлампии. Если все же ошибся этажом, то - ничего не поделаешь, придется уйти... Не обходить же все квартиры в доме!»

Он застыл: звонить во все двери... Как-то ему эта идея разонравилась. Что он скажет тем, кто откроет?..

«Да ведь и не откроет никто! - вдруг понял он простую истину, которая до сих пор, - вот странно! - почему-то не пришла ему в голову. - Кто же в наше-то время откроет дверь какому-то незнакомому парню?!.. Да и мать Евлампии не откроет, потому что через глазок она меня не узнает, что там можно рассмотреть через глазок?! Откроет только сама Евлания - если захочет открыть... Вернее, если у нее будет такая возможность».

Виктор решительно преодолел несколько шагов, отделявших его от ближайшей двери, нажал на кнопку звонка. Тот два раза мелодично пропиликал.

Дальше - все, тишина... «Так я и думал!»

Он перешел к следующей двери, - обходил лестничную площадку по часовой стрелке. Нажал кнопку, звонок негромко продребезжал, за дверью тут же послышался какой-то шум, что-то упало, потом детский голосок - какой-то мальчик, - спросил:

- Кто там? Вам кого?

Никаких маленьких мальчиков в квартире Евлампии быть не должно, Витя перешел к следующей двери... Нажатие на

кнопку, резкий звук звонка, тишина... Потом - точно так же еще одна дверь...

Вдруг открылась дверь, в которую он еще не звонил.

Витя резко, полный радостной надежды - Евлампия! - повернулся на звук.

Из квартиры через несколько дверей от него, - двигаясь по часовой стрелке, он должен был позвонить в нее последней, - вышла молодая, нарядно одетая женщина.

Волосы ее были тщательно уложены, лицо покрыто изрядным слоем косметики, даже с расстояния в несколько метров чувствительное обоняние Виктора уловило исходивший от нее запах каких-то хороших духов.

Похоже, еще не замечая молодого человека, она прикрыла дверь, заперла замок ключом, - что-то там в двери два раза лязгнуло, - повернулась.

- Извините...

Звук его голоса заставил ее вздрогнуть, но она тут же овладела собой и взглянула на него.

Витя не заметил в ее глазах тревоги: она не чувствовала в незнакомце никакой опасности.

- Тут девушка такая... Высокая, статная, с длинными светлыми волосами... В одной из квартир на этаже... - пробормотал он неуверенно.

Молодая женщина уставилась на него. Лицо ее приобрело какое-то странное выражение: то ли сочувствия, то ли испуга...

- Высокая, с длинными светлыми волосами?.. - пробормотала она тоже как-то очень неуверенно.

Виктор почувствовал, что незнакомка знает, о ком идет речь, но почему-то колеблется, не хочет говорить - надо «подтолкнуть» ее.

- Да, волосы - длинные, до плеч!.. Мы вчера встречались, пригласила в гости. Этаж я помню, а квартиру, как назло, забыл! Вы не подскажете, где она тут живет?.. Евлампией зовут!..

Молодая женщина, как показалось Виктору, хотела попятиться, - такое ужасное действие произвели на нее его слова, - но потом, видимо, сообразила, что ей надо не обратно в квартиру, а, наоборот, вниз.

- Вчера встречались?! - с каким-то страхом в голосе повторила она его слова.

- Да, - не понимая в чем дело, подтвердил Виктор и приврал:

- Пригласила к себе...

Молодая женщина быстрым шагом ринулась, почти что побежала, мимо него к лифту, начала нервно ударять ладошкой по клавише вызова, через несколько мгновений кабина подъехала, двери распахнулись, она тут же влетела внутрь, нажала на первый этаж...

Двери закрылись, кабина уехала вниз.

«Что я такого сказал?! Что ее так испугало?!»

В недоумении Виктор подошел к двери, в которую он еще не звонил, нажал на кнопку. Звонок мелодично запиликал.

По-прежнему недоумевая по поводу странного поведения незнакомки, он, словно бы каким-то фоном к собственным тревожным мыслям («Что ее так поразило?!») различил в квартире за дверью медленные, шаркавшие шаги, замершие с другой стороны порога - кто-то разглядывал его в глазок.

Прошла минута: шагов больше не слышно, некто за дверью не уходил от порога, но и открывать молодому человеку не собирался.

Виктор развернулся и медленно, сторбившись, пошел к лестнице. Его опять знобило. К тому же, сегодня не завтракал, и слабость, которую ощущал все последние дни, навалилась с особенной силой.

44.

«Что же это означает? Она, без сомнения, знает Евланию. Та - ее соседка. Но, когда я сказал... Она явно то ли испугалась, то ли начала нервничать, когда я сказал... Стоп! А что именно я сказал?.. Что видел накануне Евлампия!.. Но почему такая реакция?» - терзался вопросами после встречи с незнакомой женщиной Витя.

Оказавшись перед подъездом, он первым делом взглянул сначала в одну сторону, - на тротуар, тянувшийся вдоль стены здания. Потом на такой же тротуар, только с другой стороны подъезда.

Евланиной соседки нигде не было. Успела завернуть за угол дома.

«Что же так поразило ее в моих словах?!» - продолжал терзаться Виктор.

Загадка, которую не мог разгадать, заставила его позабыть и про утренний разговор с матерью, и про то, как спешно утром покинул квартиру.

Погруженный в мысли, ничего не замечая по сторонам, Витя сошел с тротуара на проезд для автомобилей и медленно двинулся в сторону сквера над каналом.

Едва прошел полтора десятка шагов, за спиной раздался знакомый голос:

- Привет!

Витя обернулся: Сашка собственной персоной!

- О, привет!.. Опять встретились! - воскликнул Витя, а сам подумал: «Повезло, что он не вышел из квартиры или из двери лифта, когда я стоял у него на этаже, таращась на дверь с номером тринадцать!»

- Слушай, тебя мать что, бьет все время и не кормит? - неожиданно спросил Сашка, как-то придирчиво и недобро смерив Витю с ног до головы взглядом.

Вопрос так странно совпал с утренним разговором с матерью, - у Вити в голове мелькнуло:

«Откуда он знает?! Может, это он и звонил про наркотики?.. Или, скорее, он как-то связан с человеком, который говорил с матерью... Какая чушь лезет в голову!»

- Ты так страшно исхудал, как будто не ел ни разу с того самого момента, когда мы здесь с тобой виделись. И под глазами у тебя синяки в пол-лица. Я даже сначала решил, что это фингалы... Как будто избил тебя кто-то, - пояснил свои слова Сашка.

- Да нет, не бил меня никто... Не знаю... Устал что-то, - смутившись, пробормотал Виктор.

И тут же сам себя мысленно спросил: «Отчего ты мог устать, если ты уже который день в отпуске?!»

Взгляд его упал на руки бывшего одноклассника: тот комкал в ладонях перепачканную в чем-то черном тряпку. Следом Витя разглядел в паре метров за Сашкиной спиной древние «Жигули» красного цвета, покрытые во многих местах ржавчиной. Капот седана, место которому уже было не на парковке среди других автомобилей, а в экспозиции музея отечественного автопрома, был открыт. В углублении между моторным отсеком и лобовым стеклом с несколькими трещинами - пара таких же грязных тряпок, как и та, что у Сашки в руках, инструменты: отвертка, пассатижи, вольтметр с оранжевыми проводами и ярко блестящими на солнце металлическими зажимами-клеммами.

- Видишь, отец хлам свой подогнал... - кивнул Сашка на старые «Жигули». - Приперся на них с дачи и тут они у него окончательно заглохли. Отказываются заводиться. Аккумулятор, кажется, сдох. Но, черт его знает, что теперь по этому случаю с ним делать? Денег купить новый у меня нет, отец мне ничего не оставил. А зарядить?.. Проводов тоже нет...

Сашка развернулся и медленно двинулся к старенькому автомобильчику.

Витя - за ним.

- Да и можно ли его подзарядить? - продолжал Сашка сокрушаться. - Он, небось, старый такой, что и подзаряжаться не станет...

Вдруг Сашкины мысли перескочили с предмета на предмет:

- Да, кстати, по поводу темы, которую мы с тобой обсуждали, про Евлампия...

Витя ощутил, как его охватывает мгновенное напряжение и какая-то подспудная тоска, словно он уже знает, что то, что сейчас скажет ему Сашка, навалится на его душу серой каменной глыбой.

- Я у отца спросил... Он сразу назвал имя - Евлампия. Говорит, она это погибла, ваша красавица школьная, Евлампия, попала с дуру на велосипеде под автомобиль какого-то лихача.

«Такая ерунда, что даже опровергать не хочется!» - подумал Витя. Слова Сашки были именно тем, что он ожидал услышать.

«А чего я тогда так их боялся, если они - ерунда?!.. Неужели я в самом деле мог подумать, что Евлампия некоторое время назад умерла, погибла, попав под автомобиль. А с кем же я тогда встречаюсь?!»

И тут Виктор вспомнил про незнакомку на этаже, про испуг в ее лице, когда он сказал, что виделся накануне с Евланей и та пригласила его к себе. По спине его пополз холод, и это не был привычный озноб последних дней.

Витя испытал суеверный страх.

Чтобы как-то отвлечься от него, произнес:

- Ты уверен? Это, наверное, какие-то сплетни...

- Да нет, какие сплетни?! - отмахнулся от его слов Сашка. -

Отец очень уверенно сказал...

Он взял лежавшие на приполке у лобового стекла «Жигуленка» тряпки и инструменты, перешел к багажнику, распахнул, - тот оказался не заперт, - бросил все внутрь, захлопнул багажник.

Вернулся к капоту, захлопнул и его.

Вытащил из кармана джинсов брелок с ключами, запер дверцу легковушки.

Суеверный ужас, минуту назад задевший Витю крылом, сам собой куда-то улетучился.

Он подумал: «Дыма без огня не бывает... Что-то с Евлампией не так... Откуда эти истории про то, что она умерла?.. Может это ее мать нарочно распускает такие слухи? Вот только зачем?.. Значит, есть резон, значит была какая-то история, из-за которой лучше, чтобы дочку считали мертвой... А может, они поругались и мать намеренно про нее наговаривает такие ужасные вещи?!.. Но ведь Евлампия гуляет в сквере, и тот же Сашка может встретиться с ней возле собственного подъезда...»

- Ладно, Витек, я опять побежал... Надо что-то с аккумулятором делать. У меня тут вон там, за дорогой, - он показал в сторону проспекта, отделявшего «Чайки» и канал от больших жилых районов, - Один новый приятель появился. У него, представляешь, во дворе сохранился самый настоящий гараж... Там всякого хлама - видимо-невидимо! Может, он мне на время, взаимнообразно, какой-нибудь рабочий аккумулятор подкинет? А то отца нет, денег нет, в Интернете я заказать аккумулятор не могу, а «Жигуль» на ход поставить надо. Иначе отец с дачи припрется, придет просто в ярость. Все мозги мне выдолбит! - проговорил Сашка.

Витя машинально протянул бывшему однокласснику руку. Мысли его витали далеко от «Жигуля», аккумулятора и Сашкиного отца.

- Ты это... Нам бы надо с тобой пересечься, - проговорил Сашка. - Я тебе напишу. Ты же мне этот курс обещал передать...

«Какой курс?!» - Виктор не сразу понял, о чем идет речь. Потом вспомнил: прошлый раз Сашка, который никак не мог устроиться на работу и был вынужден жить за счет отцовских благодеяний, пожаловался Вите, что его никуда не берут, а взяв,

через пару месяцев увольняют, потому что у него нет навыков хорошего менеджера по продажам.

Витя посоветовал приятелю посмотреть многочасовой видеокурс одного американского «гуру». В свое время, еще когда начинал работу в компании, он сам изучил его. Файлы с курсом хранились у Вити на домашнем компьютере, которым они по очереди пользовались с матерью.

- Да он, понимаешь, курс это по объему - большой! - пробормотал Виктор. Голова его по-прежнему была занята Евлампией, связанными с ней странностями, мрачными подробностями. - Это же видеофайлы, у них размер огромный. Я боюсь, я по своему Интернету буду его отправлять всю жизнь... Да и ты... Закачаешь ты его?..

- Слушай, так мы с тобой уже это обсуждали. Так ты запиши мне все это хозяйство на флэшке. Я с нее все спишу, а ее потом отдам тебе.

- Хорошо, - кивнул Виктор.

Они пожали друг другу руки, Сашка торопливо пошагал прочь от ржавых «Жигулей» в сторону проспекта.

Витя медленно пошел в сторону сквера на высоком берегу канала.

45.

Он бродил в окрестностях «Чаяк» уже больше часа. Сначала слонялся в сквере на высоком берегу канала, смотрел на окна многоэтажки, все надеялся различить за стеклами Евланю.

Мальчик с подозрительной трубой давно уже куда-то делся, а то Витя не удержался и попросил бы у него «оптику» - изучить повнимательнее, что происходит за окнами. Теперь он знал этаж, - встреча, странный разговор с незнакомой женщиной подсказал ему, что квартира Евлампии находится именно там. Всматриваясь через подозрительную трубу в окна, он бы мог получить какие-то сведения о жизни возлюбленной.

Когда он звонил в дверь, кто-то был в квартире. Мать? А где Евлампия? В своей комнате и не выходит из нее ни на какие звонки?

Сколько вообще у них в квартире комнат?

После прогулок по скверу, Виктор несколько раз обошел вокруг «Чаяк», рассматривал с разных сторон башню, в которой жила Евлампия. Потом он опять оказался в сквере. Побродив по нему, углубился в неухоженную часть парка, ту, что примыкала к территории спортивного общества.

«Какая мне разница, почему ее считают мертвой?!.. Разве изменят подробности, которых я не знаю, что-то в том, что она нужна мне?! Что я не могу без нее...» - думал он, сворачивая с протоптанной между деревьев дорожки на траву.

Он двинулся между деревьев, вышел на какую-то залитую солнцем поляну. Вокруг не было ни одного человека.

Тоска сжала Витино сердце.

«А может, она намеренно рассказала мне эту историю про заболевание нервов, что ей нельзя пользоваться телефоном?! Просто, чтобы не общаться со мной? Чтобы в любой момент исчезнуть и послать меня подальше - мол, врачи запретили разговаривать. Ну, конечно! Так оно все, скорее всего и было! Она играла мной, а на самом деле ее отношение было точно такими же, как и тогда, во время нашей встречи еще когда мы учились в школе!.. Да и все эти истории про ее смерть - это тоже часть какой-то игры! Чертова Евлампия! Конечно же, она исчезнет и больше не будет общаться со мной!»

От этих несчастных, тоскливых мыслей словно бы какая-то злая рука сжала Витино сердце. Сперва он почувствовал словно бы чье-то ледяное прикосновение к груди, а следом сильная режущая боль заставила его остановиться.

Он начал хватать ртом воздух, стон готов был вырваться из его груди, но сил застонать не было. Витя лишь захрипел, согнулся в поясе, упер руки в колени. Боль не ослабевала.

«Боже, что это?! Инфаркт? Я умираю!» - он осел на землю.

Через мгновение, когда он уже успел проститься с жизнью, сидя на траве почувствовал: ему становится лучше.

И тут же совсем рядом за его спиной раздалось испуганное: «Витя! Что с тобой?! Что ты здесь делаешь?!»

Девичья рука легла на его плечо.

Он обнимал ее, целовал, зарывался лицом в ее мягкие волосы, один запах которых доставлял ему неизъяснимое наслаждение.

Евлампия страстно отвечала на его поцелуи, гладила его по волосам.

«Нет, тысячу раз я был прав, когда думал, что не имеет для меня никакого значения, что с ней произошло - попала она в аварию или нет, почему говорят про нее, что она умерла! Связано ли ее теперешнее поведение, то, что она не общается по телефону, с тем, что с ней произошло недавно... - неслось у него в голове. - Какая разница! Только эти поцелуи, эти волосы! Возможность быть с ней рядом!»

Оба сидели на траве в центре поляны. Нигде по сторонам не видно ни человека. Витя и Евланя здесь - совершенно одни.

- Евланя, - бормотал Виктор, чувствуя прилив счастья. - Я так соскучился по тебе, я пришел сюда в надежде, что ты появишься... Но тебя, конечно же, не было, потому что не можешь же ты болтаться по этому парку круглые сутки. Я так тосковал! Мне тебя так не хватало! Не хватало твоих рук! Волос! Не хватало твоих губ, твоего запаха!

Девушка отвечала на его порывистые ласки, страстно бормотала:

- Витя! Я... Знаешь, я почувствовала, что ты зовешь меня, что ты нуждаешься во мне... Что ты страдаешь! Страдаешь без меня!.. И вот, видишь, мы встретились!

Страстный поцелуй заставил ее замолчать.

Потом, когда они на несколько мгновений отстранились друг от друга, она, обессиленная страстными взаимными ласками, проговорила:

- Мы вместе, ты и я.

- Евлания, я люблю тебя и не хочу с тобой разлучаться никогда! - с чувством воскликнул он.

- Витя, я тоже люблю, мы не разлучимся с тобой, мы будем вместе...

Она опять принялась страстно ласкать его:

- Миленький, дорогой мой Витя, как же ты, бедный, ждал меня! А я... Я была где-то... И вот я пришла...

46.

Возвращаясь домой, Виктор бы вынужден несколько раз отдыхать, усаживаясь то на скамейку, то на ступеньки перед входом в продуктовый магазин, то на бетонный край клумбы. Его трясло («Наверное, температура! Стало хуже после того, как посидел в парке на земле... Там же сыро после дождей!»), мучала слабость, он еле-еле переставлял ноги, то и дело возникала странная сипящая отдышка, которой прежде у него никогда не бывало.

Опускаясь в изнеможении на подвернувшееся на пути низенькое металлическое ограждение газона, подумал:

«Неудивительно, что так ослаб... Сколько уже времени? Шесть или семь вечера, - он машинально взглянул на запястье левой руки, на котором носил часы, но обнаружил, что, выходя из дома, забыл надеть их. - А я еще даже не завтракал!»

Он усмехнулся.

Они провели на поляне с Евлампией несколько часов: ласкали друг друга, признавались в любви, клялись, что никогда не расстанутся, что будут вместе всегда...

Странно, но все это время Витя не увидел по сторонам поляны ни одного гуляющего. «А они должны быть в это время в парке!» - подумал он.

Время пролетело незаметно. Потом Евлания сказала, что пора уходить:

- Ты весь дрожишь. Не хочу, чтобы ты простудился! Да и мне пора, мать уже, наверное, беспокоится. Так долго я давно не гуляла!

Она повела его по парковым тропкам и совсем скоро они оказались на берегу канала возле «Чаяк».

Быстро поцеловав его, словно опасаясь, что их кто-нибудь увидит вместе, девушка торопливо пошла в сторону своего подъезда, - того самого, в котором Витя побывал сегодня.

Он смотрел ей в спину, потом на несколько мгновений отвлекся на двух, ехавших ему навстречу по гравиевой дорожке велосипедистов. Когда они проехали, повернувшись к «Чайкам», обнаружил, что Евлампии перед домами уже нет.

«Но она не могла так быстро дойти до подъезда! Если только не кинулась к нему что есть мочи бегом!.. Странно!»

Несколько минут он стоял, надеясь увидеть девушку: быть может, она просто идет сейчас в тени деревьев и он не замечает ее... Хотя там не было никакой тени... Но, может быть, Евлания свернула куда-нибудь в сторону? Но куда? Обратно в чащобу парка? Что ей там делать?!

«Неожиданно появляется и так же неожиданно исчезает!» - подумал он и, несмотря на то что за последние часы он испытал столько счастья сколько не испытывал, наверное, никогда в жизни, в душе его воцарилось что-то мрачное... Какое-то предчувствие, которого он пока не мог да и не хотел объяснить...

Немного отдохнув, встал с выкрашенного зеленой краской металлического ограждения и, пошатываясь, поплелся в сторону своего нового дома.

Он поймал себя на том, что подумал об этом без всякого страха.

«Мертвая... - он сам себе усмехнулся. - Ну и что, даже если я встречаюсь с мертвой, мне никогда не было так хорошо, так спокойно с живыми, как с ней, мертвой, больной, пострадавшей в аварии с автомобилем... Вот сейчас я еле иду, а все равно - даже, если бы я знал, что после встречи с ней мне было во сто крат хуже, я бы все равно пошел бы на свидание и был бы счастлив, и стремился бы видеть ее еще и еще... Я люблю ее, в этом все и дело!»

Следом он подумал: «Даже, если бы произошло совершенно фантастическое и невероятное и я бы понял, что она и в самом деле - мертвая, разве что-либо изменилось для меня? Наверное, нет...»

47.

Едва Витя вошел в квартиру, глянул на себя в зеркало, - там отразился мертвец с черным лицом, запавшими тусклыми, словно уже почти погасшими глазами, торчащими в разные стороны, вздыбившимися точно от ужаса, волосами, - тут же скрипнула дверь, почему-то не из своей, а из его комнаты в коридор вышла мать.

«Искала у меня в вещах пакетики с наркотиками! Сейчас будет скандал!» - пронеслось у Виктора в голове.

Мать остановилась сразу за порогом комнаты и уставилась на него.

Виктор замер, ожидая криков, - зайти к себе в комнату, пока она преграждала ему путь, он все равно не мог.

Следом обратил внимание, что выражение лица у матери не злобное, как если бы она намеревалась устроить ему выволочку, а страдальческое, плаксивое.

Глаза их встретились.

- Витенька, ты ужасно выглядишь... - проговорила она и всхлипнула.

Он пожал плечами и невольно вновь покосился на себя в зеркало.

«Сама же и вынудила меня утром сбежать из дома! Попробуй, побегай целый день по городу не жравши, не пивши...» - подумал он. Но следом за этой мыслью черным, до этого почти потухшим угольком вдруг вспыхнула в голове другая: «Да ведь, если я встречаюсь с покойницей, то можно предположить, что она высосала из меня за эти несколько встреч все жизненные соки!»

Причем мысль эта была не какой-то шуткой, которую он подкинул, словно бы сам с собой заигрывая, а самым настоящим *предположением*.

Потрясенный тем, что возникло в его голове, Витя, по дороге чуть не сбив с ног мать, ринулся к себе в комнату.

Быстро долетев до самой ее середины, он остановился, как вкопанный. Взгляд его стремился за что-то зацепиться, точно он проваливался в бездну и, если бы глаза его на чем-то остановились, то это бы приостановило падение...

Витя уставился на модельку самолетика, подвешенную на тоненьких лесках к потолку, - того самого, который он воображал в сквере на берегу канала и на тропе в парке, что вот он, летит мимо домов «Чаяк» ...

Самолетик медленно двигался из стороны в сторону, - не покачивался, а именно плавно поводил носом - кокпитом - то вправо, то влево. Словно не висел на одном месте, а летел, и пилоты за пластиковыми стеклышками кабины меняли курс...

Сквозняка в комнате не было. Чего бы самолетику двигаться? Может, мать, пока была в комнате, нечаянно толкнула его, и он по инерции никак не может замереть?

«А хоть бы и мертвая! - с какой-то храбростью отчаяния подумал он про свое, только что мелькнувшее *предположение*, - Ни с одной живой мне никогда не было так хорошо, так счастливо, как с этой мертвой. Да и не было у меня никаких живых... Что же мне делать, если только такая, мертвая, обратила на меня внимание?! Значит, это судьба!»

Он резко повернулся к матери. Она уже вернулась вслед за ним в комнату и стояла в нескольких шагах от него.

- Не сердись на меня... За то, что я тебе утром... Про наркотики... Ну взбрела мне в голову эта чушь! - проговорила мать хныкавшим тоном.

«Но комнату ты мою, тем не менее, тщательно обыскала!» - подумал он, краем глаза замечая, что все вещи в комнате находятся не на привычных местах - мать, должно быть, тщательно перерыла их, закончив «досмотр» перед его приходом, а, может быть, в спешке прекратив его, когда услышала звук открывавшейся входной двери...

Вот эта стопка чистых маек лежала не на стуле, а на краю стола, а его ящик был задвинут, а не слегка выдвинут.

- Хорошо, пусть этот человек, который звонил с твоей работы, врал, - продолжала мать. - и никакие наркотики ты не принимаешь. Но выглядишь-то ты ужасно!.. Как старик!

Она в голос разрыдалась.

- Мама, ну что ты... - пробормотал он, испытывая неловкость.

Вытирая ладонью слезы, она отошла к шкафу, стоявшему у противоположной стены.

- Вот что, - проговорила она, по-прежнему отвернувшись, чтобы не показывать слез. - Я договорилась со знакомой врачом... Это в медицинском центре, шесть остановок от нас на метро, она тебя проведет по всем специалистам... Тебя осмотрят... Пока ты этого не сделаешь, я от тебя не отстану!.. Все расходы - за мой счет!.. Сейчас принесу бумажку с телефоном, по которому надо позвонить, и деньги. Отправишься туда завтра утром.

Стараясь не поворачиваться к нему лицом, она вышла из комнаты.

48.

- Мама говорила, что у тебя там что-то на работе... На фоне стресса это может быть. Я имею в виду, полный упадок сил, истощение организма, разрушение нервной системы. У тебя что-то болит?

- Нет, - Виктор повертел головой. - Ничего не болит. Озноб только мучает. И сильная слабость... До такой степени, что иногда идти не могу.

- Да... Странно... Хронических заболеваний не было...

Виктор опять в подтверждение слов врача повертел головой.

- Давай-ка я тебя послушаю... - проговорила врачиха, беря со стола стетоскоп.

Витя послушно встал со стула и сняв и бросив на сиденье кофточку, принялся снимать майку.

- Нет, не надо... Достаточно, просто... Задери... Вот так!

Он задрал майку и придерживал ее за край на уровне подбородка, врач, - какая-то старая знакомая матери (та уже много лет ходила к ней на прием), слушала его, прислоняя мембрану стетоскопа к разным местам на груди.

- Повернись, - негромко распорядилась врачиха.

Виктор послушно повернулся.

Она стала приставлять стетоскоп к спине.

- Одевайся, - врачиха вынула из ушей трубки стетоскопа, бросила его на стол. Уселась в кресло.

- Не знаю, что с тобой делать!.. - проговорила она и внимательно посмотрела на надевавшего модную синюю кофточку Виктора.

- В каком смысле?

- У тебя с сердцем раньше какие-нибудь проблемы были?

Молодой человек пожал плечами:

- Да нет. Вот только сейчас... В последнее время... Можно сказать, в последние дни какая-то слабость появилась. Как будто сердцу плохо...

- Как-то оно у тебя работает... Как тебе объяснить, чтобы попонятнее... В общем, с перебоями... Надо кардиограмму делать. И скорее всего, ее будет недостаточно. Обследоваться... И еще...

- Что? - насторожился Виктор.

- Температура не подскакивает?

- Подскакивает... Я же говорил, озноб все время колотит... А тут было и вообще под сорок. Какой-то вирус я подцепил.

- Возможно, ты не пролечился, и он дал осложнение... Не бережете себя, молодежь! Думаете, вам все по плечу. Нет, чтобы пролечиться как следует. Врачу-то хоть показывался?

- Нет, - повертел головой Виктор.

- Какие-то хрипы у тебя непонятные в легких... Надо провериться, нет ли воспаления легких... Анализы, одним словом, сделать все... Стресс, знаешь, штука коварная... Ослаб от него, иммунитет не сработал, вирус подцепил. А потом не пролечился толком... Так и на тот свет уехать можно, учти!.. Нет, я не запугиваю тебя, просто мать сказала, что ты... Все тебе трын-трава, относишься к своему здоровью несерьезно, а это неправильно!

Из медицинского центра он вышел в подавленном состоянии. Получалось, что со здоровьем у него - не очень. Диагноза ему пока не поставили, но то, что что-то обязательно найдут, - какое-то заболевание, - в этом Витя не сомневался.

Он уже успел сделать кардиограмму. Расшифровкой ее позже займется специалист, но тетенька, которая прилепляла к его голой груди присоски и ставила на ноги зажимы, сказала, что вычерченная аппаратом кривая синусообразная линия - из необычных. Свидетельствует о том, что с сердцем отнюдь не все хорошо.

Витя медленно брел по улице в сторону станции метро.

«Сегодня сказали, что с сердцем нехорошо, завтра обнаружатся какие-нибудь проблемы с почками, печенью, желудком... Так и до инвалидности недалеко! - думал он. - Но почему? С какой это стати я, никогда прежде не отличавшийся слабым здоровьем, вдруг ослаб?.. Проблемы на работе? Доконал Мореховский? Конечно, это так, все было. Но могло ли подействовать на меня до такой степени?! Стоп!»

Витя и в самом деле остановился.

«В чем я сомневаюсь?! А главное, почему?!.. Почему я не верю в то, что ухудшение здоровья связано с делами на фирме?! Ведь там не какие-то «проблемы» - меня обвиняют в преступлении, того и гляди организуют уголовное дело и тогда... Страшно подумать, что будет тогда!.. И все же я отказываюсь видеть причину своих бед в этом. Почему?..»

- Да потому, что в моем мозгу засела идиотская мысль, в которой я сам себе боюсь признаться: из меня вытягивает все силы мертвая! Евлампия! - воскликнул Виктор вслух и сам испугался.

Глянул по сторонам: слава Богу, никто не слышал, как он разговаривает сам с собой и какую чушь при этом несет! До ближайших прохожих перед ним и позади него на тротуаре - метров по десять.

Виктор зашагал к метро. «Для меня не имеет значения кто она и какая она, - думал он. - Вернее, значение имеет... Но... Я не в силах изменить того, что люблю ее и мне так хорошо с ней!.. - думал он. - Но все же, странность наших встреч тяготит меня...»

Уже когда он был у самого входа в метро, в голову пришла идея: что, если встретиться с ней в присутствии Сашки?.. Причем встреча должна быть неожиданной и для Евлани, и для друга. Тот - малый непосредственный, наверняка затеет с Евланей разговор: мол, говорят, что ты погибла под колесами автомобиля. Девушка будет вынуждена что-то ответить...

«В конце концов, если покойницы являются наяву не только ко мне, но и к Сашке, значит, мир изменился и к присутствию в нем существ из загробных краев следует относиться философски!» - мысленно пошутил Витя, уже спускаясь в метро.

Хотя его опять принялся колотить озноб, настроение, после того как возникла идея столкнуть Евланию с Сашкой, начало стремительно подниматься.

«Организовать их встречу будет очень просто... Благо, живут в одном подъезде и, если наткнуться друг на друга случайно, удивляться не станут!» - решил Витя.

49.

«Я как раз возле «Чаяк», флэшка при мне... Если дома, выходи, передам тебе курс по эффективным продажам...» - написал Виктор в мессенджере.

Евланя уже дожидалась его на привычном месте на скамейке в сквере. Он заметил ее издалека, едва только вступил, сойдя с асфальта, на посыпанную мелкими камушками дорожку.

По замыслу Виктора, если Сашки не окажется дома в этот раз, он попытается осуществить свой план в следующую встречу с девушкой.

Она тоже заметила его.

Если в прежние их встречи на этой скамейке Евланя ждала, когда он подойдет к ней, то теперь, едва завидев его, поднялась со скамейки и направилась в его сторону.

Молодой человек держал перед собой смартфон. Ему казалось, что с Сашкой сегодня ничего не получится - окажется, что он или где-то в центре города, или вообще на даче с отцом

или попросту не ответит, потому что ему будет не до школьного товарища.

Но на экране смартфона, вопреки ожиданиям, высветилось:
«Привет! Отлично! Я как раз хотел напомнить тебе про твое обещание. Где ты?»

«Я в сквере у канала. Напротив «Чаяк». Подходи», - попадая пальцем не в те буквы, написал Витя. Торопился, потому что Евлания уже прошла половину разделявшего их расстояния.

Если бы молодой человек не замедлил шаг, почти что остановился, они с девушкой уже подошли бы друг к другу.

«Отлично! Сейчас выхожу... Жди меня буквально через минуту-другую», - написал Сашка. Витя едва успел закрыть приложение, потому что девушка была от него в нескольких шагах.

Он ожидал, что она бросится ему на шею и сам намеревался жарко обнять ее, но Евлампия лишь подставила ему щечку для поцелуя и, не дав себя обнять, обиженным тоном спросила:

- С кем это ты так увлеченно переписываешься?

- Да, приятель... Ерунда вопрос... Евлания, ты что, ревнуешь? Да я ради тебя заброшу к чертовой бабушке не только всех приятелей, - постарался замять он тему переписки и вновь попытался обнять ее.

- Не здесь, что ты... Подожди... - она отклонилась от него и пошла по дорожке в сторону «Чаяк».

«Отлично! - пронеслось у Виктора в голове. - Лучше и предположить было нельзя! Сама идет к подъезду, из которого вот-вот появится Сашка».

- Давай отойдем куда-нибудь, скорее... - проговорила Евлампия. - У меня такое чувство, что мать следит за мной из-за занавески.

Витя пожал плечами:

- Конечно, пойдем...

В молчании они двинулись к подъезду, в котором жили Сашка и Евлампия, но метров за двадцать до него девушка взяла правее, и они зашли в невысокую кирпичную арку в стилобате, из которого вырастали к небу башни «Чаяк». За ней начиналась длинная широкая крытая галерея. Справа за полутораметровой загородкой - внутренний дворик, в котором когда-то была веранда закрывшегося ресторана, а теперь стояло лишь несколько цветастых зонтиков на высоких ножках.

Слева - двери технических помещений жилого комплекса.

Евлампия подошла к одной из них и остановилась.

Смартфон в кармане Виктора задергался. Резким движением он вытащил его: сообщение от Сашки!

«Где ты? Я тебя не вижу».

«Арка слева от твоего подъезда. Заходи в нее. Я там», - быстро набил он.

- Что ты там пишешь? - Евлампия явно нервничала.

Сделала шаг к нему навстречу, попыталась заглянуть в экран смартфона, но Виктор быстро убрал его в карман.

- Евлания, ну, чего ты? Что-то сегодня не так? Обычную ерунду пишу... Что можно писать другу? - проговорил он с улыбкой.

«Минута, а скорее всего - даже меньше, и Сашка будет здесь! Сейчас они встретятся!»

- Зачем мы зашли в эту арку? Пойдем обратно на берег канала, там свежо, воздух! Или в парк...

Он взял ее за плечо и попытался повести обратно к выходу из арки, но она решительно отвела его руку:

- Я говорила тебе... Мне нельзя... Когда я вижу все эти смартфоны, я начинаю нервничать... Мне нельзя всем этим пользоваться. Когда я вижу смартфон в твоих руках, все это вспоминается мне...

«Все это? - успел подумать он. - Но что?! Быть может, то, что с ней произошло и из-за чего все считают ее погибшей, как-то связано со смартфонами и Интернетом?! Поэтому так нервничает... Дурные ассоциации!»

Следом он вздрогнул от дикого крика.

Резко повернувшись, увидел картину, которая потом долго стояла у него перед глазами: Сашка успел войти в арку и пройти под ее сводами в сторону Виктора и девушки три или четыре шага.

Одноклассник дико выпученными глазами смотрел на Евлампию и кричал от ужаса.

Затем в страхе бросился бежать прочь из-под арки.

- Сашка, что... - успел прокричать Витя, рванул за друга за плечом, выскочил из арки - друга нигде не было.

Витя бросился к Сашкиному подъезду, дернул за ручку двери, она закрыта. Обернулся: двор пуст, ни одного человека!

Сашки нигде не было видно.

«Что произошло?!»

Быстрым шагом, почти бегом Витя вернулся обратно под арку - никого. Евлампии на прежнем месте у двери не было.

«Она-то куда подевалась и почему?!»

Витя пробежал вперед до конца крытой галереи, но Евлампии не увидел.

Он выбежал во двор на другой стороне «Чаек», остановился, осмотрелся - девушки нигде не было.

50.

Виктор вернулся домой ровно в полночь. Осторожно прикрыв дверь квартиры, - впрочем, был уверен, что мать не спит и тотчас выйдет ему навстречу, - посмотрел на наручные часы. Стрелки, - причем все три! - сошлись в самой верхней точке круглого циферблата.

Молодой человек обернулся, ожидая увидеть мать, но просторный холл, в который открывались двери комнат и кухни - пуст.

Витя разулся и, погасив абажур у входной двери, направился в комнату.

Ноги гудели, он чувствовал себя измученным. Как всегда в последнее время, познабливало. Но не сильно. Гораздо хуже - то, что он чувствовал ужасную слабость.

«Поесть бы!» Желудок сводило от голода. Но молодой человек чувствовал себя не в силах идти на кухню, открывать холодильник... Мать, конечно же, что-то оставила ему - какой-то вкусный ужин. Но все равно, его надо бы поставить на плиту, разогреть... Хотя, можно и холодным!

Он покосился на дверь ее комнаты. Она была приоткрыта. Диван матери видно не было, но из-за порога доносился ее громкий храп.

Должно быть, ждала его, и сама не заметила, как уснула.

«Повезло! Иначе бы расспросов про самочувствие не избежать!»

Виктор прошел к себе в комнату. Не зажигая света разделся, кое-как побросав одежду на стоявшее возле письменного стола кресло на колесиках, улегся на незастеленный диван.

С наслаждением вытянул ноги...

...Поначалу он ждал Евлампия на том месте, с которого она исчезла: возле двери в какое-то техническое помещение.

Он даже подумал, что она зашла туда, внутрь, и то и дело дергал дверь за ручку, несколько раз стучал. Но дверь была наглухо закрыта и за ней, конечно же, никого не было.

Потом, когда стало ясно, что Евлания здесь точно не появится, перешел в сквер над каналом и около часа то прогуливался по дорожкам, то сидел на их скамейке, то опять прогуливался. Смотрел на окна, отправил кучу сообщений Сашке, набирал его номер, но - глухо, Сашка ничего не писал в ответ, номер его поначалу выдавал ответные гудки, но трубку никто не брал, потом и вовсе выпал из сети.

Витя принялся бродить вокруг «Чаяк», в надежде встретить если не Евланию, то уж Сашку - пусть объяснит, что с ним произошло, почему он так кричал, чего испугался, - но ни ее, ни его не встретил.

Витя перебрался на другую сторону проспекта, углубился в какие-то дворы, в которых и когда учился в школе-то никогда не бродил. Чего он в них искал?.. Ничего, просто хотелось бесцельно брести куда-то, - только бы не стоять на месте! - обдумывать: «Что же произошло?!.. Сашка так испугался... Евлания?!» Он явно смотрел именно на нее. А может быть, все-таки не на нее?.. А куда исчезла она?

Побродив по дворам, Витя вернулся к «Чайкам», принялся ходить вокруг зданий, по всяким проходам между ними. Потом опять гулял в сквере, сидел на скамейке.

Потом углубился в парк и некоторое время бродил там.

Вернулся обратно. Темнота застала его на скамейке сквера. Сашка по-прежнему не отвечал. Витя всматривался в окна башни, в которых теперь горел свет, надеялся увидеть

Евлампию. Но на ее этаже горело только два окна и оба, кажется, не ее квартиры.

В конце концов он отправился пешком домой...

«Какая-то тайна передо мной... Евлампия - покойница?.. В любом случае, теперь я могу спросить у того, про кого я точно знаю, что он - обычный живой человек, что с ним произошло, чего он так испугался - у Сашки!»

Витя взял с дивана смартфон, посмотрел на экран - Сашка не отвечал.

«Рано или поздно ответит!»

51.

День был тихий, пасмурный, сухой. Хотя небо затянуто тучами и то и дело набегал порывистый, словно бы предвещающий бурю ветер, дождя не было ни ночью, ни утром.

Витя приехал в район своей школы в половину одиннадцатого. Какое-то время заняла у него пешая прогулка от автобусной остановки к «Чайкам». Миновав их, молодой человек оказался в сквере над каналом.

Взгляд его упал на «их» скамейку. Пуста! Медленно побрел по дорожке.

Вытащил из кармана смартфон, набрал Сашку.

Не отвечает! Что же это такое, черт возьми?!

Решение пришло мгновенно. «В конце концов, это просто мой товарищеский долг. Вчера с ним что-то произошло, орал от ужаса, как будто его резали. Неужели теперь я просто постараюсь забыть про это, не сделаю попытки выяснить, что же произошло с моим приятелем? В порядке ли он?»

Витя быстро дошел от сквера до двери подъезда, в котором находились Сашкина и Евланина квартиры и набрал на домофоне тринадцатую квартиру.

Почему-то, пока он шел, ему казалось, что Сашка должен ответить чуть ли не немедленно, но домофон пиликал, а в квартире никто не отвечал.

Прошло не меньше четверти часа, прежде чем прохаживавшемуся на тротуаре перед подъездом Виктору удалось попасть внутрь. Дверь распахнулась и из нее вышел одетый в желтую куртку с эмблемой телекоммуникационной компании молодой парень с оранжевым чемоданчиком в левой руке и лесенкой-стремлянкой в правой.

Перехватив стремянку поудобней, монтер в желтой куртке направился к стоявшему неподалеку от подъезда легковому автомобилю фирменного желтого цвета. Витя в это время нырнул в просвет не успевшей закрыться двери.

Лифт. Сашкин этаж. Вот и квартира тринадцать!

Уперев ладонь в дверной косяк рядом с кнопкой звонка, Витя положил на него указательный палец и принялся настойчиво, делая короткие паузы между длинными трелями, -

звонок где-то там, в тринадцатой квартире издавал мелодичные звуки, - звонить.

Минута, другая, третья непрерывных звонков... В квартире не было слышно шагов.

Витя, который почему-то был уверен, что Сашка обязательно дома и откроет дверь, почувствовал разочарование. «Странно, где же он?!.. Хотя, что тут странного? Середина буднего дня - не лучшее время для молодого человека сидеть дома...»

Он снял руку со звонка и медленно пошел к лифту, но как-то так получилось, что в последний момент изменил направление и через пару мгновений открывал дверь на лестницу.

Принялся подниматься по ней. «Сашки нет, так, может, с Евлампией повезет...» - думал Витя.

С прошлого раза примерно представлял, какая дверь - Евлани. Медленно подошел, задумался - «А стоит ли, все же?». Тут же себе ответил: «Стоит! Слишком много странностей!» Нажал на звонок.

Опять те же самые шаркающие шаги. Приблизились к двери, стихли. Кто-то из квартиры смотрел на Виктора в глазок.

«Ну что ж, пусть посмотрит!» Виктор расправил плечи, приосанился и уставил взгляд прямо на зрачок глазка.

В замке что-то щелкнуло, дверь стала медленно приоткрываться. Сердце Вити счастливо забилося...

Нет, это не Евлампия! Немолодая женщина... Ее мать! Витя сразу узнал ее - видел несколько раз в школе вместе с Евланей, запомнил лицо.

- Здравствуйте, я... - проговорил Виктор и осекся.

Мать девушки смотрела на него тяжелым, недружелюбным взглядом.

«Так и должно быть! Евлания же меня предупреждала! Теперь она ей устроит за этот мой визит!» - пронеслось в голове у Виктора.

- Вижу, что ты, - проговорила женщина. - Что, не можешь найти свою возлюбленную?

Она кашлянула и при этом взгляд ее как-то странно съехал с него в сторону, как будто она вдруг на короткий миг стала страдать косоглазием.

«Откуда она знает?!.. Евлампия все рассказала?»

- Да, - подтвердил Витя.

- Так я тебе помогу ее найти, раз ты ее так ищешь... - она опять глянула куда-то в сторону. Непонятно, куда, то ли в стену, то ли в потолок.

Повисла какая-то непонятная пауза.

- Где она? - спросил Виктор.

- Там... - как-то неопределенно ответила мать Евлампии.

Нечто странное и одновременно зловещее почудилось Вите в этом ответе.

«Где же она?.. В сумасшедшем доме, что ли?!» - пронеслось у Виктора в голове.

Он раскрыл рот, чтобы что-то сказать - спросить, где Евлампия. Но немолодая женщина взвизгнула:

- Это ты ее довел! Вы все ее довели! Что она стала вести себя как дурочка! Я ненавижу тебя!

Она резко захлопнула перед носом у Виктора дверь.

Чувствуя, что теряет над собой контроль, Витя забарабанил кулаком по мягкой дерматиновой обивке.

Дверь тут же распахнулась.

- Ты!.. - гневно воскликнула мать Евлампии и начала нервно хватать ртом воздух, не в силах проговорить что-то еще.

- Где Евлампия? - выкрикнул, перебивая ее, Витя. - Я хочу ее видеть!

- Где... - наконец, смогла проговорить мать девушки. - Хочешь видеть? Хорошо, поедem, повидаем!..

- Я как раз собиралась к ней съездить... - уже более спокойно произнесла она.

Опять какое-то странное выражение, смысла которого Виктор определить не мог, пробежало по ее лицу.

«Не страдают ли они обе, и мать, и дочь, какой-нибудь наследственной нервной болезнью?» - мелькнуло в голове молодого человека.

И в самом деле: странное выражение в лице матери более всего походило на тень безумия, то и дело заволакивавшего ее разум.

- Я готов! Прямо сейчас... Поедемте!

Ему показалось, что мать Евлампии сейчас скажет ему какую-нибудь грубость и вновь захлопнет дверь, но она прокашлялась, как будто у нее першило в горле, потом внимательно посмотрела на него и сказала:

- Ладно, поедem... Как раз время подходящее, да и погода - тоже. Только мне все равно надо одеться потеплее. И кое-какие вещи с собой взять. Да и лекарства... Подожди меня здесь. Вон, у окошка стой!

Мать Евлампии кивнула на окно холла и следом притворила дверь.

Виктор примерно минуту стоял неподвижно, прислушиваясь к тому, что происходит в квартире. «Может, Евлания на самом деле дома? А ее мать, которая и есть самая настоящая сумасшедшая, устроила весь этот спектакль, чтобы отвадить меня от порога?»

Но из квартиры донеслись лишь шаркающие шаги. Затем воцарилась полная тишина.

Виктор прошел через холл к окну. Принялся рассматривать открывавшийся из него вид на соседнюю башню «Чаяк», на причудливые архитектурные формы стилобата внизу: на его крыше стояли под зонтиками столики кафе и было устроено нечто вроде японского сада камней.

Минута шла за минутой, Вите надоел вид за окном, он повернулся к нему спиной, затем уселся как мог на узкий подоконник, принялся смотреть на выходявшие в холл двери квартир.

Стояла полная тишина, матери Евлампии все не было.
«Обманула меня! Если сейчас начну звонить в дверь
квартиры, не откроет...»

Время продолжало медленно тянуться. Когда молодой человек и в самом деле был готов подойти к двери квартиры и нажать на кнопку звонка, она отворилась и в приквартирный холл вышла мать Евлампии.

Вид ее неприятно поразил Виктора: немолодая женщина была во всем черном, вокруг шеи был повязан легкий черный платок, а на голове - черная шляпа с полями.

В руках у женщины была черная дамская сумка. Заперев дверь ключом, она убрала его в сумку и направилась к Виктору.

- Слушай, молодой человек, который непонятно откуда на мою голову свалился, - проговорила она, подойдя к Виктору. - дай мне руку, я на тебя обопрусь, а то что-то меня шатает!.. Не могу, каждый раз такое бывает, когда туда еду.

Витя подставил немолодой женщине локоть и она, и в самом деле, повисла на нем.

- Веди, где твоя машина! - заявила мать Евлампии.

- Какая машина? - удивился Витя. А сам подумал: «А что, если она каким-то образом знает про машину, которую купил, но которой еще на самом деле нет?!»

- Нет у меня машины! - сказал он.

Мать Евлампии остановилась и, злобно глядя на Виктора, воскликнула:

- Так ты что же, думал, я на поезде с тобой поеду?

«На поезде?! - изумился Виктор. - Так это, что же, не в городе?..»

«Ну да, само собой, сумасшедшие дома... Их же всегда подальше от людных мест строят. Да и психам за городом вдаль от людских толп, от городского шума лучше», - тут же подумал он.

Значит, самые худшие его опасения подтвердились: с Евлампией все плохо, она психически больна, болтается по «дуркам». Тут, кстати, и вся эта загадочная история с ее «смертью» под колесами автомобиля оказывается легко объяснимой.

Возможно, это была попытка покончить жизнь самоубийством, которая чудом не кончилась смертью. А может, родственники решили скрыть то, что девушка невменяема и переехала в казенный дом - пусть лучше все думают, что она мертва!

Объяснялось и странное поведение Евлампии.

«Да ведь может, она на самом деле сбежала из сумасшедшего дома! - вдруг догадался Виктор. - Приехала туда, где она жила до своей болезни. Пряталась тут по темным местам в парке. Возможно, даже мать не знала, что она здесь...»

Виктора охватила тоска.

- Далеко ехать-то? - спросил он мать Евлампии.

- На машине час-полтора. Сам знаешь, сейчас - как повезет. Все зависит от того, какая дорога будет. Как с движением, -

мать Евлани испытующе смотрела на него, ожидая, что он скажет.

- Я такси вызову. Куда ехать-то? - проговорил он. От навалившейся на него свинцовой глыбы - тяжело говорить, еле ворочал языком.

«Что ж, значит, у меня такая любовь... К обитательнице сумасшедшего дома! Евлания!.. Бедная... Как же тебя угораздило?!..»

Витя чувствовал: от нового знания любовь его не стала меньше, но приобрела какой-то мучительный, болезненный оттенок. Он словно бы ощущал себя виноватым в том, что судьба девушки сложилась *так*...

Мать Евлампии, тем временем, не торопилась назвать ему адрес места, в которое надо ехать.

«Это объяснимо... Трудно вот так в лоб заявить: моя дочь - в психиатрической больнице номер такой-то, улица, дом... Бедная Евлания! Я все равно буду любить ее даже такую - чокнутую, в смирительной рубашке, пациентку «дурки» ... Тем более, что сам-то я... Не отправят ли меня самого в скором времени в казенный дом только другого рода за мнимую кражу подрасчетных денег?!.. Евлания, милая, как же мы так с тобой-то попали!» - проносилось у него в голове.

В это мгновение он словно бы ощутил на своих волосах ласковые руки девушки, вспомнил вкус ее губ, ее нежные поцелуи...

- Скажи им, что это за Южным Бутово... - наконец выговорила мать Евлани.

Виктор достал из кармана смартфон. Набрал номер агрегатора такси. Попутно заметил, что ни на одно из его сообщений Сашке ответ так и не был получен - друг словно бы выпал из жизни...

Витя поставил смартфон на громкую связь, так чтобы его спутница, - он, кстати, так и не узнал до сих пор, как ее зовут, - слышала, что станет говорить оператор.

- Адрес, куда ехать, назовите... - донеслось из динамика смартфона, после того как Витя назвал адрес «Чаяк».

- Это в Бутово, недалеко от станции, я адрес не помню... На месте покажу, - сказала немолодая женщина.

- Хорошо, выходите, машинка будет через пять минут...

Витя и мать Евлампии вошли в вызванный молодым человеком лифт.

52.

Когда они вышли из подъезда, напротив него уже стоял желтый автомобиль.

Витя раскрыл заднюю дверь, помог матери Евлампии забраться внутрь, прикрыл дверь, обошел машину, забрался на заднее сиденье с противоположной стороны.

Такси тронулось с места.

Быстро докатили до кольцевой автодороги и потом двинулись по ней на юг. В салоне царило молчание.

- А Евлампия точно сейчас там? Мы ее застанем? - попытался заговорить с матерью девушки Виктор.

Но она не ответила.

Больше вытянуть из нее что-то он не пытался...

Уже за кольцевой мать Евлампии начала давать водителю указания: «Здесь направо, потом прямо... Тут поверни налево... Примерно километр прямо, никуда не сворачивая...»

Дорогу, судя по всему, она знала хорошо. «Значит, бывала здесь много раз, часто сюда ездит», - решил Витя.

Получалось, что Евлампия «отдыхает» здесь уже не в первый раз (возможно, она вообще живет здесь постоянно) и мать привыкла кататься по этому маршруту.

«Но куда все же мы едем?!» После бесконечных новых кварталов плотно придвинутых друг к другу высоких домов, с одной стороны дороги потянулся забор, за которым - огромное пространство, разделенное на мелкие квадратики за металлическими оградками, между которыми проложены узкие ровные дорожки - кладбище.

Недоброе предчувствие шевельнулось у Виктора в душе.

Остановив машину, таксист впервые за время поездки подал голос:

- Может, назовете, куда ехать... Я маршрут построю... А то «направо», «налево», «прямо» ... Здесь такая дорога уже, что по ней на легковой машине опасно ехать - одни ямы.

- Давай, поезжай. И не нервничай, я заблудилась просто. Сама дорогу не помню...

Таксист возмущенно хмыкнул.

- Ладно, только учтите, езда по счетчику. Чем дольше петлять будем, тем дороже.

- Не волнуйся, за все тебе будет оплачено. Тем более, что уже почти приехали. Вон видишь, там вдалеке над заборами торчат два высоких дерева?

Таксист, а вместе с ним и Витя, посмотрели туда, куда указывала немолодая женщина. Впереди, над заворачивавшим направо забором какой-то заброшенной стройки, и в самом деле торчали два дерева. Кроны делали их похожими на два устремленных к небу узких языка пламени, по какой-то причуде природы окрашенных в зеленый цвет.

- Довезешь нас до туда и все, - закончила старуха.

Таксист тронул автомобиль с места.

Машина на небольшой скорости покатила по разбитой, давно не ремонтировавшейся асфальтовой дороге.

Они еще не завернули за поворот, а Витя уже знал, что цель их путешествия - не психиатрическая больница. Забор - невысокий, если бы за поворотом стояло какое-то здание высотой хотя бы в два этажа, его было бы видно.

Но кроме двух деревьев над забором ничего не возвышалось.

«Что же там? Заброшенная стройка? Поле?.. Но что тогда там может делать Евлания?» - думал Витя и все его тело начинала охватывать мелкая нервная дрожь.

Он уже догадывался, что сейчас увидит...

Таксист, словно нарочно, сбавил скорость... Ям было не так много, да и большинство - неглубокие, скорее, не ямы, а щербины. Но водитель старательно объезжал их, словно вознамерившись везти пассажиров до поворота как можно дольше, чтобы довести их в отместку за то, что они не назвали ему точного адреса, до белого каления.

Но вот такси завернуло за поворот... Если до этого Витю трясла мелкая нервная дрожь, - ее еще можно было принять за очередную волну озноба, накатившую на него, как это часто бывало в последнее время, - то теперь дрожь разом унялась и тяжелая глыба - спрессованные ужас и тоска - навалилась на него, заставив потерять дар речи, застыть на сидении автомобиля, словно его парализовало.

Метрах в пятидесяти от поворота разбитое асфальтовое шоссе заканчивалось, упираясь в выложенную бетонными плитами площадку, на которой стояли катафалки - легковые автомобили и автобусы. По бокам площадка была окружена одноэтажными домиками, а в дальнем ее конце были мрачные, с крестами, кладбищенские ворота. Кованные створки - распахнуты, виднеется главная аллея и по обе стороны от нее - могилы... С крестами, с черными гранитными памятниками, с каменными тумбами склепов, с высеченными из камня фигурами...

Мрачная и невероятная догадка оказалась верной - новым местом жительства Евлампии было кладбище!

53.

Едва такси остановилось, мать Евлампии не произнося ни слова и не обращая ни на Витю, ни на таксиста внимания, выбралась из автомобиля. Небрежно, так что она не закрылась до конца, притворила дверь.

Витя сидел не шевелясь. То, что теперь было не просто догадкой, а уверенностью - Евлампия и в самом деле некоторое время назад умерла, он встречался с покойницей, не только парализовало его тело, лишив возможности двигаться, но и словно бы остановило течение мыслей.

Таксист что-то сказал ему, но Виктор не слышал, что.

Он видел: мать Евлани, зайдя в стеклянный павильончик «Цветы», стоявший в ряду низеньких домиков тут же, на

площади, о чем-то разговаривает с продавщицей. Та подбирает для нее букет.

Таксист опять что-то сказал, но Витя вновь не расслышал ни одного слова. Он словно бы оглох. Но мысли его, было остановившиеся и точно бы вообще исчезнувшие из головы, вдруг пошли. Как будто механизм, в котором что-то заело, от встряски вдруг опять начал действовать.

«А если на самом деле не мертвая?! Если ее представили мертвой?!.. Какая-то тайна, интрига, что-то загадочное! - подумал Витя. - Даже, если я увижу сейчас ее могилу, это не значит, что в ней на самом деле кто-то лежит. Мать Евлани - тетка в высшей степени неприятная, подозрительная. От такой можно ожидать чего угодно!»

Таксист повернулся к Вите и уставил на него злой взгляд.

Молодой человек машинально залез в карман джинсов, достал из него деньги, протянул таксисту крупную купюру. Тот взял ее, принялся копаться в маленькой, висевшей у него на поясе, сумочке, отсчитывая сдачу.

«А может, кладбище - лишь остановка на пути к Евлане?! С чего я взял, что девушка обязательно здесь *лежит*?! Надо увидеть все своими глазами. И даже когда это произойдет, никакие выводы делать нельзя...»

Таксист протянул ему деньги. Витя взял их, не пересчитывая сунул в карман, выбрался из машины.

Мать Евлампии к этому моменту вышла из магазинчика с небольшим букетом темно-бордовых роз на длинных прямых стеблях и двинулась к воротам кладбища. Виктор, постепенно ускоряя шаг и понемногу догоняя ее, пошел следом.

Он до последнего момента надеялся, что кладбище - всего лишь какой-то промежуточный пункт их маршрута. Хотя какой, к черту, промежуточный! За такси уже рассчитался!..

Витя прошел через кладбищенские ворота, фигура матери Евлампии маячила впереди. Справа и слева могильные ограды, за ними - памятники. Виктор почувствовал, что от нервного напряжения он сейчас, кажется, потеряет сознание. Земля под ногами начала колебаться, как будто это палуба раскачивающегося на волнах корабля.

«Надо бы взять себя в руки! Ничего страшного... Раз попал в такой переплет... Надо со всем разобраться. Нет ничего тайного, что бы со временем не становилось явным!» - попытался он себя приободрить. Получилось! Он зашагал увереннее. Кладбищенская аллея качаться под ногами перестала.

Мать Евлампии впереди свернула вправо - на одну из отходящих от главной аллеи вбок аллеек поменьше. Витя свернул следом за ней, и пошел чуть помедленнее, давая женщине немного оторваться от него...

Они сворачивали еще два раза. Перед тем, как повернуть в последнюю - на краю кладбища, где было много свежих захоронений, аллею, мать Евлампии остановилась, словно засомневавшись, правильной ли дорогой идет.

От близости разгадки Витя не почувствовал никакого особенного нервного напряжения. И без того был взвинчен до такой степени, что еще немного, и...

«Ничего не будет! Говорят ведь, человек может многое вынести», - приободрил он себя, неотрывно наблюдая за матерью Евлани.

Та дошла до одного из свежих захоронений, еще не обнесенных оградой, и остановилась.

Витя сбавил шаг, в какой-то момент едва ли не остановился, сердце его отчаянно колотилось. Он всматривался в стоявший на могиле невысокий черный обелиск. Но разглядеть с расстояния, что на нем написано, не смог.

Мать Евлампии подошла к обелиску и, склонившись, положила к его подножию букет цветов. Тут же распрямилась и повернула голову в сторону, где возле одной из могил по соседству возился с устройством маленького цветника кладбищенский рабочий.

«Нет, в этой могиле *лежит* не Евлампия! - подумал Виктор. - Иначе мать бы сейчас повалилась на колени... Разрыдалась!.. А тут она ведет себя как-то равнодушно. Нет, я все нафантазировал. К Евлане кладбище не имеет никакого отношения!»

Витя почувствовал, как огромная серая глыба, до этого придавившая его, словно бы сдвигается в сторону. Стало легче дышать.

Мать Евлампии двинулась, огибая соседние могилы, к рабочему. Издалека что-то сказала ему. Тот встал, повернулся в ее сторону.

Витя медленно приближался к могиле с черным обелиском.

Ни мать девушки, ни рабочий не обращали на него внимания.

54.

Буквы и цифры плясали перед глазами. Он напрягался, чтобы запомнить дату смерти Евлампии - был уверен: это важно, потом обязательно станет сопоставлять, обдумывать числа, но день, месяц и год отказывались застревать в памяти, выскальзывали из сознания как из рук - тонкий обмылок.

Мать Евлани по-прежнему о чем-то договаривалась с могильщиком - невысоким смуглым молодым парнем. Тот поднял с земли свой заступ и, чуть согнувшись, оперся на него скрещенными руками. Глядя на немолодую женщину, внимательно слушал ее.

Витя подошел к могиле еще ближе, теперь от черного обелиска, на котором белыми с завитушками буквами нанесены имя и фамилия Евлампии, даты и годы жизни, его отделяло каких-нибудь полдесятка метров.

Виктор вспомнил свою встречу с Евлампией на безлюдной полянке в парке, их поцелуи, ласки. А какими теплыми,

мягкими и нежными были прикосновения ее рук, какими сладкими - губы, полными любви - поцелуи, он не забывал никогда ни на одно мгновение!

«Да ведь я сейчас сойду с ума!» - отчетливо осознал он. Только было непонятно, в чем будет заключаться безумие, которое с мгновения на мгновение наступит: то ли из его сознания выскользнет, словно дата смерти Евлани, все, что было там сейчас: он не будет знать, кто он и как его зовут, откуда он родом, кто его мать и кем был отец...

«Стоп! Не хочу сходить с ума! И этого не произойдет! Потому, что я не дам этому случиться. Ну-ка, взять себя в руки!» - приказал он себе.

Примерно минуту стоял, вглядываясь в обелиск. В голове появилась ясность, цифры на обелиске перестали плясать и следом отпечатались у него в памяти. Простой расчет показывал, что девушки не стало чуть меньше месяца тому назад.

«Это - только цифры на памятнике. Что бы и кто бы по этому поводу не говорил, я не поверю, что Евлампия мертва. Иначе опять все начнет прыгать перед глазами. Верю лишь в то, что здесь - тайна. Мне предстоит ее разгадать, а для этого понадобятся силы», - решил Витя.

Мать Евлампии закончила говорить с могильщиком, открыла свою сумку, достала деньги, протянула смуглому парню. Тот перестал опираться о заступ, взял деньги, убрал в карман рабочих штанов.

Женщина развернулась и энергичным шагом подошла к могиле дочери.

Витя всмотрелся в лицо матери Евлампии, надеясь, что его выражение хоть как-то поможет ему приблизиться к разгадке этой могилы. Но там не было ни тоски, ни горя, в глазах не было слез. Читалось лишь едва сдерживаемое раздражение. Оно было на лице матери девушки еще когда она вышла к Виктору из квартиры... Как ее зовут, он до сих пор не знал - представиться ему она не считала нужным.

«Да мать ли она Евлане на самом деле?! И если да, то как-то непохоже, что она приехала на могилу к дочери! Все очень странно!» - пронеслось у молодого человека в голове.

Женщина подошла к обелиску. Наклонилась, поправила цветы, лежавшие у его подножия. Распрямившись, повернулась к Виктору.

Начал накрапывать дождь.

- Что ты стоишь, как истукан! - крикнула мать Евлампии. В голосе звучала нескрываемая злоба. - Хоть бы цветочки какие положил... Да ты и цветочков не купил! Ты что, боишься подходить к могиле?

Неожиданная ответная злоба охватила молодого человека. Он грубо ответил:

- Тебе-то что?! Хотя бы и боюсь...

Она словно только и добивалась, чтобы он ей нагрубил.

- Придурок! - смачно обозвала его мать Евлампии. - Ты всегда мне не нравился! Не знаю, как у нее, - она кивнула на обелиск, - вообще могла возникнуть мысль, что в тебе что-то есть, какой-то особый характер. Предводитель тайного общества бунтарей и индивидуалистов!.. Тьфу!

Мать девушки и в самом деле плюнула в узкий проход между двумя кладбищенскими участочками.

Витя с напряжением слушал ее слова. Злоба его мгновенно улетучилась. Пусть обзывает, пусть плюет! Евлампия говорила, что у него «особый характер»?! Сказано это было из-за его тайного общества. Значит, сказано еще тогда!

Получается, когда произошла та горькая для него короткая прогулка с Евлампией от школы до ее дома, она вовсе не презирала его, как ему тогда показалось, а восхищалась им!

«Ну же, мерзкая тетка, говори! Оскорбляй, плюйся, но скажи еще что-нибудь про то, что было тогда!» - мысленно заклинал в эту минуту молодой человек.

- Дебил! - произнесла мать Евлани. - Я всегда ей говорила, что ты - ничтожество, дурак и ей не пара. И нечего задумываться о тебе всерьез!

«Вот как?! Получается, Евлампия задумывалась обо мне всерьез?!.. Ну же, говори еще!»

- Зачем ты ей был нужен? - продолжала немолодая женщина. - У тебя ни гроша за душой...

- У меня ни гроша?.. - поразился странному ходу мыслей матери Евлампии Виктор. - Но когда я общался с вашей дочерью («Про нынешнее наше общение с Евланей мать, само собой, не знает! И не нужно ей знать!» - пронеслось в голове у молодого человека), я вообще еще был школьником... Какие там могли быть гроши за душой у ученика средней школы?! Если только на школьные завтраки!

- Вот именно! У тебя даже на школьные завтраки денег никогда не было. Ходил голодный и ободраный в стареньких штанишках... Ты же из неполной семьи... Отец куда-то делся, когда ты еще был совсем маленький.

- Он умер!

- Умер, делся - это неважно. Главное, что ты был из неполной семьи... Мать... - немолодая женщина пренебрежительно махнула рукой. - Что у тебя там была за мать?!.. Я видела ее несколько раз на родительских собраниях в школе... Какая-то работница коммунального хозяйства... Мелкая служащая... И что из тебя могло быть из такой семьи?!.. Я много раз говорила об этом моей Евлане. И она в конце концов со мной согласилась.

Виктор пораженно молчал. В душе его все кипело, но он понимал: бессмысленно возмущаться словами тетки. Единственное, что он сказал:

- Так из-за вас она не хотела тогда, в школе, общаться со мной?

- И из-за меня тоже. Ты бесперспективный молодой человек. Из никчемной семьи, без всяких связей. Кому ты такой

нужен?.. Разве ты можешь стать кому-нибудь выгодной партией?! Тем более, такой красавице и умнице, как была моя дочь, которая могла рассчитывать на внимание самых лучших женихов - из хороших семей, с деньгами, со связями, с перспективами и квартирами... Не то, что твоя с матерью халупа в разваливавшемся доме под снос!..

Мать Евлампии, вышла из прохода между могилами прямо на Виктора, грубо, как мужик, толкнула его в плечо, чтобы он освободил ей дорогу, хотя места на кладбищенской аллейке было полно, и она вполне могла обойти его сбоку.

Покачнувшись, Виктор, чтобы удержать равновесие, сделал шаг назад, пропуская немолодую женщину.

Та с каким-то усталым, опустошенным видом, двинулась в сторону выхода с кладбища.

Неожиданно остановившись, мать Евлампии обернулась к нему, проговорила:

- Все, не ходи больше за мной. Я вон, на автобусе поеду, - кивком головы она показала в сторону кладбищенских ворот.

- Надо торопиться, а то сейчас уедет, - как-то буднично произнесла она.

Бросила на Виктора какой-то странный, словно бы извиняющийся взгляд, и торопливо зашагала к выходу с кладбища.

Наступило мгновение, которое потом Виктор много раз вспоминал, пытаясь понять, что же он тогда почувствовал.

Он остался у могилы один: фигура Евланиной матери быстро удалялась, могильщик тоже подхватил свой заступ и пошел куда-то в сторону самой дальней от входа части кладбища.

Черный обелиск, словно магнит притянул к себе взгляд молодого человека. Белые с виньетками буквы «Евлампия», выгравированные на камне, плясали перед глазами.

И тут его страшно зазнобило, как никогда не было даже в последние тяжелые дни, возникло чудовищное ощущение как будто земля втягивает его в себя, и он наяву увидел, как ноги его уходят в глинистую почву, как засасывает его куда-то вбок, туда, под памятник, и темнеет вокруг...

Он закричал «А-а, помогите!» Никто не услышал. Вокруг никого не было.

Он побежал, - но так, как бегают в страшном сне. Отчаянные усилия - передвигать ноги, двигать руками - ни к чему не приводили. Еле двигался, к тому же еще и шатаясь, как пьяный, по дорожке прочь от могилы.

И что-то такое неизъяснимо горькое, тоскливое, возникло в душе - словно и в самом деле он бросает здесь близкого, родного человека, который зовет его, не хочет отпускать.

Была уверенность: если он сейчас обернется, увидит Евлампию в ее этом обычном простеньком платице. Она стоит где-то среди свежих могил и тянет к нему руки...

В эти мгновения Виктор непонятно каким образом твердо уверился: девушка, с которой он встречался в последнее время и

в которую был влюблен, мертва и лежит в этой самой могиле под черным обелиском.

55.

Он был, как пьяный. Думать ни о чем не мог, да и не хотел. Да и о чем ему думать?!.. Мертва, мертва!.. Этого не может быть, мертвые не ходят среди живых, не сидят на скамейках, не целуются так сладко, не гладят так нежно. Вообще никаких мертвых нет - тело человека после смерти разлагается и не остается ничего... И все же все это было наяву: мертвая в его жизни... Сколько угодно можно было придумывать про какую-то тайну: что в могиле - не Евлампия, а сама она, на самом деле, в сумасшедшем доме, это мать-злодейка заточила ее туда, а всем рассказала про ее смерть и даже памятник поставила, договорившись, за деньги, путем подкупа, с тем самым смуглым могильщиком... Все чушь, ничего этого нет, а есть *такое*, чего, как раз, быть никак не может... Но есть!

И подтверждение тому - его собственное чутье, то странное, что испытал он на могиле.

Он бродил по городу, по его улицам. Не возле «Чаяк», не в сквере на берегу канала - туда идти не хотел, был уверен, что обязательно встретит там Евлампия и... Нет, он не боялся встречи, а был словно бы не готов к ней... Пока не готов...

Он ходил неподалеку от своего нового дома, на значительном расстоянии от канала, от какой бы то ни было воды, но все равно - все время над ним кружила с клекотом какая-то белая птица, чайка. Она то появлялась, пролетала низко, о чем-то жалобно и призывно крича, то исчезала, чтобы через какое-то время пролететь над ним вновь...

«Ее душа!» - думал он. И тут же пытался убедить себя в том, что все это - его больные фантазии. Это даже не чайка, а какой-нибудь стриж-альбинос, или вообще... Да какая разница! Знобит вот очень сильно, слабость - это да, это важно...

...На кладбище, шатаясь, он все же добрал до выхода и уже находясь под самыми кладбищенскими воротами с крестами увидел, как мать Евлампии садится в небольшой маршрутный автобус.

Только теперь он подумал, что весь наряд немолодой женщины - черная юбка, кофта, и этот черный платок - как раз такие, какие должны быть у той, что собирается побывать на родной могиле на кладбище.

Дверь автобуса закрылась. Еще через каких-нибудь полминуты он тронулся с места и вскоре исчез за поворотом.

Виктор вышел за ворота и остановился на краю обширной площадки, - преддверии могильного царства. Почти сразу взгляд его упал на то самое такси, на котором они прикатили сюда. Оно стояло на самом краю площадки на узком пространстве между контейнером-бытовкой и устроенной за низеньким заборчиком выставкой гранитной мастерской.

Выезд такси загораживал поджидавший своих пассажиров автобус фирмы ритуальных услуг.

Через боковое стекло такси было видно: водитель рассматривает что-то на экране смартфона у него в руках.

Витя направился к такси. Подойдя к нему, он постучал ногтем в стекло. Когда оно опустилось вниз, попросил отвезти его обратно...

Не доезжая до «Чаек», молодой человек попросил остановить машину, щедро расплатился, вышел на тротуар. Побрел по нему, куда глаза глядят. О том, что в сторону «Чаек» идти не нужно, не думал, но все равно - ноги сами выбирали дорогу в места подальше от канала, от школы.

Наступил вечер, потом принялись сгущаться сумерки. Витя все брел куда-то, сам не зная куда. Он уже миновал район, в котором располагалась его новая квартира, забрел в какие-то такие городские дебри в нескольких километрах от нового дома, в которых до сих пор ни разу не бывал.

Когда сгустилась темнота, повернул обратно. Дошел до дома, прошел мимо подъезда.

Подняв голову, увидел свет в окнах - мать была дома.

Он не остановился. Непрерывная ходьба помогала если и не отвлечься, то хоть как-то сжиться с ужасным знанием, которое тяжелой каменной плитой лежало на его душе. Что ему делать в таком состоянии дома?

Еще пару часов бродил в темноте по близлежащим дворам, - нарезал круги раз за разом проходя по одному и тому же маршруту. И лишь когда прошел короткий сильный ливень, а на смену ему зарядил нудный, не прекращавшийся дождь, Витя, промокший, изученный и мелко трясущийся от непрерывно колотившего его озноба, вернулся обратно домой. Поднявшись на лифте на этаж, открыл ключом дверь квартиры.

За порогом стояла мать. Едва окинув его взглядом, она вскрикнула:

- Витя, что с тобой?! Где ты был?..

- Плохо мне, мама, что-то было. Сидел, на лавке, не знаю, что такое... Не мог встать! - неожиданно для себя, слабым голосом - зубы его лязгали друг о друга, произнес Виктор. Это была и неправда, и одновременно - сказанное очень правдиво отражало его состояние.

Потому что он, и в самом деле, был в этот вечер так слаб, что запросто мог сесть на лавку и не встать. И только эмоциональное потрясение не давало ему этого сделать, заставляя проходить километр за километром.

- Витенька, врачиха говорит, дела твои могут быть очень плохи... - мать всхлипнула. В глазах у нее уже стояли слезы.

Он молчал: о том, что дела его весьма нехороши, знал и без материной врачихи.

- Она говорит, у тебя, похоже, эмоциональное выгорание из-за переутомления и проблем на работе... Она там посоветовалась с одним специалистом знакомым. Он, конечно, тебя не смотрел, - продолжала мать. - но сказал, что тут может

быть синдром хронической усталости. А на него легко накладываются все заболевания, какие только можно... Это, похоже, у тебя и происходит. А дальше недалеко и на тот свет уехать. Что с тобой?!

Витя, стоя снимая кроссовок, потерял равновесие, покачнулся и начал падать.

Она удержала его, схватив за локоть.

- Нет, ничего, - пробормотал Виктор.

- Да от тебя прямо пышет жаром! - воскликнула она и тут же приложила ладонь ему на лоб.

Странная, опасная мысль в это мгновение сверкнула в голове у Виктора: а ведь рука-то у матери не такая ласковая, как у его Евлампии. Если бы девушка сейчас провела рукой по его лбу, а потом по волосам - он бы воспрянул к жизни!

- Точно, у тебя высокая температура! Давай, пойдем, я тебя уложу, и градусник! - запричитала мать. Повела его, поддерживая за локоть, в комнату. - Витя, нельзя тебе сейчас уж очень-то болеть!..

Как ни плохо ему было, как не хотелось ничего говорить, а он все же спросил:

- Это еще почему?

- Я, не спросив тебя, ругай меня как хочешь, путевку тебе купила на курорт... В Турцию. Все включено и все уже оплачено... Загранпаспорт ты ведь совсем недавно получил?

- Да, - ответил Витя, удивленный новостью.

Он с помощью матери улегся на кровать. Она принялась стаскивать с его ноги правый кроссовок, который молодой человек так и не снял в прихожей у двери.

- Ну, так тебе ничего больше не надо. Все документы уже готовы, вон, на твоём столе лежат. Сядешь послезавтра вечером в самолет и полетишь. Там встретят, отвезут в отель: первая линия, пляж из окон номеров видно, два бассейна, пятиразовое питание, хочешь - экскурсии за дополнительную плату. Я надеюсь, за две недели твоя хроническая усталость от тебя отвяжется. Врач сказал, что такой отдых - лучшее лекарство... Тем более, что в гостинице там, говорят, полно молодежи, дискотеки всякие... Может, познакомишься с какой-нибудь веселой девушкой, отвлечешься...

Укрыв его одеялом, она пошла относить в прихожую кроссовок, а вернулась уже с электронным градусником.

Почти сразу он показал температуру под сорок.

Странно, но через час, после того как Витя через силу поел - мать принесла ему ужин в постель, - температура необъяснимым образом спала до нормы.

По просьбе матери он измерил ее три раза подряд и каждый раз крошечный дисплей градусника показывал тридцать шесть и шесть.

Витя уснул.

Мать в очередной раз поправила на нем одеяло и вышла, притворив за собой дверь, из комнаты.

Модель самолета, висевшая на прикрепленных к потолку лесках, принялась мерно раскачиваться, словно маленький воздушный корабль летит туда, куда смотрит его нос - в сторону канала, сквера на его берегу и микрорайона «Чайки».

56.

- Смотри там, не вздумай думать о работе... Эта тема должна быть для тебя табу, - говорила мать, подвозя к таксисту Витин чемоданчик на колесиках с выдвигавшейся ручкой.

Тот положил его в багажник, захлопнул крышку, и пройдя вдоль длинного, представительского класса авто, сел за руль.

Такси («Самую комфортную машину!» - как она сказала оператору) заказывала мать. Она же авансом оплатила заказ со своей карточки.

Витя открыл дверь и уселся на просторное, удобное заднее сиденье автомобиля. Мать попыталась обнять и поцеловать его на прощание, но обхватив сына за шею, едва не ударилась о дверную стойку машины, когда Витя начал резко наклоняться, чтобы забраться внутрь.

Два дня до отъезда на заграничный курорт Виктор не выходил из квартиры. Мать неотлучно, за исключением походов в магазин один раз в день, находилась при нем. Готовила ему завтраки, обеды и ужины: жарила, варила, резала овощи для салатов, носила к нему в комнату и ставила на стол вазу с фруктами.

Температура у Виктора больше не поднималась, и внешне он выглядел гораздо лучше, чем в тот день, когда вернулся после поездки на кладбище: порозовел, перестал производить впечатление юного старика.

- Тебе хватило даже небольшого отдыха, чтобы состояние твое улучшилось! - говорила мать. - Главное, отвлечься от всех проблем, я даже не хочу знать, в чем они (когда она произнесла эту фразу, Витя про себя усмехнулся - здесь мать осталась верна своему «формальному» подходу - какое-то чутье помогало ей не поднимать темы, которые могли потребовать от нее лишнего расхода сил), отдохнуть на море и все вернется в норму! Ты станешь прежним розовощеким мальчиком Витей.

«Розовощекий мальчик» почти непрерывно молчал, но мать это не смущало - в режиме монолога общаться с сыном было даже проще...

Виктор прихлопнул дверцу, инстинктивно поправил, проверяя, на месте ли она, во внутреннем кармане куртки компактную пластиковую папку с загранпаспортом, ваучером курортного отеля, распечатанными электронными билетами на самолет и долларами, выделенными матерью «с возвратом на непредвиденные расходы».

Такси плавно тронулось с места. Не оборачиваясь, молодой человек и так знал: стоя на тротуаре мать машет ему вслед рукой...

Яркий свет дня померк. Совсем скоро на город опустятся призрачные молочные сумерки и затем наступит ночь.

Витя так никуда и не уехал. Мысли, неотступно вертевшиеся в его голове два дня, что он перед поездкой просидел дома, тоска довели до того, что в аэропорту, не дойдя каких-нибудь десяти метров до стоек регистрации, он развернулся, спустился на первый этаж, в зал прилета.

Там, уже у самых дверей на улицу, словно опасаясь, что передумает, он согласился на услуги первого попавшегося таксиста, который сам вырос на его пути.

Машина довезла его до одной из улиц по соседству с проспектом.

Расплатившись, он медленно побрел в сторону «Чаяк». Дойдя до проспекта, не переходя на другую его сторону, он сел на одну из недавно установленных в пяти метрах от проезжей части скамеек.

С другой стороны оживленной дороги вздымались вверх башни «Чаяк», виднелись густые кроны деревьев в сквере над каналом.

Он не сомневался - Евлампия ждет его там. На их скамейке или в чашобе парка, где он не раз встречал ее.

Он и сам не мог себе объяснить того, что произошло с ним в аэропорту. Словно какая-то сила не дала ему приблизиться к стойкам регистрации. И в тот же миг отчетливо понял: не может без Евлампии. Ее руки, губы, глаза, ее присутствие - как наркотик, отказаться себе в котором не в силах.

«Бывают же безвольные наркоманы, которые никак не могут бросить свое зелье... Впрочем, все наркоманы, наверное, безвольны», - пронеслось у него в голове.

Его не страшило, что подумает и что скажет мать, какой чудовищный скандал ему устроит - ей, конечно же, станет жалко денег. И даже если потом она решит, что он сумасшедший и не отдает себе отчета в своих поступках, в первые минуты мать все равно не сможет совладать с собой и начнет кричать на него, обвинять, наверняка - обзывать... Он не просил ее приобретать путевку, хотя, конечно, мог бы отказаться сразу.

И в этом случае мать все равно бы принялась истерить, уговаривать...

Какой смысл был отказываться от этой поездки? Он мог бы точно так же прийти и усесться на эту скамейку через две недели - загоревшим, отдохнувшим...

«Ой ли?! - сам себя спросил он. - Загоревшим?! Отдохнувшим?!»

Да эти две недели без Евлампии были бы самой страшной пыткой, какую можно было бы для него придумать... Кто знает, может, он потому повернул от стойки регистрации обратно, что не был уверен, что не покончит в этой Турции жизнь самоубийством...

Он вдруг расплакался... Что же за жизнь у него, а?!.. Почему такая тоска?!.. «Я хочу встречаться с ней с живой и не хочу с мертвой!»

- Но живой - нет, есть только мертвая! - с чувством проговорил он сквозь слезы, которые ручьями текли у него из глаз.

- Только мертвая существует в природе! - повторил он громче и сам испугался собственного голоса.

Вдруг понял, что кто-то стоит неподалеку, резко повернул голову.

Какая-то незнакомая, плохо одетая немолодая женщина смотрела на него:

- Молодой человек, что с вами? Вам плохо? Может, нужна какая-то помощь?

- Нет, все хорошо! - проговорил он сквозь слезы.

Она пожала плечами, несколько мгновений продолжала разглядывать его, потом пошла по широкому тротуару своей дорогой.

«Да и что мне особенно переживать из-за этого: мертвая, так мертвая! Мне-то только такая и могла достаться. Под стать всей жизни...»

Он припомнил мучительную тоску по старому снесенному дому - необъяснимую никакими разумными причинами, - из-за которой он даже вынужден был обратиться ко врачу. Вспомнил «растрату» на работе, Мороховского, его звонок к нему домой, припомнил свой разговор с кадровичкой... Да, похоже, уголовное дело на него, как ни крути, заведут. Того и гляди, придется жить с судимостью. Это если еще «повезет» и не угодит в настоящую тюрьму!.. Нет, при таких делах у него только и была одна судьба - встретиться с чем-то особенно мучительным, ужасным, с такой вот любовью... Видно, не жилец он на этом свете. А если уж и жилец, то жизнь у него будет с муками...

Евлампия, если вдуматься, была единственным лучом света в темном царстве его жизни!

Правильно он сделал, что вернулся обратно. На этом отдыхе он бы неминуемо за две недели сошел с ума и выкинулся в окошко: от всего - от тоски по Евлане, от неизвестности... От всех этих загадок...

«Я люблю ее и не могу без нее! - твердо решил он. - Она моя судьба. И если любовь моя - «мертвая», то я предпочту сам стать мертвецом, чем откажусь от нее».

Виктор вострепнулся, не понимая: только подумал он все это или произнес вслух?! Хотя это не имело никакого значения - во-первых, поблизости никого не было, а во-вторых, кроме Евлампии его никто не волновал.

Даже мать, с чьей путевкой он обошелся так безжалостно.

Виктор встал со скамейки.

Взялся за ручку чемодана. Слезы как-то сами собой высохли. Он был полон решимости - его путь лежал через подземный переход на другую сторону проспекта - в сквер над каналом...

Через пять минут он уже катил свой чемоданчик по посыпанной мелкими камушками дорожке. Сгущались сумерки. Девушка - все в своем вечном простеньком платье - как он и предполагал, дожидалась его на скамейке.

Ее фигуру он увидел издалека...

Настроение его стремительно улучшалось. «Мертвая - не мертвая, какая разница! Главное, сейчас я буду с ней, смогу поцеловать эти губы, почувствую на себе прикосновения ласковых рук!»

Он не думал о могилах и кладбищах, тело ныло в сладкой истоме, нетерпеливо ожидая встречи.

Озноба, который охватывал его все сильнее, он не замечал.

58.

Он подкатил к скамейке чемоданчик и уселся рядом с Евлампией.

Выглядела она прекрасно: явно, готовясь к встрече с ним, укладывала волосы - получилось отлично, ей шло! Правда - всегдашняя бледность, но и она делала Евлампия краше. И что же с того, что у нее бледная кожа?

«Потому что покойница!» - иронизируя про себя над собственными страхами, подумал Витя и чуть не рассмеялся вслух: ну до чего надо было дойти, чтобы посчитать вот эту здоровую рослую красавицу с длинными до плеч волосами, источающими запахи дорогой парфюмерии, мертвой?!

«Да мало ли Агафоновых на кладбище?!.. Мало ли Евлампий?! А тетка эта - мать ее... Какая-нибудь мошенница!»

Виктор вдруг припомнил, как и в самом деле то ли читал, то ли слышал - телевизор работал в материнской комнате и до него через раскрытую дверь доносился звук, что появился такой чудовищный способ отъема собственности: живого объявляют мертвым и наследники продают его квартиру.

- Ты куда сбежал, Витя? - мрачно проговорила Евлампия вместо приветствия.

Он, уже собиравшийся обнять ее и прильнуть к ее губам, удивленно переспросил:

- Я сбежал?! Это ты сбежала!

На этот раз сделала круглые глаза она:

- Я сбежала?!.. Интересно, куда и от кого?

- Не знаю, я потом до позднего вечера шатался вокруг «Чаяк», искал тебя и здесь, в сквере и там, - он показал рукой на темневшие парковые чащобы, - все ждал, что ты придешь...

Она порывисто придвинулась к нему, обхватила руками за шею, принялась целовать, нежно гладить по коротким волосам:

- Витенька!.. Ждал, что я приду?.. Ходил здесь до позднего вечера?!.. Бедненький! Если бы я знала, что ты здесь, я бы прибежала! Но я думала... Ах, какая глупость все, что мы думаем!

Он страстно отвечал на ее поцелуи и ласки.

Сумерки густели, стремительно переходя в ночь. Скамейка, на которой они сидели, погружена в темноту. В сквере не было ни человека, даже обычные в этот час собачники со своими питомцами куда-то подевались.

Должно быть от того, что они знали - никто их сейчас не увидит и вряд ли помешает, ласки были особенно страстными. Рука его была у нее под платьем, под бельем, мешал узкий поясок на талии...

- Витюша, Витюша! - шептала она и как-то призывно хихикала, словно от щекотки, но такой, которая ей нравится.

Он почти повалил ее спиной на скамейку, она уже не сидела, а почти лежала, не сопротивляясь его натиску.

- Витя! - вдруг вскричала она.

Он от неожиданности отпрянул, посмотрел по сторонам, машинально вытер ладонью мокрые губы, подбородок.

- Что, вытираешься от меня? - с иронией спросила она.

- Что случилось? - ошарашенно проговорил он.

- Тут по скамейке кто-то ползает...

- Кто?! - он рассмеялся.

- Не знаю, муравьи какие-то. Я еще когда тебя ждала, обратила на них внимание...

«Так ты меня ждала?! - пронеслось у него в голове. И то, как Евланя это сказала, убедило его: девушка не просто ждала, - придет - не придет, - девушка была уверена, что он будет здесь. - Но с чего бы мне появиться здесь, в сквере, на ночь глядя?!»

И тут же ему вспомнилось, как несколько часов назад в аэропорту он физически ощутил тоску по Евлампии и понял, что не сможет прожить без нее две курортных недели. Вспомнилось еще странное ощущение, пережитое им там, на кладбище и чайка, с призывным клекотом кружившая над ним потом, когда он бродил по городу.

- Ты зачем чемоданчик взял? - спросила она.

В темноте он видел, что она улыбается.

Витя пожал плечами, не зная, что соврать - не рассказывать же ей про купленную матерью путевку.

- Ко мне что ли переехать собрался? - спросила девушка.

Он видел: она по-прежнему улыбается.

Хотел что-то сказать, раскрыл рот, но она перебила его:

- Ко мне нельзя, Витенька, ты же знаешь: мама и все такое... - она вздохнула.

Виктор хотел спросить про «все такое» - что она имеет в виду, но девушка вдруг серьезно, - улыбка сошла с ее лица - в темноте он видел это, - проговорила:

- Пойдем лучше к тебе!

Такого поворота он не ожидал.

- Ко мне? - удивленно переспросил Виктор.

- Ну да, - спокойно подтвердила она, встала и взяла за выдвинутую длинную ручку его стоявший у скамьи чемоданчик.
- Или ты предпочитаешь без конца тискаться в скверах и парках?

В ее словах прозвучало что-то среднее между откровенным намеком и вызовом.

- Пойдем, - решительно повторила девушка. - Темно, ночь надвигается. Мать, наверняка, волнуется. Того и гляди выйдет из дома искать меня. Придет сюда... Хочешь пообщаться с ней?

В словах про «пообщаться» Виктору тоже почудился какой-то намек. Словно девушка знала про его поездку с ее матерью на кладбище, про состоявшийся там разговор.

«Тут явно какая-то тайна!» - подумал Виктор и решительно поднялся со скамейки.

Его знобило, ломило все тело, - руки, ноги, спину, - но смело шел навстречу неизвестности - желание разгадать загадку девушки подхлестывало его.

- Ты живешь в таком хорошем домике: милом, старом, - проговорила Евлампия и пошла в сторону проспекта. Чемоданчик, который держала за ручку, катился за ней на паре небольших колес по усыпанной мелкими камушками дорожке.

- А ты видела его? - поинтересовался Витя. Старым дом, в котором жил с матерью, назвать милым было никак нельзя.

- Да, я помню, мы как-то проходили с Дашей мимо (Даша - девочка из их класса, Евланя дружила с ней), такой милый пятиэтажный домик, она сказала «Вот здесь Витя живет!» Я еще подумала, здорово должно быть жить в таком уютном маленьком доме. Не то, что эти наши чертовы чайковские свечи под самое небо - все современные дома какие-то бездушные...

Витя хмыкнул, шагая чуть позади девушки, решительно катившей по узкой дорожке сквера его чемодан.

«Она не знает, что мы с матерью давно переехали. Хотя, откуда ей это знать?..» - подумал Витя.

Он представил, каким будет выражение лица матери, если он заявится сейчас в квартиру с чемоданом и девушкой... Витя опять хмыкнул: скорее всего, мать устроит ему скандал, не стесняясь Евлампии. Так что это даже лучше, что девушка не знает, где он живет.

Но только что будет, когда они придут на место, где стоял их дом - его уже снесли, Виктор был там после этого: вместо дома - пустая площадка, аккуратно выравненная бульдозером, кое-где пробивается зеленая травка.

«Придем туда... Когда она обнаружит, что дома нет, объясню ей, что давно переехали, что сбежал из аэропорта и дома, у матери появляться мне нельзя... В Москве полно всяких гостиниц... Куда-нибудь нас с ней должны пустить. В конце концов мне в любом случае надо разместиться где-то на ночлег. Бесконечно болтаться по улицам с чемоданом я не смогу...» - несло у него в голове.

Сбегая из аэропорта, он отчего-то с самого начала предполагал, что дома не появится - мать просто не выдержит встречи с ним, ей станет плохо от огорчения. Вот только, где будет ночевать - об этом Виктор легкомысленно не подумал.

Евлампия уже спускала чемоданчик с высокого бордюра, которым заканчивалась дорожка сквера на асфальт проезда, который шел от проспекта к башням «Чаяк». Витя, задумавшись, отстал и был теперь в нескольких метрах от девушки.

Прокатив полметра чемоданчик по асфальту, - колеса его гремели, - она остановилась и подождала его. Когда Витя подошел, она отпустила ручку чемоданчика, обняла его за шею и принялась гладить ладонью по коротким волосам, приговаривая:

- Бедный мой, так устал, что еле плетется!.. Или, может, ты болен, ослаб. Ничего, не грусти, я тебя вылечу!.. Обещаю тебе!

Она жарко поцеловала его.

Когда он, отвечая на ее ласку, страстно прижался губами к ее губам, странная, не подходившая моменту трусливая мысль мелькнула в его голове: «А что, если она заманивает меня куда-то?!..» И тут же ему опять стало смешно: «Куда?! На кладбище?!.. Туда, где этот черный обелиск?! Да до него еще доехать надо! Вот так вот, катя мой чемоданчик, она не доберется до туда и до завтрашнего утра!»

59.

До места, где стоял когда-то пятиэтажный Витин дом, от «Чаяк» было ровно четырнадцать минут ходьбы. Витя, за школьные годы ходивший этой дорогой тысячи раз, знал это наверняка.

Но время отмеряно для короткой дороги и, если идти по ней быстрым энергичным шагом, торопясь к началу первого урока.

Евлампия же короткой дороги не знала, да и вообще, скорее всего, толком не помнила, где располагался дом молодого человека, и двинулась к нему кружным путем, медленно катя за собой Витин чемоданчик. Пока они брели через дворы, то поднимая чемоданчик на очередной высокий тротуар, то спуская с него, окончательно стемнело.

Какая-то особенно густая, черная ночь укрыла столицу. Витя то и дело думал о матери - его мучило чувство вины: все-таки маманя, каким бы скверным характером она ни обладала, и как бы больно не раз доставалось в прошлом от нее Виктору, переживала за него: потратила деньги, и немалые, купила путевку... Сейчас она, конечно же, сидит дома, не в тех местах, куда медленно движутся Витя и Евлания, а в новой квартире, и думает о нем: как он долетел, как разместился. По идее, он уже должен быть в Турции - разместиться в номере, искупаться в море, поужинать... Да-а, ужин... При мысли о нем, Витя

вспомнил, что сегодня он вообще ничего не ел, если не считать нескольких долек темного шоколада, которые мать положила на блюдечко рядом с чашкой крепкого свежесваренного кофе, провожая его в аэропорт.

От завтрака он, - и напрасно! - отказался, полагая, что зайдет в аэропорту в какое-нибудь кафе. Ехал-то к рейсу заранее, времени должно было остаться уйма - устанешь болтаться по зоне вылета...

И хотя есть ему не хотелось, - он уже не помнил, когда у него был в последний раз аппетит - до того, как в его жизни вновь появилась Евлампия, или после? - Витя чувствовал - лучше бы перекусить поскорее. А то от слабости он не ровен час упадет в обморок.

Давно не был в этих местах и теперь подмечал, что многое здесь успело измениться: клочки земли, которые раньше были свободны, теперь были заняты недавно отстроенными домами-башнями. На месте прежних магазинов появились новые, во дворах - недавно обустроенные спортивные площадки, красивые блестящие свежим лаком скамейки. Новизна не радовала Виктора. «Какое-то все пластмассовое, словно антуражи дурно прорисованной схематичной компьютерной игры!» - проносилось у него в голове. Тот *его* район был лучше, человечнее.

Увлеченный неожиданными впечатлениями, не сразу заметил, что Евлампия идет все медленнее.

Вдруг она остановилась, - он шел на шаг позади нее, - и, повернувшись к нему, проговорила:

- Витя, что-то мне как-то... На, повези, пожалуйста, свой чемодан сам, - голос у нее - слабый, извинявшийся.

Она передала ему в руку длинную ручку чемодана.

- Что случилось? - спросил он, вглядываясь в ее лицо. Оно и в самом деле было необычно бледным - не лицо, а белая маска.

- Не знаю, нервы... У меня в последнее время бывает такое. Вдруг накатывает... К тому же сегодня... Нет, лучше я тебе потом расскажу...

- Ну, хорошо... - пробормотал Витя. «Значит, все-таки какая тайна есть, я не ошибся! Что-то, скорее всего, связанное с матерью...»

- Вдруг, знаешь, накатывает словно какой-то холод, - добавила она.

«В точности, как на меня!» - поразился он. Озноб его, и в самом деле, не оставлял ни на минуту.

- А знаешь, давай выпьем! - вдруг предложила она. - А то, сама не знаю... Что, странное предложение? Особенно от меня?

Ему показалось, что она сожалеет о сказанном, стало ее жалко.

- Нет, почему... - опять пробормотал он и взглянул по сторонам.

Почему-то в эту ночь в райончике, где раньше жил Виктор, не горела половина фонарей. А здесь, на тротуаре в проходе

между двумя домами, где сейчас остановились молодой человек и девушка - особенно темно. Стены невысоких домишек - торцевые, без окон. С третьей стороны - двухэтажное здание детского сада за забором, вдоль которого растут старые, с густыми кронами деревья.

Детский сад стоял здесь еще, когда Вити на свете не было. Сейчас и здание, и деревья были одним большим островом мрака.

Еще с одной стороны - широкий проезд между домами с тротуарами по обе стороны с асфальтированной, разделенной белой полосой дорогой для автомобилей, - короткий проезд местного значения, не имевший названия. Фонари по обе его стороны не горят, тусклый призрачный свет струится лишь из окон домов на другой его стороне.

- Тут и кафе-то никаких нет! Надо ехать куда-то... - проговорил молодой человек, а сам отчего-то испытал облегчение - сейчас они поймут такси и уедут отсюда. Он всегда любил этот район, но теперь ему почему-то хотелось поскорее убраться из него.

- Зато есть магазинчик! - сказала Евлампия.

- Магазинчик? - переспросил он, не понимая, о чем идет речь. Посмотрел по сторонам, ни одного магазинчика рядом с ними не было.

- Да, вон там, смотри! - она показала рукой на один из домов на другой стороне тихого проезда.

- Где? Там нет никакого магазина, - Витя ничего, - ни вывески, ни входа, - не видел.

- Да вон же, у крайнего подъезда! Пойдем, - она решительно схватила за ручку Витин чемоданчик и покатила через дорогу.

В конце проезда, там, где он пересекался с маленькой местной улочкой, возник автомобиль. Снопы света, бывшие из его фар, ударили в Витю и Евлампию.

Невольно бросилось в глаза ее лицо: прекрасное, но очень бледное. Только выделялись на нем пунцово красные, казавшиеся от помады чуть более широкими, чем они были на самом деле, губы и притягивали к себе глаза, в которых было что-то странное - они словно бы не принадлежали Евлампии, точно кто-то другой смотрел через ее глазницы, как из-за маски, на мир - напряженно и цепко.

Но это непонятное ощущение от глаз, мелькнув, тут же исчезло - лицо стало знакомым лицом девушки, да и снопы света из фар, обрушившись на них, быстро побежал дальше, исчез вместе с проехавшим автомобилем.

Они торопливо перешли дорогу. Виктор по-прежнему не видел никакого магазина. Но когда Евлампия подвела его к крайнему слева подъезду ближайшего девятиэтажного дома, он увидел, что и в самом деле слева от входа в подъезд к стене приделана маленькая неосвещенная вывеска «Продукты», стрелка на которой показывала в сторону и вниз - на вход в подвал.

«Есть ли там магазин? Или вывеска осталась от старых времен?» - подумал Виктор и заглянул в приямок с короткой, с щербатыми каменными ступенями, лесенкой.

Дверь полуподвала, - не магазинная, пластиковая со стеклом, а старая деревянная, обитая железом, - была слегка приоткрыта. Виден бетонный пол, на который откуда-то из глубины полуподвала падал слабый свет.

Евланя отпустила ручку чемодана, - Витя тут же взялся за нее, - и стала спускаться в полуподвал.

Подхватив чемоданчик, молодой человек неспешно последовал за ней. Был уверен: девушка приоткроет дверь, обнаружит, что никакого магазинчика за ней нет, и станет подниматься обратно.

Но Евланя толкнула дверь и решительно вошла в полуподвал.

60.

Когда Виктор потом вспоминал подробности этого вечера, он приходил к выводу, что *что-то*, - он не мог, как ни старался, определить для себя, что именно, случилось с ним в тот момент, когда, наклонив голову, - дверь в полуподвал была низкой, - вошел в магазинчик.

Он словно перешагнул черту, после которой не он управлял происходившими с ним событиями, - во всяком случае, до черты пытался это делать, - а события вели его по незнакомой, пугавшей дороге. Он при этом не делал попыток остановиться, разобраться, что же происходит...

В подвале и в самом деле располагался крошечный магазинчик. Помещение не больше, чем в полтора десятка квадратных метров, было отгорожено от остальной части подвала перегородками из гипсокартона, выкрашенными белой краской. К ним приставлены полки с товарами, в метре от них - прилавки с витриной и кассовым аппаратом, за которым...

Молодой человек едва не вскрикнул... Ему даже показалось, что с другой стороны прилавка к нему приставлено зеркало, в котором и отразилась Евлампия. До такой степени продавщица магазина была похожа на возлюбленную Виктора.

Нет, такого не может быть! Это ему мерещится!.. Подвальный магазинчик плохо освещен, а на девушке за кассой просто блузка такой же расцветки, как и платице на Евлампии, она такого же роста и у нее такие же светлые, до плеч, волосы.

Пока он стоит, пораженный видом продавщицы и всего этого мрачного подвального магазинчика, Евлампия показывает на одну из фляжек с коньяком, стоящих на полке сразу за кассой, и протягивает деньги.

Продавщица отворачивается, берет фляжку, быстро ставит ее перед Евланей и стремительно уходит через дверку в тонкой стенке куда-то вглубь подвала.

Витя и Евлания остаются в магазинчике одни. Девушка, держа фляжку в руке, подходит к Виктору, берет за ручку его чемоданчик и катит его к выходу из подвала, к ступенькам наверх.

Казалось, что пока они были в странном подвальном магазинчике, - кстати, когда уже они из него вышли, Виктор увидел, как кто-то изнутри захлопнул подвальную дверь и погасил над входом тусклую лампу, - на улице стало еще темнее, а большая часть из тех немногих городских фонарей, которые до этого еще горели, погасли.

Звезды и луна на небе скрылись за облаками. Городской райончик, в котором сейчас находились Витя и Евлания - погружен почти в полный мрак.

Передав молодому человеку за ручку его чемоданчик, чтобы он катил его, девушка обошла угол дома и там, у его торца почти в полной темноте под каким-то деревом остановилась.

Стеклянная фляга с коньяком была у нее в руках.

Виктор заметил: девушка мелко дрожит.

- Витя, если бы ты знал!.. - с какой-то неизбывной тоской в голосе воскликнула она. - Знал, как мне живется... Мать, она сейчас... Я чувствую, она сейчас неистовствует в ярости!

Припомнив немолодую, угрюмую женщину, с которой был на кладбище, Виктор подумал:

«Эта может!»

Ему все очевиднее становилось, что в странной и мрачной истории девушки, которую он полюбил (в своем чувстве не сомневался), в тайне черного памятника на кладбище главную роль играет мать Евлании.

- Я сейчас с тобой, с человеком которого люблю... - продолжала девушка, - Мне бы радоваться, а меня трясет от нервов!.. Я уверена: как только я появлюсь в квартире, она мне устроит такое... Она знает, что я встречаюсь с тобой!

Евламения вдруг нервными резкими движениями с хрустом скрутила запломбированную винтовую крышечку с коньяка и сделала из фляжки большой глоток.

Тут же закашлялась, прижала ладонь тыльной стороной к губам. Протянула коньяк Виктору.

Того тоже трясло, и если до этого он как-то справлялся со своей дрожью, то теперь странный внутренний холод достиг такой силы, что Витя едва не выронил фляжку из рук.

Порывистым движением поднес горлышко фляжки к губам и сделал большой глоток... Опять какая-то странность: коньяк не обжигал горло, он выпил его, словно воду, легко и ничего не почувствовав. Ожидаемое тепло не разлилось по телу, но дрожь вдруг, словно сама собой унялась.

«Ничего не понимаю!» - сделал еще один глоток: вроде коньяк, а вроде и не коньяк.

- Слушай, что мы с тобой купили в этой дыре?! - он поднял глаза на девушку. Та больше не тряслась. Неподвижный взгляд ее был уставлен на Витю.

Она не произносила ни слова.

- Евлания, если бы в наши школьные годы кто-то сказал мне, что ты способна хлебать коньяк из горлышка и без закуски под каким-то деревом... Я бы не поверил! - сказал он и рассмеялся.

Его вдруг словно бы повело в сторону, он даже испугался, что сейчас упадет, но окружающий мир, да и он сам в нем тут же вновь стали устойчивыми.

Все-таки коньяк действовал: только как-то странно, - Витя не чувствовал себя пьяным, но вдруг и время, и пространство стали вязкими, как во сне, он перестал испытывать холод, усталость.

Попытался «проснуться», - ничего не получилось. «Я ведь последний раз ел вчера. И тут коньяк - конечно, он на пустой желудок действует особенно...»

- Витя, я тебя так люблю! - проговорила Евлампия, по-прежнему глядя на него неподвижным взглядом, и с какой-то особенной нежностью и страстью поцеловала его.

Это произошло словно бы помимо него, он не попытался ее обнять. Левой рукой придерживал за ручку чертов чемоданчик - напоминание о несостоявшейся поездке в Турцию и будущем выяснении отношений с матерью, в правой была коньячная фляжка.

- Пойдем скорее к тебе, - шепотом проговорила Евлампия. - Здесь уже совсем недалеко. Милый мой Витя, если я когда-нибудь расстанусь с тобой, я умру... От тоски!

Она забрала у него из руки чемоданчик и, покотив его, пошла вперед. Вид у девушки был решительный, точно она не идет к нему в гости, в дом, возле которого она была давным-давно один раз, и то случайно, а ведет его к себе...

Витя пошагал за ней. Надо было сказать ей, что никакого дома давно уже нет, снесен, что сегодня он не может пригласить ее к себе, но у него вдруг стала кружиться голова (не стоило пить этот купленный черт знает где коньяк!), и он какое-то время больше прислушивался к собственным ощущениям, чем думал о том, что сейчас произойдет...

К тому же, он что-то не узнавал мест, что было странно, потому что в этих краях он знал каждый камень. И каждый камень должен был помнить его.

Но вместо этого - мрак, какие-то странные, словно бы нежилые дома. Ни одного прохожего навстречу, ни машины, а те, что есть, стоят у тротуаров с выключенными фарами.

Вот они вышли на проезд между домами, их он узнал, за одним из них стоял когда-то их низенький «старичок», вон темнеет знакомый скверик... Интересно, сообразит ли сейчас молчаливо идущая впереди него Евлампия, что дома, в который они шли, нет...

Плохо, что он выпил и теперь как-то туго соображает: ему надо сейчас придумать, куда им деваться - как и какую найти гостиницу...

Они завернули за угол... Витя не верил своим глазам: его старый дом, весь черный, - ни одно окно не горело, - и вроде бы никак не поврежденный, стоял перед ними.

- Вот мы и пришли, - спокойно проговорила Евлампия.

Голова у Вити в очередной раз закружилась.

Девушка обняла его, привлекла к себе, поцеловала:

- Что, напился, дурачок? Зачем же ты лакал этот коньяк, как будто это вода?!

В этот момент он вдруг вспомнил про фляжку. Обнаружил, что больше не держит ее в руке. Куда она делась? Он ее выронил?.. Да и была ли фляжка?!.. Это, наверное, сон, и дом его в этом сне - восставший из руин - черный, страшный.

Надо бы закричать, проснуться... Но, с другой стороны - зачем? Вот Евлампия, вот его чемодан, вот дом, по которому он так тосковал... Может быть там, в их старой квартире, сидит сейчас его мать, которая не станет ругать его за то, что он не поехал в Турцию.

А может быть даже, там есть его отец, который давно умер, и с которым он когда-то жил в этом доме? Как хорошо ему было тогда!.. Так же хорошо, как сейчас с Евлампией.

Девушка, увлекая за собой Виктора, двинулась вдоль подъездов, - за их распахнутыми дверями зияла чернота. Может быть, это все-таки не его дом?

Нет, вот его подъезд. Они входят в него, осталось только подняться по лестнице.

Он уже ничего не соображает, - коньяк - не коньяк, а зелье! На каждой лестничной площадке они останавливаются для бурных ласк. Вот и дверь его квартиры...

Движимый любопытством, он толкает ее - она не заперта. Внутри черно...

- Дома никого нет! - радостно шепчет Евлампия и прижимается к нему. - Витя, милый, скорей... Пока никто не пришел!

Объятия, поцелуи - все происходящее невероятно, но он не в состоянии противиться охватившей их обоих страсти, они срывают друг с друга одежду...

61.

Назойливая муха и яркие лучи солнца потревожили его сон. Виктор проснулся... Где он?!

Последнее, что отложилось в сознании накануне - после бурных ласк в коридоре его старой квартиры они с девушкой, продолжая ласкать и обнимать друг друга как-то добрались до его комнаты. Все это, разумеется, был лишь бред, вызванный большими глотками фальсифицированного коньяка из

купленной в черт знает каком полулегальном подвальном магазинчике фляжки.

В квартире - то есть, в том месте, которое в отравленном мозгу Виктора выглядело его старой квартирой в снесенном доме, - была полная темнота. Кроме них с Евлампией - никого. Натыкаясь на углы мебели, они, продолжая обниматься, преодолели полтора метра от порога до старенькой софы Виктора, застеленной рваным пледом, укрывавшим это изделие еще советской мебельной промышленности, кажется, с той поры, когда Витюша был еще младенцем.

На софе, - и в этом была странность! - Витя пережил одни из самых счастливых и сладких минут своей жизни. Ощущения, испытанные им, были точно бы наяву, хотя он был уверен сейчас, что это - лишь бред: он помнил тело Евлампии, белевшее во мраке, наслаждения и забавы, которым они предавались, помнил слова любви, которые шептали друг другу...

С трудом приходя в себя, он посмотрел по сторонам и ужаснулся!

Он лежал на голой земле, от которой, несмотря на то что окружавший мир залит ярким солнечным светом, исходил пронизывавший тело молодого человека холод. Прямо перед его глазами - куча недавно вывернутой из земли сырой глины. «Кладбище!» Вот, где он оказался!

Виктор резко приподнялся на локтях, уверенный, что сейчас глазам его предстанут кресты, могильные памятники, железные оградки и, самое главное - недавно выкопанная могила, из которой вынули глину.

Молодой человек испытал облегчение: он был не на кладбище. Какая-то стройка, вернее - подготовка к строительству. С одной стороны уже установлен забор - массивные бетонные блоки, из которых торчат длинные куски металлических труб, к которым прикреплена металлическая сетка. С внешней стороны к сетке прикреплено полимерное полотно с рекламой строительной компании, которая будет вести здесь работы.

Небольшая строительная площадка уже изрядно изуродована гусеницами строительных машин.

Рядом с местом, где лежит Виктор, пробурена небольшая, не больше двадцати сантиметров в диаметре, скважина - то ли брали пробу грунта (часть его, валявшуюся тут же, рядом с дырой, молодой человек принял за землю из могилы), то ли готовили место под сваю или какой-то столб. Метрах в двадцати от молодого человека на краю уже приличного размера ямы стоит экскаватор. Экскаваторщика в его кабине нет, но понятно, что работа по рытью котлована вскоре продолжится. Похоже, что его начали копать даже раньше, чем успели обнести всю стройку забором.

Рядом с Виктором валяется на боку его чемоданчик и у самой ручки чемоданчика - пустая фляжка из-под коньяка без крышечки. Молодой человек узнает ее: та самая, купленная Евлампией в подвальном магазинчике!

Но где же девушка?! Витя в волнении смотрит по сторонам: стройка, за ней - какие-то деревья, дома. Никакой Евлампии, разумеется, нигде нет. На стройке вообще безлюдно, лишь несколько человек в оранжевых робах и в строительных касках стоят рядом с экскаватором, да два человека разматывают еще дальше рулон с сеткой для забора.

Неожиданное воспоминание всплывает в голове Виктора... Да, точно, вот как оно все было!..

В какой-то момент обессиленный Виктор откинулся на подушку на своей старенькой кровати в несуществующей квартире и почти сразу уснул.

Потом очнулся, потому что Евлампия трясла его за плечо, наклонившись над ним, повторяла: «Вставай, прошу тебя, скорее! Вставай! Что же ты не встаешь?!..

Он хотел встать, но не смог - был без сил, веки сами собой закрывались. Едва девушка перестала тормозить его, он тут же, помимо воли, стал проваливаться в черный колодец сна.

Уже почти выключившись, успел расслышать:

- Ладно, я уйду сейчас, но постараюсь вернуться как можно скорее.

«Она обещала вернуться скорее!» - сверкнуло в голове Виктора.

Он дернулся, сильнее приподнялся на локтях и, обведя взглядом окрестности, вдруг начал узнавать... И вон те деревья, и остаток тротуара - кусок асфальта с бордюрным камнем, непонятно что делающий посреди уже поросшего зеленой травкой пустыря, а главное - вон тот дом, и тот!.. Как он с самого начала умудрился не узнать их! Это же место, где раньше стоял его дом!

Дом снесли, а теперь на его месте собираются строить новый: территорию стройки огораживают забором, экскаватор начал копать котлован для фундамента, а, может быть, для какого-нибудь подземного гаража.

Да, именно там, где сейчас стоит экскаватор, была дверь Витино подьезда. За ней - лестничная клетка, на третьем этаже - вход в квартиру. Из ее окон было хорошо видно то место, на котором полулежит Виктор. А что же было здесь?.. Как определить? Нужен какой-то ориентир, Виктор внимательно посмотрел по сторонам: вот он! Старое дерево с кроной, разделенной на две части, отчего кажется, что это не одно дерево, а два, стоящих вплотную друг к другу. «Раздвоенное» дерево разделяло двор на две равных части. Если отойти от него вправо на то расстояние, на котором находится сейчас от него Виктор... Ну, конечно! Здесь было что-то вроде детской площадки - не такая красивая, как делают во дворах сейчас, без всяких горок, домиков и каруселек, но все же была здесь сколоченная из досок песочница с песком. Доски, правда,

быстро сгнили и отвалились, а горка песка осталась, несколько раз насыпали новый.

Где же этот песок?.. Он должен быть где-то здесь, где лежит Виктор, но здесь уже все раскатано строительной техникой, работавшей на сносе дома, а потом выравнивавшей площадку на месте, где он стоял.

Виктор лежал на подсохшей глине.

Он взял какую-то валявшуюся рядом с ним щепочку и принялся ковырять глину, и вот, - о чудо! - и в самом деле - под ней оказался песок! Он лежал ровно на месте старой песочницы, в которой много раз играл маленьким мальчиком.

Бульдозер нагреб сюда глины, но под ее тонким слоем - старый песок, никуда не делся!.. Его сюда высыпали в свое время чуть ли не целый самосвал. А потом подсыпали еще...

Витя машинально копал песок щепочкой. Вдруг она наткнулась на что-то твердое. Какой-то металлический предмет. Может быть, какая-то деталь, вывалившаяся из строительной техники, а может... Потянул железку из земли, песок осыпался с нее... Он обомлел!

Это был солдатик из металлического сплава. Его солдатик!

Он сразу узнал его: выменял у одного мальчика, а тому набор этих солдатиков иностранной армии купили родители в заграничной командировке. Таких солдатиков ни у кого не было, к тому же, у этого, Витино, еще и отломалась нога... Ни с чем не спутаешь!

Но он потерял его однажды... И день, когда это произошло... Это был необыкновенный день! День смерти его отца!..

И тут в памяти Виктора, смотревшего на старенького, много лет пролежавшего под слоем песка солдатика, всплыло то, что он позабыл еще тогда, много лет назад и, казалось, не должен был вспомнить уже никогда!

62.

Тело страшно ломило, - еще бы, сколько он провалялся на голой земле - целую ночь?!

Но не боль доставляла в эти мгновения Виктору самое большое страдание, а то, что он вспомнил, глядя на этого солдатика: как и почему оказался целую вечность тому назад, в своем раннем детстве, в последний день жизни отца в этой песочнице, как закопал от расстроенных чувств в песок этого солдатика и не смог его потом найти.

Весь тот день возник перед ним во всех подробностях. Странно, как он мог позабыть его так крепко, что вспомнил только сейчас, глядя на этого солдатика!

Воспоминания Виктора

Весь месяц перед тем днем, когда умер его отец и когда Витя потерял этого солдатику с отломанной ногой, его мать и отец отчаянно скандалили.

От криков, которые звучали в квартире, маленький Витя нервничал, но настоящий ужас просыпался в его душе, лишь когда мать начинала собирать его и свои вещи:

- Мы поедem к моим родителям, в мой город...

- Я не хочу! - ныл Витя.

- Нет, все, с папой мы больше жить не станем, в Москве у меня нет квартиры, мы поедem туда, где мне есть, где жить - в мой городок... Ничего, привыкнем, там тоже жизнь!

- Не хочу в городок! Давай никуда не поедem! - продолжал ныть Витя.

При этом он брал в руки своего любимого плюшевого мишку, прижимал его к себе. Как будто мягкая игрушка могла спасти от переезда... Да и какой «городок»?! Витя никогда не был там, с тамошней бабкой - матерью мамы он никогда не общался, видел ее пару раз, когда она приезжала к ним в Москву. Но недолгие встречи не оставили особенного следа в его детском сознании. Отъезд «в городок к бабушке» казался путешествием в некую детскую преисподнюю, в той степени, в какой маленький мальчик имеет представление о рае и аде.

Витя боялся отъезда так, что у него от чувства надвигавшейся на него беды поднималась температура, начинали чесаться локти и колени, болела голова. Он даже в некоторые моменты начинал немного заикаться...

Но «городок» и «бабушка» каждый раз, несмотря на чуть ли не на ежедневные сборы матери в дорогу, откладывались, а сцены между отцом и матерью становились все более бурными - с криками, взаимными оскорблениями...

Отец Вити был гораздо старше матери и отличался слабым здоровьем. Особенно беспокоило его всегда сердце. Но при этом он толком не лечился - когда была работа, не было времени, когда оказывался не у дел - денег. В пользу бесплатной государственной медицины Витин папа не верил и ко врачам из обычной районной поликлиники никогда не обращался.

В тот день скандал был особенно ужасен. У матери был какой-то особенно сильный припадок злобы, истерика - она бросалась на отца с кулаками, металась по квартире, как-то совершенно беспорядочно хватала с полок шкафа, со стола, из тумбочек какие-то вещи, запихивала их то в чемодан, то в рюкзак, то в свою дамскую сумку, что выглядело совсем дико...

Маленький Витя мало, что понимал в происходившем. Это уже теперь, став взрослым мужчиной, он задним умом осознал, что в тот месяц мать усиленно долбила оставшегося без работы отца за то, что у него нет денег...

Отец и сам переживал из-за своего положения, но купюр в бумажнике переживания ему не прибавляли.

В тот день отец непрерывно хватался за сердце, - с самого утра ему было плохо. Витя от материнских криков непрерывно плакал.

В какой-то момент отец взял его за руку и вытолкнул из квартиры, проговорив «Иди во двор, погуляй! Чем слушать все это, лучше повозись в песочнице!»

Истерическим, нервным жестом он схватил с пола и сунул маленькому Вите в руки игрушки: какие-то машинки, танк, солдатика. Машинки и танк маленький мальчик, еще громче разревевшись, уронил, а солдатик остался в руках...

- Ты никуда не пойдешь! - кричала мать. - Мы сейчас уезжаем!.. Сейчас я приду в себя, соберу вещи, и мы уедем!..

- Больше в этой квартире мы жить не будем! - выкрикнула мать в тот момент, когда Витя уже был в полушаге за порогом квартиры.

Мальчик мелко затрясся, дверь за ним захлопнулась.

Примерно четверть часа Витя, всхлипывая и трясясь, стоял под дверью. Ему казалось в те минуты, что вот - оно: произошло самое страшное, он и в самом деле больше никогда не вернется в «эту квартиру»... Да ведь тогда он толком и слова-то этого не понимал - «квартира»! Маленькую кроху лишили всей его прежней жизни, лишили всего, что было в ней хорошего - дома, уюта, ощущения того, что у него есть защита родителей!

63.

Теперь, спустя много лет, вспомнив в подробностях весь тот ужасный день, он понимал - вот тогда-то и пережил он ужас, который спустя много лет переродился в странную болезненную привязанность к старому пятиэтажному дому. Пережитый в раннем детстве, стоя у двери, страх больше никогда не вернуться «в эту квартиру» привел к тому, что он уже никогда, даже уже и во взрослой жизни, не сможет избавиться от тоски и душевной неустроенности, связанной с тем, что он разлучен с ней - «с этой квартирой».

Продолжение воспоминаний Виктора

Простояв какое-то время у двери, Витя спустился по лестнице вниз и вышел из подъезда. Двор был пуст.

Маленький мальчик, продолжая всхлипывать, направился туда, где он привык играть - к песочнице. В руке у него был зажат металлический, иностранного производства, игрушечный солдатик с отломанной ногой.

Усевшись на кучу песка, он начал механическими движениями разгребать его. В образовавшуюся ямку положил солдатику, присыпал его сверху песком, потом откопал и поставил сверху на песочную горку.

Слезы его постепенно высохли. Витин взгляд, пока он возился с песком, был уставлен не на солдатику, не на вырытую ямку, а на подъезд, из которого он некоторое время назад вышел.

Мальчик со страхом ждал, что оттуда появился мать - с чемоданом, рюкзаком и своей дамской сумкой - везти его в неведомый городок.

Но мать не появлялась. Солдатик был уже закопан и откопан несколько десятков раз, а самое ужасное, чего так боялся маленький Виктор - отъезда из папиной квартиры навсегда, не происходило.

Вдруг дверь подъезда приотворилась...

Маленький Витя в ужасе замер. Из подъезда вышла соседская девочка Настя. На короткое время за ее спиной в двери появилась ее бабушка - надела на Настю курточку и скрылась обратно в подъезде.

Настя, послонявшись несколько минут по тротуару перед подъездом, заметила Витю и направилась к нему в песочницу, что было несколько странно, - дружбы между ней и Витей не было. Его мать, встречая Настину мать и бабуку во дворе, всегда разговаривала с ними, но Настя при этом всегда молчала и с Витей не играла.

- Твои родители ругаются... - сходу проговорила Настя, подойдя к песочнице. - Бабушка говорит, что они теперь точно расстанутся, а тебя мама увезет к себе на родину, в какой-то маленький городок.

Витя мелко затрясся, из глаз его сами собой брызнули слезы.

- Они не ругаются, нет... - пробормотал мальчик, пытаюсь справиться с собой.

Он сунул солдатика с отломанной ногой в одну из ямок в песочнице, присыпал сверху песком.

- Мы все слышим, потому что живем у вас за стенкой. А слышимость в нашем доме отличная. Так что бабушка все говорит правильно, - рассудительно произнесла Настя.

За все время, что Витя знал девочку, она никогда не говорила с ним так много.

Сквозь лившиеся из глаз слезы мальчик вдруг с ужасом увидел, как дверь его подъезда распахнулась и оттуда вышел его отец.

«Все, это за мной! Значит, меня точно заберут из этого дома и увезут в другой город!» - решил Витя.

Но отец даже не посмотрел в сторону песочницы.

Несколько мгновений, обхватив голову, он стоял под козырьком у самой двери подъезда, потом помассировал ладонью грудь слева, где сердце.

Медленными неуверенными шагами дошел до вкопанной на пятачке пространства напротив подъезда, на другой стороне проезда для автомобилей, деревянной скамейки, сел на нее.

Наклонился вперед.

«Не хочу никогда никуда отсюда уезжать! Никуда никогда не хочу отсюда уезжать! Хочу остаться в своей милой комнатке на своей милой кровати и со своими милыми игрушками! И чтобы все остальное осталось!» - твердил про себя Витя,

засыпая место, в котором он закопал одноногого солдатика песком.

«Кажется подействовало!» - подумал Витя про свою молитву: отец по-прежнему неподвижно сидел на скамейке.

- Конечно, твоя мать увезет тебя в другой город! Ведь твоему отцу уезжать некуда. Это его квартира и другой у него нет... Витя, я тебя очень прошу: у тебя есть одна лопатка... Ты копал ей песок, я видела. Такая желтая!.. Вряд ли ты возьмешь ее с собой.

Отец мальчика медленно наклонился вбок и следом, точно у него больше не было сил удерживаться в таком положении, рухнул на скамью, ударившись о ее доски плечом, головой и затем остался лежать, не шевелясь, в какой-то странной, неестественной позе.

- А у меня знаешь... Мы с бабушкой выращиваем комнатные растения... - продолжала Настя. - И мне как раз очень нужна такая маленькая лопатка. Ей было бы очень удобно рыхлить землю в горшках.

- Витя, если тебе не жалко, подари эту желтую лопатку на прощание мне! - закончила девочка.

Витя ее не слышал. Неотрывно глядя на не шевелившегося на скамейке отца, он про себя истово «молился»:

«Только бы не уезжать отсюда! Хочу остаться здесь!»

У крайнего подъезда со стороны соседнего двора появилась какая-то женщина. В одной руке несла пакет с продуктами.

Еще только входя в их двор, она уже уставилась на Витиною отца на скамейке. Подойдя к скамейке, остановилась и примерно с полминуты рассматривала полулежавшего на ней человека.

Потом быстро опустила пакет с продуктами на асфальт и, приблизившись к Витиному отцу, потрясла его за плечо.

Тут же всплеснула руками, что-то вскрикнула, посмотрела по сторонам, как бы ища помощи. Потом достала из кармана джинсов мобильный телефон и принялась звонить куда-то.

В этот момент из подъезда выскочила Настина бабушка. Быстро преодолела расстояние до скамейки, принялась тормошить Витиною отца. Тот уронил вниз правую руку и сам уткнулся лицом в доску...

Настина бабка пронзительно заголосила. Что - Витя не разбирал.

Девочка тут же побежала к ней.

Витя, испытывая ужас от того, что его сейчас должны забрать из песочницы и повезти в другой город, бессмысленными автоматическими движениями сгребал песок то в одну сторону, то в другую.

Мальчик продолжал делать это и когда к скамейке, на которой продолжал лежать его отец, - все в том же неестественном положении, его никто не трогал, - подкатила новенькая красивая карета скорой помощи. Из нее вышло несколько человек в светло-голубых врачебных комбинезонах. На некоторое время они окружили скамейку так, что Витя

больше не видел лежавшего на ней отца. Потом разошлись в стороны, двое забрались обратно в карету скорой помощи.

Витя опять увидел лежавшего все в той же неестественной позе лицом в доски скамейки отца.

Возле кареты скорой помощи и скамьи, между тем, собирались люди: случайные прохожие, жители дома, выходившие из подъездов - всем было любопытно, что произошло.

Вдруг в сопровождении Настиной бабки и самой Насти из Витинового подъезда появилась его мать.

«Все, сейчас меня повезут в городок!» - подумал Витя, слезы сами собой полились у него из глаз.

Он принялся усиленно копать песок, хотелось зарыться в него, - может быть так мать просто не найдет его во дворе, не сможет увезти из дома?

То и дело он все же поглядывал на нее: вот она медленно приблизилась к скамейке, уставилась на отца. Затем, так и не решившись преодолеть отделявшую ее от скамьи последнюю пару шагов, всплеснула руками. Ее тут же окружили Настина бабка, еще одна их соседка, какие-то две женщины, которых маленький Виктор прежде никогда не видел...

Собравшаяся возле скамьи уже ставшая довольно внушительной кучка народа на какое-то время скрыла от Вити и мать, и отца.

«Неужели не увезут?! Неужели не заберут из дома?!» - мелькнула в душе мальчика надежда.

Он продолжал раскапывать и закапывать ямки в песке.

64.

Сколько времени Витя провел в песочнице, он не знал. Видел, что его мать зачем-то усадили в машину скорой помощи, потом она выбралась из нее и в сопровождении Настиной бабки, еще одной тетки, жившей на нижнем этаже под квартирой Витиных родителей, и вертевшейся вокруг них Насти медленно пошла к подъезду.

Люди в медицинских комбинезонах тем временем вытащили из кареты скорой помощи носилки и, сняв со скамьи, положили на них Витинового отца. Занесли носилки в скорую помощь, захлопнули двери.

Карета тронулась, проехала до конца двора, там развернулась и покатила, постепенно набирая скорость, в обратную сторону.

После этого люди, стоявшие между скамейкой и подъездом, начали постепенно расходиться.

К Вите никто не приближался, никто не обращал на него внимания. Он продолжал сидеть в песочнице.

Слезы из глаз у него больше не лились. По мере того, как во дворе и на детской площадке сгущались сумерки, ему

становилось все яснее, что сегодня его в другой город точно не повезут.

Когда совсем стемнело, маленький Виктор, позабыв про одноногого иностранного солдатика, который остался где-то под слоем песка в песочнице, встал и медленно пошел к подъезду.

«Ночь, поезда уже не ходят, мать никуда меня не повезет. Так что точно можно возвращаться!» - думал он, поднимаясь по лестнице к двери в квартиру.

Там мать, странно молчаливая, уложила его в кровать, пожелала на ночь спокойной ночи, поцеловала, оставила в комнате одного.

Через тонкую дверь до маленького мальчика, который долго не мог уснуть, доносились с кухни ее рыдания...

Несколько дней мать была с ним очень ласкова.

Отца дома не было, и Витя боялся, что мать так внимательна и нежна к нему лишь потому, что хочет убаюкать его тревогу перед отъездом в другой город, чтобы он не раздражал ее своим плачем, когда она будет собирать вещи или во время поездки на вокзал.

А потом мать очень осторожно сообщила, что отца больше нет в живых.

«Так вот откуда у меня этот давнишний страх!» - думал Виктор.

Он по-прежнему сидел на глине, рядом стоял чемодан на колесиках.

«В тот день, когда умер отец, я так испугался, что меня заберут из дома, что после этого страх, ставший подсознательным, не оставлял меня уже никогда!.. Я все время испытывал беспокойство, когда оказывался вдали от моего старенького дома... И теперь, когда дома уже нет, я все равно тоскую о нем, нервничаю, страдаю!» - продолжал размышлять Виктор, механически вертя в руке одноногого солдатика - своеобразную весточку из далекого трагического дня, который он успел забыть, но память о котором сохранилась где-то глубоко в его подсознании.

«Выходит, мать тогда угробила отца! Из-за непрерывных скандалов, которые она ему устраивала, у него обострилась болезнь, а в тот день, когда мать особенно усердствовала, он просто не выдержал, вышел из дома, чтобы хотя бы какое-то время не слышать ее криков, сел на скамейку и умер».

Понятным было и дальнейшее развитие событий: после смерти отца в право наследования его квартирой вступил Витя и его мать, - скандалы прекратились, потому что скандалить больше было не с кем. Замуж мать больше не вышла...

Виктор отряхнул старого одноногого солдатика от песка и засунул его в карман джинсов.

От земли тянуло холодом. Сколько он здесь провалялся? Одной такой ночевки на сырой земле под открытым небом достаточно, чтобы заработать какой-нибудь ревматизм, воспаление легких, застудить почки... Да черт его знает, что еще может произойти?!..

Один из рабочих, стоявших возле экскаватора, двинулся в его сторону.

Виктор взял за длинную ручку чемоданчик, отряхнул засохшую грязь с джинсов.

- Что, пришел в себя?.. - крикнул ему за полтора десятка шагов рабочий. - Давай, уходи отсюда, здесь стройка! Посторонним нельзя находиться!

Витя устало отмахнулся от него. Он уже шел к воротам в проволочном заборе, к которым с другой стороны, - ему было видно это, - подкатил самосвал.

- Как ты вообще сюда попал?! - раздраженно крикнул ему вслед рабочий. - Тут охрана всю ночь... А одна смена еще и собаку на ночь приводит!

Витя уже подкатывал чемоданчик к воротам.

Рабочий в морковно-красной робе, распахивавший ворота перед самосвалом, с любопытством посмотрел на Виктора - в яркой майке, которую выбрал для путешествия, светлых джинсах и модных кроссовках «с вентиляцией», с ярким чемоданчиком в руке, он, должно быть, смотрелся на этой стройке более, чем странно...

65.

Оказавшись за воротами, Витя медленно двинулся вдоль забора. К проволоке было прикреплено полотнище со смоделированными на компьютере видами элитного жилого комплекса с подземной парковкой и охраняемой территорией, который должен был появиться на месте разрушенного старенького дома, который, как теперь было ясно, не случайно не отпускал от себя душу Виктора.

«А ведь я бы мог купить себе здесь квартиру, хотя, конечно, это было бы уже не то, и жить в ней... С Евлампией!» - пронеслось в голове молодого человека, и тут же огромная серая плита навалилась на него.

События последних дней, сегодняшняя странная ночь с девушкой, мельчайшие подробности которой были живы в его памяти, - все, до поры отодвинутое открытием, на которое навел его найденный старый игрушечный солдатик, навалилось на него...

«Господи, что же мне теперь делать?!» - задался вопросом Виктор. Неожиданная слабость накатила на него, закружилась голова.

В этот момент он как раз повернул за угол проволочного, обтянутого синтетическим полотном забора. Впереди на самом краю стройки, как бы встроенный в ограждение, стоял маленький одноэтажный павильончик, собранный из пластиковых панелей. Под самой крышей вывеска «Офис продаж».

Широкие каменные ступени ведут к пластиковой с большим стеклом двери. Справа и слева от нее - окна. Стена вокруг двери и окон покрыта пленкой с различными видами строящегося жилого комплекса.

Виктор подкатил к «Офису продаж» чемоданчик и устало опустил на ступени.

В голове не было ни одной идеи: проще всего было вернуться домой, пережить скандал, который устроит ему мать...

Витя вдруг, повинувшись какому-то безотчетному душевному импульсу, достал из кармана солдатика... Вид игрушки опять унес его в тот далекий день, в ту песочницу...

За домиком офиса продаж на стройке затрещал мотор экскаватора.

«Сейчас он продолжит копать котлован под подземную парковку, быстро доберется до того места, где когда-то была песочница... И все! От того дня не останется ничего: отца и дома уже нет, не будет и песочницы...»

Из Витиных глаз полились слезы.

Возле офиса продаж остановилось такси. Дверь автомобиля распахнулась, из нее выбрался высокий, широкоплечий молодой человек. Волосы его выглядели так, как будто над ними еще десять минут назад во всю трудился мастер в какой-нибудь элитной парикмахерской в центре столицы (возможно, так оно и было!).

На молодом человеке был темно-синий костюм с приталенным пиджаком и узкими брючками, стрелки на которых были тщательно отглажены. Из-под пиджака выглядывала расстегнутая до второй пуговицы хлопковая рубашка в голубенькую клетку. В расстегнутый ворот виднелась толстая золотая цепь с каким-то массивным кулоном.

Стуча по асфальту каблуками тщательно вычищенных темно-коричневых туфель, молодой человек преодолел несколько метров от такси до лесенки, ведущей к двери «Офиса продаж».

На первой ступени он задержался и, как показалось Виктору, с некоторой брезгливостью посмотрел на него. Но ничего не сказал и, преодолев две других ступени оказался у пластиковой двери с большим стеклом.

Достал из кармана пиджака ключ, сунул его в замочную скважину, повернул, раскрыв дверь и зашел внутрь.

Дверь с шумом захлопнулась.

«За кого он меня принял? - подумал Виктор. - С чемоданом, одет прилично, но весь перепачкан в глине, всклокоченный, опухший, неумытый... За наркомана?.. Да-а, я начинаю подходить под образ, который тщательно лепит для меня

Мороховский... Если сейчас неожиданно заявлюсь домой к матери, она скорее всего, решит, что я и вправду чего-то употребляю и провел ночь в каком-то наркоманском притоне... Но не здесь же мне сидеть? Своим видом я распугаю всех покупателей квартир!.. Сколько сейчас времени? А какой сегодня день?»

Он начал медленно подниматься со ступени. Неловко схватился за ручку чемодана и тот начал падать. Пытаясь поймать его, Виктор чуть не свалился сам - закружилась голова. Ничего не ел уже, наверное, сутки, испытывал страшную слабость.

Когда каким-то чудом молодому человеку удалось поймать за ручку падавший чемодан и не свалиться самому, кто-то толкнул его в бок.

Выругавшись, Витя, повалился на чемодан и вместе с ним на ступени.

- Ой, братишка, извини! Не нарочно! Повело меня! - раздался голос у него за спиной.

Чьи-то руки схватили Витю за предплечья, помогая встать.

Оборачиваясь, чтобы посмотреть на того, кто его толкнул, он воскликнул:

- Да что такое?! С ума, что ли, все сошли?!

На последнем слове он осекся, узнав во всклокоченном (еще больше, чем он сам), в грязной, мятой и, вдобавок, еще и мокрой, словно он только что валялся в луже, одежде, Сашку.

Школьный друг пошатывался, с трудом удерживаясь на ногах, явно был пьян, - от него исходил сильный запах спиртного.

Опухший от пьянства Сашка таращился на Витю, то ли вовсе не узнавая его, то ли вспоминая, где он прежде его видел.

«Да он и в самом деле сошел с ума!» - пронеслось у Виктора в голове.

- Сашка, ты?! - проговорил он вслух.

- Витька?! - наконец понял, кто перед ним, школьный товарищ.

- А я тебя разыскиваю, даже в дом к тебе заходил, в дверь звонил... Ты к телефону не подходишь что ли?!..

- Нет у меня больше телефона... - язык у Сашки заплетался. Он покачнулся.

- То есть как, нет? - поразился Витя.

Лицезреть Сашку в таком виде было странно, - паинькой он никогда не был. Но сначала бабка, а потом и строгий отец держали его в ежовых рукавицах. Если ребята в школе выпивали и предлагали присоединиться к ним Сашке, он всегда отказывался - дома бы его не простили, если бы появился на порог хотя бы слегка пьяным.

- Да вот так, - проговорил Сашка потупившись. - То ли сам потерял где-то спьяну, то ли украли... Черт его знает, ничего не помню...

Витя чувствовал: школьный товарищ, как бы ни был он нетрезв, испытывает неловкость, что его встретили в таком виде.

«Тут-то я его и расколю!» - пронеслось в голове молодого человека. Вдруг испытал азарт: перед ним в последнее время возникло слишком много тайн и загадок. Но одну из них, он, похоже, сейчас имеет отличные шансы разгадать.

- Что произошло тогда, когда мы увиделись под аркой? - спросил Виктор и уставился на приятеля.

Того словно что-то оттолкнуло от Виктора.

- Ты... Я... Нет... Слушай... - забормотал Сашка. Следом он произнес что-то совсем нечленораздельное: какая-то смесь междометий и мычания.

- Я не понимаю, ты можешь сказать, что тогда произошло?! - напористо воскликнул Виктор и, отпустив ручку чемоданчика, - тот качнулся вбок, но не упал, остался стоять на асфальте, - спустился со ступеней вниз, приблизился вплотную к школьному приятелю.

Сашка попятился.

- Нет, нет... - забормотал он, с испугом глядя на Виктора. - Не надо, я не хочу об этом говорить, я не могу на эту тему...

- Да что такое?! - в сердцах закричал Виктор. - Что ты мямлишь?! Что произошло?!

Неожиданно Сашка, точно внутри него распрямилась какая-то пружина, вскинул голову и следом резко подался вперед, схватив Виктора за майку на груди.

Витя инстинктивно отшатнулся, сделал шаг назад, уперся пятками в нижнюю ступень и упал бы, если бы школьный товарищ не держал его.

- Это ты меня довел! - в пьяной ярости закричал Сашка. - Из-за тебя... Если бы не ты!.. Ты знал, знал! Это я тебя должен спрашивать, что там произошло!

Слюна из Сашкиного рта летела Вите в лицо.

Опешивший Виктор не пытался оторвать от себя руки школьного приятеля, голова его болталась.

Вдруг Саша замер и следом, по-прежнему вцепившись в Витину майку, разрыдался.

Руки его безвольно опустились вниз:

- Витя, прости меня, я не понимаю, что творю, - проскулил одноклассник сквозь слезы. - Я сошел с ума... Витя, расскажи, что там было?..

- Да где?!.. - воскликнул Виктор, делая шаг от Сашки назад и поправляя на груди майку.

- Там, под аркой, при последней нашей встрече! - вновь истерически закричал тот в ответ и сделал шаг в сторону Виктора. Однако за грудки его теперь не схватил.

- Я ведь с того самого дня не просыхаю! - продолжал Сашка. - Все деньги пропил, телефон украли!.. Что это было?! Я с ума схожу...

Витя отшатнулся от одноклассника. Прошептал:

- Я ничего не понимаю...

Он даже вообразить не мог, что имеет в виду Сашка. Ясно было: то, о чем говорил одноклассник связано с Евлампией. Но как именно? «Что там было...» - сказал Сашка. Но ведь там ничего не было: они с Евланей стояли у стены в проходе под зданиями, со стороны подъездов появился Сашка, тут же закричал...

- Мне надо выпить! - неожиданно захныкал одноклассник, перебив напряженные размышления Виктора.

- Пока я не выпью, - продолжал одноклассник, размазывая по щекам слезы, - я буду опасен для себя и окружающих... Какие-то припадки... Пойдем, Витя, тут недалеко один магазинчик есть.

Витя пожал плечами, пробормотал:

- Пойдем.

- Только это... Ты не сочти... - тон Сашки из истерично-агрессивного стал заискивающим. - У меня денег нет, последнее сегодня ночью пропил... Болтался тут по всей округе... Дошел до того, что с какими-то бомжами познакомился. Страшно было вернуться туда, домой, остаться одному... Все кажется...

Сашка хотел еще что-то сказать. Но лицо его исказилось, точно от боли, он махнул рукой и замолчал.

Витя потянул за ручку чемоданчик:

- Пойдем, я заплачу, - решительно произнес он.

«Надо бы где-нибудь по дороге найти отделение банка, поменять доллары», - закрутились мысли у него в голове.

Денег, которыми снабдила его на поездку мать, хватит, чтобы жить какое-то время в дешевых общежитиях-хостелах.

Но только сумма у него в долларах, а понадобятся рубли.

66.

Полдюжина бутылок из-под крепкого пива стояли, составленные в ряд, у выкрашенной серой краской оштукатуренной кирпичной стенки.

Витя и Сашка сидели на сложенном в стопку бордюрном камне в закутке между торговым павильоном и киоском ремонта обуви, в паре кварталов от того места, где когда-то стоял Витин дом.

Сашку развезло, кажется, уже после второго или третьего глотка, но он все равно продолжал накачиваться пивом.

Витя и сам с удовольствием прикончил бутылку и принялся за вторую - к пиву он купил в магазине несколько пакетов чипсов и пару упаковок мелко нарезанного сушеного кальмара.

Чипсы и кальмар мало подходили на роль здорового завтрака, но молодому человеку, у которого за последние сутки крошки во рту не было, и они подошли, чтобы подкрепить силы.

Съев в одиночку большой пакет чипсов, - Сашка угощался только кальмаром, налегая на пиво, - Витя ощутил прилив сил.

Выпитая бутылка пива помогла расслабиться, перестать, по крайней мере на время, пока он был пьян, испытывать тоску.

Смог посмотреть на себя и события собственной жизни словно бы со стороны. Прежде, когда он валялся на земле на стройке, ему то и дело начинало казаться, что он просто сошел с ума и видит наяву какие-то несуществующие на самом деле кошмарные иллюзии. Теперь же у него не было сомнений: как ни невероятно все, что с ним случилось, оно произошло на самом деле. Несомненно, он страдает эмоциональными отклонениями, но в целом сумасшедшим его не назовешь. А значит, надо как-то продолжать жить и постараться понять некоторые детали того, что с ним произошло.

Что же увидел тогда под аркой в стилобате «Чаек» Сашка?

Школьному товарищу же явно не хотелось вспоминать про это. Особенно после пива, которое значительно улучшило его настроение. Он больше не лил слезы, наоборот, со смехом рассказывал Виктору про свои ночные приключения - как познакомился возле каких-то мусорных баков с компанией бомжей, объединил с ними «капиталы» - у Сашки к этому моменту еще оставались в кармане какие-то металлические деньги - вместе они приобрели в каком-то жутком подвальном магазинчике (уж не в том ли, в котором Витя и Евлампия купили коньяк?) поллитровку водки.

- Саня, почему ты так страшно кричал там, под аркой твоего дома? - спросил его в лоб без всякой связи с предыдущим разговором Витя.

Сашка не ответил. Продолжил рассказывать про бомжей, потом - про каких-то девиц, с которыми познакомился в баре за ночь до этого и которые, по всей видимости, украли у него смартфон.

Наконец, - видимо подействовала очередная выпитая бутылка крепкого пива, - Сашка замолчал, а потом, уставившись Вите в глаза, совершенно трезвым, спокойным голосом произнес:

- Тогда, в то утро, когда ты вызвал меня на встречу, чтобы передать мне накопитель с курсом по продажам, я вошел в арку и сразу увидел тебя. А потом посмотрел на того, кто стоит рядом с тобой... Это было жуткое чучело... Не знаю, как тебе описать... Разложившийся мертвец, вернее - мертвечиха, потому что она была в полусгнившем, висевшем лохмотьями голубеньком платице... Знаешь, именно такая, как их показывают в фильмах ужасов: сгнившая кожа висит клочьями, кости торчат. Но самое страшное: она повернулась и уставилась своими глазницами... Не знаю, были ли в них глаза или они были просто черными... На меня. А потом хищно оскалилась, как какой-то зверь, который собирается броситься на жертву... У нее были такие мелкие, острые зубы - два ряда. И клыки выпирали вперед... Я не выдержал...

«Итак, я встречался с покойницей! - подумал Виктор, мгновенно протрезвев и с огорчением отмечая, что все пиво, которое они купили в магазинчике, выпито и прямо сейчас откупорить и выпить залпом еще одну бутылочку не получится. - Все говорит за это: черный обелиск на могиле, слова матери,

мои собственные неясные ощущения, ночь в доме, которого нет, и главное - то, что существует в действительности и что увидел Сашка и чего, по какой-то причине, вероятно - из-за ослепления любовью, не дано увидеть мне...»

- А пойдем-ка, возьмем чего-нибудь покрепче пива! - произнес Виктор вслух...

67.

К водке на закуску Витя купил полбуханки нарезанного на ломти черного хлеба, упаковку нарезанной колбасы, пакет апельсинового сока. Нашлись в магазине и пластиковые стаканчики.

Вернулись обратно в закуток между торговым павильоном, - в нем брали водку и закуску, - и киоском ремонта обуви.

Разложили снедь на стопке бордюрного камня, поставили бутылку. Рядом стоял чемодан, который Виктор всюду возил за собой, опасаясь, что либо он сам его где-нибудь забудет, либо его украдут.

В полном молчании разлили водку по стаканчикам, - с момента Сашкиного рассказа про покойницу ни Витя, ни его школьный товарищ не произнесли ни слова, кроме коротких фраз, которыми обменивались, покупая выпивку и закуску. Выпили. Потом после короткого перерыва - еще.

- Хорошо! - сказал Сашка, глядя на опустевшую наполовину водочную бутылку. - Понимаешь, Витька, вот только в таком состоянии, когда изрядно выпью, перестает мучить это страшное видение... Пока трезвый, то и дело вспоминаю: кожа лохмотьями, оскаленные зубы, спутанные грязные волосы, платье истлевшее... Мороз начинает по коже продирать, руки-ноги трястись. Ты-то как, видел что-нибудь там? Оно ведь, это чудище, прямо рядом с тобой стояло.

- Я ничего такого не видел... Стоял, ждал, хотел тебе курс по продажам передать, ты же сам просил!.. Потом, вижу - ты, и тут же - жуткий крик... Я потом ходил, искал тебя, на этаж поднимался...

- Странно... Все было так... По-настоящему! Как будто это чудище на самом деле стоит рядом с тобой... Витя, что же это получается... - из глаз Сашки потекли слезы. - Выходит, это была жуткая галлюцинация, а я - сумасшедший?!.. Но это значит, что я могу в любой момент увидеть это чудище вновь... Хотя бы вот сейчас... Мы пьем, и вдруг я вижу, как оно появляется за твоей спиной.

Виктор почувствовал: холод ужаса продирает его от макушки до пяток. Резко обернулся, но за его спиной никого не было...

«Постараюсь вернуться как можно скорее!» - всплыли в памяти слова, сказанные Евланей перед расставанием в несуществующей квартире снесенного дома.

- Вот видишь, ты тоже начал нервничать... А каково мне? - плаксивым тоном произнес одноклассник и вытер рукавом слезы.

- Витька, если я еще раз его увижу, я тут же сойду с ума! - истерически выкрикнул Сашка. - Я чувствую: моя психика больше не выдержит такого ужасного зрелища, пусть я тысячу раз буду знать, что это только галлюцинация... Когда я его видел, оно было, как наяву!

Руки у Вити затряслись:

- Хватит действовать на нервы! Давай лучше выпьем!

То и дело оборачиваясь, дрожащими руками он разлил водку, расплескав часть мимо стаканчиков. Они тут же выпили.

Потом - еще...

За все это время он ни разу не посмотрел на часы. Не знал, во сколько очнулся от своего странного сна на стройке, сколько времени они шли с Сашкой от места, где был его старый дом, до сюда, сколько уже пьянствуют в этом закутке...

Но людей на улице становилось все больше. Хлопнула дверь киоска ремонта обуви.

Человек зашел в него, потом вышел обратно на улицу, обошел киоск и остановился в паре метров от выпивавших молодых людей, - это был низенький крепкий толстяк с толстыми волосатыми руками и крупными кулаками.

Не проронив ни слова, он вернулся обратно в свой киоск.

Витя и Сашка допили остававшуюся в бутылке водку.

В голове у Виктора шумело, он почти ничего не соображал. Сашку же охватило буйство - он швырнул бутылку в глухую боковую стенку киоска, та со звоном разбилась.

Почти сразу после этого откуда-то подъехал трактор с огромным ковшом, появились рабочие, - грузить в ковш бордюрные камни.

Сашка принялся швырять в стену киоска бутылки. Битое бутылочное стекло летело в разные стороны...

Тут же дверь киоска вновь распахнулась, выскочивший из нее низенький толстяк, размахивая руками, выкрикивал ругательства. Кричали и рабочие.

Шатаясь, Виктор поднялся с бордюрного камня, схватил Сашку за предплечье, торопливо поволок по улице прочь от трактора, орущих людей. Метров через десять Сашка споткнулся, увлекая за собой Витю, упал на асфальт. Разбил лицо.

Прохожие останавливались, ругали их...

Подняв Сашку с асфальта, Витя потащил его дальше... Потом вспомнил про свой чемодан, усадил Сашку на край тротуара, вернулся к киоску. Рабочие, грузившие бордюрные камни в ковш трактора, задвинули чемодан к стене павильончика.

Виктор схватил его за ручку и, шатаясь, двинулся обратно туда, где он оставил на тротуаре одноклассника.

Что происходило дальше, Виктор помнил плохо. Водочные пары, словно густой туман, полностью заволокли сознание.

Они бродили по окрестностям того места, где прежде стоял дом Виктора, купили еще бутылку водки и какую-то закуску. Но распить ее сразу не получилось. Когда Витя вернулся из магазина, в котором купил выпивку, Сашка, подложив под голову Витин чемодан, спал на скамейке.

Виктор сел на скамью у одноклассника в ногах и тотчас тоже уснул.

Очнувшись от того, что Сашка, вскочив и потянувшись, двинул ему локтем в ухо.

Приятеля вновь выпили... Метрах в двадцати от скамейки, на которой они расположились, остановился полицейский автомобиль. Из него вышли два человека в форме, в надетых поверх нее бронежилетах и с короткими автоматами, висевшими на ремнях под мышками.

Несмотря на свой грозный вид, полицейские оказались не очень строгими: осведомившись, где живут два приятеля и выяснив, что «неподалеку», предложили им убраться домой, «иначе заберем».

Затолкав выпивку и закуску в Витин чемодан, приятели отправились болтаться по улицам.

Дальше Витя помнил совсем плохо. Отложилось в памяти только то, что он очень боялся потерять свой чемодан, в который запихнул деньги и документы и все время, даже когда они сидели на какой-нибудь очередной скамейке, крепко держался за длинную ручку.

Они распили где-то по дороге водку и в конце концов оказались на лестничной клетке большого современного жилого дома. Как они в него проникли, Виктор не помнил.

Вроде Сашка предложил зайти к какому-то своему другу, который «должен денег», но то ли друга в квартире не оказалось, то ли он им не открыл, но оба приятеля зашли на лестницу. Этаж был под самой крышей, лестницей его жители не пользовались. Двух школьных приятелей никто не беспокоил, и они как-то незаметно для самих себя опять заснули.

На этот раз уже Витя, очнувшись и обнаружив, что за окнами уже темно, растолкал Сашку.

- Черт, я до сих пор пьян, ноги заплетаются! - проговорил одноклассник, поднявшись со ступеней. - Дружище, помоги!

Виктор взял приятеля за предплечье, вместе они кое-как вышли с лестничной клетки на этаж, к лифтам, спустились вниз.

Выйдя из двери подъезда, Сашка тут же опять схватил Витю за локоть.

- Слушай, что-то я ослаб... У меня так бывает, когда перепью - ноги никак идти не хотят... Видно, я еще не протрезвел. Сейчас где-нибудь грохнусь, башку разобью. Будь человеком, доведи меня до квартиры! - взмолился одноклассник.

- Ладно, пойдем! - согласился Виктор.

Правой он крепко взял приятеля за предплечье, левая сжимала ручку чемодана.

Одноклассники медленно двинулись по направлению к «Чайкам».

68.

- Слушай, странно, что-то не спится, выпить бы!.. А, Вить? - проговорил в темноте Сашка.

- Хватит уж, и так допились уже... Хорошо нас там, на скамейке, в полицию не забрали! - откликнулся Виктор. - Сержант добрый попался.

- А ты тоже уснуть не можешь? - поинтересовался Сашка.

- Нет, не могу, - честно ответил Виктор.

Час назад они пришли к «Чайкам», к подъезду, в котором Витя за последнее время успел побывать несколько раз - здесь жил Сашка и Евлампия («Пока была жива, до своих похорон!» - подумал Виктор).

Он осмотрелся. То ли потому, что он по-прежнему был пьян, то ли чувства его от испытанных за последнее время переживаний притупились, но берег канала, поросший деревьями, их с Евлампией скамейка, которую ему было хорошо видно, не вызвали в нем ни страха, ни каких-то предчувствий, ни даже мыслей о том, что здесь в любой момент может появиться *она*.

Сквер на берегу канала был для него сейчас всего лишь сквером, одним из многих в городе. Разве что этот располагался ближе, чем остальные, к школе, в которой он учился.

- Витька, друг, у меня ноги заплетаются, проводи до двери квартиры! - жалобным голосом попросил Сашка.

Витя смело шагнул вслед за ним в подъезд покойницы.

Когда Сашка уже открыл дверь квартиры, Витя хотел распрощаться с ним и идти обратно на улицу, но приятель предложил:

- Слушай, я совершенно один. Отец - на даче и, чувствую, в ближайший месяц может здесь вообще ни разу не появиться. Оставайся у меня ночевать! Куда ты пойдешь на ночь глядя?!.. Мать у тебя строгая, как увидит тебя такого расхристанного и опухшего, ругать будет до самого утра!

«А и вправду: идти-то мне на ночь глядя попросту некуда!.. А мать, если я, который давно должен быть в Турции, заявлюсь на порог, точно хватит инфаркт!» - решил молодой человек и вошел в квартиру приятеля...

- Я, Витя, знаешь, можно сказать, из эгоистических интересов тебя к себе заманил... То есть, конечно, для того, чтобы тебе получше было, но главным образом - из-за себя самого! - признался ему сейчас Сашка.

- Я ведь с того дня, когда мы с тобой мельком увиделись там, внизу под аркой, в квартиру решался заходить только когда

был очень сильно пьян! - продолжал откровенничать школьный приятель.

Виктор лежал на незастеленном Сашкином диване, а сам школьный друг улегся на полу, бросив на него старую дубленку отца, подушку и шерстяное одеяло. Хотя, проходя по квартире, Виктор заметил в раскрытую дверь другой комнаты на вид вполне удобную двуспальную кровать. Уже тогда молодой человек догадался, - впрочем, сделать это было нетрудно, - что его одноклассник боится оставаться в комнате один.

- Все, знаешь, кажется, - сказал Сашка, - что закрою глаза на минуту, а когда открою, оно, чудище это, стоит перед кроватью...

- Да брось ты, Сашок, что ты себя всякой чушью накручиваешь!.. Какое еще чудище! - попытался приободрить приятеля Виктор.

- Да как!.. Эх, Витя, если бы ты знал, *какое оно!* Знаешь, у нее такие зубищи, а морда как бы вытянутая, ну, что ли, как череп лошадиный. И потому как-то особенно кажется, что этими зубищами она к тебе тянется...

- А почему ты решил, что это она?

- Так я ж тебе сказал: в платице голубеньком...

Истлевшем, правда, но в платице!

- А туфель на ней с высокими каблучками не было? -

Виктор в темноте улыбнулся. А самому показалось странно, что вот он может так спокойно шутить обо всем этом... Он знал причину собственной невозмутимости - водка. По-прежнему был здорово пьян... Но момент, когда протрезвеет, неизбежен... И вот о нем-то Виктор старался не думать.

- А сдается мне Витя, - вдруг проговорил Сашка. - что шутишь ты и меня подбадриваешь через силу... Сам-то ты тоже что-то видел и боишься... Только признаваться в этом почему-то не хочешь... Может, знаешь чего, а?.. А иначе, чего это ты тоже не спишь? Вздыхаешь тяжело... Я же чувствую, что-то с тобой не так... Колись, из-за чего переживаешь!

- Из-за чего переживаю? - задумался Виктор, выигрывая время, чтобы придумать ответ.

Молодой человек чувствовал: если он ответит Сашке неискренне, тот не поверит, замучает вопросами... Из-за чего он, Витя, может переживать?

И тут Виктор нашелся. Вот правдивая история его переживаний:

- Я, Саш, знаешь, недавно ко врачу ходил...

- О-па! - явно приободрился Сашка. - Что с тобой?

Смертельно болен? То-то я смотрю, ты выглядишь все время... Ну, как тебе сказать, ты, конечно, не обижайся, но в гроб кладут краше... Я сразу обо всем догадался!

- Да ни о чем ты не догадался! Это, знаешь, собственно говоря, и не врач в полном смысле этого слова, хотя принимает он в медицинском центре, а так, психолог... Понимаешь, проблемы у меня... Ты вот помнишь, дом мой старый, где я раньше с матерью жил...

- Помню, конечно... А что такое?..

- Тоскую я по нему. Какая-то болезненная тоска. Хочу в него вернуться, места себе не нахожу, а вернуться-то некуда... Но и не вернуться нельзя! Понимаешь?

- Не-ет, ничего не понимаю! - честно признался Сашка. - Я-то думал, что вы с матерью, ну по крайней мере, мать-то твоя уж точно... То есть вы оба хотели из этого старого дома в новый переехать. И мать твоя это все подстроила... Я, думаю, что без тебя-то тут тоже не обошлось... Наверное, ты ей помогал долбить-то?..

- Что долбить?

- Так ты что же, ничего не знаешь?!

- Нет, а что я должен знать?!

Сашка от возбуждения даже вскочил с дубленки, но тут же сел на нее.

- Выходит... Э-э, да ладно! Но ты только, если что, меня не выдавай: я тебе ничего не говорил, понял?

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ЧАЙКИ

1.

- Ты, неверное, знаешь, Витек, - начал свой рассказ Сашка. - что моя мать одно время работала в той же организации, что и твоя...

- Да, знаю... - откликнулся молодой человек.

Мать Виктора была по образованию строителем, но в строительной организации работала, насколько он знал, только в молодости, еще до того, как познакомилась с его отцом. В то время, когда Витя заканчивал школу, она трудилась в каком-то государственном ведомстве, надзиравшем за капитальным ремонтом домов, сносом аварийных зданий, различными программами реновации городского жилого фонда.

О своей работе мать распространялась мало, да и Витю как-то мало интересовало, чем она занимается на работе - становиться строительным инженером планов у него не было, а детали всяких совещаний и строительных экспертиз, о которых она иногда, к слову, говорила и о которых шла речь в телефонных разговорах по работе, свидетелем которых Витя невольно становился, его не интересовали.

В то, что с Сашкиной матерью они иногда сталкиваются в здании, в котором вместе работают, Витя от матери знал.

- Но, по-моему, они были в каких-то разных, не очень пересекавшихся по делам отделах, - сказал сейчас приятелю Виктор.

Свет в квартире не горел, но шторы на окне в комнате, в которой они лежали, сдвинуты в стороны, и с улицы проникал

свет. Окна Сашкиной квартиры смотрели не на канал, а на вздымавшуюся вверх соседнюю башню «Чаяк», широкий, заполненный в любое время дня и ночи автомобилями, проспект, дома на другой его стороне.

Окна жилой башни, многие из которых горели, свет от часто стоявших фонарей и автомобильных фар на проспекте, освещенные витрины магазинов и яркие неоновые вывески над ними, - зарево было ярким и при открытых шторах в Сашкиной комнате никогда не наступала полная темнота.

- В разных, это верно... И почти не общались. У моей покойной матушки и твоей характеры, по-моему, совершенно разные, - сказал Сашка.

При слове «покойной» Витя напрягся - его история нахлынула на него в ночной комнате и не сразу ему удалось отвлечься и вникнуть в смысл того, что продолжал говорить Сашка:

...- Всяких сплетней было много. И что странно, матушка делилась ими с отцом, главным образом, а не со мной, хотя я уже был старшеклассник - все мог понять. А ты - мой приятель...

- Чем делилась-то? Что она такого тебе говорила? - чувствуя раздражение произнес Виктор.

Он вдруг осознал, что несмотря на все, что с ним произошло и что теперь знал, ему хотелось лежать не в этой комнате с Сашкой, валявшимся рядом на дубленке, а несколькими этажами выше - в кровати с Евланей.

Как минувшей ночью!..

Одноклассник не придавал значения раздражению, прозвучавшему в Витином голосе, а может - принял его за признак нетерпения, хотя на самом деле Вите в эту минуту было совершенно все равно, что расскажет ему Сашка.

- Да то!.. Ты вот сказал, что испытываешь горе от того, что дом сломали, а ведь он мог стоять до сих пор! И еще сто лет спокойно простоял бы. И на твою жизнь хватило бы, и твоих детей и внуков!

Вдруг Виктор осознал, что он напрасно слушает приятеля невнимательно. То, что тот сейчас скажет, будет иметь огромное значение для дальнейшей его жизни...

Какое-то предчувствие заставило Витю поверить в это.

Он повернулся к Сашке и уставился на одноклассника. В освещенной рассеянным светом уличных огней комнате ему было хорошо видно, что тот уже успел скинуть с себя тонкое одеяло и сесть на дубленку, словно тоже прекрасно осознавая важность того, что сейчас произнесет.

- Твоя мать подстроила все так, чтобы ты уехал отсюда... Вернее... Конечно, она не ставила своей целью именно чтобы ты отсюда уехал, а она вообще о тебе в этот момент не думала...

- Как же не думала, как же не думала?!.. - воскликнул в отчаянии Виктор. - Она думала! И она знала, что я не хочу уезжать и все делала, чтобы дом наш сохранить, а мы бы никуда не переехали!

Он уже был совершенно трезв и сунув руку в карман джинсов, которые так и не снял, завалившись на Сашкину кровать, нащупал там одноногого металлического солдатики, и разом вспомнил все, что понял сегодняшним утром и что как-то подзабылось за этот день под воздействием алкоголя.

Уже знает: мать виновна в смерти отца и, невольно, в том мучительном искривлении психики - тоске по разрушенному дому, от которого он страдает. Что он еще про нее узнает?!.. И это после того, как понял: любит покойницу... Горе ему!

Виктору отчего-то вспомнился разговор с матерью, который произошел сразу после окончания им десятого класса, когда стало ясно - дом снесут.

- Мама, что же происходит?! Почему они хотят выселить нас?! - в отчаянии воскликнул Виктор. - Наш дом - он вполне еще крепкий! Я не хочу уезжать отсюда!

Вчерашний школьник чувствовал: на глаза наворачиваются слезы. Но он разговаривал с матерью, а с ней он не стыдился слез - он всегда, сколько себя помнил, был чувствительным мальчиком, и в моменты бурной радости и тяжелой тоски из глаз его обязательно текли слезы. Мать видела их такое множество раз, что у него не было привычки стесняться ее. Наоборот, с ней-то одной он и мог быть на все сто процентов быть самим собой.

- Это чиновники, Витя, с ними бесполезно бороться, - устало произнесла мать. - Им нужна земля, на которой стоит наш дом. Так что дело, скорее всего, решенное. У них уже есть строительная компания, которая возведет на этом месте что-нибудь.

- Мама, но я не хочу уезжать отсюда! - повторил Виктор.

- Понимаешь, я люблю этот район!.. Даже не могу тебе объяснить... - пробормотал он, чувствуя, как слезы все сильнее застилают глаза.

Разговор шел в его комнате в их старом доме. Витя сидел на своем стареньком диванчике. Мать стояла на пороге в открытом дверном проеме.

- Ну, ладно, может, не все так страшно, - она подошла к нему и, глядя по голове, попыталась успокоить. - Новая квартира по площади точно будет лучше, чем эта. А потом... Может, новый район тебе понравится...

- Не понравится, точно тебе могу сказать! Не понравится!.. Каким бы хорошим он ни был. Потому, что мне нравится этот, тот в котором я живу. И я не хочу отсюда уезжать ни при каких условиях! - истерически, заводя ее, воскликнул Виктор.

- Я тоже не хочу отсюда уезжать ни при каких условиях, сыночек! - вслед за сыном повысив голос, воскликнула мать. - Но что же делать, если нас выталкивают отсюда, а возможностей противостоять этому у нас нет никаких! Но мы не оставим нашей борьбы и просто так не сдадимся!

На глазах у женщины тоже заблестели слезы.

2.

- Она врала тебе! - решительно заявил Сашка. - Получается, она обладает немалыми актерскими способностями и так разыграла спектакль, что ты уверился: она на твоей стороне... Но это... Очень цинично!..

- При этом она сама уничтожила ваш старый дом, - продолжал школьный приятель.

- Но как?! - воскликнул Виктор. - Это практически невозможно!

Сашка рассмеялся.

- Ты наивный парень!.. Извини, что я так говорю о тебе и произношу неприятные вещи про твою мать, но ты сам... Ты сам захотел узнать правду. Это понятно: если ты в тоске по дому уже дошел до врачей, то положение твое серьезно, и любая информация может помочь. Для твоей матери ничего невозможного не было - она же инженер-строитель! По вашему дому шли какие-то трещины, но на самом деле ничего серьезного там не было - просто разрушалась штукатурка. Из-за такой ерунды дома не сносят.

- Тогда в чем же дело?! - опять воскликнул Виктор.

- А в том, что, когда пошли эти трещины по штукатурке, твоя мать, которая очень хотела уехать из этой квартиры, - почему, я тебе расскажу позже, - вместе с другими соседями и людьми из управляющей компании спускалась в подвал. Моя матушка рассказывала, - не мне, моему отцу, - что твоя мать, упирая на то, что она инженер-строитель, сразу стала верховодить соседями, каким-то образом заполучила ключи от подвала. Обследуя его, сделала вывод, что если разрушить одну из опор, то трещины уже пойдут не по штукатурке, а по кирпичам, - рассказывал Сашка.

Витя внимательно слушал.

- Там у вас еще было какое-то необитаемое помещение на первом этаже, твоя мать раздобыла ключи и от него - по работе она общалась с людьми и в вашей управе, и в обслуживавшей компании...

Это было правдой, от матери Виктор знал, что ее организация занималась капитальным ремонтом домов по государственным контрактам. Верно было и то, что на первом этаже в их доме было маленькое помещенье, не больше одной квартиры, в нем прежде располагался Совет ветеранов, но в то лето оно пустовало.

- Твоя мать договорилась с одним рабочим, - он не местный, приезжий, приехал к нам на заработки, - чтобы он за хорошие деньги тайно разобрал одну несущую стену в том самом нежилом помещении на первом этаже. А еще - опору в подвале. Он ее выломал, по дому тут же пошла большая трещина... Потом он составил кирпичи обратно, замазал все штукатуркой... После этого твоя мать организовала комиссию, которая решила, что дом - аварийный. По крайней мере, такие слухи ходили там, у нее на работе, где трудилась и моя мать.

Сашка сделал паузу. Виктор потрясенно молчал: все это было слишком ужасно, чтобы быть правдой. Мать, которая, казалось, полностью разделала его отчаяние из-за того, что им придется переехать, которая знала, как он из-за этого страдает, сама за его спиной делала все, чтобы это произошло... Нет, этого не могло быть! А главное - у нее не было мотива!

«Хотя... Выехав из старого дома, мы получили комфортабельную современную квартиру большей площади, которая матери, судя по всему, очень нравится... Это - достаточный мотив!»

Сашка заговорил вновь. Ему, похоже, нравилась роль разоблачителя Витиной матери, доставляло удовольствие видеть, до какой степени Виктор потрясен его словами. Теперь не только ему, Сашке, испытывающему страх перед «чудищем», было плохо...

- После этого твоя мать через своих знакомых начала продвигать расселение вашего дома. Сам знаешь, место там довольно хорошее, так что некие бизнесмены за возможность расселить старый пятиэтажный дом, в котором квартир-то было не так много дорого бы дали... Дом ваш решили расселить...

- И все же... - неуверенно возразил Виктор. - Зачем ей было пускаться в столь тяжкие грехи: во-первых, она понимала, какие страдания приносит мне, а во-вторых, это все, насколько я понимаю - преступление...

- Все очень легко объясняется, если знать то, что ни для кого, в том числе и для тебя, не было секретом. В вашем старом доме мать постоянно ловила на себе косые взгляды соседей...

- Почему? Я ничего не знаю! - вновь воскликнул Виктор.

Сашка хмыкнул:

- Так уж ли ты не знаешь?.. И даже не догадываешься?.. Ну, хорошо, я скажу...

3.

- В твоём старом доме очень хорошо знали твою бабушку, твоего деда, их сына - твоего отца. Так, во всяком случае, говорила моя покойная матушка. Ну, дед-то твой умер давно, еще до всех этих историй... А вот твоя бабка...

- А что с ней? - Витя чувствовал, что в душе у него уже подавила все остальные чувства тяжелая свинцовая тоска. Бабушку он помнил плохо. Она умерла еще когда он был совсем

маленький, задолго до того дня в песочнице, когда умер его отец. И если уж он про тот день вспомнил, только когда вытащил из песка солдатику... Смерть бабушки не помнил вообще.

Сашка почему-то медлил с ответом на вопрос. Потом тряхнул головой, словно бы решившись на что-то, - в свете, который лился из окна, Виктор различил этот жест, - и твердым голосом, - он, похоже, уже тоже совершенно протрезвел, - произнес:

- Твоя мать была черной золушкой!..

- Что? Кто это? - пораженно спросил Витя.

- Неужели никогда не слышал этого выражения?.. Золушка - это такая бедная сиротка, которую все обижают, но которая при этом очень хорошая. Принц приводит ее в свой дворец и дальше... У принца прекрасная добрая жена! Все живут долго и счастливо! А черная золушка изображает из себя добрую сиротку лишь до того момента, когда попадет во дворец. А после, когда избавиться от золушки уже не так просто, она показывает свой истинный черный характер, и для принца и всех его родственников царской крови наступают черные времена... Моя матушка говорила, что твоя мать свела твою бабушку в могилу. А потом - и твоего отца...

Витя, сидевший на кровати, прислонившись спиной к стене, опустил голову вниз, уставив взгляд в одеяло. В полутемной комнате Сашка и так не мог различать как следует его глаза, а уж тем более - увидеть, что в них... Но все равно Витя инстинктивно постарался скрыть овладевшее им в этот момент чувство отчаяния: Сашка-то, а вернее - его покойная мать, а еще точнее - те люди, от которых она слышала все эти сплетни, были правы... То, что он, Витя, вспомнил сегодня утром, очнувшись на месте бывшей песочницы, подтверждает это... Но, кстати, откуда на работе матери могли знать все эти подробности?! Ведь не могла же она сама рассказывать про себя все это? Да и потом...

- Саш, но ведь в те времена, когда умерла моя бабушка, моя мать работала в каком-то совсем другом месте! Той компании, в которой она работает вместе... Вернее, работала вместе с твоей покойной матушкой, в те времена попросту не существовало! - тут же выразил свои сомнения вслух Витя.

- Это так, - согласился Сашка. - Но дело в том, что в том доме, где вы жили, раньше жили и родители моей матушки. Потом та квартира досталась ее брату, моему дяде, а он ее обменял... Долгая история и не имеет к твоей никакого отношения. А мать моей матери, моя бабушка - она уже тоже умерла, была ужасно общительна. И любила собрать все сплетни со всего дома. В том числе она дружила и с твоей покойной бабушкой. И та охотно делилась своими семейными неурядицами. Видимо, хотелось ей кому-то излить душу...

- Знаешь, Вить, ты извини, что я тебе об этом рассказываю... Но ты же сам начал... Мне кажется, тебе нужно все это узнать... Ты-то ведь парень хороший, добрый... - Сашка в

своей обличительной речи, похоже, расходился все больше. Голос его становился громче.

- Тем более, - продолжал он. - ты сам говоришь: тема старого дома для тебя - болезненная. Так вот, хочу, чтобы ты знал, бабушка рассказывала моей покойной матушке, что твою мать в вашем доме все считали самой настоящей ведьмой. Говорили даже, что у нее есть способность общаться с миром мертвых.

Виктор вздрогнул, как от удара, - надеялся при этом, что Сашка ничего не заметил.

«А что, если это не просто злобная соседская болтовня и мать и в самом деле способна как-то контактировать с загробным миром?! И эта способность общаться с мертвыми передалась от нее мне?! Может, поэтому и стала возможной история с умершей Евлампией?!»

Сашка продолжал:

- Естественно, что твоей матери все эти разговоры были очень неприятны. К тому же, ей, скорее всего, хотелось поскорее самой позабыть про умершую свекровь и мужа, которых она довела до могилы. Возможно, их силуэты все время мерещились ей, пока она жила в полученной от них по наследству квартире... Да и боялась, что рано или поздно кто-нибудь из соседей «просветит» тебя насчет того, кто свел в могилу твоего папеньку, оставив тебя наполовину сиротой.

- Саша, ну, хорошо, ну, допустим, ты прав: моя мать угробила моих отца и бабушку и ей хотелось поскорее уехать из дома, в котором ей все напоминало об этой мрачной и выставяющей ее в весьма нехорошем свете истории. Но почему бы ей тогда просто не поменять нелюбимую квартиру на другую?! - попытался вступить за мать молодой человек.

Делал он это больше для очистки совести, потому что чутье подсказывало ему: если и не полностью, то по большей части Сашкины тяжелые слова - правда.

- Да как, Витенька?! - воскликнул одноклассник. - Для начала ты сам мне только что рассказал, что не хотел уезжать из старого дома ни при каких условиях. Мать твоя понимала: переубедить тебя не получится. А вот если дом признают аварийным, тогда тебя уже, извините, с полицией из него выведут и в новое жилье препроводят! Деваться тебе при таком варианте будет некуда. Да и мать твоя - не при чем. Наоборот, на словах станет убеждать тебя, что ей тоже очень не хочется переезжать. А потом, помимо твоих психологических закидонов по поводу старой квартиры, был еще такой момент: ваша квартира в старом доме стоила очень мало. Дом морально устаревший, планировка - неудобная, комнаты - крошечные. Разве можно было, продав ее, купить такую квартиру, в которую вы въехали?! Твоя мать, подстроив эту тещину, надавив на какие-то свои связи, решила еще и денежный вопрос - поменяла худшее жилье на лучшее без всякой доплаты. Знаешь, что говорили у нее на работе?

- Что?

- Что она вошла в сговор со строительной компанией, которая получила землю, на которой стоял ваш старый дом, под стройку!.. И вам квартиру дали отличную, а вот все остальные жильцы вашего дома вынуждены были переехать в квартирки значительно скромнее. Современные, конечно, большей площади, чем те, что были, но не в такие шикарные, как ваша!..

- Ты хочешь сказать, что... - Витя начал про то, что ему казалась не совсем правдоподобной такая сделка, хотя, черт его знает!..

Но Сашка перебил его:

- Вить, ты знаешь, я все-таки - сволочь. Как, наверное, и все мы. Испортил тебе настроение, рассказал кучу гадостей про твою мать и сразу, знаешь, как-то легче стало. Я ведь с того самого дня уснуть нормально не мог, все про чудище думал, а сейчас...

Он вдруг уронил голову на грудь, затем медленно повалился на бок - на свою старую дубленку и тут же захрапел.

4.

Во сне он обнимал Евлампия, а она гладила его своими ласковыми руками по голове. Он искал ее губы, но никак не находил, потому что она все время отворачивалась.

- Евлания, ну что такое? Почему ты не даешь себя поцеловать? Я хочу в губы...

Он проснулся со счастливой улыбкой. И едва раскрыл глаза и увидел белый потолок и обои, которыми оклеена стена в комнате Сашкиной квартиры, вспомнил все. Смертельная тоска навалилась огромной свинцовой глыбой.

«Евлания! Как же так, ты мертва на самом деле, а мне без тебя невыносимо, я хочу тебя видеть, быть с тобой!»

Виктор сел на кровати. Накануне был пьян, - даже поздним вечером, когда сам себе казался трезвым. И от этого не чувствовал всего ужаса положения. «Алкогольная эйфория!»

«Не смогу без Евлампии, без ее губ, без ласк, без этих встреч. Умру!.. Так, может, это и к лучшему?»

Он подошел к окну... Сквера, в котором встречались с девушкой, не увидеть...

Проспект забит автомобилями. Над тесно прижатыми друг к другу рядами железных букашек - марево выхлопных газов.

Витя почувствовал, как на глаза наворачиваются слезы: все же есть люди счастливые, а есть несчастные, вроде него, с рождения!

«Чем была полна моя жизнь, если честно перед самим собой дать отчет? Постоянной тоской по дому, которого больше нет?.. А до этого? Недаром я почти не помню собственное раннее детство. Мать - «ведьма, общающаяся с миром мертвых», - повторил он про себя слова, сказанные Сашкой, который сейчас грохотал на кухне какими-то то ли кастрюлями, то ли сковородками. - С такой матерью, медленно вгонявшей в гроб

бабку и отца, там вряд ли было что вспоминать, кроме бесконечных шумных скандалов... Закончил школу, устроился на работу, надеялся делать карьеру, мечтал о хорошей жизни - купил автомобиль... Подлое обвинение в краже!.. Как я смогу его пережить? А если, и в самом деле, будет судимость?!.. Евланя... Девушка, которая могла составить мое счастье... С ней я на седьмом небе от счастья, несмотря ни на разрушенный дом, ни на все эти обвинения в кражах... Но вот только и ей, похоже, досталась черная судьба - такая красивая и замечательная, подававшая надежды, погибла бездарно, попав на велосипеде под автомобиль... И теперь она - в могиле, а я не могу без нее... И уже не смогу никогда. И остается только одно - тоже улечься в могилу. Там мы, по крайней мере, будем вместе!»

Едва сдерживаясь, чтобы не подать голос, он беззвучно разрыдался.

- Если ты все еще дрыхнешь, то просыпайся... - прокричал на кухне Сашка. - Иначе я сожру классический мужской завтрак - яичницу - один! Тем более, что яиц было только два и оба такие маленькие, что и одному не хватит!

Витя вытер ладонью слезы и отправился на кухню. В том, что друг не догадается, что он только что плакал, Витя не сомневался: после ночи, проведенной накануне на глине на стройке, после вчерашних возлияний физиономия у него сейчас скорее всего такая опухшая, а глаза - столь красные, что сколько ни рыдай - хуже выглядеть не станешь.

- Знаешь, что странно... - проговорил Сашка, когда они уже позавтракали разделенной напополам глазуньей из двух яиц и хлебом. - Ни у тебя, ни у меня нет явных признаков похмелья...

- О чем это говорит? - Витя и сам недоумевал: после всей дряни, которую он накануне вылакал, должен был до вечера лежать пластом. А сейчас... Нет, легкое похмелье все же было, но совсем не такое, какого можно ожидать.

- Мы находимся в зоне аномалии, Витя, вот о чем это говорит! Отсюда и все дикости последнего времени. Здесь что-то вроде бермудского треугольника. Там ведь тоже находили пустые корабли, с которых команда в ужасе попрыгала в воду. Увидели, как и я, чудовище, а потом оказалось, что его вроде как и не было. Что ты делаешь? - спросил Сашка, заглядывая в экран мобильного телефона приятеля.

- Как что? Ищу квартиру, которая сдается... Вот, кстати, есть одна совсем рядом с местом, где стоял мой старый дом.

- Больше не хочешь, после всего, что узнал, жить с матерью? - Сашка внимательно посмотрел на приятеля.

- Нет, все, что ты мне рассказал, здесь не при чем. Я давно хотел устроиться отдельно. С матушкой, хоть она по мнению некоторых, и «ведьма», - Виктор усмехнулся. - удобно, но не всегда...

- Это точно!.. Я, когда отец изредка возвращается с дачи, начинаю сходить с ума. Конечно, с папашей хорошо, но без него, сказать по правде, гораздо лучше. Вот только сейчас я бы от его общества не отказался. Боюсь оставаться один!

- Так поезжай к нему на дачу! - воскликнул Витя, поднимаясь с кухонного стула.

Он чувствовал, что сейчас вновь разрыдается. Тоска по Евлане становилась с каждой минутой невыносимей и собственное положение выглядело все ужасней: в самом деле, из этого кошмара единственным выходом было самоубийство.

- Ты что, с ума сошел?!.. - воскликнул Сашка. - Он меня выгонит, скажет «Катись в город, устраивайся на работу! Нечего на моей пенсии сидеть!»

Сашка тоже поднялся со стула.

- Вот что, Витька, - проговорил он. - Ты пока квартиру свою не снимешь, можешь жить здесь, у меня! Я тебя очень прошу. А то я до сих пор, как глаза закрою, вижу это чудище с лошадиным черепом вместо башки и зубищами.

Витя кивнул и отвернулся.

- Во всяком случае, чемодан я, с твоего позволения, оставлю здесь. Не болтаться же с ним по городу, - произнес он сдавленным голосом.

- Само собой! - радостно заявил одноклассник. - И, кстати, не думай, что я не догадался, почему ты болтаешься ранним утром по столице с чемоданом. Я сразу понял, что ты поругался со своей мамашей и решил от нее съехать!.. Поэтому, кстати, я и рассказал тебе все эти истории. Иначе бы ты на меня обиделся... Пойдем, провожу тебя, нам по пути.

5.

Едва вышли из квартиры, Витя первым делом бросил взгляд в сторону сквера. Не потому, что он рассчитывал увидеть Евланю. Просто в этом месте в последнее время сосредоточилась вся его жизнь.

Она сидела на их скамейке, и как ему показалось, тоже смотрела в его сторону. Высокая, стройная, даже от подъезда было видно, какая гордая у нее осанка, как ровно она держит спину, надменно - голову. Пушистые светлые волосы свободно раскинулись по плечам, прикрытым тканью скромного голубенького платица, которое она (Бедная, ей бы пошли любые модные экстравагантные наряды!) носила почти без сниму.

«Сгнившая ткань голубого платья висит клочьями...» - припомнился Вите примерный смысл Сашкиных слов, и он испытал страх за друга. Сейчас тот проследит за взглядом приятеля, увидит «чудище» и, наверное... Да он просто самым настоящим образом сойдет с ума!

Витя быстро шагнул вперед, оказываясь на воображаемой линии между Сашкой и Евлампией, взял друга под локоток и

повел его в сторону арки, подальше от сквера. Через десяток шагов Сашка оказался к Евлане спиной и уже не мог случайно ее увидеть.

«Черт, надо было предвидеть это, сделать все, чтобы Сашка не увязался за мной!» - Виктор с приятелем были уже возле арки. Витя боялся обернуться, - одноклассник мог посмотреть туда же, куда и он, и тогда...

Так Виктор и зашел под арку, не взглянув больше ни разу на девушку, которую любил, не узнав, смотрит ли она ему вслед.

«Конечно же, смотрит! Иначе зачем она сидит на лавочке?» - спросил себя молодой человек.

И тут же сам себе ответил:

«Как зачем?! Вышла из квартиры на улицу подышать воздухом. Она же лечится от некоего нервного заболевания... Как же, лечится! Под мраморным обелиском. А значит, никогда нам с ней не быть вместе, как это бывает у *нормальных* людей. Не будет у нас ни семьи, ни детей... Потому что Евлани - нет».

До него не сразу дошел смысл произнесенных Сашкой слов:

- Витек, что-то нехорошее у меня предчувствие... Опять этот проход, арки... Так и кажется, что в следующее мгновение появится чудище. Пойдем отсюда быстрее!

Он схватил Виктора за руку и увлек за собой.

Если за мгновение до этого тот еще надеялся, что ему удастся избавиться от Сашки и вернуться в сквер к Евлампии, то теперь стало ясно: пойти обратно не получится.

Душа его сжалась от тоски, захотелось побежать назад... Но нет!.. Сашка тащит его за собой. И Вите не удастся бросить еще хотя бы короткий взгляд на девушку, встретиться с ней глазами... Может быть, если повезет, увидеть ее улыбку... А, может, она не посмотрит на него?! Обижена?! Скажет, что между ними все кончено?!.. Но тогда он возьмет ее за руки, притянет к себе, заговорит!.. Конечно же!.. Эх, как невыносимо уходить прочь, когда все твоё существо рвется в противоположную сторону!

«Ладно, дойду до квартиры, тем более что хозяйка станет ждать меня в определенное время, потом вернусь обратно», - решил молодой человек.

Следом за Сашкой, который стремился как можно быстрее уйти подальше от «Чаек», в которых находилась его квартира, прибавил шаг.

- Ладно, Витек, спасибо, что проводил хотя бы до сюда, - проговорил Сашка, пожимая однокласснику руку. - Я испытываю тем больший страх, чем ближе подхожу к «Чайкам», к собственному дому. И наоборот, по мере того как я от него удаляюсь, страх проходит. Совсем я стал психопатом, Витек! Это, наверное, от того, что сижу без работы на шее у отца! Отсюда и всякие покойницы в синеньких платяцах мерещатся. Ведь их же не может на самом деле быть, а, Витя?

Одноклассник с надеждой посмотрел Виктору в глаза, словно ожидал, что тот его успокоит.

Витя вместо этого перевел разговор на другую тему:

- Сейчас-то ты куда идешь?

- Да на работу! - оживился Сашка.

- Подожди, ты же только что сказал, что работы у тебя нет? - удивился Виктор, одновременно радуясь про себя тому, что удалось соскочить с опасной темы.

- Если считать работой место, где платят деньги, то нет. А вообще - есть. Вернее, я надеюсь, что будет...

- Ничего не понимаю! - продолжал удивляться Виктор. - Получается, ты работаешь, но денег не получаешь?

- Именно! Мы... Нас там набрали по объявлению, готовимся к конкурсу. Из пятнадцати человек оставят пять, самых лучших. У меня есть железные шансы, потому что семеро уже перестали ходить, а еще четверо, думаю, сделают это в ближайшее время. Победа в конкурсе на звание лучшего работника - моя. После этого начальство обещает оформить всех в штат и начать платить деньги.

- Саня, ты что, совсем свихнулся?!... - воскликнул Виктор. - Теперь понимаю, отчего тебе мерещатся всякие девушки-покойницы с лошадиными черепами вместо голов и в истлевших в могиле голубеньких платицах!

Последнюю фразу, как самому показалось, он произнес неестественным тоном.

- Это же явное разводилово! В этой фирме вас всех используют, потом, вот посмотришь, дадут пинка под зад, вне зависимости от результатов «конкурса», на ваше место наберут по объявлениям новых идиотов!

Сашка помрачнел.

- Знаешь, Витек, скажу тебе честно: светит мне в этой фирме что-то или не светит, не имеет никакого значения. Я хожу туда просто, чтобы не быть одному... После той встречи с чудищем какой-то чокнутый стал. В одиночестве испытываю ужас. Я б с тобой бродил, но боюсь, тебе так осточертею, что ты от меня сбежишь и придется к отцу ехать на дачу... Ох, он меня там сожрет... Да только ведь все равно к нему ехать придется. Не вечно же ты у меня оставаться будешь...

На последних словах одноклассника Виктора одолел странный кашель: молодой человек не был простужен и перед этим в течение нескольких дней, кажется, ни кашлянул ни разу, а тут воздух с клекотом и хрипами вырывался из легких.

Кашель не унимался. Наоборот, становился сильнее.

Сашка хотел сказать что-то еще... Сначала ждал, когда однокласснику станет легче, потом встревоженно произнес:

- Что-то с тобой, Витек, не то... Кашель какой-то... Как моя мама покойная говорила...

При слове «покойная» Виктор вздрогнул и поднял слезившиеся от непрерывного кашля и напряжения глаза на приятеля.

Одноклассник осекся, - словно во взгляде Вити заметил что-то необычное, пугавшее.

Кашель принялся душить молодого человека сильнее, как будто слегка подняв голову, чтобы посмотреть на Сашку, он заставил сильнее забеспокоиться где-то там, в собственных внутренностях некое живое существо, которое изо всех сил ворочалось, толкая наружу воздух из легких.

- Жара на дворе, дружище! Где ты мог так простудиться? - воскликнул Сашка.

Виктор, между тем, испытал потребность отхаркаться.

Сплюнув вниз, на чисто вымытую тротуарную плитку, на которой они стояли, мокроту из легких, Витя обнаружил: по плитке растеклась бледная розочка.

- Что это, кровь?! - озабоченно воскликнул Сашка. - Уж не туберкулез ли ты где-то подхватил?!

6.

- Вы же опоздали, а я предупреждала, чтобы вы пришли ровно к назначенному часу. Я должна попасть в еще одно место, времени лишнего у меня на вас нет... Что вы застыли на кухне? Присматриваетесь? Что собираетесь здесь делать? - женщина, подыскивавшая арендатора для своей однокомнатной квартиры, с каким-то необъяснимым подозрением уставилась на Виктора.

Тот в этот момент стоял лицом к окну и смотрел на место, где когда-то стоял его дом. С пятого этажа, на котором располагалась квартира, прекрасно видно строительную площадку, угадывались контуры будущего жилого дома, - по терминологии торговцев недвижимостью и строителей - «бизнес-класса». Наверняка, это будет высоченная башня, рядом с которой старые пятиэтажные домики будут выглядеть убогими пережитками эпохи, канувшей в прошлое...

- Делать?.. Что делать? - наконец ответил хозяйке Виктор.

- Это-то я как раз и собираюсь узнать: что вы здесь собираетесь делать? - полным неприязни тоном спросила хозяйка квартиры. - Чем заниматься?

Молодой человек пожал плечами:

- Ничем. Просто жить...

Хозяйка хмыкнула:

- Ладно, хорошо. Я подумаю... А сейчас уходите. Мне еще кое-что тут надо сделать.

- Зачем мне уходить? - удивился Виктор. - Я готов снять квартиру на ваших условиях. Деньги на аванс у меня с собой...

Он полез в карман за бумажником.

- Не нужно, не доставайте! Я вам сейчас ничего сдавать не буду. Мне надо подумать, я вам позвоню, - затараторила хозяйка и бесцеремонно уперлась ему руками в плечо и в спину, выталкивая из квартиры.

Меньше, чем через минуту Витя оказался на лестничной площадке. Дверь за ним захлопнулась.

Уже когда он шел через маленький коридор квартиры к порогу, почувствовал сильную слабость, - накатывала на него волнами все последнее время, но на этот раз оказалась особенно сильной.

Едва хозяйка, не попрощавшись, захлопнула за ним дверь, Виктор ощутил, как немоть, рождавшаяся в левой половине груди, где сердце, стремительно распространяется по всему телу, подкатывает к горлу противной тошнотой. Зазвенело в ушах. Он понял: еще мгновение - потеряет сознание, полетит вниз головой на ступени...

В последнюю секунду молодой человек ухватился обеими руками за перила, опустился на выложенную старой, в трещинах, плиткой лестничную площадку. В глазах потемнело...

Ему казалось, что так пришла к нему смерть... Но прошла минута, другая, третья, сердце забилось увереннее, слабость постепенно начала отступать.

Одновременно его начал колотить сильный озноб.

«Что это со мной? Такие же ощущения я испытывал каждый раз при встречах с Евлампией. Она где-то рядом? Сейчас появится?»

Виктор принялся осматриваться... И вдруг его поразила мысль: он предчувствует появление покойницы, но не испытывает страха. Наоборот, встреча желанна... Наконец-то увидит любимую! Сколько они не виделись? Не так долго, всего-то день, если не считать за встречу те короткие мгновения, когда он, выйдя с Сашкой из подъезда, смотрел на нее, сидевшую на скамейке в сквере. Кажется, не виделись целую вечность, он ужасно соскучился!

Звон в ушах прошел, к Виктору словно бы вернулся слух, и тут же он начал различать слова, проникавшие на лестничную площадку из-за двери, из которой он только что вышел. Они, должно быть, раздавались и минуту назад, но тогда он отрешился от окружавшего его мира и не видел, не слышал ничего вокруг.

Говорила квартирная хозяйка. Ее голос заставил Витю отвлечься от мыслей о Евлампии.

- Приперся... Весь черный, краше в гроб кладут! Явный наркоман. Такой, что пробу ставить негде, - хозяйка разговаривала с кем-то по телефону: делилась впечатлениями о несостоявшемся арендаторе с мужем или подругой.

- Причем у меня такое ощущение, что он доживает последние дни, - продолжала хозяйка. - Если бы у меня хватило глупости сдать ему квартиру, то, скорее всего, через какое-то время я бы обнаружила здесь его труп. Но, что удивительно, у него куча денег. Не торговался, был готов сразу внести аванс... Что?

Последовала пауза.

Витя, застыв, ждал, когда из-за двери вновь донесется голос.

- Ах, ну конечно, ты прав! - значит, хозяйка разговаривала с мужчиной, скорее всего, с мужем. - Как я сама не догадалась:

наркоторговец! Они все обязательно употребляют и сами... Знаешь, он как-то особенно внимательно осматривал кухню. Мне показалось, прикидывал, удобно ли здесь будет организовать лабораторию... Ну, знаешь, они, наркоманы эти, всегда варят свою дрянь на кухнях... Да, хорошо, сейчас пойду!..

Витя осторожно, опасаясь, что ему опять станет плохо, поднялся с кафеля лестничной площадки и стал медленно спускаться вниз по ступеням.

«Мой вид сейчас идеально подходит под версию Мороховского о том, что я наркоман. Если появлюсь после отпуска в офисе, каждый, кто посмотрит на меня, перестанет сомневаться в том, что это я украл подотчетные деньги...»

«А может, и в самом деле мне недолго осталось?! - подумал он следом без всякого страха. - Так это даже лучше. Иначе придется вешаться. Дела у меня такие, что разобраться с ними - не получится...»

7.

Он сидел на скамейке в сквере на берегу канала. Ожидал, что встретит здесь Евлампия, но ее не оказалось.

«Ничего, стоит мне посидеть здесь какое-то время, как она появится!» - думал молодой человек, с радостью предвкушая встречу с возлюбленной.

Но время шло - минута за минутой, а девушки не было.

Витю охватила паника: «А что, если она вообще не придет?! Никогда...» До сих пор мысль о том, что он может больше не увидеть Евлампия, не приходила ему в голову. «А ведь она уже мертва! Призрак может исчезнуть так же внезапно, как и возникнуть». Виктора охватила тоска, столь сильная, что терпеть ее, просто сидя, не двигаясь, на скамейке, невозможно. Он вскочил, прошелся по дорожке от скамейки к берегу канала и обратно.

«Евлампия, приди! Я хочу видеть тебя!» - заклинал молодой человек. Но девушка не появлялась.

«Если она не появится, мне и в самом деле останется только наложить на себя руки. До такой степени я ее люблю! Жизнь без нее обернется невыносимой пыткой!» - вдруг с ужасом осознал Виктор.

До сих пор он был так занят разгадыванием тайны девушки, что не подумал, как станет жить, если их встречи прекратятся.

«Никак! Я не могу без нее!» - с еще большим ужасом подумал молодой человек. Волна паники захлестнула его.

- Евлампия! - позвал он вслух негромко. Впрочем, в сквере кроме него в этот момент все равно никого не было. Даже если бы он закричал - крик отчаяния никто бы не услышал.

Витя крутанулся на каблуках. Ему казалось, что Евлания не может вот так вот взять и исчезнуть, оставив его одного, хотя бы на несколько часов, хотя бы на день.

«Она же была здесь! Поджидала меня!» Хотелось верить, что девушка где-то рядом, стоит в тени в кустах и наблюдает за ним. Сейчас выйдет к нему...

Ничего не происходило. Стоять на одном месте возле лавки - невыносимо.

Опять, как в тот день, когда Сашка с криком убежал из-под арки, Виктор пошел в парк. Быть может, Евлампия гуляет по нему, где-нибудь на какой-нибудь пустынной поляне он неожиданно наткнется на нее...

Пробродив по парку не меньше часа, устав, Витя опять оказался возле «их» скамейки.

Его знобило, волнами накатывала противная слабость, ныло сердце, но означало ли это, что девушка где-то рядом и сейчас появится?

Виктор устало повалился на скамейку. Из кармана на крашенные доски вывалился смартфон, он взял его в руку. Машинально включил экран.

«Люди придумали такое удобное средство связи: можно позвонить, написать, оставить сообщение... Но только не ей!..»

В этот момент у него особенно сильно заболело сердце, но на этот раз он никак не связал эту боль с присутствием где-то поблизости девушки: болит, потому что измучился, устал, душа его истерзана... «Нелегко это, любить мертвую!»

Чтобы хоть как-то отвлечься от душившей тоски, Витя зашел в Интернет, открылось окошко поисковика.

«Любить мертвую», - напечатал он, нажал ввод.

Тут же вывалилась куча страниц - сайты, посвященные паранормальным явлениям, колдунам и колдуньям, а в самом верху, - это объявление сразу приковало к себе Виктора, - выделенный рамочкой баннер:

«Мучает любовь к покойнице в районе жилого комплекса «Чайки»?.. Колдунья баба Мария в офисе, расположенном от Вас в шаговой доступности, научит, как избавиться от страданий».

Текст объявления настолько точно описывал положение Виктора, что он даже поднял глаза от смартфона и посмотрел по сторонам: не проделки ли это Евлани? Может, девушка способна управлять тем, что появляется в его смартфоне?

Но нет, ее нигде не было видно. К тому же, в строке объявления переживания Вити были словно бы цинично раздеты, то, что для него было полно шарма, здесь представало в похабной некрасивой наготе: «...любовь к покойнице в районе...»

«Чему тут удивляться?! - подумал он. - Современные технологии рекламы во всей их красе: смартфон отправил поисковику данные о том, в каком районе города я нахожусь, а поисковик в ответ предложил мне рекламу колдуньи, которая охмуряет дурачков где-то здесь поблизости... Колдунов сейчас

развелась тьма-тьмушая, небось, в каждом районе отыщется несколько...»

Тут же словно игла уколола Витю в сердце. Он почувствовал особенно болезненную тоску: «Тебе ли считать колдунов мошенниками?!.. Если колдунов нет, то и покойниц любить невозможно, тем более - дожидаться их в сквере на скамейке. Но ты дожидаяешься!.. Хотя эта баба Мария, наверняка - сущая аферистка».

Уже переходил по ссылке.

Открылся безвкусный сайт с крестами, масонскими символами и непропорционально большими цифрами телефона, по которому предлагалось позвонить, чтобы договориться о встрече.

«Делать мне все равно нечего... Схожу туда, если она меня примет, а потом вернусь обратно, сидеть на скамейке...» - думал Виктор, набирая телефон.

- Алло! - тут же ответил ему молодой немного писклявый женский голос, каким, в представлении Вити, колдунья говорить никак не могла.

«Точно, какой-то обман и издевательство!» - пронеслось у него в голове.

Но голос, как оказалось, принадлежал помощнице колдуньи. Та могла принять Виктора, если он появится на пороге ее офиса не позже, чем, через час...

Молодой человек дал отбой и, встав со скамейки, пошел по указанному адресу.

8.

- Вы звонили. Я запомнила ваш голос! - прописклявила молодая девушка, едва Виктор успел перешагнуть порог офиса и, осматриваясь, поздороваться.

Он тоже узнал ее голос.

В небольшой комнате на первом этаже полупустого, недавно построенного офисного центра, расположенного на противоположной от «Чаяк» стороне проспекта, одну сторону занимало окно, вдоль двух других стояли солидные диваны, обитые натуральной кожей. Возле диванов - полированный журнальный столик темного дерева на гнутых ножках.

В стене напротив входа - закрытая дверь в следующую комнату. Рядом с дверью лицом к входу на офисном кресле за простеньким столом сидела девушка. Перед ней стационарный телефонный аппарат, пухлый блокнот-ежедневник, дешевенькая ручка из прозрачного пластика с синим колпачком.

В первое мгновение девушка показалась молодому человеку точно бы уменьшенной копией какой-то другой особы. Очень красивой: с совершенными формами, утонченными чертами лица, длинными, в точь, как у Евлампии, светлыми волосами, спадающими на плечи.

В отличие от оригинала, которого Виктор никогда не видел и лишь воображал, что он существует, копия производила впечатление хрупкости, миниатюрности. Казалось, пальчики, которые при появлении молодого человека взяли с блокнота шариковую ручку, вот-вот переломятся. На шейку с бьющейся синей жилкой больно смотреть. Такой беззащитной казалась! Если какой-нибудь злодей задумает ее свернуть, ему достаточно без напряжения сжать пальцы... Тонкий носик, тонкая полоска губ...

- Баба Мария готова встретиться с вами, так что давайте оплатим консультацию по прайс-листу, - произнесло ангельское создание.

На этот раз голос не показался Виктору писклявым. Скорее - щебечущим. Таким, наверное, разговаривают золотые волшебные птички, когда решают человеческим языком обратиться к простым смертным.

Еще минуту назад, подходя по коридору первого этажа к двери офиса колдуньи, Виктор подумал: постарается не платить никаких денег прежде, чем станет понятно, что за «услуги» предлагает баба Мария. Но девица уже достала из ящика и подвинула к нему по поверхности стола распечатанный на офисной бумаге прайс-лист.

- А где колдунья? - спросил Виктор, медленно подходя к столу.

- Она в соседней комнате, - прошептала помощница. - Ждет вас. Встретитесь с ней сразу после оплаты. Баба Мария не любит, когда деньги вмешиваются в процесс общения с человеком. Поэтому оплата проводится перед разговором... Возможно, после него вам вообще станет не до чего, - добавила птичка.

Виктор взял в руки прайс-лист.

Взгляд упал на первую строчку: «Консультация». Справа стояла сумма в рублях, равная средней стоимости приема у хорошего стоматолога. Баба Мария явно ценила свои услуги...

В этот момент Виктора вновь стал сотрясать навязчивый грудной кашель.

Через три минуты (на этот раз обошлось без харканья кровью), он вытащил из кармана деньги, отсчитал несколько купюр и, не дождавшись, когда помощница колдуньи вернет внушительную сдачу, взялся за ручку двери, выкрашенной жизнерадостной светло-синенькой краской.

Птичка вдруг резким движением бросила сдачу, которую готовила для Виктора, в ящик стола и тоненькими пальчиками крепко вцепилась ему в руку чуть выше запястья:

- Стойте!

Молодой человек замер, так и не открыв светло-синюю дверь, повернулся к помощнице колдуньи.

- Вас может немного шокировать вид Марии, - проговорила та. - Лицо у нее почти полностью закрыто темной сетчатой материей. Дело в том, что она в молодости пережила страшную аварию на одном химическом предприятии в Поволжье. Ей

обожгло лицо, она ослепла. Но потеряв зрение, она обернула глаза в потусторонний мир и видит там многое, что имеет отношение к тому, что происходит в нашем мире.

Виктора охватило неприятное предчувствие: скорее всего, эта тетка, колдунья, в паре шагов от встречи с которой он стоит, - обозленная на весь свет, обезображенная страшным ожогом женщина, которая таким способом - своим «колдовством», мстит людям, дурача их, попутно зарабатывая деньги. И он, Виктор, поддался на рекламу, теперь за собственные деньги будет лицезреть одно из последствий аварии на неведомом ему химическом предприятии...

Настроение молодого человека, и без того отвратительное, стало - хуже не куда.

Возникла мысль: развернуться, оставить деньги и просто убежать отсюда.

- Не нужно показывать Марии, что ее вид вас шокирует, - проговорила помощница колдуньи, не отпуская руку Виктора.

Неприятное предчувствие в его душе усилилось.

- Ваш испуг может обидеть Марию, тогда никакого взаимодействия не получится, - продолжала птичка.

Тут Виктора осенило: помощница колдуньи готовилась к тому, чтобы не вернуть ему деньги, - через пять минут, сообразив, что «колдовство» бабы Марии - чистой воды надувательство, он выйдет из-за синей двери обратно и потребует вернуть уплаченную сумму. Тогда птичка заявит, что он сам виноват: несмотря на предупреждения, обидел бабу Марию и именно из-за этого не получилось «взаимодействия».

Птичка раскрыла дверь и подтолкнула его в полумрак.

9.

Когда перешагивал порог, сверкнула в сознании дикая мысль: «Попался!.. Не нужно было приходить по объявлению. Показалось же, как только его увидел: дело нечисто - все подстроено!..»

Заявился сюда от тоски и ощущения полной безвыходности, подсознательно уверенный: колдуньи - мошенницы, выманивающие деньги у доверчивых дурачков. Убедится в этом еще раз, отвлечется на ходьбу, поймет, что беда его до такой степени невероятна, что никто в целом свете не поможет ему, вернется обратно - в сквер к «Чайкам». Но здесь...

Предчувствия говорили ему: здесь что-то совсем не то, что ожидает встретить. Не ринутся ли наутек, пока его история не получила очередное, еще более мрачное, чем все, что было, продолжение?!

Но едва переступил порог, дверь за ним закрылась. Охватившее чувство опасности заставило Виктора справиться с парализующей тревогой и осмотреться: кто знает, быть может, сматываться уже поздно, нужно отразить неожиданный удар...

Комната, в которой принимала клиентов колдунья, производила гнетущее впечатление. Светильники, вмонтированные в подвесной потолок, не работали, окно наглухо закрыто плотными темно-серыми шторами, не пропускавшими с улицы ни лучика света. На полу, в паре метров от двери, стоял на черных металлических ножках странный фонарь, напоминавший те, которые используют для подсветки деревьев в парках. Слабый, призрачный свет, который бросал вверх, рассеивался и гас, не достигая потолка. К тому же, на фонарь сверху наброшено сетчатое, полупрозрачное покрывало.

Глаза его привыкли к полумраку, царившему в комнате колдуньи, не сразу. В первое мгновение не различал ничего, кроме фонаря.

Какая-то особая тоска, то ли вызванная нехорошим предчувствием, то ли первым впечатлением от мрачной комнаты, мгновенно охватила душу.

Постепенно различил стоявший слева поперек комнаты черный кожаный диван с низкой спинкой и широкими подлокотниками, затем взгляд его, наконец, перешел туда, куда до сих пор Виктор боялся смотреть...

Баба Мария сидела напротив кожаного дивана в инвалидном кресле, обставленном двумя маленькими столиками, пуфом, странной подставкой на высокой ножке, - на такие ставят горшки с цветами. Поверхности столов, пуфа и подставки уставлены пузырьками с лекарствами, между которыми в беспорядке валялись облатки таблеток, бутылочками с водой, парой термосов, чайником и несколькими пустыми чашками.

Медленно, не в силах объяснить себе собственных предчувствий, почему он боится сделать это, Витя, наконец, перестал рассматривать все, что лежало на столиках, и поднял глаза на колдунью.

«Странно: баба Мария, без всякого сомнения - заурядная аферистка, но я... Испытываю перед ней мистический страх и... Почтение!»

«Не хочу с ней говорить!.. Уйду отсюда!» - пронеслось в его голове.

Но было поздно! Взгляд его уже был уставлен на бабу Марию.

Как он и предполагал (о том же предупреждала его «птичка», пока он еще был за дверью), смотреть на бабу Марию было тяжело...

Страшных увечий, - результата химического ожога, - скрытых под плотной вуалью, видно не было. Они лишь угадывались по тому, как с одной стороны вуаль точно бы выдавалась вперед, облекая уродливые наросты на коже, а с другой - слегка колыхалась, вдавливаясь в какие-то выжженные в лице впадины, как блестел словно спустившийся по щеке вниз левый глаз и чернело пятно мрака на месте правого, как белели под вуалью две неестественно изломанные линии зубов, торчавших наружу и не прикрытых, видимо, отсутствовавшими губами... Хотя, вполне возможно, подробности подсказаны болезненно оживившимся воображением Виктора?

Чего не могла скрыть вуаль - колдунья обладала огромным горбом. «Скорее всего, от рожденья! Это уродство к химической аварии не имеет никакого отношения!» - тут же подумал Виктор.

И еще - баба Мария отнюдь не была старухой: вуаль была как-то странно обернута вокруг ее головы, не закрывая полностью волосы: несколько их редких клоков торчали в разные стороны. Они не были седыми, и Витя мог поклясться: колдунья натуральная шатенка.

Еще до того, как хозяйка мрачной комнаты произнесла первые слова, молодой человек ощутил исходящий от ее жуткой фигуры магнетизм.

«Она как будто облучает меня чем-то! - пронеслось в голове Виктора. - Надо бежать!»

- Ну, я слушаю тебя! - бесцеремонно прохрипела колдунья.

10.

Странное ощущение возникло в этот момент у Виктора... Баба Мария - никакая не «баба», а, - он был уверен в этом, - довольно молодая, ненамного старше «птички», что осталась за своим столом за дверью, - женщина, не обладающая никаким особенным жизненным опытом. Быть может, всего-то на поколение старше, чем сам Виктор. Горбатая изувеченная инвалидка в кресле-каталке, жизнь в ней едва теплится... Он чувствовал себя так, словно не он по своей воле пришел за услугой по объявлению, а проходя, по глупости и неосторожности, мимо черного камня (в темноте колдунью на ее кресле и в самом деле была похожа на огромный мрачный валун), состоящего из какой-то невероятно плотной материи, был схвачен, словно пауком, исходящими от него волнами мощного магнетизма, притянут ближе... И вот теперь не вырваться! Все! Теперь он во власти этого камня-паука, который может делать с ним все, что захочет...

В тоске Виктор уже догадался, чего хочет паук: отвадить его от Евлампии, сказать ему про его любовь что-то ужасное, против чего ему, Вите, возразить будет нечего, с чем вынужден будет согласиться. Но он не хочет всего этого слышать!

- Нет, не желаю! Не надо мне всего этого говорить! - тихо проговорил он вслух.

- Я еще ничего не сказала, - произнесла колдунья. - Ты пришел и молчишь. Я не знаю, о чем с тобой говорить.

«А может, никакой колдуньи на самом деле нет?! - мелькнул в голове у молодого человека шальной вопрос. - Что, если я просто заснул на скамейке в сквере и все это мне просто снится?! Все, что скажет колдунья - это мои собственные мысли, а раз так - не страшно... Что бы она ни сказала, я ничего не теряю, от собственных мыслей все равно никуда не деться!»

- Я пришел вас спросить... Может ли человек... В общем, может ли молодой человек встречаться с мертвой? С покойницей...

- Ну, ты же встречаешься, - прохрипела колдунья.

Виктор про себя усмехнулся: «Пытается показать, что обладает даром, позволяющим знать тайное и видеть невидимое... А на самом деле... Тут и я мог бы догадаться: раз спрашиваю про то, можно ли встречаться, то встречаюсь. Или подозреваю, что встречаюсь!»

Колдунья на мгновение показалась Вите не опасным монстром, в чьи сети привела его какая-то враждебная ему сила, а тем, что он и предполагал встретить, шагая сюда: заурядной наглой аферисткой... Пусть теперь он видел, что она достойна жалости и снисхождения из-за несчастной доли.

- Не думай, что я поняла о том, что ты встречаешься с мертвой по твоему вопросу, - как-то особенно мрачно сказала баба Мария.

- А по чему же еще?! - с вызовом спросил Виктор.

- У меня здесь нет зеркала, а жаль! - снисходительным тоном проговорила колдунья. - Иначе я бы просто попросила тебя подойти к нему и посмотреть на себя... Даже в той темноте, что здесь царит, ты бы разглядел... И все понял. У тебя вид, как у покойника. Да и те иногда выглядят лучше. А ведь тебе еще нет тридцати...

Она замолчала.

Виктор не произносил ни слова. В эти мгновения под воздействием слов колдуньи он вдруг прислушался к собственному состоянию. При каждом вдохе и выдохе в его груди словно терлись друг о друга два листа наждачной бумаги. Чуть более резкий вдох - листы сдвинутся, воздух больше не сможет свободно попадать в легкие, начнется неудержимый кашель... Озноб, на который он уже перестал обращать внимания, настолько к нему привык, непрерывно бегал туда-сюда по позвоночнику. Слабость - ужасная...

- Хочешь знать, что с тобой будет дальше? - спокойным, будничным тоном спросила колдунья.

Виктор продолжал молчать.

- Ты просто умрешь! Все произойдет очень просто. Еще сколько-то дней ты пробегаешь, не обращая на собственное состояние внимания. А может, будешь ходить по врачам, принимать какие-нибудь таблетки, но они не помогут... А потом

в какой-то момент у тебя просто закончатся силы. В одно не очень прекрасное для тебя утро ты захочешь встать с кровати и побежать на встречу с твоей возлюбленной, но не сможешь... Потом у тебя откажут все органы, пойдет горлом кровь... Скорая, врачи, куча всяких диагнозов, попытки лечения... Все бесполезно!

«Это ложь! - думал Виктор. - Пытается меня запугать!.. Зачем? А просто так! Она же должна что-то сказать мне взамен за уплаченные деньги. Самое простое: наговорить всяких ужасов».

- И после того, как ты умрешь, она, твоя Евлампия... Нет, погоди, ее зовут не Евлампия, а... Хотя нет... Ее...

Договорить ей не удалось, потому что с Виктором, помимо его воли, вдруг начало происходить странное: у него заходили ходуном руки, ноги, затряслась голова, залязгали друг о друга зубы...

Ему показалось, что в момент, когда баба Мария назвала имя «Евлампия», которого знать, по мнению Виктора, никак не могла, в этой комнате появился третий участник разговора.

Это страшное темное существо было Смертью молодого человека. Она встала между ним и инвалидкой в кресле на колесиках. Не обращая внимания на колдунью, которая ее не интересовала, Смерть уставилась на Виктора.

Виктор и прежде, встречаясь с Евлампией, чувствовал, что дела его плохи, понимал, что при таком здоровье, с ним всякое может случиться. Но в глубине души все же был уверен: молодость его - гарантия того, что Смерти он не по зубам. Что бы ни произошло: выкарабкается, врачи, всякие там медицинские светила, как бы сильно ни приперло, в последний момент спасут... Все хуже, чем он думал, от беды не избавиться. Смерть не зря считает его своим!

- Не хочу умирать! Ты врешь! Кто тебе подсказал, как ее зовут?! Все это ложь, я не умру. Наоборот, поправлюсь. У меня просто осложнение от вирусной инфекции! Была температура, отлежался три дня, а надо было больше. Вот теперь озноб, сердце, кашель. Это пройдет, все будет нормально... - выкрикнув в голос в сторону бабы Марии первые фразы, на последних выдохся, тяжело задышал.

Потом начал душить кашель.

Позабыв про приличия, Виктор выплюнул мокроту прямо на пол. Был уверен, что там в темноте растекается кровавая розочка.

Колдунья не оскорбилась, не сделала ему замечания.

Наоборот, участливо, - изображая, что переживает за него, - произнесла:

- Только учти, если думаешь, что совершаешь подвиг во имя любви, глубоко ошибаешься. На самом деле, твоя красавица все равно скорее рано, чем поздно отправиться туда, по дороге куда ты ее остановил...

- Остановил? - Витя не понимал смысла сказанного колдуньей, но странная догадка мелькнула в его голове.

- Именно! Ведь это ты задержал ее на этом свете. Точнее, на границе между этим светом и тем, загробным. Именно с этой границы Евлампия и является к тебе на ваши встречи. Такое с покойниками чрезвычайно редко, но случается. Твой случай, можно сказать, уникальный.

- Я ничего не понимаю, - проговорил Виктор. Он был раздавлен всем, что поведала ему колдунья, явлением собственной Смерти, которая так явственно привиделась ему в этой комнате. Теперь он уже не считал бабу Марию мошенницей, не искал в ее словах обман и подвох. Он жаждал, чтобы она помогла ему. Только вот, захочет ли, ведь если колдунья все про всех знает, то ее должно было обидеть то, что он думал о ней в начале их короткой встречи. Хотя, чтобы понять, что он думает, ей не нужно было уметь читать его мысли: то, что он думал про бабу Марию, было написано у него на лице.

- Она умерла и ее душа какое-то время находилась в пограничье между жизнью и смертью. Но ты... - начала объяснять баба Мария.

Ее голос, в котором звучали какие-то зловещие оттенки, больше не смущал молодого человека. Главным для него было сейчас - не пропустить ни одного слова.

- Не знаю, что там на тебя так подействовало, ты слишком много и слишком с большой страстью как раз в этот момент о ней думал, - продолжала баба Мария.

«А ведь именно так и было! - проносилось в голове Виктора. - Когда Евланя погибла? Чуть меньше месяца назад. И вскоре после этого я гулял по берегу канала и вспоминал ее, наш разговор тогда, в последнем классе... Кажется, я думал о ней и за день до этого, и за два - в квартире у себя в комнате».

- Ее душа услышала твой призыв к ней, зацепилась за него, как за якорь. Вместо того, чтобы уйти в положенный срок в мир мертвых, туда, куда ей и дорога, душа твоей девушки, воплотившись в какое-то странное подобие плоти, осталась на этом свете. Но только учти, чтобы продолжать быть здесь, с тобой, ей нужно все время подпитываться твоей жизнью, здоровьем, забирать его. Чем дольше она находится здесь, тем меньше жизни остается в тебе.

«И это верно! Как раз с тех самых первых встреч с Евлампией и одолела меня странная хворь... Словно ослабел: температура, озноб, сердце... А теперь вот: харкаю кровью!»

- Что же делать?! - воскликнул Витя.

Он не спрашивал только про себя и для себя, он думал в эту секунду о них двоих: о нем и Евлампии!

Но колдунья сказала только про него:

- Если ты хочешь жить, ты должен как можно скорее прекратить отношения с ней.

- Как? - вырвалось у Виктора.

Он хотел сказать еще «Это невозможно, я люблю ее!», но колдунья продолжала говорить дальше.

- Да очень просто! Не встречайся с ней, не смотри на нее, избегай любых контактов с ней. Поверь, как только она лишится возможности высасывать жизнь из тебя, она очень быстро уйдет из мира живых туда, где ей больше подходит находится: в царство мертвых.

Стон вырвался из груди Виктора. Он не мог представить себе, как он своими руками погубит Евлампия.

- Мучаешься, влюбленный молодой человек?!.. - со злостью в голосе прохрипела колдунья (Все-таки он не нравился ей, обиделась, конечно же, на то, что с самого начала он был уверен, что она - мошенница). - А зря. Даже если ты вознамеришься принести себя в жертву покойнице, ты ненадолго удержишь ее на этом свете. Потому что ты умрешь сам, и следом, - она же при этом лишится того, из кого она высасывала жизнь, - твоя Евлампия отправится в мир мертвых следом за тобой. И там вы встретитесь... Но может быть, ты именно этого и добиваешься?

Опять Виктор почувствовал, что где-то совсем рядом, - быть может, у него за спиной, - стоит его собственная, исчезнувшая было, Смерть.

От отчаяния он не мог говорить и лишь отрицательно повертел головой.

- Нет, умирать я не хочу... Кто же хочет?!.. Были какие-то мысли, но так... Скорее от усталости, - признался он колдунье. - Я люблю, но я хочу жить! Я ведь еще... Я только начал... Сколько мне лет?!.. Хочу остаться на этом свете!.. А там... - он как-то неопределенно махнул рукой. - Кто же знает, что там на самом деле, на этом другом свете?..

Оба замолчали.

Потом баба Мария проговорила:

- Если бы ты сейчас себя видел... Ты, пока сидишь здесь, слушаешь меня, постарел лет на пятнадцать. И стал совсем, как я! Я не про горб говорю, не бойся... - что-то такое сочувственное было теперь в ее тоне. Кажется, она больше не него не злилась.

- Да мне уже все равно... Кровью харкаю! - горько проговорил Виктор. - Какие там пятнадцать... Говорят, я уже почти готовый мертвец. И то, мертвецы, бывает лучше выглядят...

- Это правда, - согласилась баба Мария. - Особенно твоя красавица. Она после встреч с тобой просто-таки цветет!.. Смотри, может еще какого жениха на этом свете подцепит. Ревновать будешь!

Колдунья осклабилась жуткой кривой ухмылкой.

- Нет, не подцепит, - печально ответил Виктор. - Она меня любит!

Слова про «любовь» неожиданно привели колдунью в ярость:

- Идиот! Не любит она тебя, а пользуется тобой! Хочешь жить, тогда вот тебе мой сказ: больше с ней не встречайся! А сейчас - пошел вон! - заорала она и, схватив с маленького столика какой-то пузырек, швырнула его в Виктора.

Увернувшись, тот вскочил с дивана и опрометью бросился из комнаты.

11.

Пришел в себя Виктор уже на улице. Не помнил, как пролетел мимо «птички», как пробежал коридор офисного центра и мимо турникетов охраны - за двери.

В висках стучало: бабу Марию никто не любит, поэтому мысль о том, что есть влюбленные люди, которые пользуются взаимностью, приводит ее в бешенство.

Он зашагал помедленнее и вдруг понял, что странным образом самочувствие его радикально улучшилось: не было озноба, сердце бодро стучало в груди. Он намеренно кашлянул, пытаясь спровоцировать приступ и харкнуть кровью, но как не старался - не мог. В легких ничего не болело, не хрипело...

«С чего бы такое улучшение?!» - недоумевал он.

И вдруг все себе объяснил: обитательница темной комнаты пыталась *развести* его с девушкой и, отчасти, особенно ощутив близость собственной смерти, он дрогнул... Значит, больше не подпитывал своим здоровьем возлюбленную...

«Что мне со всем этим делать?!» - мучился Виктор, но ноги неумолимо несли его к каналу, к «их» скамейке.

Уже когда стали видны здания, стоявшие на противоположной от «Чаяк» стороне проспекта, а над их последними этажами - возвышавшиеся над всем районом чайкинские башни, Витя опять почувствовал себя плохо. Его принялся колотить озноб, потом начались приступы кашля.

В какой-то момент был вынужден остановиться. Долго кашлял, потом сплюнул на асфальт кровавую розочку. Пошел дальше, но тут стала охватывать та особая немочь, которую ни с чем не спутаешь и от которой Витя мгновенно впадал в панику - сердце! Что-то не так было в его ритмах, сокращениях и расслаблениях, во всех этих клапанах, желудочках и предсердиях...

И раньше бывало плохо, но, засбоив, сердце очень быстро вновь принималось трудиться, как надо. Стоило немного потерпеть, пройти еще какой-нибудь десяток метров и отпускало... Теперь же Витя делал шаг за шагом, истекала минута за минутой, а ему становилось только хуже.

«Евлампия где-то здесь! - догадался он. - Неужели зависимость такая примитивная: как только удаляюсь от нее, становится легче, приближаюсь - хуже... Впускаю ее в свои мысли, в сердце - оно начинает трепыхаться, как раненая чайка?!»

«Ничего, сейчас станет легче! - попытался успокоить себя он. - Так уже не раз бывало: казалось - все, вот-вот умру, а через

минуту приступ проходил, от сердечной слабости не оставалось и следа...»

Но он очень медленно, опасаясь упасть, шел к подземному переходу через проспект, - вон уже видны уходившие вниз выложенные плиткой ступени, на другой стороне вздымались вверх башни «Чаек», - а легче не становилось.

Наоборот, едва оказался на ступенях, сердце как будто принялось останавливаться. Во всяком случае, ему так показалось.

Витя испытал ужас.

«Что же это?! Неужели, в самом деле, как предсказала колдунья, конец?! Не успел дойти от ее логова до Сашкиной квартиры...»

Виктор сделал пару неуверенных шагов к стене и ухватился за блестящие металлические перила. Если бы он не сделал этого, то непременно потерял бы равновесие и упал.

12.

Кое-как, держась за стеночку, Витя перебрался на другую сторону проспекта. Становилось то чуть лучше, то еще хуже. В глазах несколько раз темнело.

Ему показалось, - быть может, только померещилось, что какой-то человек, - не различил, был ли это мужчина или женщина, - прошел по переходу мимо него, но не остановился.

Все принимали его за пьяного, а, вернее всего, учитывая его «могильную» внешность, за дошедшего до ручки и проживающего свои последние дни на этом свете наркомана.

Он ждал - приступ пройдет, но, когда выбрался на поверхность, стало лишь немного легче.

«Вызвать скорую сейчас, пока еще что-то соображаю... Пусть сделают что-нибудь, увозят в реанимацию! Не хочу умирать!» - проносились в голове панические мысли.

Прошел еще какое-то расстояние, осторожно вытаскивая из кармана джинсов смартфон. Боялся, что не удержит его в дрожавших от усилившегося могильного озноба руках, смартфон выскользнет, упадет, разобьется.

Когда, наконец, достал его, с отчаянием обнаружил: батарея села, смартфон выключился и включаться не хочет.

Витя поднял голову, ища кого-то, кого можно попросить вызвать скорую, и тут взгляд его случайно скользнул по «их» скамье, которую уже можно было хорошо различить, с того места, где он сейчас был.

Евлампия! Она сидела в своем вечном голубеньком платице (том самом, про которое Сашка сказал, что оно истлело в могиле и висит лохмотьями), прямая с расправленными плечами и гордо поднятой головой, руками, сложенными на коленях, и смотрела в его сторону.

Их разделяло значительное расстояние, но в том, что она заметила его, Виктор не сомневался.

Тут же все городские звуки, - рокот автомобилей на проспекте, доносившийся откуда-то визг электрической пилы по металлу, - вдруг принялись стремительно гаснуть. А вместо них появился какой-то странный звон, который с каждой секундой усиливался, заполнял уши, мозг.

Виктор догадался: сейчас потеряет сознание.

«Это объяснимо: Евлания вытягивает из меня жизненные силы. До тех пор, пока нас разделяло некое расстояние, мне было плохо, но я кое-как шел. Но вот она совсем рядом, в минуте или двух ходьбы, и все!» - мелькнуло у него в голове.

Он зашатался, в глазах потемнело...

«Когда я упаду, Евлампия исчезнет, как будто ее и не было на скамейке в сквере!» - успел подумать Витя прежде, чем свет окончательно померк, а мысли исчезли, словно кто-то выключил их, щелкнув переключателем.

Должно быть, сознание его померкло на какую-то долю секунды, потому что когда очнулся, - стоял на прежнем месте... В первое мгновение не мог понять, что произошло и где находится. Но тут же все вспомнил.

Что-то было у него в руках... Ах, да, смартфон! И экран его горит. Значит, дивайс, пока он не него не смотрел, каким-то образом включился!..

В ушах отчаянно звенело. Сможет ли он идти? Но куда ему идти?! К Евлампии?! Если ему так плохо еще когда он только увидел ее издалека, то что же будет, когда они встретятся?!..

Все же он сделал шаг в сторону девушки. Мгновенно у него закружилась голова, к горлу подкатила тошнота, как будто только что кружился на какой-то дьявольской карусели и его укачало...

Отчаянным усилием воли Витя подавил тошноту, заставил мир вокруг перестать кружиться. Но чувствовал - это ненадолго. Ему было невероятно плохо!

«Нет, сейчас не до свиданий с Евланей!» - мелькнуло у него в голове. Если колдунья права, то теперь, стоит им с девушкой встретится, Витя наверняка просто умрет.

Он чувствовал: сердце у него норовит остановиться уже теперь.

Если не умрет, то единственное, на что сейчас способен - добраться до «их» скамейки, повалиться на нее, может быть, даже лечь и ждать, когда станет лучше... А может, просто вызвать врачей?!..

Что это будет за свидание?!

Бросив взгляд в сторону девушки, с ужасом обнаружил, что она встала со скамьи и медленно идет к нему.

Вдруг содержимое его желудка толкнулось наружу. «Что это?! Вроде ничего особенного не ел, чтобы отравиться!»

Не хватало еще, чтобы его вырвало прямо у нее на глазах.

Он посмотрел на стилобат «Чаек» - там есть сквозные проходы. Если хватит сил, по ним сможет, разминувшись с Евлампией, добраться до Сашкиного подъезда. Может, друг уже дома?..

Если не хватит сил, в галереях стилобата много укромных мест - можно привалиться спиной к стене, перевести дух...

Он медленно двинулся в сторону зиявшего в стилобате между двумя башнями черного прохода.

Не успел сделать и пяти шагов, в ушах зазвенело сильнее, в глазах опять начало темнеть.

Теперь ему было не до Евлампии, хотя она, видя его и, понимая, что он тоже заметил ее, сейчас, наверняка, недоумевает - почему он пошел не к ней навстречу, а куда-то вбок... Виктор думал только о том, чтобы не грохнуться на асфальт, не умереть прямо сейчас.

Ему было отчаянно плохо!

13.

Он был уверен, что жить ему осталось совсем немного, может быть, меньше минуты. Двигался больше от того, что не хотел, чтобы возлюбленная увидела его в таком состоянии...

«Хотя, она же все знает, понимает, что иначе и быть не может - сама высосала из меня все соки!.. А может, колдунья врет и это все ерунда!»

Невероятно, но как только Виктор оказался в одном из проходов в стилобате «Чаек», звон в ушах начал стремительно стихать, сердце забилося увереннее... Тошнота исчезла.

«Невероятно! - он обернулся - Евлампии позади него не было. - Как только я ушел от нее, сразу стало легче!..»

Он остановился. Нет, и в самом деле его самочувствие стремительно улучшалось!.. Еще раз обернувшись и никого за спиной не увидев, он прошел вперед, а потом завернул в узкий проход между кирпичными стенками. Здесь для Евлампии, если она появится под стилобатом, он будет незаметен. Он же, притаившись у стены, увидит, как она будет проходить мимо...

«Но скорее всего я пойму, что она рядом, по самочувствию - сразу станет хуже!» - с тоской подумал молодой человек.

Прошла минута, другая, третья - девушка не появлялась. Но Виктор сейчас думал не столько о ней, сколько о собственном здоровье: не повторится ли ужасное состояние?! Может, передышка - временная?

Вдруг смартфон, который он по-прежнему сжимал в руке и про который совсем забыл, заиграл мелодию - кто-то звонил ему.

Виктор посмотрел на экран: «Номер не определен».

«Странно!» - недоброе предчувствие охватило его. Но сердце его продолжало уверенно биться, даже извечный озноб, кажется, почти прошел.

Он ответил.

- Витя, что случилось?

Это был ее голос!

- Ты увидел меня и пошел в другую сторону... Я так ждала тебя! - что-то болезненное, истерическое чудилось ему в тоне, которым она говорила. - Я думала, мы опять пойдем к тебе! Я хочу... Мне... Наверное, неприлично девушке в этом признаваться, но мне было... Витя, что происходит?! - выкрикнула она. - Витя, милый...

- Евлания, милая... Я... Понимаешь... - руки у него затряслись, он чуть было не выронил телефон. Во всем теле появилась какая-то странная слабость и опять зазвенело в ушах, так что, кажется, он сейчас не расслышит того, что она станет говорить. - Сегодня я не могу встретиться... Пойми...

Он думал, что она что-то скажет, но в трубке раздались короткие гудки.

Он прислонился спиной к стене, опустил руку с телефоном.

В голове не было ни одной мысли, кроме осознания того, что он совершил что-то непоправимое, чудовищное...

«Что я наделал?!»

Вдруг он понял, что прекрасно себя чувствует: потряс рукой, подрыгал ногой, присел, встал, вдохнул, выдохнул... Да ему стометровку сейчас можно бежать!

«Зачем я послушал эту чертову бабу Марию?! Два раза за один день я, видя Евлампия, увильнул от встречи с ней! Я обидел ее! Ее, больную, нервную девушку, которой врачи запретили пользоваться смартфоном! Я довел ее!»

Виктора охватила паника.

Он быстро вышел из своего укрытия и торопливо пошел по проходу через стилобат обратно - в сторону того места, где он увидел сидящую на скамейке Евлампия.

Обойдя стилобат, оказался к скверу даже ближе, чем был до этого, но Евлампии ни на скамейке, ни возле не было.

Витя побежал к скверу, влетев в него остановился, осмотрелся: девушки нигде не было.

«Что я наделал!» Его охватила тоска. Разом вспомнил все: их встречи, ее ласковые руки, слова, которые она ему говорила, ее нежный голос, счастье, которое испытывал рядом с ней, подробности недавней ночи... Сейчас он прекрасно себя чувствовал, прошло все - озноб, кашель, звон в ушах, сердечная недостаточность, - но теперь не было ее!

«Евлания! Приди!» - молил он, крутясь на одном месте, глядя по сторонам, надеясь, что вот сейчас, наконец, увидит ее...

Все напрасно...

Виктор в голос зарыдал. «Если ты смотришь сейчас откуда-то из укрытия на меня, увидь, как это бесчеловечно, как я страдаю, как мне плохо! Не будь жестока, пожалей меня, приди!» - заклинал он сквозь слезы и хриплые стоны отчаяния. Он выл, как раненый зверь!

Даже если бы сейчас она возникла перед ним и сказала: «Я мертвая и ты тоже скоро умрешь!» он бы без страха и

сожалений ответил: «Пусть так, только не оставляй меня больше одного! Никогда!»

14.

Утро следующего дня Виктор встретил на кровати в Сашкиной квартире. Первое, что пришло в голову, когда окончательно проснулся, сбросив с себя старенькое шерстяное одеяльце (спал по привычке последних дней в одежде), сел, опустив ноги с кровати на пол: как же хорошо он себя чувствует!

Ничего не болело. Он вдохнул полной грудью воздух, выдохнул... Не закашлялся. Хрипов в легких не было.

Не знобило, - озноб начал уменьшаться еще вчера, сегодня утром его не было вовсе.

Виктор нащупал пульс, измерил с помощью секундомера в смартфоне частоту: шестьдесят пять... Вполне в норме! Удары ровные, сильные, от той чудовищной слабости, что наводила на него ужас накануне, когда двигался от подземного перехода к стилобату «Чаяк», осталось одно воспоминание.

Ему захотелось посмотреть на себя в зеркало. Был уверен: выглядит не так ужасно, как накануне... Прошел в коридор. В квартире - полная тишина (Сашки нет?). Щелкнул выключателем, подошел к зеркалу в ванной.

Вгляделся в собственное отражение... Да ведь он и в самом деле сегодня неплохо выглядит! Куда-то подевались землистый оттенок кожи, огромные, в пол-лица синяки под глазами, болезненный блеск глаз. На щеках даже как будто возник румянец!

Пораженный переменами, продолжая прислушиваться к собственному состоянию, Виктор вышел из ванной, выключил свет и направился на кухню, туда, где должен быть Сашка.

Накануне, напрасно прождав Евлампия на скамейке минут сорок или даже целый час Виктор, словно выполняя уже привычный ритуал, отправился искать девушку в парк.

Он был на все сто процентов уверен: сегодня она не придет к нему. Сколько бы ни бродил по округе, встреча не состоится. Зато завтра... К тому моменту, когда он выйдет из подъезда, Евлампия уже будет поджидать его на «их» скамейке.

«Она нарочно мучает меня, истязает... - со смесью тоски и обиды на девушку думал Виктор. - Конечно, в ее представлении я должен быть наказан за то, что не бросился ей навстречу, а свернул в сторону «Чаяк», потом, когда она звонила, отказался увидеться с ней...»

О том, что Евлампия, у которой, кажется, и телефона-то при себе никогда не было, вдруг позвонила ему, да еще с какого-то засекреченного номера, Виктор не думал... Он слишком устал,

чтобы разбирать версии того, что происходит, обдумывать события! Было ясно одно: без Евлани ему не жить! Скорее всего, с ней он тоже протянет совсем недолго - приступ, накативший на него вчера и так же неожиданно прошедший, легко может закончиться смертью... Выхода не было! Никакого!

Самоубийство от тоски, смерть от сердечного приступа, кровохаркания... Он обложен бедами со всех сторон, но смерть в обществе девушки будет по крайней мере сладкой!

Теперь же ему оставалось одно - наматывать километры, бессмысленно блуждая по огромному парку, забредая в его самые дальние, безлюдные уголки.

Пока изнурял себя бесконечной ходьбой, пока была надежда на очередной поляне наткнуться на как будто случайно оказавшуюся там Евлампию, душевная мука переносилась легче.

Пробродив по парку до наступления сумерек, - часа полтора или два он провел в «их» кафе - поел там без аппетита, выпил кофе, - Виктор вернулся к «Чайкам». К его удивлению, на скамье, на которой привык видеть Евлампию, сидел Сашка.

Едва Витя подошел к нему, одноклассник тут же вскочил, радостно заговорил заплетавшимся языком:

- Витька, я сижу, думаю, придешь ты или нет?! Чемодан вроде твой там должен быть, но вдруг... Может ты съехал... Как хорошо, что ты пришел! Я без тебя боюсь в квартиру идти! Где ты болтался?.. Ну, пойдем скорее, а то что-то...

Одноклассник успел где-то набраться... Не говоря ни слова, Виктор, - после многочасового блуждания по парку чувствовал себя измученным, - двинулся к подъезду, Сашка, пошатываясь, топал сзади.

Молча вошли в подъезд, поднялись на этаж, открыв дверь одноклассник пропустил его в квартиру.

Витя разулся, прошел в комнату, уселся на отведенную ему кровать, взглянул на свой стоявший у стены чемодан, повалился на бок и мгновенно уснул...

15.

На кухне на столе лежали оставленные Сашкой ключи от квартиры, - старался сделать все, чтобы Витя пожил у него как можно дольше.

«Что ж, это мне на руку!» - подумал Виктор, открывая холодильник.

На полках ничего не было. От их вида молодой человек сильнее ощутил проснувшийся вместе с улучшением самочувствия голод.

Он отодвинул от стола стул, сел. Задумался...

Тоски по Евлампии не было, вернее, была, но не такая отчаянная, как накануне. Вчера он был готов встретиться с ней несмотря ни на что, даже, если бы знал, что во время свидания обязательно умрет... Сегодня - другое дело.

То, что ему физически неожиданно стало лучше, поразило его! Он наслаждался давно забытым состоянием, в котором не бегают по позвоночнику противная ледяная змейка, не хрипит что-то в легких, не начинает вдруг останавливаться сердце...

Виктор вернулся в ванную комнату, долго смотрел на себя в зеркало - было приятно посмотреть на себя - молодого человека с неким подобием румянца на щеках, а не покойника с запавшими глазами...

«Как это здорово - просто быть живым и здоровым!» - пронеслось у него в голове, когда выходил из ванной.

Но как долго эта мысль сможет подпитывать его хорошее настроение?! Какое-то время, наверное, сможет, но дальше, - Витя был в этом уверен, - может быть даже через час, может быть раньше, придет смертельная тоска, несмотря ни на что захочется видеть Евлампия, он опять придет в то же самое состояние, в каком накануне бродил по парку...

И тут он вдруг подумал:

«Пусть так, пусть мука странной любви неизбежна, неотвратима, но накануне, отказавшись от встречи с Евланей, я приобрел себе это утро и, кто знает, может быть в самом прямом смысле продлил себе жизнь!.. Куда она меня звала вчера, опять в старый дом?! Да я бы точно умер там!»

Смартфон, который всю ночь был у него в кармане, зазвонил...

Не без страха: если это Евлампия, то прощай хорошее самочувствие - вернется и сердечная недостаточность, и харканье кровью, и озноб, - взглянул на экран.

Обычный городской номер...

Он ответил.

16.

- Здравствуйте, вы были у нас вчера... Помните?.. Я помощница бабы Марии...

Она могла не представляться. С первых же слов Виктор узнал встреченную накануне в офисе колдуньи «птичку».

- Баба Мария хочет сказать вам кое-что...

Не успел молодой человек произнести хоть слово, в динамике смартфона заиграла мелодия ожидания.

Через полминуты мелодия смолкла, и он услышал надтреснутый голос горбуньи:

- Послушай, тут мне пришло в голову, что я не сказала тебе вчера, когда ты был у меня, одну вещь... Я думаю, тебе важно это знать...

- Что? Какую вещь? - еще не зная, о чем идет речь, он уже чувствовал, как тоскливо засосало где-то под ребрами.

- Не вещь, а так... Рассуждение... - колдунья сделала небольшую паузу, потом продолжила:

- Если предположить, что есть что-то, что может вернуть твою ненаглядную красавицу к жизни, какая-то кнопка... То,

когда она будет нажата, ожив, Евлампия вновь станет той девушкой, которую ты знал, когда учился с ней в школе... Она ведь была мелочная, злобная, с примитивными интересами... Такими, знаешь, как это говорится, материальными интересами... Это ты - как это... Романтик! Живешь чувствами!.. Для тебя важны эмоции - захлестнули они тебя, и все, готов жертвовать собой! А она никогда не была склонна ни к какому самопожертвованию. Она просто воспользовалась твоим, как бы это назвать, очень настойчивым приглашением задержаться на этом свете... Ты оказался ей выгоден. Если бы этого не было, она бы не стала обращать на тебя внимание... К чему я все это говорю... Не думай, что если ты перестанешь с ней видеться, ты совершишь... Как это назвать... Предательство вашей любви! Нет!.. Вашего тут очень мало, зато очень много твоего... А это, мне кажется, несправедливо: если уж бросать на кон собственную жизнь, то обоим, а не так, знаешь, что ты, Витя, брось, а я, если доведется, еще подумаю - так уж ли мне выгодно с тобой встречаться... Та ли ты партия, которая мне подходит, та ли у тебя квартира, которая должна быть у моего жениха, та ли у тебя мама, которая может понравиться моей маме... Всего-то раз преодолей себя и тут же почувствуешь, что тебе стало значительно легче... Как только она перестанет высасывать из тебя все силы, ты тут же пойдешь на поправку!..

Раздражение и злоба вдруг охватили Виктора.

Еще не отдавая себя отчета, почему так делает, Витя, воскликнув «Мерзкая каракатица!», отнял смартфон от уха и с силой, так, что кажется, еще чуть-чуть, и стекло телефона треснет, надавил на кнопку отбоя.

Грудь его часто вздымалась, ему не хватало воздуха, сделав резкий шаг к окну, он распахнул форточку. Приблизив к ней лицо, сделал, пытаясь успокоиться, глубокий вдох, медленно выдохнул, еще глубокий вдох, еще...

«Что я так вспылел?»

Он посмотрел на экран смартфона: слышала ли баба Мария, как он ее назвал или соединение разорвалось секундой раньше?.. Учитывая способности колдуньи - он ей не представлялся, но она не только знала, как его зовут, но и подробности его школьных взаимоотношений с Евлампией, то, что ее матери, да и ей самой, конечно, он не казался выгодной партией, - с бабой Марией портить отношения было рискованно.

«Еще проклянет как-нибудь!» - подумал Виктор.

Дыхание его успокоилось. Он закрыл форточку.

«Я вышел из себя, потому что колдунья сказала правду, о которой я догадывался, но о которой старался не думать - Евлания, и в самом деле, пока была жива, оставалась именно той Евлампией, с которой я столкнулся тем школьным днем возле вот этого дома, в котором я сейчас нахожусь. И если бы я не был готов отдать все в этой жизни за возможность встречаться с ней... При том, что она, будь и в самом деле жива, не то, что не пожертвовала собственной жизнью ради отношений, но и не отказалась бы от какой-нибудь малой части комфорта...»

Он опять зашел в ванную комнату, взглянул на свое отражение в зеркале...

- Да, - проговорил он с горечью вслух, обращаясь к себе-отраженному. - бабе Марии все-таки удалось посеять в твоей душе тень сомнения!.. Ты задумался, о том, как на самом деле «твоя красавица», как она ее назвала, к тебе относится...

Он вышел из ванной, выключил свет и вернулся на кухню. Устало опустившись на стул, поставил локоть на стол, подпер голову рукой, призадумался...

«То, что колдунья заставила меня засомневаться - не единственный итог вчерашнего дня... И, что важнее - не главный. Главное, я ощутил рядом с собой собственную Смерть. И она, несмотря на то что прежде я очень заносчиво бравировал презрением к ней, стоило ей приблизиться ко мне, возникнуть в комнате колдуньи третьим участником разговора, черным силуэтом, вызвала во мне ужас!.. Я страшусь смерти, не готов к ней!.. Но и без Евлампии тоже не могу. Да и «красавица моя», если верить колдунье, тоже без меня не может. Только по другой причине: помогаю ей задержаться на этом свете... Правда, вот вчера я этого не сделал. Нанес «моей красавице» удар... Зато сам сегодня утром, по сравнению с тем, что было, выгляжу просто-таки отлично».

Тут в голове его возникла гипотеза, которая уже минут десять крутилась где-то в подсознании и только сейчас стала мыслью:

«А что, если старуха врет... Врет с начала и до конца. И никакая она не колдунья, а просто я - доверчивый дурак и эта баба Мария - аферистка, которая просто этим воспользовалась. Что, если Евлампия вообще не мертва, а просто - жертва злокозненной матери, которой для чего-то надо представить ее мертвой?!»

То, что давнишнее собственное предположение теперь отнюдь не показалось ему глупым, поразило его.

«Но как тогда быть с ночью в несуществующем разрушенном доме?..» - спросил он себя.

«А ты уверен, что все это не привиделось тебе?! - ответил он себе вопросом на вопрос. - Точно ли ты вменяем, не страдаешь какими-нибудь галлюцинациями, не принимаешь плоды работы собственного нездорового воображения за то, что происходит в действительности?! Вот хотя бы сейчас: сегодня утром ты хорошо себя чувствуешь, прошли синяки под глазами. Как долго продлится это «хорошее» состояние, чем оно вызвано - неизвестно. Но ты уже убедил себя, что это якобы результат отказа от встречи с Евланей, она перестала вытягивать из тебя жизненные силы! Да это же болезненный бред человека, тронувшегося умом задолго до встречи с Евлампией!»

И в самом деле: все последнее время он вынужден был испытывать тяжкие, серьезные переживания. Обвинение в растрате... От такого и у нормального человека может разрушиться психика! А ведь он, Витя, вовсе не нормален:

психологические травмы, перенесенные в детстве, нынешняя тоска по старому дому...

«Вот, кстати, странная связь: тосковал по старому дому, а потом Евлампия привела его в этот же несуществующий дом. Что, если бред - продолжение прежних болезненных переживаний?!»

Но как проверить, что правда, а что ложь?.. Быть может, и ужасное его самочувствие, которое, по словам колдуньи, якобы связано с тем, что мертвая Евлания высасывает из него соки, на самом деле - обычный результат истощения организма, последствие жутких стрессов, непролеченной болезни, вызванной неведомым вирусом?! Быть может, встречается он с девушкой, не встречается - никакого значения для его самочувствия не имеет.

«Я должен проявить волю, - решил он вроде бы вдруг, но на самом деле идея эта перед этим тоже долго вертелась в его подсознании. - Расстаться с Евлампией, как советует мне баба Мария, я не хочу, да и, это понятно, не смогу. Меня все равно, что бы не происходило, как бы плохо я себя не чувствовал, в какой-то момент неудержимо потянет к ней... Но прекратить видеться с ней на какое-то время, сделать в наших отношениях паузу и посмотреть - что будет, не прояснятся ли каким-нибудь образом тайны? - мне, хоть и не просто, но по силам. Если Евлампия - не покойница, она, что бы ни происходило... К тому же, как вчера выяснилось, она знает мой телефон и каким-то образом, хотя мобильного я у нее никогда не видел, может мне позвонить... Так что, она через какое-то время должна меня найти и, надеюсь, что-то, если не все, объяснить!»

С этими мыслями Витя начал одеваться: хотелось есть, а холодильник в Сашкиной квартире - пуст. Молодой человек решил сходить в магазин на другой стороне проспекта, купить продукты. Потом позавтракать и заняться поиском сдающейся где-нибудь поблизости квартиры.

«Помимо обвинений в растрате, помимо любви к покойнице еще существует болезненная привязанность к старым местам, которую преодолеть мне так и не удалось!» - усмехнулся сам себе он.

Виктор был уверен: через какое-то время накатит жестокая тоска по Евлампии, но пока он только недавно встал, был отдохнувшим, в его душе царил оптимизм и ему казалось, что усилием воли он сможет осуществить задуманный план.

17.

Открыв дверь подъезда, Виктор, сразу посмотрел в сторону сквера, но обзор почти сразу загородил медленно проезжавший мимо дома грузовичок с высоким кузовом.

Когда он проехал, Витин взгляд упал на сидевшую на скамье Евлампия.

Он тут же отвел глаза.

«Вот так!.. Надо было сразу догадаться, что она будет поджидать меня именно здесь и с самого утра и как-то подготовиться к этому!.. Грузовик... Пока он загораживал меня, мог бегом улизнуть куда-нибудь... Хотя... Как это глупо!» - он замедлил шаг и опять посмотрел в сторону скамейки.

Евланя успела встать с нее и быстро шла ему наперерез.

Витя прошел еще несколько шагов, и, осознав, наконец, что ведет себя ужасно глупо, остановился и повернулся к девушке.

Она подошла к нему.

- Витя...

Ему показалось, что она запыхалась. Во всяком случае, она тяжело дышала.

«Разве у покойников от быстрой ходьбы может сбиться дыхание?!»

Он вдруг показался себе чудовищным идиотом: «Ну какие покойники?!..» Она просто больна, и сама ему об этом раньше рассказывала. Как и накануне, он вдруг понял, что стал жертвой какого-то чудовищного обмана. Но не со стороны Евлани, - эта девушка - просто больна, она попала в лапы мошенников, которым отчего-то выгодно представить ее умершей (наверное, чтобы забрать ее квартиру или... Да мало ли что может быть?! Витя ни черта не знает про ее семью, какие там могут быть «спрятанные в шкафу скелеты»!) - а со стороны тех, кто каждый по-своему получает выгоду от этой ситуации: мать Евлани - квартиру или что-то еще, баба Мария - деньги за якобы «провидческие» советы...

Он остановился... Без всякого сомнения, взгляд, которым он сейчас смотрел на нее, был полон любви. И она увидела это...

Ласково улыбнувшись, Евлампия проговорила:

- Куда идешь? А я вот тебя жду, думаю, может, погуляем? Или вон на скамеечке нашей посидим. Погода хорошая... - она кивнула в сторону скамеечки.

На мгновение Виктор позабыл все: и то, как умирая брел вчера к «Чайкам» от подземного перехода, не зная, вызвать скорую сразу или чуть позже, и разговор в мрачной комнате бабы Марии, и то, как стоял перед зеркалом, радуясь, что стал выглядеть лучше... Все в нем перевернулось с ног на голову при виде красивой девушки. Он ощущал ее запах, - такой родной и знакомый, - видел ее глаза, смотревшие на него так же влюбленно, как его на нее.

Какие мысли и желания могли возникнуть в душе в этот момент?!

Только жарко обнять ее, зарыться лицом в ее волосы, начать целовать... Он дернулся к ней, она сделала маленький шагжок навстречу, раскрывая объятия...

«Либо я выполню сейчас задуманное, либо мне останется одно - гибнуть, ни черта не понимая, что происходит со мной и вокруг меня!» - пронеслось в его голове в последнюю секунду, уже тогда, когда руки его сами собой принялись подниматься

вверх, чтобы взять Евлампия за талию, за плечи, резким и сильным движением притянуть к себе...

Чудовищным усилием воли справился с собой, руки опустились.

- Евлания, я не могу сейчас... - сдавленно прохрипел он.

Девушка с нескрываемым удивлением и даже страхом смотрела на него.

- Что?.. - слабым голосом произнесла она, точно хотела убедиться, что он ей не мерещится.

«Дурной я актер! - в отчаянии подумал он. - И спектакль разыгрываю провальный!»

У него не было сомнений: от Евлампии не укрылось, что его первым и естественным порывом было броситься к ней, но потом он «опомнился» - припомнил какие-то собственные соображения, которые были ей неизвестны, и тотчас заговорил про то, что «не может».

- У меня проблемы, нужно решить один вопрос, - несмотря на несшиеся в его голове мысли, продолжал Виктор. - Потом, когда я все сделаю, я обязательно встречусь с тобой, но только не сейчас...

- А я думала, что может быть сейчас...

Она сделала шаг к нему. Витя понял, что в следующее мгновение девушка возьмет его за руку. Если бы это произошло - он бы не выдержал... Виктор сделал шаг к арке, как будто торопился и не мог дольше стоять здесь, на краю тротуара с Евлампией. Как это было невыносимо!.. Он был себе противен!

- Нет, не сейчас точно, - сдавленным голосом проговорил он. - Сейчас я пойду по своим делам.

Разговор надо было срочно заканчивать и идти в арку под стилобат. Но Евлампия не отпускала его:

- Хорошо, тогда может быть через час, через два? После того, как ты освободишься...

- Нет, я не смогу ни через час, ни через два... - произнес он гораздо спокойнее и увереннее, чем прежде.

Что-то в ее настойчивости показалось ему странным, таким же неестественным, как и его собственные речи. Ведь Евлания даже не поинтересовалась, какие у него проблемы и что за вопрос он должен решить.

- Ну, тогда через три, я приду сюда, на скамейку, и мы встретимся! - продолжала она как будто даже с каким-то упрямством.

- Нет, и через три часа ничего не получится, - уже твердо и тоже с неожиданно пробудившимся в нем упрямством произнес он.

Его обижало и злило, что она просто хочет добиться от него согласия на встречу, не пытается узнать, что у него на душе, почему он так себя повел.

Словно ей это совершенно неинтересно. Ведь главное - что он не хочет встретиться с ней, а все остальное - второстепенно...

- А вечером? - она с нескрываемым сарказмом улыбалась.

- И вечером тоже нет... - мрачно ответил он.

В нем вдруг начало стремительно накапливаться раздражение. То ли на себя за то, что так бездарно выполняет свой утренний план, то ли на Евлампия - за то, что, видя - происходит что-то не то, она не попыталась завести с ним какой-то душевный разговор, а начала «улыбочки»...

- Тогда что же... Завтра? - девушка опять саркастически улыбнулась, показывая, что хотя она и спрашивает, ответ-то ей, на самом деле, заранее известен.

- Не знаю, смогу ли я завтра... - проговорил он негромко и тут же, не выдержав нервного напряжения, воскликнул:

- Евлания, что мы тут с тобой ломаем какую-то странную комедию! Я же тебе говорю - я не могу сейчас гулять с тобой. У меня проблемы, они ведь с каждым могут случиться! Ничего обидного для тебя в том, что так получилось - нет!

Раздражение и даже злость на девушку - все это отразилось в его тоне.

Саркастическая улыбка мгновенно слетела с лица Евлампия.

Витя про себя возликовал: в его раздраженном тоне было то, что напрочь отсутствовало в прежнем невнятном разговоре - искренность! И она подействовала на Евланию!

«Сейчас добьюсь от нее какой-нибудь ясности!» - пронеслось у него в голове.

- Дай мне свой номер телефона! - начал напирать он. - Ты же звонила мне уже! Я наберу тебе сегодня. Может быть, уже даже через час, поговорим... Мне иногда так хочется с тобой посоветоваться. Тем более, сейчас... Но как?... Номера-то я не знаю. Вчера, когда ты мне звонила, он не определился. Какой-то глюк...

Он вытащил из кармана смартфон, ткнув пару раз пальцем по экрану, открыл адресную книгу, приготовился записывать:

- Как только решу все свои проблемы, тут же наберу! Диктуй!..

Лицо Евлампия исказил страх. В этот момент мрачная догадка мелькнула в голове молодого человека: «Страх этот вызван тем, что она поняла, что я тоже *все понял*, во всяком случае - *догадываюсь*... Но, значит, догадки - верны!»

Он впился в нее взглядом.

- Ты же знаешь, мне нельзя пользоваться телефоном, - проговорила Евлания. Зябко поежилась, взяла себя за локти, точно ее знобило и она пыталась согреться.

- Зачем ты нарочно подталкиваешь меня к тому, из-за чего мне может быть плохо!.. - плаксиво, тоном, которого он никогда прежде от нее не слышал, воскликнула девушка.

- Брось! Что за ерунда! - напористо воскликнул он. - Все это - какие-то сказки, что я тебя подталкиваю. Ты сама позвонила мне вчера! И в тот момент я тебя ни к чему не подталкивал... И что в итоге я понимаю: телефон у тебя есть, но мне позвонить тебе на него нельзя... Даже изредка!.. Евлания, это какая-то ерунда! К чему все эти сложности?! Или, может, я чего-то не понимаю?!

Лицо ее вдруг стало злым. Впервые за все то время, которое прошло с того памятного дня, когда он впервые после школьных лет встретил ее на берегу канала, он смог увидеть, как она злится.

- У меня нет никакого телефона, - тихо проговорила она, сверля его сузившимися от злости глазами. - Вчерашний звонок - это так, случайность... Я просто воспользовалась обстоятельствами, звонила не со своего номера... Мне дали набрать... Один раз... Видя, в каком я состоянии... А ты... Как можно быть таким эгоистом?! Вот уж не ожидала от тебя! Ты казался мне таким добрым, отзывчивым!.. Получается, я ошибалась!

Она с вызовом посмотрела на него.

Она, видимо, предполагала, что он тут же пойдет на попятную, примется убеждать ее, что вовсе не хотел сердить ее, но молодой человек молчал.

Что-то в его спокойном, изучающем взгляде, которым он смотрел на нее, заставило девушку переменить тон.

Она вдруг словно бы опомнилась и проговорила:

- Витя, я прошу тебя, давай погуляем... - вся злость уже исчезла из ее взгляда, он стал прежним - ласковым, добрым.

Не очень уверенно Виктор проговорил:

- Я не могу, извини... Мне надо идти...

Она стояла и смотрела на него широко раскрытыми глазами. Точно не верила, что то, что он говорит ей - говорит искренне. Что еще мгновение, и он сломается, и сделает шаг к ней...

Да ведь это и в самом деле было так! Как ему хотелось прекратить играть этот дурацкий спектакль, который он сам и придумал, не произносить этих ужасных жестоких слов... Как ему хотелось погулять с ней!

«Нет, либо сейчас мне удастся проявить волю и выполнить план, либо... Мне никогда не понять, что же на самом деле происходит с Евлампией, кто она, и что ждет меня в этих отношениях!»

- Я пошел, Евланя, - пробормотал он неуверенно и, отвернувшись от нее сделал несколько шагов прочь - в сторону прохода в стилобате, туда, где стояли они с Евлампией в тот день, когда их увидел Сашка.

- Витя, постой! - тоскливым голосом, словно бы готовая уже разрыдаться, произнесла она.

Он уже и без этого остановился, повернулся к ней.

- Неужели мы сегодня... Я так соскучилась по тебе! - воскликнула она.

- Я тоже соскучился, но я не могу... Все, оставь меня, не мучай сегодня, а то я проведу время с тобой, заброшу все дела... Мне надо сделать... - проговорил Виктор, изо всех сил стараясь выглядеть, как человек, который искренне разрывается между какими-то неожиданно возникшими очень серьезными делами, о которых он сейчас не готов распространяться, и свиданием с возлюбленной.

«Эх, Евлания, я люблю тебя, и почему так выходит, что я вынужден играть с тобой в какие-то игры?!» - пронеслось у него в голове.

Евлания не произносила ни слова.

Испугавшись, что нервы его не выдержат и он бросится к девушке, заключит ее в объятия и уже не сможет уйти по каким-то там выдуманым делам, он стремительно пошагал к проходу в стилобате.

В самом его начале он не выдержал, и, остановившись, повернулся к Евлампии - сказать ей что он любит ее, и чтобы она не обижалась...

Девушки, на том месте, где она стояла еще полдесятка секунд назад, не было!

Невероятно! Она не могла взять и испариться, раствориться в воздухе за какие-то мгновения!

Уже не владея собой, чувствуя, что делает то, чего делать не нужно, он быстро, почти бегом вернулся на то место, где только что стоял и говорил с Евлампией, принялся осматриваться, прикидывая, куда она могла деться... Но выходило, что так стремительно она не смогла бы исчезнуть, даже, если бы побежала бегом...

Простояв с четверть часа на одном месте и так и не увидев Евлампии, и не найдя объяснения ее исчезновению, Витя пошел в сторону прохода под стилобатом.

Настроение его стало подавленным... В душе возникло какое-то смутное, тяжелое предчувствие. Он задумал свой «план» - отказаться на какое-то время от встреч с Евлампией, - для того, чтобы как-то прояснить тревожившие его обстоятельства... То есть, получалось, жизнь его после осуществления этого плана должна стать понятнее и легче.

Но не приведет ли в действительности эта его игра, к тому, что он столкнется с чем-то еще более мрачным и загадочным, по сравнению с чем все предыдущие тайны и угрюмые подробности покажутся чем-то несущественным, пустяком?..

18.

Вернувшись из магазина с огромными сумками, - в них был запас продуктов, точно он готовился к долгой осаде, - Витя целый день не выходил на улицу.

Боялся ли он встречи с Евлампией? Нет, наоборот, мечтал о ней. Но был уверен, что она сегодня не состоится. Неожиданно исчезнув, Евлания не появится... Он уже уловил какие-то «алгоритмы» в ее поведении: в следующий раз девушка «возникнет» на скамейке через день или даже два...

«Возникнет... - с горечью думал Витя, - Вокруг девушки, которую я люблю, - атмосфера таинственности... Прояснит ли ее пауза во встречах?.. Пока ясности не прибавилось...»

Его физическое состояние с минувшего вечера значительно улучшилось, продолжало от часа к часу меняться в лучшую

страну - озноб прошел, больше не боялся, что станет плохо сердцу, никаких болей в желудке... Подходя к зеркалу в ванной комнате, каждый раз замечал, что лицо становится свежее, щеки розовеют, волосы, прежде больные, спутанные, приобретают здоровый блеск...

«Если так пойдет и дальше, - размышлял, выходя из ванной комнаты и гася за собой свет, Витя. - через некоторое время можно будет вернуться к матери здоровым и отдохнувшим... Как будто в самом деле побывал в Турции... А что не загорел... Скажу, все время укутывался пляжным полотенцем, - солнце - злое, боялся обгореть...»

Следом за этими приятными мыслями в голову приходил мрачный вывод: получается, колдунья - права. Евлампия - покойница, вытягивает из него жизнь по капле... Эту мысль Виктор старался от себя прогнать. К чему заранее портить себе настроение мрачными мыслями?!.. К тому же, был уверен - очень скоро из-за разлуки с девушкой навалится свинцовая неодолимая тоска. Придавленный ей, станет чувствовать себя ужасно. Уже будет невозможно разобрать отчего ему плохо: от того, что красавица высосала из него соки или от того, что он лишен ее ласк...

Стараясь отвлечься от мыслей о девушке, Витя целый день напряженно искал в сети сдающиеся поблизости квартиры, созванивался с хозяевами, агентами, какими-то непонятно кого представлявшими посредниками - договаривался о встрече на завтра... «Хоть один вариант да сработает!»

Поздно вечером появился Сашка. Где-то изрядно выпил. Все то время, что Виктор жил в этой квартире, Сашка не просыхал, объясняя это тем, что никак не может прийти в себя после встречи с «чудищем».

Витя как раз в этот момент разговаривал с очередной, как оказалось, последней за этот день, квартирной хозяйкой.

Сашка некоторое время бесцеремонно слушал, что говорит приятель, потом отправился в ванную комнату, закрыл за собой дверь.

Было слышно, как полилась из лейки душа вода...

Пока приятель принимал душ, Виктор отправился на кухню. Прежде, чем Сашка вышел из ванной, приготовил из купленных продуктов для них двоих вполне сносный ужин - поджарил со специями куриные ножки, отварил картофель, сделал салат из огурцов и помидоров.

Хотелось как-то отблагодарить приятеля за то, что тот пустил пожить к себе. Что бы Виктор делал, если бы этого не произошло? Где б ночевал?

- Витька, ты - человек! - воскликнул Сашка, появившись на пороге кухни.

Принялись за еду.

- Друг, - проговорил Сашка через некоторое время. - Подслушал тут случайно твой разговор...

Виктор сразу насторожился: решил, что речь идет о беседе с Евлампией. Как Сашка мог ее подслушать?

Но друг говорил о другом:

- Что-то мне подсказывает, что завтрашний твой поход по съемным квартирам окажется успешным, а я... Как тут без тебя останусь?!.. И переезд твой не отметили: жратвы накупил целую гору, а бутылочку принести забыл... Понимаю: переживаешь, так сказать, за друга, который работы не имеет, зато энергично спивается...

Виктор молча открыл дверцу холодильника, - чтобы дотянуться до нее, ему не надо было даже вставать со стула. Достал лежавшую на нижней полке бутылку коньяка. Зачем купил, сам не знал, - сунул, когда был в магазине, проходя мимо полка со спиртным, в корзину. Подумал «пусть будет... Сашке будет приятно!» Потом, уже когда дошел до кассы, словно опомнился: «Сам не пью, Сашку спаивать не хочу... Да и он пьет не от хорошей жизни... Зачем мне коньяк?!»

Хотел вынуть его из корзины, поставить на ближайшую полку с шоколадками, но как раз в этот момент из-за его спины появилась еще одна кассирша, уселась за свободную кассу, позвала Виктора - так получилось, что он стоял к ней ближе всех: «Проходите сюда!»

«Ладно, черт с ним, с коньяком! Пусть будет! Подарю кому-нибудь!»

Придя в квартиру, вынул коньяк из пакета. «Куда его? Спрятать в чемодан?!»

«Эх, ладно... Буду надеяться, Сашка не вылакает его в первый же вечер...»

- Я еще подумал: зря купил... Получается, правильно подумал! - воскликнул Витя, ставя бутылку на стол.

- Почему зря?! - искренне удивился одноклассник.

- Потому, что спаиваю тебя! - так же искренне ответил Витя.

- Брось, Витек, ты же, наверное, уловил... Я по дороге выпил. Одолжил там у одного... В общем, это наш начальник в фирме, в которой я как бы работаю... Говорю, Геннадий Анатольевич, вы сто рублей в счет будущей зарплаты не одолжите... А сам уверен - не даст.

- А он взял и выдал, - мрачно предположил Виктор.

- Именно, Витек!.. - Сашка достал из кухонного шкафа две не очень чистых стопки, наполнил до краев коньяком. Взял одну в руку. - Что ж, намерен поступить по-честному: сказано, в счет будущей зарплаты, значит, с первой же зарплаты он получит свои сто рублей обратно... Но если зарплаты не будет, то... О каких ста рублях можно тогда говорить?!

Не дожидаясь, пока Виктор поднимет стопку со стола, не чокаясь с ним, Сашка выпил коньяк и довольно расхохотался.

«Все-таки не надо было покупать бутылку, - пронеслось в голове у Вити. - Спаиваю друга!»

19.

Витя почти не пил, лишь для виду поднося рюмку к губам, - коньяка в ней под конец вечера оставалось почти столько же, сколько было, когда они с Сашкой уселись за еду.

Выпив в одиночку три четверти бутылки, Сашка сильно опьянел.

- Знаешь, Вить, думаю, хорошо, что съезжаешь...

Виктор с недоумением посмотрел на одноклассника, не понимая, куда тот клонит. Пробормотал:

- Еще никуда не съезжаю...

- Съедешь. Не завтра, так послезавтра. При таких энергичных поисках, найти съемную квартиру - дело дня или двух. Для меня-то это будет плохо, я тебе уже говорил... Как я тут буду один?!.. Но вот для тебя... Сматываться тебе отсюда надо. И чем скорее, тем лучше... Опасно тебе здесь оставаться! - уверенно заявил одноклассник.

Не понимая, о чем идет речь, но подумав сразу про свою историю с Евлампией, Виктор ощутил, как по спине побежал ледяной змейкой страх...

«Но что может знать про это Сашка?!»

- Знаешь, кого я встретил?.. - спросил одноклассник.

Не дожидаясь ответа, продолжил:

- Четвертакова!

- Какого еще Четвертакова?! - Витя ожидал, что Сашка заговорит про Евлампия. Тот же назвал фамилию, которую он ни разу в жизни не слышал.

- Как это какого?! - пьяно усмехнулся одноклассник. - Того, которого вы с матерью в тюрьму засадили...

- Слушай, ты что, перепил что ли?! - со злостью воскликнул Виктор.

Понимал, Сашка ни в чем не виноват, скорее всего это он, Витя, чего-то не знает. Или не может понять, или запомнил крепко - того, о чем забыл, уже как будто и нет... Только одноклассник заставлял его испытывать страх, и нервы Вити не выдерживали, заставляя срываться...

- Может и перепил, а только Четверть я видел возле «Чаек» два раза - вчера и сегодня...

- Четверть?.. - механически переспросил Витя. Историю с этим уголовником в наколках он, конечно, хорошо помнил, только почему...

- Так он Четвертаков? - спросил Виктор, пытаюсь сообразить, что значат слова одноклассника про мать и тюрьму.

- Да, Четвертаков - Четверть, знакомый Марата из младшего класса. Что, вспомнил?.. А злишься на меня за что-то! Я же, наоборот, хочу беду от тебя отвести...

- Да какую беду?! - закричал, опять не сдержавшись, Витя - что-то слишком много бед угрожало ему с разных сторон!

- Как какую?! - закричал теперь уже и Сашка. - Он же поклялся отомстить тебе! Хотя в тюрьму-то его посадила, по большому счету, твоя мать, а не ты!

- Да она с ним вообще никогда не была знакома, не знала, что он есть, ни разу его не видела! - выкрикнув это, Витя схватил со стола стопку с коньяком, которую цедил весь вечер и махом опрокинул в рот. Закусил куском сыра, взял бутылку, наполнил свою пустую стопку до краев, подлил в Сашкину стопку.

- Не была знакома... Вот как?!

Вите показалось, что Сашка в это мгновение от удивления даже немного протрезвел.

- Клянусь тебе, что в наших с матерью разговорах эта кличка ни разу не упоминалась. И про Четвертакова мы не говорили... С чего ты взял, что мы его куда-то там засадили? - Виктор, не чокаясь с Сашкой, выпил коньяк.

Проговорил:

- Почему ты вообще решил, что он все это время сидел?.. Когда я последний раз его видел, он был на свободе и прекрасно себя чувствовал...

- Получается, ты ничего не знаешь... - задумчиво проговорил Сашка. - Выходит, твоя мать не только про ваш снесенный дом тебе ничего не рассказала, но и про это...

- Да про что?! - спросил Виктор негромко, но с такой тоской в голосе, что одноклассник поднял на него глаза и внимательно взгляделся в лицо. Словно оценивая, стоит ли все рассказывать.

- Сейчас узнаешь... - после некоторого молчания проговорил Сашка и, так же как Витя только что - не чокаясь, выпил свой коньяк.

20.

История, которую Сашка рассказал Виктору, поразила его ничуть не меньше той, которую одноклассник поведал ночью - про то, как его мать добилась признания их старого дома аварийным и переезда в новую квартиру...

Оказалось, смартфон со странной наклейкой поверх дарственной гравировки на задней крышке, который Четверть дал Вите, был украден у одной из материных коллег.

Мать Виктора так хорошо запомнила этот аппарат, потому что вместе со своей подругой по работе ходила в обеденный перерыв к какому-то мастеру, который при ней нанес гравировку.

Смартфон предназначался дочери подруги - в качестве подарка.

Через пару месяцев дочь подруги после посещения какого-то людного магазина обнаружила, что дамская сумка разрезана, оттуда вытащили кошелек и смартфон...

Видимо, Витина мать с самого начала решила, что выпытывать у сына подробности - не стоит. Может ничего не рассказать, наоборот - предупредит своих приятелей, которые передали смартфон.

Мать поступила проще - поговорила с мамашей Витиной одноклассницы. С дочерью он никогда не общался, зато ее мамаша с Витиной матерью давно нашла общий язык. По просьбе Витиной матери та выведала у дочери, что мальчики в классе «носятся» со всякими дорогими, но подержанными «игрушками». Их приносил в школу Марат - ученик предвыпускного класса. Вместе с Маратом к школе часто приезжает на шикарной спортивной машине некий молодой человек «уголовного» вида.

Муж материной подруги, дочь которой обокрали, работал в полиции. Мать с подругой пришли к нему в отделение. Витина мать рассказала все, что знала, попросила «оградить» сына от истории - мол, класс у него выпускной, и криминальная шумиха может дурно отразиться на школьных экзаменах. С учетом истории про Тайное общество бунтарей, обязательно найдется кто-то, кто скажет, что Витя знал про то, что участвует в сбыте краденого...

Сашка не знал подробностей, но каким-то образом муж материной подруги - полицейский - с помощью Витиной матери смог обставить все дело так, что Витя (а в деле, вроде бы, даже фигурировало его заявление, которое мать, подделав его подпись, подала от его имени в полицию) ничего не узнал...

Полицейские сначала допросили Марата, показали Витино заявление, протоколы, подтверждавшие, что хозяйка телефона опознала краденую вещь. Марат, не запираясь, выдал все, упирая на то, что ему было неизвестно: вещи - краденые...

За быстрое добровольное признание, за то, что сдал всех, кого только мог, Марат с учетом совсем юного возраста суда избежал.

Но к нему пришли подельники Четверти, который к этому моменту был уже арестован.

Основной уликой против Четвертакова был смартфон с гравировкой, Витины показания.

В деле были другие моменты и эпизоды, - Четверть с парой таких же, как он, командовал сразу несколькими шайками воров - крали автомобили, обворовывали квартиры, занимались карманными кражами. Но в головах уголовников отпечаталось, что сдал их Витя с этим смартфоном с гравировкой, - постарался Марат. Он, выгораживая себя, выставил все так, как будто Витя по собственной воле раскрутил все это дело, воспользовавшись мужем якобы своей дальней родственницы, за которую Марат принял подругу Витиной матери.

К тому же, было еще нападение на коттедж Степана Филиппова, которое, - Витя этого не знал, - было организовано бандой, в которую входил Четверть.

На самом деле, Четвертаков был в ней далеко не самым главным и о многих делах группировки ему не было ничего известно.

Так же как не знал он и о том, что полиция и без сведений, поступивших от Витиной матери и Марата, была осведомлена почти о всех делах криминальной группировки, но не хотела «палить» своего информатора.

Из разговоров со следователями, Четверть понял - полиции известно о его участии в подготовке нападения на коттедж Филиппова-старшего. «И об этом рассказал этот поганый щенко-школьник!» - решил Четверть, все большее убеждаясь в том, что во всех его бедах виноват именно Витя.

Во всяком случае, с его доноса все началось!

Витя припомнил, что и в самом деле мать в один из дней той памятной выпускной школьной весны подсунула ему на подпись какой-то чистый лист офисной бумаги. Объяснила это тем, что хочет написать за него заявление о приеме в институт.

Против того, чтобы мать взяла на себя часть предстоявших ему хлопот, Витя не возражал и с легким сердцем расписался внизу листа бумаги.

Тем временем настоящий главарь преступной группировки, у которого Четвертаков и несколько таких же, как он, мелких уголовников, были всего лишь на побегушках, распорядился, чтобы Четверть взял все на себя и тем самым прекратил дальнейшее следствие...

Четвертаков так и сделал... А через некоторое время Марату один из общих с Четвертью знакомых сказал, что Четвертаков при всех поклялся отомстить, когда выйдет из заключения, «щенку-школьнику»...

Марат во время случайной встречи рассказал об этом Сашке...

21.

- Я видел Четверть здесь... Он шел от проспекта к «Чайкам»... Я был сзади, и он меня не замечал. Хотя, я-то с ним не общался, и он меня не помнит. Он явно что-то высматривал, - многозначительно сказал Сашка в конце своего рассказа.

- Думаешь, меня? - усмехнулся Витя. - Вряд ли... Чего ему искать меня рядом со школой больше, чем через полдесятка лет после всех событий? Или ты думаешь, что он надеется встретить меня, возвращающегося с ранцем после уроков... Эдакий десятиклассник-переросток!

Витя рассмеялся...

Коньяк помог ему воспринять Сашкин рассказ спокойнее, чем если бы пришлось узнать все подробности на трезвую голову. К тому же, Вите было так плохо в последнее время, столько всяких мрачных сведений и известий свалилось на голову, что очередная тяжелая история уже не могла серьезно изменить настроение...

«Да, мать... Получается, в тайне от меня вела бурную деятельность... Наш старый дом, история с Четвертью... Быть может, есть еще что-то, о чем я не подозреваю и чего не знает и не сможет рассказать мне Сашка?»

Виктор знал: он еще много будет думать о том, что узнал от одноклассника, но сейчас... Хотелось поскорее пойти в комнату, завалиться на кровать, закрыть глаза и больше ни о чем не думая поскорее уснуть.

- К тому же, - веселым тоном продолжал Виктор. - Четверть, который передвигается пешком... Как-то не верится! У него же был шикарный спортивный автомобиль. Помнится, я даже имел счастье управлять им. Машинка, скажу тебе, была отменная!

- Да! И к тому же краденая! - тут же сказал Сашка. - Говорят, ее у него конфисковали и вернули владельцу...

- Да? - рассеянно спросил Витя. Он думал о матери: в самом деле, после того, что он уже узнал про ее деятельность, чего еще можно ожидать от нее дальше?

- Да, их группировка серьезно специализировалась на кражах автомобилей. Угоняли в одном городе, перебивали номера, продавали в другом. Ту машину, о которой ты говоришь, говорят, угнали в Питере у какого-то известного бизнесмена...

- Мне есть чем гордиться! - усмехнулся Витя. - Я управлял одним автомобилем с большим человеком. Как его зовут?

Сашка не ответил на его вопрос:

- Тебе есть чего бояться, Витек! Помяни мое слово, Четвертаков не просто угрожал! Он тебя найдет!..

22.

- И что, я могу уже сегодня... Пользоваться? Перевезти вещи? - не веря в свою удачу спросил Виктор.

Квартира, которую они в компании с Сашкой только что осмотрели, была третьей за этот день.

Витю все здесь устроило: одна комната, минимум мебели - шкаф с раздвижными створками, стул, тумбочка, кровать.

Зато кровать была широкая и совсем новенькая...

«Прикидываю, удобно ли будет пригласить сюда Евлампия?» - пронеслось у него в голове.

Хозяин - молодой мужчина лет тридцати пяти, взъерошенный, с небритой, росшей редкими кустиками щетиной, красными глазками, - как будто приход арендаторов заставил его подняться с этой самой незастеленной кровати, - проговорил:

- А чего тянуть? Давайте деньги и дело с концом. Ключи - вон на кровати... - он кивнул на два ключа на брелоке с логотипом той самой автомобильной марки, машину которой Виктор ждал из автосалона (молодой человек истолковал эту подробность как доброе предзнаменование. И не ошибся!). - А то я спешу...

Виктор поймал какой-то предостерегающий взгляд Сашки и, повернувшись к хозяину квартиры, спросил:

- А договор?

Хозяин отмахнулся:

- Я бы предпочел без договора... А то знаете, сейчас все такие ушлые стали, подпишешь договор, а потом тебя же этим договором и начнут шантажировать...

- Да чем же я вас буду шантажировать? - усмехнулся Витя.

- Чем?! - мрачно переспросил хозяин. - Тем, что я налогов платить не собираюсь!

Он вдруг принялся торопливо и нервно ходить от стены к стене по комнате, будто напряженно обдумывал что-то перед каким-то важным решением, которое надо принять сию минуту:

- Зачем мне государству отдавать последнее? Что оно, это государство, для меня делает? К тому же я с вас залог не взял... - принялся произносить он на ходу.

Взял с кровати ключи. На ходу сунул их в карман.

- Хотите по договору, платите еще залог! - наконец-то остановившись заявил он.

«Что мне с ним спорить? - подумал Витя. - Сколько проживу в этой квартире? Платить за следующий месяц - нет желания. Залог с меня и в самом деле не взял... Место хорошее...»

Квартира располагалась в одном из девятиэтажных домов в трех кварталах от строительной площадки на месте бывшего Витино дома. Если бы молодому человеку предложили провести границу «его» мест, то эти девятиэтажки оказались бы хоть и у самого края черты, но все же с внутренней ее стороны.

«Сколько мне еще болтаться у Сашки?!... - проносилось в голове у Вити. - Хотя, по большому счету, торчать на съемной квартире в пятнадцати-двадцати минутах езды на автобусе от собственного дома - так же бессмысленно, как и жить у Сашки в тех же двадцати минутах езды... Просто я не хочу появляться перед матушкины очи! Но сделать это, как только истечет срок моего «отдыха в Турции» придется. Иначе маман, про которую я многое за последнее время узнал, примется разыскивать с полицией... Знакомые там есть. Обратится к тому самому мужу подруги, который упек на отсидку Четверть...»

Витя вытащил из кармана пачку рублей, не спеша отсчитал нужную сумму и протянул взъерошенному мужичку.

Сашка незаметно для хозяина квартиры скорчил неодобрительную гримасу и отвернулся.

Едва тоненькая пачечка купюр перекочевала к молодому мужичку, тот засуетился. Сделал пару шагов к тумбочке, остановился, принялся доставать что-то из кармана.

Потом посмотрел на деньги, которые держал в левой руке. Так и не достав ничего из кармана, принялся пересчитывать их.

Убедившись, что его не обманули, резким движением бросил деньги на тумбочку, полез в карман.

Потом, опять ничего не достав, взял деньги, еще раз пересчитал их, затолкал их в задний карман грязненьких джинсиков. Нервно заговорил:

- Мне, ребята, сейчас деньги до зарезу нужны. Я в аварию попал, машину разбил, надо ее отремонтировать, а там ценники... - он сделал неопределенный жест рукой, словно показывая на какие-то там, непонятно на каких облаках находящиеся ценники. - Боже мой, какие!..

- А мне без машины никак нельзя! Я без машины, как без рук! - он опять сунул руку в карман, достал ключи на брелоке. Они тут же выскользнули из его пальцев, со звоном упали на покрытый линолеумом пол.

Мужичек тут же нагнулся, поднял ключи, вновь выронил их, опять поднял и с металлическим звуком припечатал, наконец, к поверхности тумбочки, повернулся к Вите.

- Все, я пойду... Ключи, вон... - хозяин квартиры кивнул на тумбочку.

Витя молча кивнул головой.

Мужичок торопливо покинул квартиру.

- Зря ты не подписал с ним договор, - проговорил Сашка, едва дверь за хозяином квартиры захлопнулась. - По-моему, в голове у него не ремонт какой-то там выдуманной машины, а только одно - поскорее остаканиться... Пропьет деньги, а потом выгонит тебя из квартиры. Такие случаи нередки...

- Черт с ним! - Витя махнул рукой, подошел к тумбочке, взял и убрал в карман ключи. - Я, наверное, сегодня буду ночевать уже здесь. Сейчас пойду, заберу чемодан...

Он посмотрел на Сашку.

- Я с тобой не пойду, - проговорил тот. - Кажется, меня взяли на настоящую работу...

Витя удивленно вскинул на приятеля глаза.

- Позвонили из одного места, где я был на собеседовании почти полтора месяца назад. Приходите, говорят, мы приняли по вашей кандидатуре положительное решение... Так что я сейчас туда. А ты, если не будешь сегодня ночевать у меня, оставь ключи на столе на кухне, а дверь просто захлопни. Хотя, конечно, лучше оставайся... Отец мой в квартире не появится еще долго. Я его звал, чтобы он приехал, но он говорит, не может оставить дачу ни на день. Там ему рабочие строят новую баню, и он должен их контролировать... Каждую минуту... Бедные рабочие! - Сашка рассмеялся.

Витя улыбнулся: отец приятеля, насколько Витя представлял, был ужасным занудой, и однокласснику было с ним нелегко. Спасало то, что Сашкин отец большую часть времени проводил на даче, в квартире в «Чайках» почти не появлялся.

- Ладно, будем надеяться, что эти чертовы галлюцинации с «чудищем» возникли у меня на фоне переживаний из-за безработицы, - продолжал Сашка. - Теперь, когда меня пригласили, все должно пройти... Но все равно, что-то я не уверен... Так что ты лучше оставайся!

Сашка посмотрел на висевшие на стене часы:

- О, да я уже опаздываю! Все, давай!

Они пожали друг другу руки, Виктор проводил приятеля до двери квартиры.

Оставшись один, зашел в ванную комнату, внимательно рассмотрел себя в зеркало - мать, когда он вернется «из Турции» будет довольна: выглядел по сравнению с тем, что было до «отъезда», просто замечательно: свежее лицо с румянцем на щеках... Отгоняя мысли о причине произошедших улучшений, вышел из ванной, перешел в кухню, быстро проверил ящики и полки старенького кухонного гарнитура - там не было ни кастрюль, ни тарелок, ни столовых приборов...

«Придется питаться... где придется!» - Виктор вышел на лестничную площадку и, проверив, как оставленные хозяином ключи справляются с замками, захлопнул дверь.

Закрывать замки на несколько оборотов не стал - если кто и наведается в его отсутствие в эту квартиру, единственным призом ему окажется двуспальная кровать.

«Кстати, ни постельного белья, ни подушки с одеялом там тоже нет! Придется спать, как бездомному на скамейке - в одежде!» - подумал Витя, спускаясь, чтобы не тратить время на вызов лифта, бегом по лестнице.

Третий этаж - не так далеко!

23.

«Что ж, теперь у меня есть квартира! - подумал он, медленно шагая от двери подъезда к тротуару. - Если что... Если Евлампия... А, собственно, какие могут быть «если»? Следующая наша встреча должна пройти здесь!»

Помимо его воли губы растянулись в блаженной улыбке: не существовало ничего - ни колдуньи, ни поездки с матерью девушки на кладбище. В эту секунду душа полна одним - жаждой встречи с любимой девушкой, ее предвкушением.

Не стесняясь, поднял согнутые в локтях руки вверх и затем сладко потянулся...

Вдруг он кашлянул. «Что это?!» Страх мгновенно охватил Витю. «Неужели опять?!»

Руки сами собой опустились вниз. Он замер на тротуаре, прислушиваясь к своему состоянию. Нет, вроде все в порядке - кашель не повторился. Да и был ли это кашель? Может быть, какая-то мокрота, когда он потягивался, затекла не туда, куда надо?

Его не знобило, не тошнило, ничего не болело, сердце не давало о себе знать.

Он открыл в смартфоне секундомер, прижав два пальца правой руки к запястью левой, измерил пульс - нормальный!

Виктор медленно двинулся по тротуару дальше.

Настроение, которое поднялось после того, как он удачно снял квартиру, вдруг стремительно рухнуло вниз.

«Что мне эта квартира?!.. Радуюсь, что вновь вернулся в район, из которого из-за матери был вынужден съехать?! Да ведь ненадолго же я здесь... И «из Турции» надо возвращаться, и денег заплатить за аренду за следующий месяц нет. Да и скорее всего прав Сашка - не пройдет и месяца, как этот взъерошенный дерганый мужичек постарается выпереть меня из квартиры!.. Конечно же, Евлампия я сюда несколько раз смогу привести... Да даже и не несколько раз, а каждый день! Да только опять же, если баба Мария не ошибается, то сколько таких встреч на квартире нам отпущено?! Не отдам ли я концы уже во время самой первой?!»

Ярко светило солнце, но горизонт Виктора затянула словно бы плотная черная пелена.

Возникла в памяти во всех деталях вчерашняя встреча с Евлампией: зачем он так обидел девушку?! Ради какого эксперимента?! Быть может, нанес ей такой удар, что она просто не захочет с ним больше видаться. Кто ее знает, что у нее там на уме?

«Ах, какой я дурак! Евланя, милая, не обижайся на меня! Прощу! Не обращай внимания на все эти мои глупые выходки! Я люблю тебя и хочу, чтобы, когда я сейчас подойду к «Чайкам» за этим чертовым чемоданом, ты поджидала меня на нашей обычной скамейке! Как я тебя обниму! Как расцелую!»

Настроение Виктора шарахалось из стороны в сторону: то он испытывал ужас от того, что думал, что следующая встреча с девушкой может принести ему гибель, то предвкушал следующее сладкое свидание и было все равно, какую цену заплатит за встречу. То верил, что колдунья права, и он влюблен в мертвую, то представлялось, что девушка стала жертвой чудовищной интриги безжалостных людей и он, Виктор, невольно подыгрывает ее врагам...

Вдруг какое-то неосознанное чувство заставило его остановиться.

В следующее мгновение понял, в чем дело: там, за спиной, кто-то смотрел на него.

«Евлампия! Неужели она?! Хотя, почему бы и нет?.. Почему бы ей не оказаться здесь?» Но откуда? Если она - живая, а не привидение, то встречаться они должны на берегу канала, возле ее дома в «Чайках»...

Витя медленно обернулся.

24.

Ему показалось: вдалеке, в самом начале длинного дома, вдоль которого он шел, какая-то темная фигура стремительно отступила за стенку, отделявшую вход в подъезд от двери камеры мусоропровода.

«Кто это?!»

Первой мыслью было стремительно дойти до подъезда, посмотреть, в самом ли деле там прячется кто-то, кто следит за

ним. Но он сдержался... «Если это Евлампия, то проще и лучше дождаться, когда она сама подойдет ко мне. Если нет...»

Он отвернулся, медленно пошел дальше.

Не удержался: резко обернувшись, посмотрел назад. Опять вроде какая-то фигура резко метнулась за загородку.

«Может, я сошел с ума и мне, как Сашке, мерещатся всякие... Чудища!»

Тут же Витя подумал: «Только ведь Сашке не мерещилось... Чудище в тот день под стилобатом «Чаек» было со мной - Евлампия!»

Странно, до сих пор, рассуждая, правду ли говорит ему колдунья, в качестве довода в пользу истинности ее слов он ни разу не вспомнил про «чудище», которое видел Сашка под стилобатом. А ведь это было доказательством в пользу слов старухи!

Виктор опять медленно двинулся дальше.

Как бы то ни было, скоро все прояснится!.. Ведь должна же Евлампия появиться!

Чувство, что кто-то сзади наблюдает за ним, становилось все сильнее.

Вдруг в голову пришла неожиданная догадка: а что, если это и в самом деле уголовник Четверть - следит за ним, чтобы свести счеты за прошлое?!

Витя резко обернулся. Но на этот раз ничего подозрительного не увидел - никакая тень никуда не метнулась, двор длинного девятиэтажного дома, которым он шел, был пуст.

Он был уверен: когда подойдет к «Чайкам», Евлампия уже будет сидеть на «их» скамейке либо медленно прогуливаться по дорожкам сквера.

«Надо решить, что делать!» - сказал себе Виктор, еще когда до проспекта, на котором стояли «Чайки» и с другой стороны которого был канал, оставалось несколько кварталов ходьбы.

По тому плану, который молодой человек наметил себе накануне, встречи с Евлампией стоило избежать. Тогда бы, самое меньшее, стало ясно, действует ли девушка на его здоровье, вытягивая силы, как утверждала колдунья, или нет...

«А если я просто перенес на ногах вирусное заболевание с осложнением на сердце и желудок?! В таком случае улучшившиеся состояние объясняется просто - я пошел на поправку. Никакая Евлампия тут не при чем! И мой эксперимент с отказом от встреч оказывается идиотским и бессмысленным... Я просто мучаю себя!»

Он вдруг осознал, как ему на самом деле хочется видеть Евлампия! Как он соскучился по ней! И это при том, что с последней встречи прошло не больше суток. Что же будет дальше?

«Я не выдержу! - думал он. - Мне кажется, что своим отказом от встреч с ней я подтолкну ее объясниться со мной,

рассказать, почему она ведет себя так странно. Но вдруг она не может рассказать мне всего? Она - гордая, заносчивая, избалованная... Каково ей признаться, что она стала жертвой собственной матери, лишена квартиры, находится на излечении в сумасшедшем доме или, еще хуже, сбежала оттуда?!.. Евлампия может просто не находить внутренних сил сделать такое признание. А я ее просто жестоко мучаю!..»

«Я почти убедил себя в том, что она - мертвая, - продолжал размышлять он. - Но, может быть, не она - мертвая, а я - психически больной... Объяснял же мне врач, что моя тоска по старому дому - проявление психического нездоровья... Да и друг у меня такой же странный, как и я сам - недаром Сашка никак не мог устроиться на работу... Чокнутый!»

За то время, что Виктор добрался до проспекта, его решимость хотя бы какое-то время не встречаться с возлюбленной, почти разрушилась.

И все же, видя перед собой на другой стороне проспекта «Чайки», он придумал хитрость - подойти к Сашкиному подъезду не как обычно, двигаясь мимо сквера, а пройдя под стилобатом и выйдя из него у самого подъезда через ту самую арку, в которую заглянул Сашка, когда увидел «чудовище».

«Если пойду мимо сквера, то Евлампия со своей скамейки обязательно увидит меня. Придется либо опять обидеть ее, либо отказаться от своего плана не встречаться с ней хотя бы несколько дней, - размышлял Виктор. - Скорее всего, я не решусь ни на то, ни на другое, и буду вести себя, как дурак!»

Оказавшись под аркой, он сможет осторожно выглянуть из нее, проверить, ждет ли его девушка, понять способен ли он, видя ее, равнодушно, как будто не заметил, пройти к подъезду...

«Хотя в любом случае придется почти сразу выйти из него на улицу уже с чемоданом... И опять «не заметить» ее... В идиотское положения я себя загнал!»

Виктор чувствовал, что «не заметить» Евлампию не сможет и почти наверняка заберет от Сашки чемодан и пойдет вместе с девушкой в снятую этим утром квартиру.

«Может, оно и к лучшему! Может, там что-то прояснится!» - думал он, но все же перешел через проспект не по тому подземному переходу, которым пользовался обычно, а по дальнему - расположенному в полукилометре от ближнего.

Теперь между ним и сквером, в котором конечно же дожидается его Евлампия, был стилобат, и девушка не могла издали увидеть его.

Сердце молодого человека начало учащенно колотиться: он предчувствовал какую-то развязку.

Дыхание его стало напряженным, сдавленным.

«Ничего, окажусь в арке, осмотрюсь и отдышусь» - решил он.

Он сидел на «их» скамейке, с него градом лил пот. Что это означает, он не понимал: еще когда подходил к скамейке, его охватила сильная слабость, в животе появилась резь.

«Кажется, я умру сейчас!» - пронеслось у него в голове.

«Какой я идиот! - подумал он следом. - Поверил в то, что мне плохо из-за несчастной Евлампии, которая, скорее всего, просто стала жертвой мошенников, а сделать простую вещь - сходить ко врачу - не удосужился!»

Четверть часа назад, Виктор, как и задумал, осторожно выглянул наружу из-под полукруглой кирпичной арки... «Их» скамейку было хорошо видно, она была пуста.

Молодой человек быстро пробежался взглядом по скверу: Евлампии нигде не было.

За пять минут до этого он и предположить не мог, что, не обнаружив девушки в сквере, испытает столь сильное потрясение. Хотя того, что ее там не будет, он почему-то тоже никак не ожидал.

«А с чего я взял, что она всегда станет меня здесь дожидаться?! - подумал он, выходя из-под арки. - Почему я так уверен, что Евланя *всегда* будет со мной?! По какой причине я возомнил, что только я могу захотеть - и встретиться с ней, а могу, если решу, что так нужно, сделать на какое-то время паузу во встречах?! Да ведь если она стала жертвой мошенников, то ее могли окончательно упечь в сумасшедший дом, убить, наконец! И я никогда больше не увижу ее!»

Как только последнее ужасное предположение сверкнуло в сознании Виктора, все краткая и неизъяснимо прекрасная для него история их взаимоотношений за одну секунду, словно прокрученный в ускоренном темпе видеоролик, пролетела у него перед глазами.

Он понял, что потерял - а то, что именно потерял, в этот момент казалось ему несомненным!

Никогда прежде у него не было и никогда больше уже не будет ничего более волнительного и прекрасного, чем эта любовь к Евлампии!

Ни у одной женщины, без всякого сомнения, не окажется таких ласковых рук, столь красивых длинных волос, прекрасных, излучающих счастье, глаз. Ни с кем и никогда не испытает он такого восторга, который открылся ему той их ночью, проведенной в его старом разрушенном доме - или где там на самом деле они были!

Вчера, когда она умоляла его прогуляться с ней, а он надменно отказывался, он обидел ее, а может быть, она как раз и хотела сообщить ему что-то важное, объяснить все странности, раскрыть свою *тайну*! Но он не стал слушать!

Евлампия уже не сможет рассказать, где ее найти, куда она исчезла!

Его начало мелко трясти, потом он взмок, как мышь, и на подгибавшихся от неожиданно охватившей его слабости ногах двинулся к скамейке.

Появилась резь в животе, которая стремительно усиливалась, так, что к тому моменту, когда он уселся на скамейку, от чудовищной муки он едва способен был произнести слово.

И оно было о ней:

«Евлампия, приди ко мне!» - прошептал он.

Виктор уже знал, что сегодня Евлампия не появится. А скорее всего, не появится и завтра, и послезавтра.

Ему становилось все хуже, начало меркнуть сознание, но он был даже рад этому: без Евлампии не имело никакого смысла жить. Без нее каждый день станет лишь чередой мучительных упреков самому себе: как он мог не сберечь того дара, который преподнесла ему судьба?!

Он не умер. Напротив, боль стала проходить столь же стремительно, как и до этого - возникла.

Вскоре Витя смог переменить позу, не сидеть скорченным в три погибели, не держаться за живот.

Он вытер с лица капли пота, взялся руками за край сиденья, некоторое время отдыхал, тяжело дыша.

Потом возникла решимость: «Я не сдамся, я буду ее искать! Я выясню, кто на самом деле похоронен в той могиле с ее именем на обелиске. Пойду в полицию, растрезвоню эту историю на весь свет - расскажу обо всем матери, Сашке... Мы поднимем на ноги общественность, выясним, куда упрятали Евлампия!»

Он встал и медленно, как старик, устало пошатываясь двинулся от скамьи к Сашкиному подъезду - надо было все-таки забрать этот чертов чемодан! По сторонам он не смотрел: чутье, в безошибочности которого не сомневался, подсказывало - Евлани на дорожках нет! С ней что-то произошло, что-то опасное, окончательное... И виноват в этом он сам, Виктор!

26.

«А, собственно, кто эта старуха?!.. Может, ее вообще кто-то подослал ко мне... Хотя, кто мог ее подослать, если я случайно попал к ней по случайно обнаруженному в сети объявлению?!» - думал Виктор, выкатывая чемодан на колесах из квартиры и захлопывая дверь.

Собачка дверного замка мягко клацнула. Все! Обратно уже не войти, ключи от Сашкиной квартиры, как и велел приятель, лежали на столе на кухне.

Витя еще раз прикинул, не забыл ли он чего-либо из своих вещей в квартире: нет, возвращаться не придется!

Он развернулся и покати́л чемодан к лифту. Пластмассовые колесики издавали глухой звук, когда попадали на тоненькие промежутки между кафельными плитками, которыми выложен пол холла.

Молодой человек подошел к лифтовой двери, нажал кнопку. Из шахты уже доносился какой-то отрывистый глухой лязг, гудение электромоторов. Кабина ползала, то останавливаясь, то опять начиная двигаться где-то между этажами.

Виктора мучила страшная тоска.

«Куда она подевалась?! Сколько времени пройдет прежде, чем найду ее? Быть может прямо сейчас подняться на ее этаж, позвонить в квартиру?»

Чего он этим добьется? Скорее всего, дело станет развиваться по уже изведенному сценарию: в квартире - мать Евлампии... Опять шаркающие шаги за дверью, потом она станет, не двигаясь, смотреть на него в глазок. Само собой, узнает его! Ведь узнала же в тот самый первый раз, значит, хорошо помнила...

«Что само по себе неожиданно!.. Потому что в те школьные годы я с матерью Евлампии вроде бы даже и не пересекался толком. Как она могла меня так хорошо запомнить?!.. Непонятно!»

В голове у него вертелись какие-то не очень убедительные для него самого объяснения: мать Евлампии боялась его, потому что знала - рано или поздно девушка обратится к нему за помощью, расскажет про мошенничество, на которое пошла ее ужасная родительница... Хотя почему же эта версия неубедительна?! Очень даже вероятна!

Мимо этажа с шумом проползла сверху вниз кабина лифта. Не остановилась, хотя кнопка вызова была нажата.

«Что за чертовщина!» - Виктор в раздражении несколько раз с силой утопил в стену и без того горевшую красным огоньком кнопку вызова.

Тоска по Евлампии, и без того ужасная, стала совсем невыносимой. Он не мог отогнать от себя навязчивых воспоминаний о ее ласках, о ее нежных ладонях, поцелуях. Казалось, наяву слышал ее неизъяснимо приятный для него запах.

«Она любит меня, и это самое главное! Никто, никогда ко мне так не относился!»

От этой мысли то, как он вел себя во время последней их краткой встречи показалось ему еще более ужасным, глупым.

Гудение в шахте на короткое время смолкло. Похоже, лифт дополз до первого этажа. Опять какой-то грохот... «Двери что ли открылись и закрылись?»

Снова загудел где-то электромотор. Металлические канаты, напрягаясь, издали характерный поющий звук.

Кабина поползла вверх...

«Уеду я когда-нибудь с этого чертова этажа?! Похоже, так и буду здесь стоять до возвращения Сашки с работы!» - с нарастающим раздражением подумал он.

И тут же:

«Я не смогу без нее... Нет, лучше умереть, но быть с ней, с этими руками, с этими ласками... А на том свете мы все равно увидимся, потому что, если не врет старуха, а она, похоже не врет, Евлампия без меня не просуществует долго в том тамбуре между жизнью и смертью».

«Какой я дурак! То верю в мошенников, то в колдуний! Ни черта я в этой истории не понимаю! Не могу разобраться в этом ужасном нагромождении обстоятельств!»

Двери раскрылись! Кабина была пуста... Наконец-то!

Он закатил чемодан внутрь, но прежде, чем успел нажать кнопку первого этажа, двери закрылись. Воцарилась полная тишина. Лифт никуда не ехал.

«Только этого не хватало! Застрял!»

Черную тоску, которая только что безраздельно владела его душой, стремительно сменяла паника.

Он всегда боялся замкнутых помещений, а тут - кабина лифта, замершая в длиннющей шахте. Витя принялся тыкать в кнопку открытия дверей, но она не срабатывала. Ему стало не хватать воздуха.

Он начал нажимать все кнопки подряд. О, чудо, загорелась та, что самого верхнего этажа... Мотор загудел, лифт пополз вверх!

«Только бы двери там открылись!» Выскочить на этаж, поспешить на лестницу! Черт с ним, что придется спускать чемодан с самой верхотуры по ступенькам! Лишь бы больше никогда не оказываться в этом лифте.

Кабина с равномерным гудением работавшего где-то мотора ползла вверх. Движение казалось бесконечным!

«Он что, на луну меня что ли везет, этот чертов лифт?! Когда мы доберемся до последнего этажа?!» - в панике думал Виктор.

Кабина подъехала к какому-то этажу, дернулась останавливаясь и замерла. Кнопка последнего этажа погасла, мотор больше не гудел.

Дверь не открывалась...

«Вот же ужас! - Виктор чувствовал, что от паники, от ужаса, который вызывало у него замкнутое пространство лифта, уже не контролирует себя. - Если сейчас со страха мне станет плохо сердцу, то все - конец, сюда скорую не вызовешь!»

Надо было срочно звать кого-то на помощь! Диспетчера!

Но на удачу, использовав последние остатки рассудочности, он ткнул в кнопку первого этажа. Она загорелась, так же как до этого - кнопка последнего, и кабина поползла вниз.

Ему сразу стало легче, - расслабленно выдохнул воздух: сидеть в кабине на первом этаже, у дверей подъезда не так страшно, как в середине шахты. У входа все время кто-то спует, нажимает кнопки лифта, - много шансов, что ему помогут.

Он напряженно ждал, когда кабина спустится в самый низ, но, когда по его представлениям до первого этажа было еще далеко, звук мотора вдруг смолк, кабина дернулась и остановилась. И почти мгновенно двери дернулись и поползли в стороны.

«Ура! Наконец-то!» - радость неожиданного освобождения охватила его. Схватив длинную ручку чемодана, он дернулся в раскрывшийся дверной проем...

Тотчас, словно ужас может материализоваться и, словно ураганный ветер, толкнуть человека в грудь, его отбросило к задней стенке кабины...

27.

Чудище было именно таким, каким описал его Сашка. Но только Витин одноклассник не был хорошо знаком с Евлампией и не мог заметить тех подробностей, которые безошибочно сказали Виктору - это именно она!

Он узнал ее волосы. Они висели клоками, потому что кожа во многих местах слезла с черепа, но что-то неуловимое в этих изуродованных смертью и могилой волосах, то, как они спускались на едва прикрытые истлевшей тканью голубенького Евланиного платица плечи, заколочка с изображением ромашки, которая была в них и которую он у нее несколько раз видел - сказало ему: перед ним Евлампия.

Платице, в котором она так часто приходила на «их» скамейку и в парк, что он даже подумал, что кроме него у девушки нет другой одежды, нельзя было не узнать: голубенькая ткань, белые тонкие полоски, поясok с характерной блестящей пряжкой с характерной насечкой в виде какого-то цветочного орнамента... Сколько раз он смотрел на это!

Сейчас все бросилось ему в глаза и было узнано в тот же миг!

Вместо милого лица был страшный череп. Сашка очень точно назвал его «лошадиным». Впечатление вытянутой лошадиной морды создавали страшные зубы, выдававшиеся вперед, словно бы тянувшиеся к Вите...

Ничего он толком в тот момент не разглядел! Понял только одно - это Евлампия предстала теперь перед ним в таком виде!..

Ужас, который вызвало у Вити чудовище, - столь огромен, что, пожалуй, по сравнению с ним Сашка был бесстрашным героем.

Витя кричал, но крика не получалось. А может, он сам просто не слышал его?!..

Один раз, будучи подростком, он, вынимая штепсель из электрической розетки, неосторожно прикоснулся, - только на долю секунды, - к двум зубьям штепселя и его ударило током... Ощущений, которые длились лишь краткое мгновение, он долго не мог забыть, и они поселили в его душе страх перед всякими оголенными проводами, внутренностями электроприборов.

Теперь ужас был сродни электрическому току, и он бил Виктора не долю секунды...

Морда чудища - перед его глазами, но он от ужаса не различает ничего кроме этих двигающихся зубов, которые хотят вцепиться в его лицо, горло, загрызть его.

Виктор не понимает, что происходит... Двери лифта закрылись, кабина с гудением движется куда-то - не иначе, в преисподнюю!

Он пытается оттолкнуть от себя разложившийся труп, от которого исходит такой запах, что впору от него одного тут же потерять сознание.

«Лошадиная морда» хрипит:

- Решил соскочить с крючка?!

Витя отталкивает ее от себя, - это легко сделать: чудище словно бы невесомо и, кажется, не стоит на ногах, а просто парит в воздухе... Но тут же «лошадиная морда» со своими страшными зубищами вновь в каких-нибудь нескольких сантиметрах от его лица:

- Решил сорваться с крючка?! - голос не Евлани, но это она, хоть и не говорит, а словно бы скрежещет зубами из самого ада...

Вдруг двери лифта распахиваются, он с силой отталкивает от себя хрипящую лошадиную морду и, вцепившись в ручку чемодана, вырывается из кабины...

Он - на первом этаже! Бросается к двери на улицу, распахивает ее и, выскочив из подъезда, не помня себя и не разбирая дороги то ли бежит, то ли очень быстро идет куда-то... Он невменяем в эти минуты.

Перед глазами - страшная морда чудища.

28.

Витя находился в съемной квартире. Как добрался, как открыл ключом дверь, - не помнил. Его трясло...

«Вот каков этот ужас на самом деле! Не понимал, отчего Сашка столько времени трясся от страха и не может прийти в себя... Теперь понял!»

Обогнул валявшийся на боку чемодан, выбежал из комнаты, подскочил к входной двери. Прильнул к дверному глазку: на лестничной площадке темновато, но все же видно: возле квартиры - никого...

«А что, если чудище появится здесь?! Что стану делать?!»

Виктор от пяток до макушки затрясся мелкой дрожью.

Это не озноб, к которому привык за последнее время, и который с недавних пор беспокоить перестал, - чувствовал себя хорошо, - его трясло от ужаса: «Почему у нее такая, как Сашка правильно определил, «лошадиная» морда?! Не человеческая, а именно... звериная?! Почему оскаленные зубы?!.. И этот чудовищный трупный запах!»

Рука сама собой уже шарила по двери, искала ручку замка, поворачивала ее на все обороты, на какие только можно...

Убедившись, что дверь надежно закрыта, немного успокоился...

- Почему?.. Задаешь себе детские вопросы! - сказал сам себе вслух.

И дальше мысленно:

«Ты связался с созданием *оттуда*... А все, что *оттуда*, у живых, если они еще живы, вызывает ужас. И совсем неважно, как этот ужас преломляется в твоём сознании. И существует ли в действительности оскаленная пасть и лошадиная морда. Может, ты увидел их лишь под воздействием Сашкиных слов - увидел бы Сашка смерть с косой, и ты бы ее увидел... В тот день под аркой ты видел прекрасную девушку, а Сашка - чудище с зубами и лошадиной мордой. Значит, и то и другое существует одновременно. Разница лишь в том, кто смотрит. Один видит одно, другой - другое... Когда я медленно умирал, я видел прекрасный мираж, стоило мне захотеть пожить еще немного, и я увидел то, что увидел... Правильно она сказала: «Решил соскочить с крючка!» Именно, что решил... А если бы не решил, то сейчас бы она меня ласкала здесь, пока... Пока бы я не умер! Нашли бы потом труп на кровати в съемной квартире... И объяснение смерти уже есть - я же всем известный наркоман! Принял слишком большую дозу и скончался. А никакой Евлампии не было, потому что не могло быть. Она ведь месяц тому назад погибла под колесами машины и была похоронена на кладбище... На могиле стоит черный обелиск...»

Витя отошел от двери на шаг. Замер, прислушиваясь. Показалось, что на лестнице шаркнули подошвы... Нет, тихо.

Виктор медленно, осторожно, точно боялся, что кто-то за дверью, услышав его шаги, поймет, что в квартире кто-то есть, перешел из коридора на кухню.

Хотелось пить, он отыскал в тумбе кухонного гарнитура на самой нижней полке в углу щербатую, покрытую чайным налетом кружку, подошел к мойке, открыл кран.

Хлынула струя воды.

Он попытался наполнить кружку. Но руки тряслись так сильно, что большая часть воды, что попадала в кружку, тут же и выплескивалась, еле-еле удалось наполнить ее на треть...

Схватив кружку двумя руками, осторожно поднес ее ко рту. Пальцы с силой сжали фаянс, но это не помогало. Кружка ходила в руках ходуном, он боялся выбить о ее край зубы...

Кое-как утолив жажду, с грохотом поставил кружку на стол, уселся, а вернее - упал на кухонную табуретку.

Мыслями все еще был в лифте в «Чайках», перед глазами то и дело возникал ужасный череп, тянувшийся к нему, точно морда зверя, своими зубами.

«А что, если сейчас «чудище» поднимается по лестнице к двери квартиры?» - душу начал охватывать леденящий ужас.

«Надо взять себя в руки, успокоиться, - подумал следом. - Иначе при таких делах к ночи просто сойду с ума!»

«Ночь! Что будет ночью?!» - от этой мысли он вскочил с табуретки, как ужаленный, нервно заходил по кухне.

Память уже подсказала: в первые несколько суток после встречи с подлинной Евлампией Сашка пьянствовал в компании случайных собутыльников.

«А не напиться ли и мне?!» - еще день назад идея залить ужас спиртным показалась бы ему никуда не годной. Не был любителем выпить, тем более таким, который при любых трудностях, едва понервничав, уходит в запой. Но теперь торопливо проверил, целы ли деньги в карманах и, не раздумывая, ринулся к двери.

Его привлекала даже не выпивка, а то, что в магазине, скорее всего, окажется полно людей, - находиться одному в квартире невыносимо.

29.

Виктор торопливо шел по улице, мысли его скакали.

«Если умру, то что получится: я окажусь в мире мертвых даже раньше Евлампии? Ведь ее задерживаю на этом свете я, а удерживать меня не будет никто и ничто... Но я не хочу в мир мертвых, не хочу превратиться в такое же зубастое чудище! За что? Я не катался на велосипеде, не попадал под машину! Почему должен умирать?»

Он пошел поспокойнее: по улице сновало множество прохожих, погода - солнечная...

«Как хорошо просто жить!» - паника и ужас, владевшие им, когда он покинул квартиру, немного уменьшились.

«Баба Мария права: я понадобился Евлампии только потому, что благодаря мне она смогла задержаться после смерти в этой жизни... Вернее, в своеобразном «тамбуре» между этим светом и светом тем... Поэтому, когда попытался отказаться от встреч, покойница тут же пришла в ярость, продемонстрировала подлинное лицо - лошадиную морду и страшные зубы...»

Виктор вспомнил, что говорила про него мать Евлампии, - все эти оскорбительные речи на кладбище: «Должно быть, мать и дочь, когда обсуждали меня, говорили именно в таком ключе - что я Евлампии не пара!»

На какую-то долю секунды в душе его мелькнули совсем другие воспоминания: о том, как они с девушкой сидели на скамейке и она ласкала его, о ночи, проведенной в несуществующем доме, о жарких объятиях во время прогулки в парке. Но эти картины мгновенно вытеснила другая, чудовищная: замкнутое пространство в кабине лифта, вытянутый череп и тянущиеся к его лицу, явно не чтобы поцеловать, а чтобы загрызть, зубы. Чудовищный запах, от которого вот-вот вывернет наизнанку, кажется, даже не внутренности, а саму душу.

Виктор весь мелко затрясся, опасливо посмотрел по сторонам и, не увидев ничего подозрительного, прибавил шаг.

Но куда он идет? С тех пор, как он жил в этом районе, в который так стремился вернуться и до которого сейчас не было никакого дела, прошло немало лет.

Некоторые дома снесли, магазины, которые помнил по детским и школьным годам, закрылись. Не знал, где купить бутылку коньяку.

Прикинул, что если повернуть сейчас направо, за угол квартала старых панельных башен-девятиэтажек, а потом перейти улицу и свернуть на перекрестке налево, то через двести метров будет старенький уютный торговый центр. Если, конечно, его еще не снесли, что вряд ли - центр пристроен к уже на памяти Виктора возведенному кирпичному дому, вполне крепкому, такие не сносят.

Какие бы перемены не произошли в помещениях торгового центра, хоть один продуктовый магазин, торгующий спиртным, там обязательно должен найтись.

Там же хорошо бы сразу разжиться и закуской. Хотя Виктор не мог представить, как он будет сидеть один на кухне съемной квартиры и, прислушиваясь к шорохам на лестнице, смотреть, как улица за окном постепенно погружается во мрак... «А ведь она, скорее всего, может проникать и через стены! Зайду я в ванную или туалет, а там - чудовище!»

Почувствовав, что нижняя челюсть трясется, а зубы вот-вот начнут лязгать друг о друга, Витя прибавил шаг. «Ничего, достаточно какого-нибудь большого глотка коньяка - нервы немного успокоятся! Как только это произойдет, смогу обдумать без страха и паники, что делать... Хотя что тут, к чертовой матери, можно поделать?!.. Но главное - чтобы перестало колотить! И я не хочу умирать, ведь не катался же я, черт возьми, на том чертовом велосипеде, на котором носилась Евлампия, почему я должен отправляться за компанию на тот свет?!»

Теперь для Виктора «тот свет» и «смерть» не были какими-то неосязаемыми и словно бы вычитанными из каких-то заумных книжек понятиями, которых прежде он, в общем-то, и не очень боялся, которые, красуясь перед собой и другими молодостью и здоровьем, презрительно считал явлениями из другого мира - стариков, болезней, несчастий... Теперь для Вити «тот свет» - это страшная «лошадиная морда», чудовищная могильная вонь, истлевшее платье, зубы, тянущиеся, чтобы выгрызть часть его лица... Каждая клеточка его молодого организма яростно восстала против мира могил. Ужас от того, что он сам может стать кладбищенским обитателем закручивал его бешеным вихрем, выдувал все чувства, какие только могли быть прежде: любовь, болезненную привязанность к местам, по которым теперь шел, не замечая их. Одно стремление владело им - остаться среди живых! Неважно, среди каких живых, неважно в каком месте мира, главное - не оказаться рядом с «чудовищем» таким же «чудовищем»!

Виктор не ошибся: и аккуратный кирпичный дом, смотревшийся вполне современно, и стилобат, окружавший его первый этаж - все было на месте («А куда бы оно делось!»). Прежние, которые Витя помнил по школьным годам, торговые предприятия исчезли. Но среди новых, занявших стилобат, самое большое место занимал сетевой продуктовый магазин. В нем-то точно можно купить любые спиртные напитки! Обрадованный Витя поспешил ко входу.

«Бутылку, пластиковые стаканчики, водички какой-нибудь - и в ближайшую подворотню... Выпью, почувствую, как легчает, перестанут крутиться перед глазами эти зубищи, а там подумаю...» - лихорадочно думал он, хотя внутренний голос тут же шептал ему, что, став после сцены в лифте совершенно неменяемым от страха, останется таким, сколько бы ни выпил...

Руки Виктора дрожали. Охранник магазина, стоявший рядом с входом, без сомнения принял его за алкоголика, прибежавшего за порцией зелья. Краем глаза Витя заметил, что охранник медленно двинулся следом вглубь магазина.

«Боится, украду что-нибудь!» - пронеслось в голове.

Молодой человек прошел мимо полок с печеньем, завернув за угол, увидел ряды всевозможных бутылей. Но в метре от полок, на которых они стояли - загородка: переносные столбики на широком основании и натянутая между ними коричневая лента.

У полок со спиртным стоял работник магазина со сканером штрих-кодов в руках. Брал с полок то одну бутылку, то другую, сканировал этикетки, ставил бутылки обратно.

- А как мне... - начал Виктор, пытаясь привлечь к себе внимание...

Сзади к нему уже приближался охранник.

- Отдел закрыт, - повернулся к Вите человек со сканером. - Ничего не продается... Переучет!

Молодой человек развернулся и медленно поплелся к выходу.

В кои то веки понадобилась бутылка коньяку, причем - срочно, и надо же - переучет! При этом только в одном отделе магазина - винном!

Охранник быстрым шагом обогнал его и встал на прежнем месте - у входа в торговый зал.

Виктора по-прежнему трясло. Еще пару минут назад он успокаивал и подбадривал себя тем, что, выйдя из магазина, в ближайшей подворотне хлебнет коньяку и тогда... Ужас, вцепившийся в него железной рукой, хотя бы на время, но точно отпустит! Удастся перевести дух, обдумать, что делать дальше!..

Но винный отдел не работал!.. И значит, хотя бы на время, успокоиться не получится. Надо опять куда-то идти, искать магазин...

- Где здесь поблизости есть винный отдел? - выпалил Виктор, остановившись возле охранника.

Тот - бритый налысо маленький рябой мужичонка с черной бородкой - нахально усмехнулся в лицо Вите и ничего не ответил. Что разговаривать с презренным трясущимся запойным пьяницей?!

Мороховский много потерял, что не видит сейчас Витю: он бы, наверное, даже сам поверил в то, что молодой человек употребляет наркотики - иначе отчего Виктор весь дергался, как будто его непрерывно колотило электрическим током, при этом был бледен, как полотно, и от него совершенно не пахло спиртным?!..

- Я говорю, где тут поблизости винный магазин? - уже не владея собой, еще раз спросил Витя охранника.

- Не знаю! - грубо бросил охранник и, передернув плечами и, кажется, даже бросив беззвучно, одними губами, грубое ругательство, отвернулся.

Витя, опасаясь, что его нервы могут не выдержать, последует непредсказуемая бурная реакция, итогом которой станет появление полиции, быстро вышел из магазина на улицу.

Торопливо пошел по тротуару. Куда движется - не имел представления. Шел только, чтобы идти куда-то: быстрый шаг помогал не вспоминать каждую секунду про череп с тянувшимися к Витиному лицу острыми клыками. Вернее, он все равно то и дело вспоминал про них, но тело, занятое быстрой ходьбой, не начинало тут же вибрировать от ужаса.

Отмахав приличное расстояние, все же задумался, куда идет - впереди, насколько помнил, не было ни одного продуктового магазина.

Но если он пойдет так, как сейчас, никуда не сворачивая, то выйдет к проспекту, там надо будет пройти мимо «Чаек», - только не переходя проспект и не приближаясь к высоким башням, - и в квартале от жилого комплекса, во дворах - большой продуктовый магазин. Виктор проходил мимо него как раз в тот день, когда Сашка увидел под аркой «чудище», с которым сегодня довелось встретиться в лифте и Вите.

Торгующий спиртным отдел в том магазине точно есть - сетевой формат, по всем адресам примерно один и тот же ассортимент, полки с бутылками - куда же без них деться?! Переучет там вряд ли будет - не может же переучет одновременно начаться во всех магазинах разных фирм, расположенных в одном районе!

Правда придется идти мимо «Чаек», а одно воспоминание об этом жилом комплексе заставляло Витю леденеть от ужаса.

«Но ведь можно подойти к магазину и с другой стороны! - подумал Виктор. - Тогда не надо будет двигаться вдоль проспекта, да и «Чаек» из-за девятиэтажных башен, которых там стоит несколько штук, скорее всего не разглядишь. Вот и перекресток, на котором надо свернуть налево!»

На углу на широком тротуаре стоял газетный киоск, его стеклянные витрины, расположенные под наклоном, отражали улицу и каждого, кто подходил по ней к киоску.

Витя невольно попытался рассмотреть собственное отражение. Но взгляд его вместо собственной фигуры упал на нечто, что находилось гораздо дальше от киоска, чем сам Витя. Где-то там, за его спиной. И это нечто привлекло его внимание...

Он не сразу понял, чем... Знакомое платье... Да это же Евлампия! Она идет метрах в двадцати - двадцати-пяти за его спиной!

Витя остановился и уставился в отражение: да, это точно она!

Девушка приближалась к стоявшему у обочины грузовичку, мимо которого с полминуты назад прошел Виктор. Она шла, скрестив руки на груди, словно ей было зябко... Вдруг Евлампия опустила руки вниз и, сделав несколько быстрых шагов, спряталась за грузовичком.

Виктор обернулся: никого! «Она поняла, что я мог заметить ее в отражении в витрине киоска, решила подстраховаться, шагнула за кузов грузовичка!»

Ледяной ужас продрал его от пяток до макушки!

«Что же делать?!...»

«Нет, мне это показалось! Я просто сошел с ума от страха, теперь Евлампия мерещится мне повсюду... Там не могло быть никакой Евлани, а если бы даже была, то я бы не увидел ее в витрине киоска!» - пронеслось у него в голове.

С надеждой, что не увидит грузовичок в отражении, он повернулся и всмотрелся в витрину: грузовичок был прекрасно виден, так же, как и тротуар рядом с ним.

«Это не удивительно! - тут же сказал он сам себе. - Ведь я только что видел и этот грузовичок, и тротуар, и...»

А что еще он видел? - тут же спросил себя Виктор. Знакомое платье - да, его точно видел! Волосы - да... А лицо? Было ли там лицо или... Череп с длинными острыми зубами?!

От ужаса он чуть не закричал!

Усилием воли он взял себя в руки. Ледяной пот лил с него градом. Медленно повернулся и посмотрел на грузовичок - тот стоял на прежнем месте у тротуара. Виктор разглядел спущенное правое переднее колесо. В кабине конечно же, никого нет. А Евлампия стоит где-то у самого лобового стекла... Выжидает...

Евлампия ли?! Голову-то он не рассмотрел. Может быть, это не Евлампия, а чудище, в которое она превратилась?! Или превращалась иногда...

Усилием воли он заставил себя повернуться обратно к киоску, двинуться дальше, завернуть за угол.

«Если я сейчас встречу с чудищем, то скорее всего, сойду с ума!» - осознавал он. Но тем ужаснее все было: чудище было существом с того света и его в любое мгновение можно встретить в любом месте!

Можно было развернуться и побежать назад, к грузовичку, проверить, кто прячется за машиной... Он бы умер от страха раньше, чем добежал до грузовичка!

Виктор пошел вперед. Сначала медленно, потом быстрее, ускоряясь с каждым шагом. Вот он завернул за угол.

Сейчас Евлампия выглянет из-за грузовичка, обнаружит, что его нет, двинется за ним.

«Удача!» - пронеслось в голове Виктора, когда он рассмотрел первый этаж здания, стоявшего на улице следом за угловым: юридическая консультация, медицинский центр и в самом дальнем краю - магазин «Цветы».

Быстро, почти бегом, Виктор ринулся к магазину. Прежде, чем Евлампия завернет за угол, он должен войти в его дверь. По его прикидкам: должен успеть!

Пока она выглянет из-за грузовичка, пока дойдет до угла...

Вот и пластиковая дверь магазина! Виктор взялся за ручку, одновременно глядя налево, вдоль улицы, - Евлампии не было.

Он торопливо прошел за порог магазина, дверь за ним притворилась.

31.

На удачу, цветочный магазин, который с улицы, глядя через витрину, казался маленьким, оказался вовсе не тесным: из зала, в который покупатель попадал вначале (после того, как за ним закрывалась входная дверь), был широкий проход в еще один зал.

Часть этого прохода занимала широкая, высокая этажерка, заставленная горшками с комнатными растениями: гибискусы, каллы, розы. Слева за кассовым аппаратом, стоявшим на тумбочке, окруженной ведерками с разными сортами роз, тюльпанами, гвоздиками и еще какими-то цветами, названия которых Витя не знал - продавщица. Читает какое-то сообщение на экране смартфона.

На вошедшего молодого человека не обратила внимания.

Воспользовавшись этим, Виктор, стараясь идти спокойно, чтобы нервным топотом шагов не заставить цветочницу отвлечься от экрана, подошел к этажерке. Уставился на горшки и стоявшие рядом с ними ценники, механически принялся бормотать напечатанные на них названия цветов: «калатея кроката, гузмания дэнис, вриезия сплен... спленриет». Словно он сам был не знаток всех этих декоративных растений, но пытался отыскать среди них то, которое ему заказали.

Сделал еще несколько шагов и оказался за этажеркой. Место, которое занял, было лучше не придумаешь - в промежутках между стеблями и цветами всех этих «гузманий» и «крокат» мог смотреть на витрину, а сквозь нее была видна улица перед магазином.

Если Евлампия ему не померещилась и в самом деле преследует его, сейчас он увидит ее на тротуаре.

Истекла минута, другая... Мимо витрины прошло несколько прохожих, но Евлампия не появлялась.

В соседнем зале раздался характерный глухой стук - продавщица положила смартфон на прилавок. Потом громко зевнула.

«Похоже, вообще не заметила, как я вошел!» - пронеслось в голове у Виктора. Тем лучше! Значит, пока продавщице зачем-то не понадобится перейти в другой зал, он может спокойно наблюдать через витрину за улицей...

Медленно тянулось время. Вите казалось, что он торчит в цветочном магазине уже минут десять, но на самом деле едва ли минуло и пять минут.

«Все-таки мне показалось! Это была не она!» - впервые с того момента, как в лифт ворвалось, издавая запах разложения, чудовище, он выдохнул и немного расслабился. В самом деле, тогда в отражении в витрине киоска она ему почудилась. После утреннего кошмара, после всего, что пережил за последние дни - галлюцинации...

Евлампия появилась на тротуаре как раз напротив витрины и в паре метров от нее остановилась. Медленно посмотрела на другую сторону улицы, обернулась и некоторое время внимательно смотрела в сторону киоска.

Виктор, - в эти мгновения он не дышал, - мог хорошо рассмотреть ее - ничего от чудища из лифта в девушке не было: да, на ней было ее любимое простенькое голубенькое платьице в белую полосочку, но в остальном - это была его любимая Евлампия. Никаких лошадиных черт: милое лицо с полуоткрытым ротиком и видневшимися красивыми ровными зубками... Он даже залюбовался ею!

Вдруг она встрепенулась и слегка наклонила голову набок и вытянула шею, высматривая что-то в дальнем конце улицы. Потом резко отступила к витрине. Витя видел ее спину, затылок...

«Ей показалось, что видит меня там, в конце улицы! - мелькнуло в голове. - Не хватало, чтобы Евланя, прячась от меня, зашла в магазин!»

Витя попятился.

Но девушка вдруг быстрым шагом, наклонив голову и вжав ее в плечи, словно стараясь стать меньше, не быть узнанной, пошла в обратном направлении - туда, откуда появилась.

Через витрину ее больше не видно...

В цветочный магазин вошли покупатели: мужчина, две женщины.

Виктор медленно обошел этажерку с горшками и вышел в первый зал. Продавщица, помогавшая женщинам выбирать цветы, отвлеклась от букета и несколько мгновений удивленно смотрела на него, не в силах понять, откуда он взялся в магазине.

Потом покупательница что-то спросила ее, она отвлеклась от Виктора.

Молодой человек медленно вышел из магазина.

Сердце его учащенно билось. Если бы справа у стены увидел Евлампию, то от страха, не владея собой, закричал бы: «Что тебе надо?!» Сейчас она - Евлампия, а через минуту - чудище с лошадиным черепом и страшными длинными зубами.

32.

Девушки нигде не было видно. Виктор, рискуя попасть под проезжавшие автомобили, кинулся на другую сторону улицы. Оказавшись на противоположном тротуаре, обернулся, окинул взглядом окрестности: никого!

По асфальтированной дорожке между двумя домами побежал во дворы...

Перед тем, как свернуть направо - на спортивную площадку, где его уже не будет видно с улицы, еще раз обернулся: Евлампии нет.

Побежал дальше и перешел на шаг только, когда совсем выдохся. К этому моменту был уже на значительном расстоянии и от снятой утроем квартиры, и от «Чаяк».

«Что же теперь делать?» - Виктор шагал по тротуару, сам не зная куда, и то и дело оборачивался.

Евлампия за ним следом не шла. «Но ей это и не нужно... - размышлял Витя. - Если она шла за мной по улице, где киоск, в витрине которого я увидел ее отражение, значит преследовать меня начала еще раньше - от съемной квартиры... Да и на съемную квартиру вышла, проследив за мной от «Чаяк»... Но получается...»

Он остановился, до такой степени поразила его возникшая в голове мысль: «В лифте Евлампия предстала передо мной покойницей... (только подумав об этом, молодой человек мелко задрожал от ужаса) Значит, она знает, что прежняя любовная игра невозможна... Одна мысль о том, как выглядит та, что стоит за прекрасным образом... Зачем же ходит следом за мной Евлампия-красавица? Да только затем, что иначе Евлампия перемещаться по городу не может! Ходит - красавица, а предстанет - чудище... И следит она за мной только затем, что выбирает момент... Вот только для чего?!»

«Утащить меня к себе в могилу! Для чего же еще?!» - прямо ответил он сам себе.

Его охватил такой ужас, что для того, чтобы хоть как-то овладеть собой, он быстро пошел, чуть ли не побежал по тротуару, как будто покойница в очередной раз шла за ним...

«Что же делать?!...»

Тут он понял, что сам того не замечая, оказался в пяти минутах ходьбы от бизнес-центра, в котором принимала его баба Мария.

«Колдунья! Вот единственный человек, который может помочь!» - пронеслось у него в голове.

Озираясь, - девушки нигде не было видно, что не удивительно - он был уверен, что она поджидает его где-то поблизости от съемной квартиры, - Витя свернул с тротуара вправо, туда, где в самом начале двора стоял сваренный из металлических уголков и листов бокс для мусорных контейнеров.

Виктор зашел за бокс и посматривая поверх металлической стенки на улицу, - не появится ли где-нибудь Евлампия, - достал из кармана смартфон.

Номер, с которого звонила «птичка» - помощница колдуньи, - нашелся сразу. Она была последней, кто звонил ему в эти дни...

«Странно, - подумал он в эту минуту. - Столько времени прошло, а мне никто не звонит, никто мной не интересуется... Правда, я всегда больше общался в мессенджерах... Но ведь не только в них... Никому я не интересен, кроме покойницы!» - он горько усмехнулся.

На вызов ответили почти сразу...

33.

- Я же сказала, что баба Мария сегодня... - начала «птичка», но тут же осеклась.

- Что с вами?! - спросила она, вставая из-за стола и неотрывно глядя широко раскрытыми глазами на Виктора.

- А что со мной? - не понимая, что она имеет ввиду, пробормотал Виктор.

Он думал только об одном: успел ли застать в офисе колдунью.

Когда четверть часа назад набрал здешний номер телефона, «птичка» сказала, что, хотя баба Мария у себя в комнате, она плохо себя чувствует. Отменила несколько встреч с клиентами, отдыхает, чтобы набраться сил для того, чтобы ехать домой. Сейчас немного придет в себя и за ней приедет шофер...

После этого он бегом кинулся в сторону бизнес-центра. «Только бы не упустить ее! Кинуться к ней, все рассказать, спросить совета, когда она будет выкатываться на коляске из комнаты, когда ее станут сажать в машину... Инвалидка, она не сможет исчезнуть быстро. Все точно предсказала в прошлый раз, значит скажет, что мне делать и теперь!» - неслось у него в голове, пока он бежал по тротуарам, перебегал, не дожидаясь зеленого сигнала светофора, улицы перед мчавшимися машинами.

- У вас вид безумный! Да вы посмотрите на себя в зеркало! Где-то подрались что ли? Прошлый раз вы выглядели лучше! - «птичка» с силой схватила Виктора за локоть и подвела к висевшему на стене у двери большому овальному зеркалу, над

которым висели два слегка повернутых друг к другу светильника в форме раструбов.

Перед тем, как уставиться на свое отражение в зеркале, Витя успел заметить, что та, которая показалась ему в прошлый раз птичкой - вовсе не птичка, и совсем не так юна, как представилось при первой встрече. Сейчас он разглядел то, что почему-то не увидел прежде: помощнице бабы Марии - тридцать, или около того, лет, следовательно, она старше Виктора. И в самом деле, маленького роста, хотя уж и не совсем карлица, но при этом слегка даже склонна к полноте, а вовсе не хрупка, кроме, пожалуй, изящных тонких кистей рук и шеи, белой, с пульсировавшей синей жилкой и оттого казавшейся беззащитной и хрупкой. На лице у нее в этот раз были видны морщины усталой и, может быть, уже познавшей тяготы материнства и несчастливого замужества, женщины. Прошлый раз она могла искусно прикрыть их косметикой...

Увидев себя в зеркале, Виктор отпрянул и застонал: то, что увидел, поразило его. Странно, что до сих пор с того самого момента, как он выскочил из лифта на первом этаже башни «Чаяк», Витя ни разу не удосужился посмотреть на себя в зеркало. И даже когда он вглядывался в витрину киоска, внимание его было приковано не к себе самому, а к Евлампии...

В ярком свете ламп, висевших над зеркалом, отражавшаяся картина была особенно ужасна: глаза Вити вытаращены, словно твердо решили вылезти в конце концов из орбит. Вокруг глаз - огромные черные круги, вроде синяков от ударов. Волосы спутаны и торчат дыбом, причем в них, непонятно откуда взявшаяся, запуталась ветка с листочками.

«Да откуда же ветка?!» - пронеслось в голове. И тут же он понял, что плохо помнит, как бежал от «Чаяк» к съемной квартире. Вроде действительно не его пути были то ли заросли кустов, то ли какой-то маленький сквер или заросший деревьями дворик...

Ворот рубашки почему-то разорван, словно, задыхаясь сам рванул его, полуоткрытый рот перекошен, одна половина тянется вниз, другая вверх, во рту торчит отчего-то совершенно синий язык и... вот это совершенно необъяснимо, у него сломаны два передних нижних зуба, торчат только корни!..

«Чудище» набрасывалось на меня, тянуло ко мне пасть, но не было же... Хотя вроде и толкало, и череп был от моего лица так близко!»

- Я хочу поговорить с Марией! - выпалил он, повернувшись к помощнице колдуньи.

- Я же вам сказала, это невозможно! Все ее встречи на сегодня отменены. И это с людьми, которые уже внесли предоплату. И немалую! А вы даже не договаривались о встрече... Я думаю, самое раннее, она сможет принять вас послезавтра.

На лице Виктора изобразилось отчаяние. Он вцепился руками себе в волосы.

- Черт! Проклятье! Что же мне делать?! - воскликнул он.

«Птичка», которая вовсе не была «птичкой» с жалостью посмотрела на него.

- Подождите, я пойду спрошу ее, может быть, она сможет уделить вам несколько минут, - она повернулась, чтобы идти к двери в комнату колдуньи.

Но та вдруг приотворилась, - словно бы сама собой, а может - под действием подувшего в этот момент сквозняка, и сквозь образовавшийся просвет из комнаты донесся знакомый скрипучий голос:

- Пусть войдет! Я поговорю с ним... Только по прейскуранту возьми с него в тройном размере. Я думаю, это справедливо...

34.

Все было, как в предыдущий раз: полумрак, кожаный диван, стоявший поперек комнаты, инвалидное кресло, пузырьки с лекарствами на круглом столике.

- Она шла за мной... Я боюсь... Почему так?.. - сбивчиво, захлебываясь словами от того, что хотел скорее рассказать колдунье, что с ним произошло, говорил Виктор. - Теперь я понимаю, почему Саша пил после этого столько дней!

Странно, но на этот раз баба Мария не вызывала у него прежних тяжелых чувств. Быть может потому, что по сравнению с чудищем, с которым повстречался в лифте, изуродованная инвалидка, прикрытая вуалью и полумраком, не представлялась ему чем-то страшным. Он не боялся ее. В отличие от прошлого раза не чувствовал, что попал в сети, расставленные страшной паучихой. Наоборот, только паучиха была сейчас единственным человеком в целом свете, который может помочь ему.

- У нее такой вид! Этот череп, страшные зубищи, вонь!..

Виктор мелко задрожал. Чтобы справиться с вернувшимся в очередной раз ужасом, обхватил себя руками, вцепился пальцами в собственный бок, плечо... Зубы залязгали.

Колдунья презрительно усмехнулась.

- Еще бы!.. Она, видимо, уже уходит туда... - баба Мария махнула рукой куда-то в сторону. - На тот свет... И твоя жизнь уже не может удержать ее на этом свете. А знаешь почему?

Виктор повертел головой. Он обратил внимание, что в комнате колдуньи с прошлого раза произошли перемены. В дополнение к дивану, на котором сейчас сидел, у плотно занавешенного окна появились два кожаных кресла.

У противоположной окну стены, ближе к лампе и инвалидному креслу бабы Марии, появился кулер, а рядом с ним тумба, из тех, что ставят на кухнях, а на ней чашки, вазочка с печеньем. Рядом с тумбой - его тоже раньше не было - маленький холодильник.

- Потому что из-за красавицы жизни в тебе уже осталось мало. Она подпитывалась твоими силами, но они иссякли, и у

нее уже нет способа выглядеть живой... Если только чуть-чуть... Иногда...

«Значит, - пронеслось у Виктора в голове. - я был прав, когда думал, что вот, я вижу в отражении киоска нормальную девушку Евлампия, а еще через мгновение она, как оборотень, превратится в ужасное чудовище».

- Учти, совсем немного - и ты отправишься на кладбище, - продолжала колдунья. - Какое-нибудь быстрое острое состояние - ранний инсульт или инфаркт - и все!

- А почему перед моим приятелем Евлампия, когда он один раз увидел меня с ней, предстала в виде полуразложившегося трупа, а я при этом видел прекрасную девушку? - выпалил молодой человек.

Баба Мария на мгновение задумалась. Потом ответила:

- Когда ты позвал на вашу встречу своего приятеля, твоих жизненных соков хватило красавице только для того, чтобы выглядеть живой в твоих глазах, а Саша... Саша увидел то, что было на самом деле...

«Никогда не говорил ей, как зовут Сашку, а она это знает...» - подумал Витя, вслух произнес:

- И сегодня, когда она шла по улице, была обычным человеком... Никто не шарахался от нее...

- Не знаю, как именно это действует... Скорее всего, ее видишь только ты... А почему ее увидел Саша... Может быть, потому, что ты хотел, чтобы он ее увидел... Ведь ее нет на самом деле, ее тело уже гниет в могиле, на которой ты был, ты видишь либо ту ее ипостась, которая существует между двух миров, либо ту, которая уже там... Да, ну и вид у тебя!.. Учти, столкнувшись с ней... такой... Ты словно бы побывал на том свете... А это...

- Это страшно! - выкрикнул Витя.

- И небезопасно... - колдунья заерзала в инвалидном кресле. - Как тебе объяснить... Столкнуться с персонажем, который уже находится за чертой, - это все равно, что побывать в зоне ядерного взрыва... Ничего не стоит получить смертельную дозу радиации и загнуться от лучевой болезни... Кстати, именно поэтому тебе так неприятно общаться со мной... - в хриплом голосе бабы Марии зазвучала усмешка. - Я ведь уже немного того...

Виктор вскинул глаза.

- Нет, я не покойница, но из-за моей травмы я давно уже медленно умираю и стою одной ногой в могиле. В этом объяснение моего дара... Видеть мир мертвых, уметь понимать его...

- Что же мне теперь делать? - прошептал Виктор.

- Постарайся больше не попадаться ей на дороге. Вот и все... Ничего другого ты все равно не сделать не можешь...

- А если она все же подловит меня где-нибудь? - воскликнул Виктор.

Колдунья задумалась.

Витя тяжело дышал.

- Не знаю, трудно сказать, что произойдет... - проговорила наконец баба Мария. - Но, скорее всего, ей понадобится твоя жизнь - чтобы еще хоть немного подзадержаться на этом свете. Так что ты после очередного контакта с этой... с зубами, просто упадешь с остановившимся сердцем и больше не поднимешься...

- Но неужели все так... Так ужасно! - прохрипел Витя, чувствуя, как после последних слов колдуньи ужас все крепче сжимает ледяными пальцами его душу. - Помогите мне, я не хочу умирать!.. За что мне это?!..

- За что?! - вдруг злобно взвизгнула колдунья. - А ты не знаешь?!.. За то, что ты был полным кретином! Ты связался с покойницей, прекрасно понимая, кто она! Во всяком случае, догадываясь, что за всем этим стоит. Ты таскался с ее матерью на кладбище, тебя не насторожило, что твоя красавица всегда возникает словно бы из воздуха на дорожках парка... Тебе не показалось странным, что у нее нет телефона и ей нельзя позвонить... Ты все прекрасно понял с самого начала, но ты надеялся, что для тебя это бесконечно будет оставаться лишь приятным приключением, а момента расплаты, когда придется пойти вслед за Евлампией на тот свет, не наступит никогда! Ты надеялся, что перехитришь свою собственную судьбу... Ты и мне не верил! Убирайся вон, наглец, я не хочу больше тебя слышать! Я плохо себя чувствую! Во-он! - закричала колдунья.

Витя вскочил с дивана и опрометью, не помня себя, выбежал из офиса бабы Марии.

35.

Теперь Виктор хорошо понимал, что испытывал Сашка в те первые несколько суток после того, как увидел под аркой рядом с одноклассником «чудовище».

После посещения офиса бабы Марии он был так напуган сказанным ей, что если прежде у него и могла возникнуть мысль о том, чтобы пойти домой - в съемную квартиру, то оказавшись на улице перед офисным зданием, думал только об одном - как бы оказаться подальше от мест, в которых жил и учился раньше - от всех этих «Чаяк», строек на месте старого дома...

Витя попытался остановить такси, но ни одна желтая с пашечками машина не останавливалась. Через пятнадцать минут стояния на тротуаре перед ним остановился старый, чадивший дымом из выхлопной трубы, осевший на передние колеса легковой автомобиль, - сидевший в нем человек, коверкая русские слова согласился отвезти Витю в любое место при условии, что он покажет дорогу...

Молодой человек не раздумывая забрался в прокуренный салон и сказал, что ему нужно в самый центр города.

Когда автомобиль, грохоча неисправным глушителем, отъезжал от тротуара, Виктор, обернувшись, смотрел назад: Евлампии нигде не было...

«Значит ли это, что она не сможет проследить, куда я поехал?» - спрашивал себя он.

Выйдя из такси на Тверской улице, побрел по направлению к Кремлю. Народа в самом центре столицы полно: по тротуару в обе стороны двигались толпы прохожих. Много шумных компаний, бесцеремонно занимавших все пространство от самых витрин до бордюра, вплотную к которому еле полз плотный поток автомобилей. Вите приходилось останавливаться, уступать дорогу. В этот момент на него обязательно наталкивался, отдавливая задники ботинок какой-нибудь шагавший сзади подросток, девушка, спешивший по своим делам и не замечавший ничего вокруг дядька.

«А может, это я иду, как пьяный, всем мешая и никак не попадая в один ритм с толпой?» - мелькало в голове.

И все же в толпе нервы его понемногу успокаивались. Поглядывая на бесчисленные желтые с фонариками с шашечками на крышах такси, двигавшиеся в сторону Кремля, на сверкавшие лаком шикарные лимузины, рычавшие моторами джипы с широченными колесами, Витя думал, что вряд ли покойница рискнет появиться здесь в своем страшном обличье - ей больше нравились безлюдные пространства под арками «Чаек», лифты в подъездах в час, когда большая часть жильцов на работе.

«Никогда прежде она не появлялась в густой толпе... Все больше в безлюдных парках, скверах, на улицах, где почти нет прохожих... Да и кафе, в которое мы тогда вместе ходили, было на отшибе!» - думал молодой человек.

Чем меньше оставалось до Кремля, тем гуще становилась толпа на тротуарах. Ужас, который испытывал Виктор перед возможным появлением «чудовища» постепенно слабел. Когда брел рядом с краснокирпичными зубчатыми стенами, то почти убедил себя, что Евлампия здесь появится не может.

«Да и откуда ей знать, что я именно здесь?! Если только она летела, как ведьма, по воздуху следом за такси на метле. Но это вряд ли... - думал молодой человек. - Значит, пока брожу по центру, я в относительной безопасности. Но вот только, что со мной будет, когда придется вернуться восвояси?»

36.

Витя сидел в кафе. Перед ним на столике - чашка кофе - пустая, тарелка с остатками шоколадного пирожного. С того момента, когда в лифт к нему ворвалось чудище с вытянутым лошадиным черепом вместо головы, прошло больше суток.

Ночь Витя не спал, опасаясь покидать пятачок городского пространства в пределах бульварного кольца. Набродившись перед этим по самым людным местам возле Кремля - у собора Василия Блаженного, Лобного места, в парке Зарядье, в Александровском саду, выбирая намеренно пятачки пространства, где собирались группы иностранных туристов с

экскурсоводом, шумные компании молодежи - изрядно устав, он потом осел в одном из ресторанчиков быстрого питания и цедил кофе из пластикового стаканчика на самом неудобном месте на проходе (зато все время рядом с людьми). Потом, когда кофе кончилось, - просто уронив голову на руки и отдыхая, - то ли бодрствуя, настороженно прислушиваясь к раздающимся рядом звукам, то ли проваливаясь то и дело в больной, беспокойный сон...

Охраны в ресторане то ли не было, то ли она не появлялась в зале, Витю никто не трогал. Даже уборщица, вытирая столы тряпкой, обходила тот, за которым он сидел, стороной.

«Вот бы Мороховскому появиться здесь! - иногда думал Виктор. - Он бы увидел наркомана - жизненного банкрота, уныло коротающего одинокие часы за пустым столиком...»

Потом, когда ресторанчик закрылся, Витя некоторое время бродил по улицам, - тем, на которых даже ночью было светло и полно народа. Потом набрел на ночной клуб и заплатив за вход, прошел мимо двух равнодушно взглянувших на него амбалов-охранников в зал.

В углу, у окна, наглухо задраенного то ли фанерой, то ли плитой из гипсокартона, был свободный столик, но Витя намеренно уселся за тот, что был неподалеку от барной стойки на проходе. Мимо стула, который занял, непрерывно кто-то ходил - новые посетители, те кто был в зале - покурить, в туалет и обратно. Многие пьяны, так что их шатало, то и дело нечаянно хватали Витю руками за плечи, а то и за голову, валились на него, с извинениями в последнюю секунду опирались о него, как о какой-нибудь предмет мебели.

Виктор ни на кого не сердился, не обижался, повалившимся на него добродушно улыбался, помогал подняться. Общество, пусть даже сильно выпивших людей - приятно. В клубной толпе его меньше мучил страх перед неожиданным появлением чудовища... Всем казалось, что он сам здорово пьян, хотя спиртного Витя не выпил ни капли, заказав в баре стакан прохладительного напитка и отпивая из него очень редко по малюсенькому глоточку. Стакан этот простоял перед ним на столике чуть ли ни половину ночи.

С каждым новым ночным часом атмосфера в клубе становилась все угарней: народа в зале набилось - не протолкнуться. На улице, вроде, собралась очередь из тех, кто хотел попасть внутрь, но кого из-за отсутствия свободного места, не пускали.

Витя собравшейся вокруг него плотной толпе только рад. В другой раз все эти пьяные, проститутки, севший рядом с ним на соседний стул за его столик хрупкий молодой человек, едва ли не подросток, явно находившийся в состоянии наркотического опьянения, совершавший, глядя мутными отрешенными глазами в одну точку, какие-то странные движения руками, - все это вызывало бы у Вити раздражение, злость, он бы выбежал из этого клуба на свежий воздух. Теперь лучшего места и обстановки было не найти.

Постепенно успокоился. Чудище перестало то и дело возникать перед глазами, ужас ледяными пальцами не сжимал горло.

Умаявшись за день, Виктор откинулся на спинку кресла, в какой-то момент голова его опустилась вниз, подбородок коснулся груди, он уснул...

37.

Витя очнулся от того, что кто-то грубо тряс его за плечо. Еще не понимая, что происходит и чего надо бояться, вскинулся над столиком. Только что спал, положив на него руки и уронив на них голову.

От ужаса Витя готов закричать. Казалось в эти мгновения перед окончательным пробуждением, что трясти его может только чудовище.

Но вместо ужасного по-лошадиному вытянутого черепа с острыми зубами увидел невысокого роста, но чрезвычайного широкого в плечах молодого парня.

Смысл слов, которые тот говорил, дошел до Виктора не сразу.

Он обалдело озирался, не понимая, где находится и как сюда попал.

- Здесь нельзя спать! - еще раз повторил, злобно сверкая глазами парень и, развернувшись, пошел от столика Виктора к входу в заведение.

Только тут Виктор, наконец, вспомнил, что он - в ночном клубе... В зале было почти пусто.

Из всех столиков занятыми оставался лишь тот, за которым сидел Витя и еще один - там выпивала большая подгулявшая компания.

Бар по-прежнему работал.

Сколько он спал?.. Последнее, что Витя запомнил, это - какая-то потасовка, которая произошла между танцевавшими молодыми людьми где-то у дальней стены клуба.

Дравшихся Витя не видел, то, что произошла драка, понял после криков «Разнимите их! Охрана!», разбудивших его после того, как он уснул в первый раз. Публика отхлынула из той, дальней части зала к входу, - как раз туда, где стоял столик Виктора.

Его окружила толпа, кто-то задевал его голову и плечи руками, какая-то очень нетрезвая девушка оперлась задом о спинку его стула. Впрочем, его вся эта толпа не смущала. Он откинул голову назад, прислонившись затылком к пояснице девицы, и вновь заснул.

Когда это было? Час, два, три назад?..

Сколько бы времени Витя не спал, его это не освежило - по-прежнему сильно хотелось спать.

Ему казалось, что он борется со сном, но... Опять кто-то тряс его за плечо.

Витя вскинул голову, широко раскрыл глаза - на этот раз он не клал руки на столик, а заснул, ровно сидя на стуле с руками, опущенными вдоль туловища.

- Я же сказал: не спать здесь! Что, непонятно?! - кричал все тот же молодой охранник. - Здесь не ночлежка! Это клуб! Или заказывай что-нибудь и пей, или отправляйся спать к себе домой!

У Виктора не было сил протестовать, к тому же чувствовал: как только охранник отойдет от него, тут же опять уснет.

Молодой человек с усилием поднялся со стула.

Охранник напрягся.

Витя медленно, пошатываясь, словно пьяный, направился к выходу из клуба.

Было раннее утро. Выйдя из клуба, Виктор механически, почти ничего не соображая, направился к Кремлю. Ему казалось, что прогулка на свежем воздухе должна как-то освежить его, но этого не происходило. Все вокруг виделось, как в тумане, спать хотелось до такой степени, что пару раз он ловил себя на мысли, что хорошо бы просто усесться на тротуарную плитку, прислониться спиной к стене здания, закрыть глаза и уснуть - проспять хотя бы пять минут, а потом можно идти дальше!

«Черта с два! Стоит мне прикрыть глаза, я скорее всего не очнусь от сна пока меня не растолкают. Хоть бы где-нибудь попалась какая-нибудь скамейка!» - мечтал он.

У самого Кремля Витя повернул в сторону Александровского сада. Там точно есть скамейки...

Подойдя к первой, попавшейся на пути, сел и тут же уснул.

О чуде, Евлампии, обо всем, что произошло в последнее время, не думал. Им владело одно желание - урвать у этого раннего утра хотя бы пять минут, хотя бы минуту, еще хотя бы тридцать секунд сна!

Пусть даже когда он откроет глаза в нос ему ударит запах трупа, перед лицом окажутся страшные зубищи... Главное, перед этим все же урвет у этого раннего утра желанные пять минут сна!

38.

Что-то заставило его очнуться. Еще не понимая, что, Витя широко раскрыл глаза.

Громкие крики:

- Я не понимаю! За что?! Что не в порядке с этим?!..

У противоположного края широкой дорожки - такая же скамейка, как и та, на которой сидел Виктор. Возле скамейки - несколько приезжих, - откуда-нибудь из Киргизии. Один из них, тот, что кричал, держит в руках документы, который только что

вернул ему один из четверых сотрудников полиции, стоявших полукругом возле приезжих.

Другой сотрудник полиции, - он стоит с края, - смотрит не на приезжих (у одного из них что-то не так с документами, и его сейчас уведут с собой люди в форме), а на Виктора.

Но молодой человек понимает, что разбудил его не этот пристальный недобрый взгляд, а то, что во сне он замерз. Вите так холодно, что все его тело, руки, ноги бьет крупная дрожь.

Такой же озноб, разве только немного послабее, колотил его прежде во время встреч с Евлампией. Означало ли это, что девушка где-то рядом?

Виктору уже было не до нее - это был мрачный случай, когда один темный «клин» - страх перед появлением чудовища-покойницы, был выбит другим не менее черным клином - молодому человеку стало до такой степени плохо, что он решил, что сейчас скончается... Что ему тогда чудовище с лошадиным черепом и острыми зубами?! От него самого, может, скоро станет исходить трупный запах...

Примерно с минуту Витя оставался на скамейке. Все это время полицейский продолжал сверлить его взглядом, полным злобы. За кого он принимал Виктора? За наркомана, отключившегося на скамье после очередной дозы? За молодого прожигателя жизни, - тип людей, который почему-то был ненавистен молодому, не на много старше Виктора, мужчине в форме?!

Холодные железные пальцы, державшие Витю за сердце, вдруг разжались. Он понял, что на этот раз не умрет. Полицейский продолжал рассматривать его.

«Сейчас он потребует предъявить документы, которых у меня с собой нет, - пронеслось в голове у Виктора. - Меня заберут в каталажку, там мне станет плохо...» Витя с ужасом представил себе замкнутое помещение, в которое не так-то просто вызвать врача... Не веря, что полицейский даст ему уйти, содрогаясь от озноба (если бы Витя сам видел себя в этот момент со стороны, он бы решил, что перед ним дошедший до ручки наркоман), молодой человек поднялся со скамейки и двинулся по дорожке в сторону Исторического музея, Красной площади.

Ожидал окрика, но полицейский не остановил его.

«Должно быть, простудился, когда спал на скамейке... - думал Витя, содрогаясь от озноба. - Доски холодные, под утро ветер дул, а я... Ослаблен, болтаюсь, как собака по городу! Устал!.. Похоже, Евлампия к моему состоянию на этот раз не имеет никакого отношения».

Он бродил по центру, пытаясь найти хоть какое-нибудь кафе, в которое можно было бы зайти, чтобы согреться. Но все заведения были еще закрыты.

«Похоже, убьет меня никакое не чудовище, а усталость... - думал, дрожа в ознобе, Виктор. - Сколько еще хватит сил болтаться по городу?! Хотя, болтаюсь-то я от страха!»

«Сколько еще так ходить?.. Надо бы снять какой-нибудь номер в дешевой гостинице... Но в какой? Где ее теперь искать? Здесь, рядом с Кремлем, дешевых точно не найти!.. Да и хватит ли денег?»

Мысленно он пересчитывал остававшиеся у него деньги. Какой бы дешевой ни была гостиница, оплатив ее, окажется без гроша... Может, все-таки вернуться в съемную квартиру?.. «А если Евлампия уже засекала ее?!»

Знобило все сильнее. Плохо сердцу больше не становилось, но Витя чувствовал - все может измениться в любой момент.

К тому же, теперь у него начала болеть голова. Она и до этого была тяжелой - после почти бессонной ночи это было неудивительно, - но теперь появилась боль в висках, становившаяся все сильнее, пульсировавшая, кажется, при каждом шаге.

«Может, у меня опять температура?!.. Сейчас свалюсь где-нибудь... И вернуться в квартиру - опасно, и болтаться здесь - ничего хорошего, свалюсь где-нибудь и все... Права колдунья: силы мои на исходе. Еще немного, и я в самом деле отправлюсь туда, где уже находится Евлампия!» - под эти мрачные мысли, не представляя, что делать дальше, Витя, пробродив не меньше полутора часов по улицам начинавшего просыпаться города, наткнулся на работавшее кафе.

Предвкушая чашку горячего чая, он, уже изрядно ослабевший, не без усилия распахнул туго открывавшуюся дверь и вошел внутрь.

39.

Он сидел в кафе уже минут сорок. Легче не становилось, наоборот - все яснее представлялось, что, болтаясь по людным местам в центре, пытаюсь заглушить ужас перед возможной встречей с чудовищем и теша себя надеждой, что здесь оно его не найдет, он просто истощит силы до такой степени, что жизнь в нем прекратится сама собой...

Войдя в кафе и сев за столик, Витя некоторое время не шевелился, - таким сильным был неожиданно накативший приступ головной боли.

Для себя объяснил его тем, что пока бродил по столичным улицам, подсознательно напрягал последние силы. Не позволял смертельной усталости одолеть его... Но вот он развалился в удобном кресле за столиком, официантка принесла ему большую кружку горячего чая, - он позволил себе расслабиться. И тут же расклеился, распался на части...

К чаю, еще не выпив его, он заказал себе крепкий двойной кофе. Выпил его, высыпав в чашку и хорошенько размешав сахар из всех пакетиков, которые принесла ему официантка. Не

помогло... Виктор настолько истощен, что никакой кофе не в состоянии взбодрить его.

Хотелось лечь, вытянуть ноги, закрыть глаза и очнуться через сутки, а может - через двое. Когда организм наберется новых сил, изнуренная переживаниями и страхом душа немного успокоится, мозг придет в себя после долгого, длинной больше, чем в сутки, бодрствования...

«Не могу больше!» - в панике подумал он. Боялся, что вот-вот опять станет плохо сердцу...

Виктор чувствовал, что уже не способен сопротивляться обстоятельствам: он не в силах спастись от чудовища, не в силах найти гостиницу, не в силах ничего делать!.. Думать - и то не в силах...

Им овладела апатия. «От чего я бегу?! Я сам хотел встречаться с Евлампией, я обо всем догадывался, все подозревал, но я любил... Да и люблю ее до сих пор!.. Я сам во все ввязался... Не проще ли вернуться на берег канала и там разом все покончить?!.. Только перед этим выспаться, отдохнуть... Даже умирать в таком состоянии будет невыносимо... Слишком мучительно!»

Он безвольно опустил голову на лежавшие на столике руки, заерзал, пытаясь принять позу поудобнее.

Недопитый чай стоял перед ним на столике, его по-прежнему знобило, но он уже понимал - чаем от этого не спастись... «Спать, как хочется спать!» - думал он.

Ему показалось: с закрытыми глазами, положив голову на стол, провел достаточно много времени. В кафе заходили посетители, скрипела дверь.

Он то ли спал, то ли не спал, то ли бодрствовал, ему казалось, что он даже видит то ли сны, то ли бред: он сам себя убеждал, что ему надо скорее ехать туда, к «Чайкам», там ждет его Евлампия. Ей надо честно все рассказать: и про чудовище, и про визиты к бабе Марии. Девушка не может не понять его! Она не отвергнет Витю - вместе они решат, что делать... «Ведь есть же какой-то способ удержать ее на этом свете! - думал в собственном сне Витя. - Без нее... Как я буду жить без Евлампии?!» Во сне он наверняка знал: он может перетерпеть, переждать то время, пока красавица окончательно перейдет в загробный мир. Но он не сможет перетерпеть и переждать то время, когда он вынужден будет жить без нее! Потому что любит ее и она нужна ему! Как воздух, как вода, как солнечный свет!

Какие-то шаги... Ему приснилось, что в кафе вошла баба Мария. Теперь ей почему-то не нужна инвалидная коляска. Все понятно, она принесла Виктору весточку от Евлани! Наконец-то!

Сейчас колдунья что-то скажет, сейчас все прояснится!

- Вам плохо?! Что с вами?!

Виктор резко поднял голову со стола, звякнула на блюде ложка и тут же, издав громкий звон и звяканье опрокинулась после того, как Витя с маху сверху ударил ее рукой, на блюде

пустая уже кофейная чашка, ложка слетела на поверхность стола, зазвенев еще раз.

Кофейная гуща из чашки вылилась на блюдце.

Витя понял, что и в самом деле уснул и голова его лежала не на руках, а прижавшись щекой к поверхности стола, а руки его безвольно свешивались вниз под столом...

- Быть может, вызвать врача? - официантка, та самая, которая принесла ему некоторое время назад чай и кофе, смотрела на молодого человека с недоверием.

Она явно не сомневалась, что никакой врач Вите не нужен.

«Небось, думает, что я укололся где-то перед кафе и здесь на меня просто подействовал наркотик... Недаром не взял ничего поесть: только чай и кофе!» - пронеслось у Виктора в голове.

- Нет, со мной все в порядке, - обращая внимание на то, что в кафе за то время, что он был «в отключке» собралось много народа - все столики заняты. Большинство посетителей смотрели на него.

У него вдруг начала кружиться голова, охватила слабость.

- Просто я вижу, вы вдруг улеглись на стол... Все-таки у нас кафе... - проговорила официантка.

Виктор в этот момент разглядел, что в кафе не только появился народ, но и за всеми столиками занято по несколько мест и только он по-прежнему сидит один. Никто не решается подсесть к нему.

- Принесите счет, - попросил он слабым голосом.

Официантка развернулась и ушла.

Виктор принялся тереть лицо. Головокружение прошло, но слабость осталась. Он поймал себя на желании опять прижаться щекой к поверхности стола и тут же уснуть, урвав, пока не вернется официантка со счетом, у этого утра еще хотя бы несколько минут сна.

«Ни на что больше нет сил! В какие бы обстоятельства я теперь ни попал, я не могу им сопротивляться!» - пронеслось у него в голове.

Он не был уверен даже в том, что сможет встать и пройти полдесятка шагов до двери на улицу.

«Встану и тут же грохнусь!» - решил он.

Официантка стремительно вернулась обратно, положив перед ним на блюдечке счет.

Виктор бросил короткий взгляд на сумму итога, достал из кармана купюру, положил ее на блюдечко.

Официантка не уходила.

- Помочь вам? - спросила она.

Виктор тяжело поднялся и медленно двинулся к выходу. Вопреки ожиданиям, голова не кружилась. Он не грохнулся на пол.

Проводив его до двери, официантка распахнула ее перед ним, выпуская его из кафе на улицу.

В висках у Вити вновь пульсировала мучительная боль. Хотелось одного - лечь, уснуть...

Как в тумане он добрался до какой-то улицы, по которой в обе стороны сновали машины.

Многочисленные желтые такси перед ним не останавливались, но очень скоро напротив него притормозил, опустив боковое стекло, шикарный черный лимузин - чей-то водитель явно был не прочь подзаработать... Витя назвал адрес съемной квартиры и не торгуясь согласился с «тарифом».

Автомобиль стремительно повез его туда, откуда, кажется, целую вечность назад он ушел, чтобы купить бутылку спиртного.

«Уже нет сил сопротивляться! - думал Виктор, засыпая на переднем сиденье представительского авто. - Будь что будет!»

40.

Сколько они ехали, Витя не представлял. Должно быть, путь оказался не быстрым - столичные улицы, проспекты, кольца забиты автомобилями. Представительский автомобиль трогался и тут же тормозил, сквозь сон Витя чувствовал, как его то качает вперед, то прижимает к мягкой спинке сиденья. Спать на нем, уперев затылок в мягкий подголовник, было удобно, и Витя был готов ехать так хоть целую вечность - ранним утром, в машине, - здесь он точно был недосягаем ни для каких кошмаров!

Когда водитель, едва притормозив, свернул во двор, Витю мотнуло в сторону, и он проснулся.

Через минуту, рассчитавшись за подвоз, он уже входил в подъезд.

Лифт вызывал мрачные ассоциации, но он был так слаб, что скорее всего просто не смог бы подняться по лестнице на третий этаж...

Открыл дверь, вошел в квартиру. Прошел через коридор в комнату.

Не раздеваясь, повалился на кровать и мгновенно уснул.

Когда Виктор проснулся, первое время не мог вспомнить, где находится и что происходило перед тем, как уснул...

Была глубокая ночь. Шторы на окне сдвинуты в стороны. Но с улицы в комнату света почти не проникало. Если у окна еще можно было различить предметы, - табуретку, валявшийся на боку Витин чемодан, - то в углах и у противоположной от окна стены царил полный мрак.

Его трясло от холода. Из-за этого он, видимо, и проснулся.

Такого озноба у него прежде еще ни разу не было. Даже тогда, когда перед первым свиданием с Евлампией валялся с температурой сорок, и то, кажется, было легче. Зубы Виктора лязгали, он весь ходил ходуном и поделаться с этим ничего не мог.

Он покосился на окно. Форточка была немного приоткрыта. С улицы в нее тянуло холодным ночным воздухом, но, конечно, дело было не только в нем!

Головная боль прошла. Но теперь все тело ныло, как будто воспалился каждый сустав, каждое сухожилие, каждая косточка. И сильная слабость... Хотелось спать. Так сильно, как будто не пролежал он на этой кровати целый день, а только пять минут назад вошел в квартиру после бессонной ночи.

Он прислушался. Ниоткуда не доносилось ни звука. «Все равно!.. Так устал, так плохо, что не встану с этой кровати даже если...»

Все же он отогнал от себя мысль про чудовище. «Никакого чудовища здесь не может быть... А если все же появится?..»

Ох, не стоило ему начинать об этом думать! Один в темной чужой квартире... Сейчас проснется паника...

Ничего не происходило, страх не охватывал его. «Это от того, что от усталости я уже оступел... Мне так хочется спать, что даже мысли про чудовище, которые еще утром мгновенно вызывали припадки паники и ужаса, больше не трогают...»

Он закрыл глаза... Трясло, ужасно холодно! Думалось не про Евлампия, не про ужасный труп с лошадиным черепом, набросившийся на него в лифте, а про то, как бы согреться...

Нет, так ему не уснуть... А хочется!

Он открыл глаза...

Подняться и начать разыскивать в чужой квартире что-нибудь, чем можно было бы укрыться - сил на это не было. Да и что тут искать?! Вряд ли хозяин припас для него одеяло. Кроме голых стен и пустых полок здесь ничего не найдешь...

Чем же укрыться?

Вдруг ему в голову пришло, чем... С неожиданной для себя самого прытью, Витя вскочил с кровати, повалил лежавший на боку чемодан плашмя на пол. Так, чтобы можно было открыть крышку.

Раскрыл молнию, резким движением откинул верхнюю стенку чемодана и принялся торопливо выбрасывать на пол вещи.

Через четверть минуты Витя наткнулся на то, что искал - большое ворсистое пляжное полотенце, которое на всякий случай захватил из дома, отправляясь на курорт.

Держа в левой руке полотенце, подошел к форточке. Не глядя за окно, захлопнул ее. Развернулся к кровати. Прислушался: по-прежнему ниоткуда не доносилось ни звука, как будто он единственный живой человек во всем доме.

«Пусть так... Пусть этот дом не существует, как и тот, мой, давно снесенный, в котором мы провели ночь с Евлампией. Главное, здесь есть кровать, на которой можно спать... На все остальное - плевать!»

Он опять улегся, укрылся, как мог, полотенцем, пождав ноги, скрючившись и стараясь нагреть пространство под полотенцем собственным дыханием.

Вроде получилось - стало немного теплее...

«Интересно, что сейчас там, в комнате за полотенцем?.. Вдруг там кто-то появился... Возник из мрака... Ну и черт с ним со всем! Главное - стало теплее!» - подумал он и тут же уснул.

41.

«Сколько я уже сплю? Двое суток?! Кажется, стало легче...» - подумал Виктор, еще толком не проснувшись, слегка приоткрыв и тут же вновь прикрыв глаза.

Потом он вновь их немного приоткрыл. Сквозь неплотно сомкнутые ресницы видел свет - яркий, утренний, веселый. Такой всегда был в его сознании рядом со свежестью, хорошим настроением... Никогда не было при таком свете ничего ужасного, от чего мороз продирает по коже.

Витя широко раскрыл глаза: и в самом деле - чистая комната, веселенькие салатовые обои на стенах. На полу лежит его раскрытый чемодан. Часть вещей из него вынута, но не разбросано вокруг как попало, а аккуратно горкой лежит рядом. И как он так умудрился накануне, вынимая барахло из чемодана в поисках полотенца, так все аккуратно рядом складывать?!

Прислушался к своему состоянию: вроде бы ничего! Голова не болит, сердце бьется ровно. Засосало в желудке... Ну, конечно! Есть ужасно хочется!

Он опять сутки, а, может, больше - не помнит, сколько, ничего не ел!

Осторожно встал с кровати. Посмотрел в сторону открытой двери из комнаты в коридор. Никаких чудищ, черепов с зубищами... Может, все недавние события ему приснились?..

Подошел к окну и, опершись о край оконного проема, выглянул на улицу...

Он едва не вскрикнул, - сдержался в последнее мгновение из-за глупой мысли, что криком может выдать себя (как? Слабый крик его не преодолеет и стеклопакета!).

Под окном был двор, асфальтированный проезд, бежавший перед подъездами вдоль дома. Как раз напротив окна, у которого стоял Витя, от проезда под прямым углом уходила в сторону следующего дома, стоявшего параллельно тому, в котором молодой человек снял квартиру, дорожка.

По сторонам этой узкой пешеходной дорожки - спортивная площадка, огороженная высоким забором из металлической сетки автостоянка со шлагбаумом, массивная квадратная постройка без окон, вся разрисованная граффити - трансформаторная подстанция. Тут же чуть в стороне - огороженная кирпичными стенками и укрытая сверху металлической крышей площадочка для хранения мусорных контейнеров.

Евлампия на глазах Виктора вышла из-за дальнего угла трансформаторной подстанции и тут же, повернувшись спиной к

Вите, выглядывавшему из-за сдвинутой к краю окна занавески, остановилась.

В профиль молодой человек видел ее лишь доли мгновения - когда только подошел к окну и еще смотрел рассеянно, невнимательно.

Да он бы узнал ее тут же и со спины.

Как бы он хотел в эти секунды испытать лютый страх - чтобы душа от ужаса застыла... Но она застыла от любви!..

Как Евлампия была прекрасна!

Она была все в том же голубеньком в полоску платице - «истлевшем», как сказал о нем Сашка. Но Витя в эту минуту думал не о том, что где-то на далеком кладбище лежит под черным обелиском в этом платице истлевающий труп, а о стройном теле, очертания которого угадывались под изгибами ткани, о прекрасных длинных волосах, спускавшихся на плечи красавицы.

Он думал о ее ладонях, которыми она умеет так нежно гладить его по голове, о ее мягких, чувственных губах.

«И это - покойница?! - пронеслось у него в голове. - Почему же она стоит у трансформаторной будки... Как живая?!.. Тогда и меня можно считать покойником... Может, я сам лежу уже где-нибудь в гробу, похороненный после того, как умер от сердечного приступа в тот день возле «Чаяк»?!.. Просто я еще не знаю, что уже умер... И Евлания, быть может, не осознает, что уже умерла... Но я-то точно знаю, что я - жив... Почему же она должна оказаться мертвой?!»

Еще опасаясь себе в этом признаться, он уже чувствовал, как озноб, вроде бы не беспокоивший его этим утром, вновь вползает в его тело... Сердце заболело, появилась противная тошнота...

Он знал причину всего этого... *Она* появилась!

Откуда-то сбоку к мусорным контейнерам на крытой площадке быстро подошел молодой человек. Швырнул пакет, который держал в руках, в один из контейнеров, обогнул крытую площадку, прошел между ее стенкой и стеной трансформаторной будки и, преодолев расстояние в десяток шагов, оказался на дорожке за спиной у Евлампии.

Девушка по-прежнему стояла спиной к дому Виктора. Медленно поворачивала голову слева направо.

«Всматривается в окна! - догадался Витя. - Значит, знает, что я в квартире где-то в этом районе, но точно не знает в каком доме!»

Он с замиранием сердца (в самом прямом смысле - чувствовал, что «мотор» его принялся работать с перебоями, точно готовясь в ближайшие минуты и вовсе остановиться) следил за молодым человеком, направившимся в сторону Евлампии, и девушкой.

«Что колдунья говорила мне? Что красавицу вижу только я, что для других она не существует, или является в виде истлевшего чудовища с вытянутым зубастым черепом - как тогда Сашке или мне в лифте! Этот парень не сможет пройти по

дорожке, не наткнувшись на Евлампия!» - во рту у Вити пересохло, его трясло от озноба и напряжения. Волосы на голове шевелились...

Евлампия резко обернулась, - услышала за своей спиной торопливые шаги молодого человека. Тот уже был в нескольких метрах от нее.

Витя еще сильнее сдвинулся за край окна, но не перестал подсматривать из-за занавески. Он весь, - руки, ноги, голова, - мелко дрожал. То ли от озноба, то ли - от нервного напряжения.

Молодой человек был в метре от Евлани.

Одновременно девушка сделала шагочек в сторону, освобождая дорожку, а молодой человек чуть изменил направление движения, сдвинувшись к самому краю дорожки и огибая Евлампия.

Вите показалось, что молодой человек, проходя мимо девушки внимательно смотрел на нее.

«Значит, он, как и я, видит красивую девушку, а не полуразложившийся труп!» - пронеслось в голове Виктора.

Тут же он испытал неожиданное чувство радости, словно тяжкий груз, придавливавший душу... Нет, не упал, но появилась слабая надежда, что он может рухнуть вниз, освобождая Витю.

«Колдунья утверждала, что все, кроме меня, либо видят чудовище, либо не видят Евлампия вовсе! Но вот, она стоит на дорожке, и случайный молодой человек видит красивую молодую девушку, на которую явно обращает внимание. Получается, баба Мария ошибалась?!.. Но только ли в этом она ошибалась?! Быть может, все, что она говорила мне - и про то, что Евлания - покойница, а у меня в этих отношениях есть только одна перспектива - попасть на кладбище - чушь?! Я же опасался, что колдунья просто заморочит мне голову! Что, если именно это и произошло?!»

Витя сделал маленький шагочек влево, к середине окна, и принялся жадно, - ему казалась важной каждая мелочь. - рассматривать Евлампия.

Пропустив молодого человека, Евлампия сначала вновь повернулась к дому, расположенному напротив того, в котором Витя снимал квартиру, а потом, встав спиной к трансформаторной подстанции принялась смотреть куда-то за спортивную площадку, за автостоянку...

Подул ветер, и прядка волос упала ей на лицо. Она каким-то нервным движением поправила ее. Что-то беззащитное было во всей фигуре девушки...

«И это покойница?!.. Нет, не может быть!.. Все последнее время я верил в то, что Евлампия мертва. Но поверить в то, что та девушка, которая стоит вон там, у трансформаторной будки, не живая - невозможно!.. Не могут же до такой степени обманывать меня глаза...»

Он уже хотел беспечно выйти из-за занавески на краю окна к его середине, но в последнее мгновение удержался.

Евлампия еще немного повернулась. Теперь она смотрела на Витин дом, но не на его окно, а левее, в дальний конец двора.

«Что она там высматривает?.. Как что?! Конечно, меня! Кого же ей еще высматривать?!.. Я исчез, она страдает... Недоумеваает, куда я пропал, - проносились в голове Виктора лихорадочные мысли. - Хорошо, положим, я чего-то не замечаю и принимаю мертвую за живую. Но тот молодой человек, который только что прошел мимо нее, он тоже чего-то не заметил?!»

Витя увидел, как со стороны его двора на дорожку, на которой стоит Евлампия, входит молодая женщина с двумя маленькими детьми.

Два мальчика, двойняшки, бросались в глаза: одинаковые головки со слегка вьющимися светлыми, почти белыми волосами под парой одинаковых белых кепочек с козырьками наподобие капитанских. К этому - одинаковые красные штанишки и симпатичные белые курточки.

Близнецы вместе со своей матерью медленно двигались в сторону Евлампии. Та по-прежнему стояла на дорожке, очевидно так и не решив, куда теперь отправиться в поисках Виктора.

Тот затаил дыхание: сейчас эта троица неминуемо окажется рядом с покойницей.

«Что увидят близнецы и их мать?!» - мелькнуло в голове у Виктора.

Он перевел взгляд на девушку и невольно опять залюбовался ей.

«Как же она красива!» Как прекрасны эти волосы, как благородно лицо, стройна фигура! Как ласковы умеют быть эти руки. Все их немногие встречи в одно мгновение пронеслись перед мысленным взором Виктора. Он задохнулся от нахлынувших на него чувств: если эти встречи больше не повторятся, если от этой красавицы нужно отказаться, то зачем ему дальше жить?!.. Никогда больше, - в эту секунду он в этом не сомневался, - ему не встретит подобной красавицы. Да и что значит «подобной»?! Разве можно заменить единственную на всю жизнь «подобной»?!.. Евлампия - не патрон, который дал осечку - выкинул его, да и преспокойненько заменил другим точно таким же...

«Отказавшись сейчас от Евлампии, я, быть может, и избегу какой-то там страшной опасности... Хотя, существует она на самом деле, или нет - это еще неизвестно... Но я точно навсегда и бесповоротно откажусь от собственного счастья! И дальше, как бы ни складывалась моя жизнь, мне останется только одно - воспоминания об этой любви и смертельная тоска!»

Близнецы и их мать были уже совсем рядом с девушкой. Виктор испытал чудовищное нервное напряжение.

Когда близнецы были в нескольких шагах от Евлампии, один из них сорвал с другого капитанскую фуражечку и швырнул ее вперед.

Пролетев в полуметре от девушки, фуражечка упала в траву рядом с дорожкой.

Другой близнец тут же схватил брата за козырек капитанской фуражечки и, сдернув ее с его головы, швырнул в другую сторону. Оба одновременно заревели, принялись толкать друг друга, мутузить. Близнец, что первым сорвал фуражечку, побежал поднимать свою, но другой догнал его, выхватил из рук помятую фуражечку, зашвырнул ее еще дальше.

Мать закричала на них, побежала разнимать.

Пока она растаскивала двойняшек в стороны друг от друга, Евлампия сошла с дорожки, наклонилась, подняла с земли детскую капитанскую фуражечку и вернулась на дорожку.

Мать уже успела разнять с другой стороны дорожки своих двойняшек, надеть на голову одному из них фуражечку. Наклонившись к второму, она что-то сказала ему и подтолкнула в сторону девушки.

Мальчик подошел к Евлампии и, остановившись, задрал голову и что-то сказал ей.

Витя, почти вышедший из-за занавески с краю окна, затаив дыхание наблюдал за сценой.

Девушка наклонилась и надела капитанскую фуражечку на голову ребенку.

Тот опять что-то сказал Евлампии, очевидно, поблагодарил, и весело подпрыгивая, бегом вернулся к матери и брату. Все трое вернулись на дорожку, - Евлампия чуть посторонилась, уступая дорогу одному из близнецов, - и, держась за руки, пошли дальше.

«Мать послала своего сынка к покойнице, та надела ему на голову фуражечку и... Ничего не произошло! Мальчик не умер от ужаса, даже не расплакался... Да покойница ли она в самом деле?!»

Невероятная тоска вдруг охватила Виктора: он сделал ужасную глупость, оттолкнув от себя девушку, про которую нафантазировал всякую ерунду, - что она умерла! Связался с полусумасшедшей колдуньей: само собой, та, чтобы вытянуть из него побольше денег, заморочила ему голову всякими ужасами... А он-то, дурак, поверил!.. А на самом деле у Евлампии какая-то тайна, что-то, связанное с ее матерью, с мошенничеством... Вон она стоит на дорожке, его красавица! Чтобы обнять, прижать ее к себе, ощутить на своем затылке ее ласковые руки, услышать сладкий запах ее волос, почувствовать губами ее нежные губы, достаточно лишь броситься из квартиры на лестницу, - ведь он в одежде, не раздевался со вчерашнего дня... Только кроссовки... Валяются у кровати... По лестнице бегом через три ступеньки на первый этаж, из подъезда на улицу... Сколько это займет?! Да минуту-две, не больше! На этот раз он ее не упустит, Евлампия не успеет исчезнуть! И больше он никогда не станет делать

таких глупых ошибок, не послушает ни одного человека, они не разлучатся ни на минуту!

И тут он увидел, как она поворачивает голову в сторону его дома и смотрит прямо на окно, за которым он стоит: она заметила его! Или еще нет?!

Он собирается поднять руку, чтобы помахать ей, но что это?! Рука не поднимается... Вместо этого он, пошатнувшись, делает, чтобы не грохнуться плашмя на пол, шаг назад, из последних сил выбрасывает руку, неловко валится на кровать. Да так, что на кровати оказывается тело до пояса, а ноги на полу...

Его рвет прямо на полотенце, которым укрывался, замерзнув этой ночью, выворачивает на изнанку - какая-то слизь, кровь, жуткая боль в сердце.

Думая, что умирает, он теряет сознание, но тут же приходит в себя. Сползает на пол. Его душит кашель.

Витя харкает кровью, розовые плевки - вокруг него на линолеуме пола...

«Мой организм чувствует собственную смерть, - проносится в его затуманенном сознании. - Еще бы, она совсем рядом... Да что там чувствует!.. Я видел ее - стоит у трансформаторной будки... Сейчас будет здесь?»

Кашель стих, позывов на рвоту больше не было. Невидимая рука больше не пыталась пронзить ножом его сердце. Виктор в изнеможении прикрыл глаза.

Его сильно знобило... Кажется, от слабости он начал погружаться в подобное сну забытие. Что произойдет дальше - ему было совершенно все равно. Он не сомневался - сейчас Евлампия появится в этой комнате. А быть может, и не она, а ее вторая ипостась - истлевший труп с вытянутым, словно лошадиный, черепом, острыми зубами... Какая разница, кто придет к нему - он же хотел с ней не разлучаться! Его пожелание сбудется!..

43.

Сколько прошло времени, Витя не знал. Время в комнате съемной квартиры остановилось. Быть может, прошел целый час, а, может, не больше десяти минут. Он ждал появления Евлампии, но она не приходила... «Сколько так будет продолжаться? Скорее бы!» - подумал он.

Тишину, царившую в квартире, разрушила громкая мелодия смартфона.

Вызов был настолько неожиданным, - Вите в последние дни никто не звонил, он успел забыть про смартфон, как будто его и не было у него вовсе, - он резким движением поднялся с пола, на котором сидел у кровати, на саму кровать.

Примостился на краешке. Так, чтобы не испачкаться в собственной рвоте. Вытащил из кармана смартфон...

«Странно, - подумал Витя, еще не успев посмотреть, кто его вызывает. - а ведь самочувствие мое улучшилось. Как-то нет признаков того, что вот-вот умру... Может, все-таки дело не в Евлампии? Может, я просто болен? Но почему тогда такие странные симптомы: то едва ли не умираю, то становится легче, как будто до этого и не было плохо?! О-па!»

Звонок прекратился, но тут же ему пришло послание: «Что с тобой? Где ты? Мама».

Следом еще одно: «Я волнуюсь, приходи скорее домой!»

«Что за чушь?!» - поразился он. Сверился с календарем смартфона: все точно, никакой ошибки нет - он еще должен находиться в Турции... Сообщения мать, конечно, могла ему слать, но... Откуда это «Приходи скорее домой»?!

Витя задумался.

Мать за время его мнимой поездки ни разу не пыталась с ним связаться. Она с трудом пользовалась современными электронными устройствами и как-то побывав в заграничной поездке, привезла оттуда огромный счет за мобильную связь и Интернет, которыми она, на самом деле, толком там и не пользовалась... Так, включила какие-то функции по незнанию... После этого она панически боялась пользоваться телефоном за пределами Москвы - ей казалось, что обязательно что-то не так включит, какие-нибудь настройки и все... Огромный счет обеспечен! Предпочитала держать телефон выключенным. Видимо, она полагала, что Витя придерживается похожих правил... И тут вдруг... Да еще «Приходи скорее домой...»

«Что-то здесь не так...» Он внимательно всмотрелся в сообщение, и тут вдруг до него дошло, что не так: номер был не материн!

От неожиданного открытия он даже вскочил с кровати и тут же уселся на нее обратно, едва не угодив рукой в собственную рвоту.

Посмотрел на кровавые розочки на линолеуме... Принялся копаться в смартфоне дальше.

С этого странного нового «материного» номера сообщения прежде ему не приходили. Звонок, который прозвучал пять минут назад был сделан с него же.

«Если это на самом деле не мать, то кто?!» - он почувствовал, как по коже побежали мурашки. Но это уже был не озноб - проявление какой-то непонятной болезни. Витя осознал, что некий неведомый охотник пытается напасть на его след, и эти мурашки, поползшие по телу от страха, говорили о проснувшемся инстинкте самосохранения.

До него вдруг дошло: некто хочет, чтобы он появился у собственного дома - того, где он жил с матерью, чтобы там, у подъезда, встретиться с ним, либо проследить за ним оттуда.

«Чудовище с лошадиным черепом и острыми зубами! То, которое я видел в лифте! Оно ведет за мной охоту», - Витя задрожал от страха.

Смартфон вновь заиграл.

Виктор уставился на экран - Евлампия! Это был тот самый «Номер не определен», с которого один единственный раз она звонила ему в тот памятный момент, когда он был возле «Чаяк». Значит, не может быть сомнений - от имени его матери ему пишет тоже она!

Он вскочил с кровати и, наступая в собственные кровавые плевки носками заходил по комнате. Смартфон в его руке все играл и играл...

Витя уже не помнил, как совсем недавно, пару часов назад смотрел на Евлампию, стоявшую у трансформаторной будки, и, стгорая от любви, собирался сломя голову бежать из квартиры вниз по лестнице только, чтобы поскорее обнять и поцеловать девушку. Теперь в нем проснулся былой ужас. Он словно бы только что выскочил, не помня себя, из лифта, в котором, обдавая его волной трупной вони хрипело ему в лицо зубастое чудовище.

«Колдунья! Только она одна может помочь мне! Во всяком случае, в ее комнате я окажусь в безопасности. Туда, в офис бабы Марии никакие чудовища, покойницы и силы преисподней сунуться не посмеют! У колдуньи есть от них противоядие!» - мигом пронеслось у Вити в голове.

Но как теперь вырваться из квартиры?! Что если чудовище поджидает его у подъезда?

Он осторожно приблизился к окну и, встав сбоку у самой занавески, стараясь как можно меньше высовываться, выглянул на улицу, осмотрел двор... Никого! Не только Евлампии, но и вообще никаких прохожих не было видно. Значит ли это, что на самом деле она не увидела его в окне, не смогла понять, в каком доме он скрывается и ушла?..

«Была - не была! - решил Виктор. - Рискну!»

Он стремительно обулся, подошел к двери, прислушался, потом вышел в подъезд. Быстро, не встретив никого по дороге, спустился вниз.

Оказавшись у подъезда, осмотрелся, вышел на тротуар и торопливо пошагал налево к углу дома. Завернув за него, оказался между домами. Пошел по узкой, петлявшей между ними дорожке, свернул в один из дворов... Через короткое время оказался на улице, ведущей прямо к офисному зданию, в котором принимала посетителей баба Мария.

44.

- Твоей красавице остались на этом свете считанные часы!..
- проговорила баба Мария и Вите показалось, что голос ее звучит сегодня особенно неприятно. Словно какая-то мерзкая змея научилась кое-как то ли хрипеть, то ли шипеть человеческие слова.

- Знаешь, почему я так думаю? - продолжала колдунья. - Если бы это было иначе, она бы не искала тебя с такой настойчивостью. Она уходит в иной мир окончательно, и чтобы

задержаться в этом еще хотя бы на день, ей нужно подпитаться хорошей порцией твоих жизненных сил. Но ты избегаешь контакта, и твою возлюбленную охватывает паника... Ей нужно найти тебя, но ты исчез, сменил адрес, не появляешься в привычных местах...

Витя слушал колдунью и не знал, верить ей или нет. Пока он торопливо шел до бизнес-центра, в котором она принимала, его гнал страх, но едва перешагнул порог офиса бабы Марии, тут же успокоился.

«Птичка» приветствовала Виктора как старого знакомого, колдунья была на месте и тут же согласилась принять его...

«А может быть, я просто слишком нервный? - начал терзаться Виктор, входя в затемненную, как и в предыдущие разы, комнату бабы Марии. - Обращался же я ко врачу из-за какой-то непонятной тоски по разрушенному дому... То есть, тоска-то теперь объяснилась: глубокая детская травма. А вдруг из-за нее и со здоровьем начались проблемы - то рвет, то кровохарканье. Проходит полчаса - и как будто ничего не бывало!» А его возлюбленная его в это время разыскивает, не понимает, куда и почему он пропал!

«А как же сообщения якобы от имени матери?! Как же этот звонок?!» - тут же пронеслось у него в голове, и опять ледяная рука страха схватила его за горло.

- Попытайся просто затаится... Не выходи из дома... Поменяй на время квартиру, - продолжала колдунья. - Я уверена, мучиться тебе осталось совсем чуть-чуть. Быть может, к завтрашнему рассвету ты окажешься свободен от нее... Главное, до этого рассвета дожить! - мрачно закончила баба Мария.

- Я уже все сделал. Вы же говорили мне прошлый раз... - страстно заговорил Виктор. Он жаждал получить от колдуньи помощь. - Я нашел съемную квартиру, она ничего не знает про нее... Мы уже некоторое время не видимся, но...

Витя вдруг замолчал. Его охватило тоскливое чувство. «Я совершаю предательство!» - почему-то пронеслось у него в голове.

«Просто я хочу жить! - подумал он следом. - Хотя... Зачем мне такая жизнь? Без нее...»

- Что ты замолчал? Говори! - властно произнесла колдунья.

- Я заметил ее возле дома, в котором снимаю квартиру.

Случайно увидел Евлампия из окна. Она явно кого-то разыскивала. Хотя, кого... Меня! Мне тут же стало очень плохо, едва не умер...

- Все понятно, - перебила его колдунья. - У вас с ней уже какая-то связь. Она улавливает тебя по запаху жизни, который от тебя исходит, и который она потребляет. Ей - возможность еще немного задержаться на этом свете, а ты тут же оказываешься на грани могилы. Не знаю, не уверена, что смогу тебе помочь... Но... - колдунья повернулась и взяла с маленького столика, который стоял сбоку от ее кресла, прозрачную

пластиковую бутылочку, почти до самой закручивавшейся пробки наполненную водой. - Вот возьми...

Она протянула бутылочку Виктору. Тот встал с диванчика, взял бутылочку из рук колдуньи.

- Эта вода освящена, - продолжала говорить баба Мария. - От всякой нечистой силы она, я не сомневаюсь, поможет, но только...

Колдунья замаялась.

- Что «только»? - негромко спросил Виктор.

- Только твоя красавица - она ведь не ведьма, не дьявол в юбке, она обычный человек, как ты или я... Вернее, была... Остановит ли ее это средство? - баба Мария сделала паузу. - Во всяком случае, ты попробуй. Разбрызгай воду по границе квартала, в котором находится твой дом. Много не лей, так, знаешь, смачивай немного кончики пальцев и каждые несколько метров стряхивай эти капельки на землю. Этого будет достаточно! А лучше всего, пройдишь вокруг всего квартала, и сразу в квартиру - и отсиживайся до завтрашнего утра. Может, самое худшее тебя и минует!

45.

Если дорога от съемной квартиры до бизнес-центра, в котором арендовала комнаты баба Мария, заняла у Виктора каких-нибудь десять-двадцать минут - в иные моменты с быстрого шага он переходил на бег, - то обратно он плелся не меньше часа, а то и полутора.

Едва он прошел через автоматические двери бизнес-центра на улицу, его стала одолевать сонливость. Он медленно плелся по тротуару, едва волоча ноги.

Все, что с ним произошло, казалось ему теперь отделенным от теперешнего момента не часом или двумя, а словно бы десятилетиями. И по прошествии этих десятилетий, ему стало ясно, что то, что с ним произошло, было не кошмаром, а единственным важным событием в его жизни, кроме которого у него, в сущности, больше ничего нет, и никогда не будет.

«Евлампия, любовь к ней, - это то, что я стану вспоминать на смертном одре! Все ужасы: кладбище, чудовище с зубами - все покажется неважным, уйдет на второй план, забудется, а наши встречи, ласки, поцелуи... Я буду помнить всегда! И ничто никогда мне этого не заменит».

Перед тем, как он вышел из комнаты бабы Марии, она еще раз сказала ему, что то, как настойчиво красавица ищет встречи с ним, означает лишь одно - пребывать на этом свете Евлампии осталось считанные часы.

Идя обратной дорогой, Витя обдумывал то, что с ним произошло, и приходил к выводу, что колдунья, как ни неприятно было ему ей верить, скорее всего, права. Ведь и в самом деле Евлампия в последние дни не оставляла его в покое со своими появлениями, хотя до этого он настойчиво искал

встречи с ней, а она появлялась... Но не всегда, и не по первому его желанию.

Но если Евлампии в ближайшие часы суждено исчезнуть из его жизни, то... Зачем ему жизнь без нее?!..

«Лучше бы сдохнуть!» - с тоской думал Виктор. Но, похоже, жизнь сидела в нем слишком крепко и была не намерена из-за одного его желания покидать тело. Какой-то жизненный инстинкт каждый раз, когда он оказывался на волоске от гибели, заставлял его спасаться, причем делать это с примерной ловкостью...

«Вот сейчас отвалилась бы от стены здания бетонная плита, да и рухнула на меня... Секунды - и все! Я был бы избавлен и от переживаний, и от необходимости жить, от всего того, что будет дальше... Или какой-нибудь самосвал... Почему бы его рулевой системе не отказать, так, чтобы груженная машина на скорости вылетела на тротуар, прямо на меня...»

Увидев возле дома скамейку, он тут же свернул к ней, уселся. Поставил бутылочку с колдуньиной особенной водой рядом с собой на крашенные доски скамейки, прикрыл глаза...

Он не спал, но какие-то виденья, словно сны, отдалили его от реальности: вот он в сквере возле «Чаяк», солнечный день, он ждет Евлампии. Она появляется с стороны парка, в руках сумки с продуктами. Из одной торчит длинный пучок зеленого лука. Евлания смеется: «Заждался?! Проголодался? Извини, в магазине работала почему-то только одна касса, столпилась длинная очередь... Пойдем скорее в квартиру! Сейчас буду тебя кормить: подруга рассказала один рецепт - жаркое из мяса, овощей и особых специй - пальчики оближешь!»

Витя счастлив - он громко смеется сам не знает, чему. Он и в самом деле голоден, но главное, конечно, не в том, что сейчас он сможет поесть, а в том, что *она* будет кормить его - специально узнавала какой-то рецепт, стояла в очереди за продуктами, тащила из магазина две сумки. И это все для него! Ему одному! И она - тоже его!

Они идут к «Чайкам», заходят в знакомый подъезд, но, поднявшись на лифте, оказываются почему-то не в Евланиной квартире, а в Сашкиной. Его и его отца дома нет, да и вроде и не должно быть. Вроде как эта квартира теперь Вити с Евланей, она принимается возиться у плиты, он...

Он открыл глаза. Улица, машины катят в обе стороны непрерывными потоками, по тротуару снуют люди... Ни «Чаяк», ни солнечного дня, ни Евлани, ни квартиры, в которой готовится его то ли обед, то ли завтрак...

Небо начинает хмуриться...

А ведь этот сон мог быть явью!

Витя заплакал, но тут же взял себя в руки, вытер рукавом слезы, поднялся со скамейки и поплелся дальше.

Минут через пять понял, что забыл на скамье старухину бутылочку. Сначала решил не возвращаться - на кой черт ему эта спасительная «святая вода», если... Что если?! Он что, решил умереть?

Он развернулся и поплелся обратно.

Бутылка оказалась на месте, он взял ее, сунул в карман и двинулся в сторону съемной квартиры...

46.

Он вдруг понял, в чем причина какого-то странного тоскливого спокойствия, которое овладело им то ли после посещения бабы Марии, то ли уже тогда, когда он только разговаривал с ней: в глубине его души зародилась и все время крепла уверенность, что - все, Евланя больше не появится!

Да, она покойница, которая болталась между двух миров, вторглась в его жизнь, потому что он сам опрометчиво позвал ее, но сегодня все оказалось кончено - ее земной срок, как правильно предположила колдунья, и в самом деле завершился!

Приблизившись к дому, в котором снимал квартиру, он хотел сразу идти к подъезду, не разбрызгивая никакую воду из бутылочки, но тут вдруг понял, что сегодня колдунья не взяла с него денег...

Получается, баба Мария приняла его историю близко к сердцу и он стал для нее не клиентом, а кем-то вроде близкого человека?.. Или Витя заблуждается, и она с ее «птичкой» просто забыли нажиться на нем? Нет, он помнит, что машинально вытащил деньги, но «птичка» отмахнулась, мол, не надо...

Будет нечестно, если он сейчас просто выбросит колдунью бутылочку в мусорное ведро перед подъездом... Пусть будет, как задумано - есть в этом смысл, или его нет вовсе, но он выполнит предписание бабы Марии.

Виктор свинтил с бутылочки пробочку и, смачивая кончики пальце водой и следом стряхивая ее на асфальт, двинулся вокруг квартала...

Дом, в одной из квартир которого валялся на полу его чемодан, стоял примерно в середине квартала ближе к длинной стороне мысленно вычерченного Виктором прямоугольника. Своими контурами тот совпадал с тремя проездами между домами и одной длинной пешеходной дорожкой, тянувшейся через пустырь, - лежал между несколькими домами, стоявшими торцами друг к другу, и забором двухэтажного детского садика и порос редкими деревьями и кустарниками.

Он не прикидывал, хватит ли в бутылочке водички на весь путь, просто шел и разбрызгивал ее на асфальт под своими ногами, но так получилось, что последние капли он вытряхнул из пластикового горлышка под свои ноги как раз в проходе между двумя торцами девятиэтажек - там, где Витя и начал свой путь.

Все еще держа бутылочку в руках он, машинально навинчивая на нее крышечку, сошел с воображаемой грани «прямоугольника», медленно двинулся вглубь квартала.

«Вот я и исполнил предписание бабы Марии! Все, как она сказала! Хоть это и бессмысленно, но зато честно по отношению

к колдунье... Она, похоже, за меня переживает... Потратила время на разговор, бутылку вот дала...»

Витя бросил бутылочку в кучу мусора, собранную дворником возле дорожки, и обернулся, думая при этом:

«Как герой фильмов ужасов очертил вокруг себя нечто вроде мелового круга, который не даст приблизиться ко мне нечистой силе. Только вместо мела у меня вода из бутылочки колдуньи, а круг - размером с целый городской квартал».

Едва бросил взгляд за спину, застыл, чувствуя, как лед ужаса сковывает тело...

47.

Евлампия пыталась сойти с пешеходной дорожки и двинуться к забору детского сада, туда, где стоял сейчас Виктор, но у края метровой асфальтированной ленты словно был наталкивалась на что-то обжигавшее ее и, отшатнувшись назад, с лицом, полным испуга и недоумения, смотрела куда-то перед собой, но, похоже, ничего не видела, опять делала шаг навстречу неведомому препятствию и тут же отшатывалась назад.

Она, без всякого сомнения, заметила Виктора, - молодой человек был уверен, что девушка в тот момент, как он закончил разбрызгивать воду и направился к своему дому (вернее, тому дому, в котором была съемная квартира), вышла из-за двенадцатизэтажной башни, к которой дальним концом подходила пешеходная дорожка. Пока Виктор медленным шагом, раздумывая, огибал забор детского сада, девушка быстрым шагом добралась до того места на дорожке, с которого сошел молодой человек, но миновать его и двинуться следом за Витей не смогла, остановленная неведомой и невидимой для нее преградой.

Виктор, глядя на Евлампию, медленно попятился.

В этот момент она широко раскрытыми глазами посмотрела на него. Их уже разделяло метров пятнадцать-двадцать, но ему показалось, что он различает в ее взгляде изумление. Она поняла, что он сделал нечто такое, из-за чего она теперь не может догнать его, но не понимала, для чего он это сделал!..

«А как же «Решил соскочить с крючка?!»» - пронеслось в голове у Виктора. Или чудовище, заскочившее к нему в лифт в «Чайках», и Евлампия, которую он видит сейчас - это два разных существа, каким-то непостижимым образом являющиеся одновременно одним и тем же человеком?!

Евланя сделала несколько быстрых коротких шажочков в сторону, пытаясь обойти неведомую преграду, шагнула к Виктору и тут же отпрянула назад.

«Линия, которую я прочертил водой из бутылочки колдуньи, не пропускает ее!» - пронеслось в голове Виктора.

Евлампия была такой же, как и утром, когда он наблюдал за ней из окна съемной квартиры - красивая полная жизни девушка, одетая в простенькое голубенькое платьице в мелкую белую полоску.

Она пробежала шагов десять в другую сторону, опять попыталась сойти с дорожки и двинуться к нему, но неведомая сила вновь не пустила ее.

Лицо девушки исказила мука, ломая руки она уставилась на Виктора, словно моля его о помощи.

Витя вспомнил собственные утренние мысли... Потом подумал, что теперь, по крайней мере, все ясно - баба Мария была права: Евлампия - точно покойница, а никакая не жертва каких-то там неведомых мошенников.

Но это теперь не имело для него значения, - он решился...

В тот момент, когда Виктор шагнул навстречу Евлампии, произошло невероятное: он увидел, как из-за торца дома выкатывается подталкиваемая «птичкой» инвалидная коляска, в которой сидит укрытая до самой макушки какой-то то ли плотной черной вуалью, то ли пледом, фигура - колдунья!

И одновременно Витин смартфон заиграл мелодию вызова...

Номер был Вите не знаком, но в эту минуту молодой человек смотрел на девушку, телефона у нее в руках не было, следовательно, это не могла быть она. Да даже если бы и была!..

Его стало сильно знобить. Справа в груди, где сердце, появилась боль, которая стремительно нарастала.

Он ответил на звонок.

- Что ты делаешь?! Я же говорила тебе: это все только потому, что она отчаянно цепляется за этот мир! Ты умрешь, а она продержится здесь лишние сутки! - это была колдунья. Ее обычно хриплый глухой голос на этот раз звенел от возбуждения.

Вите стремительно становилось хуже: озноб, боль в сердце усиливались, по телу растекалась противная слабость, так что еще немного - и ему будет тяжело стоять на ногах.

- Если бы она не умерла, она никогда бы не обратила на тебя внимание! Зачем ей ты, сын какой-то жалкой матери-одиночки... Красавица! Знаю я таких красавиц! - с чувством говорила баба Мария и Витя вдруг понял, почему колдунья здесь, почему она так близко к сердцу приняла его историю и голос ее сейчас необычно звенит.

«Она, жалкая уродка, просто завидует красавице Евлампии! - осознал Виктор. - Мария - она ведь никакая не «баба», а молодая женщина. И ей тоже хотелось бы быть такой же прекрасной, как моя Евланя, но разве сможет она когда-то с ней сравниться?! Смешно и жалко рассуждать об этом... Вот из зависти и старается колдунья выставить Евланю отвратительной личностью, вот и ненавидит ее!»

И все же Вите было так плохо, столь сильной была боль в сердце, что, если бы даже захотел сейчас, не смог бы сделать и шага в сторону упорно смотревшей на него Евлампии.

- Она не любит тебя, просто использует! - добавила колдунья громко.

Словно услышав ее слова, Евлампия вдруг обернулась...

Взгляд девушки был уставлен на колдунью всего каких-нибудь секунд пять. Следом девушка развернулась и, не взглянув на Виктора, быстро пошла в сторону девятиэтажной башни.

В тот же момент в динамике смартфона Виктора зазвучали короткие гудки.

«Птичка» развернула коляску с бабой Марией и покатила ее прочь...

Не прошло и четверти минуты, как молодой человек остался на пустыре совершенно один - ни Евлампии, ни колдуньи с ее «птичкой»-помощницей, никого!

Некоторое время сильная, будто нож воткнули, боль в сердце не давала ему двинуться, но потом она стремительно отступила.

Прошел и озноб, и слабость... Он вновь хорошо себя чувствовал.

«Значит, Евлампия уже далеко!» - подумал он.

То, что ему стало легче, совсем его не радовало.

«Развела меня все-таки с нею!» - с неожиданной злостью подумал он про бабу Марию. Хотя, в чем была виновата колдунья? Ведь он сам искал у нее защиты от «чудовища»!

48.

Постояв некоторое время возле забора детского садика, Витя вернулся на узкую асфальтированную дорожку, на которой он разбрызгал воду из колдуньиной бутылочки и с которой не смогла сойти к нему Евлампия.

Им владело какое-то странное чувство - и страшно, потому что казалось ему: эта дорожка, окропленная водой бабы Марии - что-то вроде границы между его жизнью и его смертью.

«Вот сойду сейчас с нее туда, за очерченный прямоугольник, и все... Смерть, встреча с Евлампией!» - ему и в самом деле казалось, что девушка где-то совсем рядом, не ушла совсем, а прячется, поджидает его где-то возле домов...

И одновременно - какое-то особое светлое чувство, вернее - предчувствие, все сильнее овладевало им: ясность... Она наступила в его жизни!

«Все чушь: страхи, сомнения, ужасы... Я с самого начала делал все правильно: Евлампия - это моя судьба, и то, что обратная сторона ее оказалась такой страшной (покойница! Могила, обелиск!), ничего не меняет. Судьба у каждого своя... Бог предначертал ее, и глупо с ним спорить. Я мельтешил, бегал от Евлампии, обращался к колдунье, пытался что-то понять... А

зачем?! Эта прекрасная девушка - волны ее волос, ее запах, ее руки, ласки, поцелуи, ее нежные слова у меня и так были! Без них... Понятно уже, что без них жизнь моя обернется унылым... Сплошной тоской! И чего я добился всем этим «мельтешением»?! Того, что уже долгое время не вижусь с Евланей! Потерял столько встреч с ней, столько счастья, столько ласки! А что взамен? Жизнь?.. Да это не жизнь, а тупое скотское прозябание! Нужна мне такая?!.. Беда моя в том, что я слаб, труслив и не смог ради любви преодолеть этот чертов инстинкт самосохранения!» - с этими мыслями он дошел до конца дорожки.

Он словно взбадривал себя, пытался преодолеть державший его в границах воображаемого прямоугольника страх. Готовил себя к встрече с Евлампией, которая, не сомневался в этом, сейчас появится... Но прошла минута, другая, третья... Пять минут... Витя дошел до конца дорожки, постоял там некоторое время.

Ничего не происходило.

Пустырь между жилыми домами и детским садиком словно вымер. Ни одного прохожего, из подъезда жилой башни никто не выходил, и никто не входил в нее. Евлампия не появлялась!

Возбуждение, которое испытывал Виктор, постепенно спадало. Он сошел с дорожки, обошел башню, прошелся мимо соседних домов. Там у подъездов стояли матери с колясками, бегали какие-то дети. Витя вернулся на дорожку на пустыре. По ней уже шло несколько прохожих: какая-то старушка, два оживленно беседовавших и то и дело раздражавшихся громким хохотом молодых парня...

Пройдясь несколько раз по дорожке туда-обратно, Витя сошел с нее и, то и дело оборачиваясь, направился прежним маршрутом в сторону съемной квартиры.

Он испытывал разочарование и чувствовал, как в душе возникает, становится все сильнее тоска.

«Что же это?! Неужели, вот так просто: разбрызгал воду из бутылочки, в решающий момент появилась и направила ситуацию в нужное русло колдунья... И все! Нет никакой Евлампии, как будто никогда и не было! А я?.. Я остался!»

Виктор прислушался к своему состоянию и понял, что самочувствие его значительно улучшилось и вроде как с каждой минутой становится все лучше и лучше: ноги его ступали на землю тверже, походка становилась бодрее, сердце билось ровно, а озноб прошел, как будто его и не было.

«Куда теперь?.. В съемную квартиру. А куда еще?.. По-хорошему, там нечего делать. Надо возвращаться домой, к матери...»

Он поймал себя на том, что не помнит точно, когда должен «прилететь» с курорта. В какой день мать станет дожидаться его...

«А работа? Хотя, какая у меня работа?.. - спросил себя он. - Не звонят, ничего не сообщают, может быть уже передали заявление в полицию... Сколько дней прошло?»

Виктор понял, что потерял счет времени... «Во всех случаях, надо зайти на съемную квартиру, прийти в себя, заглянуть в календарь смартфона, проверить туристический ваучер - посмотреть даты...»

Он вдруг понял, что все это совершенно невозможно: как он после всего, что с ним случилось, будет жить дальше?!.. Лучше бы он умер сегодня!

Виктор развернулся и торопливо зашагал к асфальтированной дорожке на пустыре, по которой шла Евлампия.

Выйдя на дорожку, он деловито зашагал по ней в сторону башни, - туда, куда ушла Евлампия. Подошел к подъезду, постоял возле него, потом обошел башню кругом, перешел в соседний двор, прошелся по нему.

Все ждал, когда возникнет чувство, будто кто-то смотрит на него, но оно не возникало.

«Все - пустое! Она не появится, - подумал он. - Баба Мария сказала мне: на этом свете Евлампии остаются считанные часы... Вот они и истекли...»

Медленным, измученным шагом он направился в сторону съемной квартиры.

Должно быть, сказывалось чудовищное напряжение последних дней: Витя не испытывал тоски, только чудовищную усталость.

Еле доплелся до дома. По сторонам больше не смотрел, к собственным ощущениям - не покажется ли, что кто-то смотрит на него, - не прислушивался. Сюда, в сердцевину очерченного водой из бутылочки квартала, Евлампия, даже если бы она была еще на этом свете, не проникнет.

Поднялся на лифте на этаж, открыл дверь, зашел в квартиру. Усевшись на краешек кровати пододвинул к себе по полу раскрытый чемодан, принялся копаться в нем, разыскивая пластиковую папочку с туристическим ваучером. Она должна была сразу броситься в глаза среди вещей, но Витя почему-то ее не находил.

Бахла в чемодане было перевернуто им самим в прошлый раз...

Витя перестал искать, выпрямился... Глаза слипались. Ему так хотелось спать, что он готов был уснуть и сидя...

Молодой человек медленно улегся на краешек кровати... В тот момент, когда плечо его прикоснулось к покрывалу, он уже спал.

49.

Какой-то громкий металлический лязг, доносившийся даже через закрытое окно с улицы, разбудил его.

Витя уже проснулся и еще не открыл глаза и ему отчего-то показалось, что он спит в новой квартире в своей комнате. На кухне мать гремит кастрюлями и сковородками, готовя ему ужин. Сейчас он поднимет веки. Первое, что встретит его взгляд - самолетик, едва заметно покачивающийся от какого-то слабого сквозняка на лесках, прикрепленных к потолку.

Потом, - Витя еще не раскрыл глаза, - он встанет с дивана, отправится на кухню, попросит у матери, чтобы она дала ему чего-нибудь поесть - пусть сварганит что-нибудь на скорую руку, если «главное блюдо» ужина еще не готово.

Даже сейчас, толком не проснувшись, он чувствовал, до какой степени голоден - желудок сводит от пустоты!

Виктор раскрыл глаза: полупустая, почти без мебели, комната съемной квартиры. На ее середине валяется раскрытый чемодан, рядом с ним на полу вытащенные из него и брошенные в беспорядке вещи, собранные для поездки на курорт.

Он лежит на боку, ноги спущены на пол, на чужой, предназначенной для арендаторов кровати. Мать его где-то там, минутах в тридцати езды «на перекладных» отсюда, в новом доме... А он здесь, в месте, про которое не знает ни одна живая душа, кроме Сашки... На кухне нет никакого ужина...

Витя опасливо поднялся и сел на кровати, - в последнее время его не оставлял страх боли, которая может нахлынуть неожиданно, без всяких предзнаменований и причин. Вдруг словно острый нож уткнется в грудь там, где сердце и станет медленно входить внутрь. Или рвота, или кашель с кровью, который ничто не может остановить... Он покосился на до сих пор лежавшее рядом с кроватью полотенце, перепачканное в его уже давно высохшей рвоте.

Но теперь, прислушавшись к собственному состоянию, он нашел, что чувствует себя хорошо, даже слишком - хоть и лежа в какой-то странной позе, а он отлично выспался, отдохнул, чувствовал волчий аппетит.

Виктор встал.

Первой мыслью у него было покинуть квартиру и отправиться куда-нибудь поесть, но следом на него навалилась тоска - он словно бы в миг припомнил все, что с ним произошло, и что во время этого сна забыл.

Витя медленно опустился обратно на кровать...

«А ведь, пожалуй, что я теперь просто не смогу нормально жить... Да и зачем мне теперь жить?.. Что теперь делать? Поесть, да отправиться на кладбище к Евлампии? Или к колдунье - узнать, что дальше делать... Да только, что она мне скажет, если сама, по сути дела, разлучила меня с девушкой?!»

Он опять встал с кровати, - на этот раз движения его были уверенными, - и подошел к окну.

Еще было светло, но солнце уже было где-то рядом с горизонтом, - скоро наступят сумерки.

Витя перевел взгляд на пяточок пространства возле трансформаторной будки - туда, где сегодня утром увидел Евлампию. И вдруг, - о, чудо! - из-за угла будки появилась все та

же пара близнецов в одинаковых фуражечках, курточках и штанишках. Они держались за руки, следом за ними на расстоянии в пару шагов шла их мать. Все трое двигались медленно, устало.

Должно быть, мать с детьми провели этот день где-то вдали от дома - у бабушки, или у кого-то еще в гостях и теперь, усталые, возвращались восвояси...

«Жизнь идет своим чередом, - пронеслось в голове у Виктора. - День прошел, но завтра все может повториться снова, точно так же мать с детьми отправится поутру мимо этой же трансформаторной будки куда-нибудь на автобусную остановку, чтобы ехать к бабушке, дети будут баловаться, один схватит фуражечку другого и зашвырнет ее в траву... Все, как сегодня! Только в этой картине уже никогда не появится Евлампии!.. Взять сейчас, распахнуть окно, и выброситься из него вниз! Чтобы и для меня тоже уже ничто не повторилось! А, главное, чтобы не мучиться этой тоской, как сейчас!»

И еще додумывая эту мысль, он вдруг, сам не веря собственным ощущениям, но приходя от них не в ужас, а в восторг, почувствовал первую, пока еще слабую волну озноба, слегка заболело сердце...

«Неужели...» - пронеслось у него в голове.

И сердце только начало замедлять в сладостном предчувствии, как раздался, - вот уж, воистину, как гром среди ясного неба! - звонок в дверь.

В дверь в этой квартире ему еще ни разу никто не звонил. И потому он впервые узнал, какой резкий, громкий, требовательный здесь звонок.

50.

Он не подошел, а подлетел к двери и, прильнув к глазку, ударился об нее лбом. Там, с другой стороны, мог быть кто угодно - Сашка, какой-нибудь сосед, хозяин квартиры, но Витя не сомневался - ощущения его не обманывают: это она!

Стон восторга и счастья вырвался из его груди, когда в глазок он различил знакомую стройную фигуру в голубеньком, в белую полоску, платице, красивое благородное лицо, длинные светлые волосы...

Он так волновался, что не смог сразу открыть простенький замок - всего-то надо было повернуть на пол-оборота ручку, сдвигая в сторону щеколду. Но она вдруг перекосилась, перестала поворачиваться.

- Я сейчас... Подожди минуту... Евлания, что же такое! Заело! - бормотал он себе под нос. Девушка с другой стороны двери вряд ли могла что-либо услышать.

Через мгновение он сообразил, что крутит ручку не в ту сторону. Еще пара секунд и замок оказался открыт. Витя распахнул дверь...

Евлампия стояла в полуметре от него. На него пахнуло запахом косметики, духов. Чистые, тщательно расчесанные и уложенные светлые волосы девушки ниспадали на плечи. То ли он давно ее не видел, то ли она и в самом деле выглядела сегодня как-то особенно хорошо, но красота ее, к которой Виктор, казалось, должен был за время их встреч привыкнуть, поразила его.

Он еле удержался от того, чтобы заключить ее в жаркие объятия еще до того, как она переступит порог.

- Евлампия! Я так... - произнес он и тут осознал, почему ему так трудно говорить - его душили слезы...

Девушка решительно шагнула в квартиру.

Он посторонился, пропуская ее, и притворил дверь.

- Евланя! Я был такой дурак!.. Мне так... - произнес он и зарыдал, но тут же каким-то чудом умудрился взять себя в руки и замолк.

Ему казалось, она сейчас приблизится к нему, обнимет его, погладит его, как это умеет только она, ласково по затылку.

Он протянул к ней руки, но Евлампия тут же отстранилась от него, сделав шаг назад и потом, повернувшись, решительно прошла в комнату.

На ее середине она остановилась спиной к нему, и он увидел, что она смотрит на бурые пятна, оставшиеся на полу после того, как он харкал здесь кровью, потом на перепачканное в высохшей рвоте полотенце на кровати, на раскрытый чемодан и разбросанные вещи...

Он приблизился сзади и хотел обнять ее, уткнуться лицом в ее прекрасные, такие родные волосы, поцеловать в затылок, в шею... Он уже предвкушал этот поцелуй... Но она, услышав сзади его шаги, ловко увернулась от его объятий и быстро отошла к окну.

- Не надо, Витя, прошу тебя!.. - проговорила она строго. И что-то особенное, чего не было никогда прежде, почудилось ему в ее голосе - какая-то болезненность, девушка словно была простужена и от того говорила хрипло, чем-то напомнив ему бабу Марию.

Он не поверил, что она не даст ему обнять и поцеловать себя, и опять шагнул в ее сторону.

- Не приближайся ко мне! - воскликнула она испуганно.

Витя отпрянул. Мгновенно всю его душу заполнила тоска. Он понял, что эта их встреча будет совсем не такой, как предыдущие. Не будет ни ласк, ни объятий, ни поцелуев... Ни счастья... Ничего уже не будет!

- У нас очень мало времени, Витя!.. - проговорила она серьезно, глядя ему в глаза.

- Я даже не знаю точно, сколько... Может быть, совсем мало. Ничтожно мало!.. Пожалуйста, дай мне шанс сказать тебе все, что я хочу сказать! - с мольбой проговорила она.

Глаза его расширились. Теперь уже он сделал шаг назад, словно для того, чтобы с большего расстояния получше рассмотреть ее всю.

- Ты не заблуждался. И твоя инвалидка говорила тебе правду, - проговорила Евлампия и лицо ее сморщилось - она еле сдержала слезы.

- Я и в самом деле уже давно умерла...

Стон вырвался из груди Виктора.

- Нет, Евланя...

- Да, Витя!.. Перестань! Ты ведь с самого начала догадался обо всем. Просто, понимаешь... - она принялась кусать губы. - Мы так глупы были с тобой, когда я была жива, что почему-то... Что нам стоило встретиться?!.. Но ты был чем-то занят, а я... Витя!

- Что, Евланя?! - выкрикнул он.

- Я хочу, чтобы ты знал, что твоя колдунья врет: она говорила тебе, что я никогда тебя не любила, что весь наш роман... Это... Как бы это сказать. Он потому, что я уцепилась за тебя, чтобы удержаться на этом свете, хотя я, на самом деле, уже месяц мертвая...

Она вдруг замолчала, потом личико ее сморщилось, она заскулила, как скулят иногда собаки и следом в голос зарыдала.

Он тоже заплакал...

- Так ведь она тебе про меня говорила, твоя колдунья, Витя?! - произнесла она сквозь слезы.

- Да! Ты это знаешь? - непонятно для чего спросил он.

- Знаю, Витя, - ответила девушка. - Понимаешь, мы, мертвые, сама не знаю как... Но мы можем как-то незримо, бесплотно присутствовать в некоторых местах и слышать некоторые разговоры...

- А ты мертвая, Евланя? - спросил он тоже сквозь слезы. Подбородок его трясся, зубы лязгали - то ли от страха, то ли от озноба - холода, который вновь охватил его.

- Конечно, Витя. Я уже месяц лежу там, на кладбище, в своем гробике под обелиском, который ты видел...

Она опять заскулила, но потом ей, кажется, удалось взять себя в руки.

- Прости меня, что я плачу, - проговорила она. - Мне так жалко себя, что не могу сдержаться... Я хочу тебе сказать, Витя, что правда в том, что я всегда любила тебя. Просто, бывает, что девушки... Они такие странные!.. И ты тоже... В тот день, когда... Когда меня не стало, я хотела позвонить тебе и назначить встречу. Я бы призналась тебе во всем: и в том, что люблю, и в том, что... В общем, рассказала бы про свою мать... Не знаю, это, наверное, было глупо - потому, что я не знала, где ты и что с тобой... Может, ты уже женился или у тебя есть девушка и вы, когда я тебе позвоню, лежите в одной постели и обнимаетесь... Но я не могла поступить иначе... Я была такой одинокой, несчастной, я так проклинала себя за то, что не призналась тебе во всем раньше... Ты, Витя, превратился у меня в какую-то манию... И я решила позвонить!.. Но мой телефон... С ним что-то

произошло... Номер почему-то заблокировали... Я была вне себя, помчалась в салон... Чтобы побыстрее - взяла велосипед, я иногда каталась на нем по утрам... Я была вся в мыслях об этом звонке: вот сейчас налажу телефон и наберу... Я знала твой домашний номер... И тут... Я ее не заметила... Эта машина!

- Евлания! - застонал он и шагнул к ней. Он хотел умереть.

- Не приближайся, Витя! - строго предупредила она и шагнула от него вдоль окна в сторону угла комнаты. - Послушай, Витя...

Он замер, - что-то такое, особенное, опять почудилось ему в ее голосе.

- Я ведь - мертвая... Я сама себе уже не принадлежу... В любое мгновение я могу превратиться в то, что ты видел тогда, в лифте...

Ему показалось, что весь он от ужаса превращается в лед...

- Да, Витенька, это именно так... Я сама это только недавно поняла... А я не хочу утянуть тебя за собой в могилу... И потому, Витя, если в тебе есть хоть капелька доброты и сострадания, если ты тоже любишь меня, а ты меня любишь, пообещай мне одну вещь...

- Какую?

- Сначала пообещай, но только знай, что обещаешь покойнице и это особое обещание, не нарушь его...

Ему было страшно, но, сам не зная почему, не мог ей возражать.

- Хорошо, обещаю... Только не знаю, что...

- Обещай мне, что будешь жить... Не дай мне взять грех, который я не хочу брать, на свою душу: не дай мне невольно утянуть тебя за собой в могилу... Я осталась на этом свете не потому, что ты меня подпитывал своей жизнью, хотя здесь, наверное, твоя колдунья отчасти и права... Не знаю... Но главное, я сама очень хотела остаться, потому что в тот день я так и не позвонила тебе... И последнее, что пронеслось в моей голове, пока я еще была жива, это то, что я так и не успела сделать этот звонок! Тебе домой!..

- Дома того больше нет и номер бы не ответил...

- Это неважно, Витя, если бы я была жива, я бы тебя разыскала... Все бы у нас было хорошо...

Она замолчала.

Потом заговорила вновь:

- Не дрожи так, Витенька. Я бы тебя сейчас обняла, поцеловала и приласкала, но не знаю, сколько у меня еще времени... Осталось... Мне еще одну вещь тебе надо сказать...

- Что?.. Какую вещь? - еле выговорил он, лязгая зубами.

- Раскрыть одну... Одну тайну... Которую ты знать не можешь... А я, как покойница, смогла ее подслушать - не спрашивай, где и когда... Главное... Должна же быть и тебе какая-то польза от наших отношений, кроме всего ужаса, которого ты натерпелся и до сих пор терпишь!.. Пусть это будет что-то вроде платы за страдания...

- Что?

- Не перебивай, слушай... Вот эта тайна!..

51.

«Может, мне все это почудилось?!» - подумал Виктор.

Он все еще сидел в странной, скрюченной позе в углу у входной двери квартиры. Рядом с ним на некотором расстоянии от двери стояла тумба из старенького, с ободранными углами комплекта мебели для прихожей.

Некоторое время назад резко отшатнувшись от входной двери, отступив от нее в панике на шаг, Виктор со всего маха ударился затылком об угол тумбы и, потеряв сознание, рухнул вниз.

Сколько минут он провел, лежа на полу без сознания, не знал. Может быть, минуту, или даже полминуты. Может, полчаса или час... Придя в себя не сразу понял, где находится, не помнил, что с ним произошло.

Сильно болела голова.

Постепенно, фрагмент за фрагментом, то, что произошло с ним совсем недавно, стало всплывать в памяти...

- Витя, твои деньги... Те, которые пропали. Я знаю, где они! Вернее, я знаю, у кого они лежат! - проговорила Евлампия.

Поворот в разговоре был настолько неожиданным, - при том, что все в этом разговоре с девушкой было неожиданным, - что Виктор вздрогнул.

Он ожидал рассказа о какой угодно тайне, но пропавшие деньги... Он и думать о них забыл!

- Какие деньги? - переспросил он, подумав, что, может быть, Евлампия говорит о чем-то другом, не о том, о чем подумал он сам.

- Те самые, Витя, которые вытащили у тебя из сумки на работе и из-за которых против тебя хотят возбудить уголовное дело... - ответила девушка. - Они у того уголовника, который поджидал тебя, когда мы учились в школе, возле «Чаек» на шикарной машине. Его зовут... Четвертинка! Кажется, так...

- Четверть! - пораженно проговорил Виктор.

И тут же в памяти всплыл разговор с Сашкой - ведь тот совсем недавно предупреждал Виктора, что Четверть появился в их местах.

Следом в памяти Вити всплыло и остальное, что Сашка рассказал ему и о чем в последние сутки-двое даже и не вспоминал - не до этого было: о том, что Витина мать засадила Четверть в тюрьму и тот поклялся отомстить... Но эти деньги - они были украдены в офисе компании!

- У тебя есть знакомый, коллега, - продолжала рассказывать Евлампия. Речь ее участилась. Витя чувствовал,

что девушка и в самом деле торопится, боится не успеть рассказать все до какого-то срока. - Его фамилия Мороховский... Витя вздрогнул еще раз...

- Я знаю эту историю про то, что Четверть поклялся отомстить мне... От Сашки, - перебил Евлампия Виктор.

- Тогда я не буду рассказывать тебе всех этих подробностей. Но ты должен знать, как он решил это сделать... - продолжала рассказывать девушка. - Он принялся искать подробности о твоей теперешней жизни в Интернете... Нашел твои аккаунты в соцсетях, быстро выяснил, где ты работаешь... Начал присматриваться к этой фирме - ведь в соцсетях ты был не единственным сотрудником компании... Четверть после отсидки занялся торговлей наркотиками. Он начал интересоваться, не известно ли его сбытчикам что-нибудь про фирму, в которой ты работаешь. Очень скоро с радостью узнал, что один из сотрудников вашей фирмы - тот самый Мороховский - покупает наркотики у одного из его дилеров. И мало того, что покупает, так еще и умудрился задолжать ему крупную сумму денег...

Зубы Вити лязгали, мысль лихорадочно работала:

«Мороховский - наркоман! Невероятно! Но, с другой стороны, он же очень упорно пытался внушить всем мысль, что я употребляю наркотики. Это же так естественно - обвинить другого как раз в том, в чем грешен сам!»

- После этого Четверть принялся думать, как можно использовать Мороховского. Одновременно, он попытался выведать, что этот пока еще незнакомый ему Мороховский думает о тебе. Для этого Четверть использовал одну свою знакомую - тоже наркоманку, девушку чрезвычайно красивую и очень активную в социальных сетях. Та под каким-то предлогом, разумеется, пока только «онлайн» сдружилась с Мороховским и через некоторое время, мотивируя это тем, что у нее есть какая-то то ли близкая знакомая, то ли родственница, которая общается с человеком из вашей компании - мол, отношения могут зайти далеко и хочет узнать, что это за человек, - назвала Мороховскому твою фамилию... Поинтересовалась, знает ли тебя Мороховский, и что о тебе думает... Тот тут же разразился гневной репликой. Мол, тебя знает, как и все в фирме, что человек ты молодой, выскочка... Все тебя ненавидят, а особенно он, Мороховский... Обо всем этом тут же было доложено Четверти...

Евлампия сделал паузу, чтобы передохнуть. Виктор молчал. Он уже примерно представлял, что будет сказано дальше... Вся история с пропажей денег больше не казалась ему загадочной.

- По заданию Четверти твоего Мороховского подставили... Он взял наркотики на распространение, их у него украли, а потом потребовали вернуть деньги. Мороховский оказался должен серьезную сумму. В этот-то момент к нему на квартиру и заявился Четверть, который без обиняков заявил, что ищет

способа свести счеты с тобой - желательно, засадить тебя в тюрьму - так же, как до этого, по его мнению, поступил с ним ты. Мороховский поначалу отказывался, но Четверть настаивал, шантажируя долгом и тем, что начальству станет известно, что он, Мороховский, не просто наркоман, но еще и потихоньку приторговывает «зельем»... Мороховский испугался.

- Четверть принялся выпытывать у него подробности того, чем ты занимаешься. Он искал какой-нибудь шанс, который позволит обвинить тебя в преступлении. Такого шанса не было, - продолжала девушка. - Но потом Мороховский сообщил Четверти, что тебе, по решению начальства, со дня на день выделяют крупную сумму подотчетных денег для передачи партнерам фирмы на участие в выставке. Четверть и Мороховский начали думать, как можно использовать эту возможность.

Виктора начал мучить кашель, до того сильный, что Евлампия перестала говорить и с явной жалостью во взгляде уставилась на него.

Он был уверен, - сейчас пойдет горлом кровь, - но через минуту или две ему удалось успокоиться.

Девушка, торопясь, продолжила говорить:

- В один из дней Мороховский позвонил Четверти и сообщил, что в самом начале рабочего дня тебе выдали сумму... Четверть сказал, чтобы Мороховский вытащил ее у тебя из портфеля, но тот наотрез отказался. Тогда они договорились, что Мороховский - у него была копия ключа от вашего кабинета, о которой вы не знали...

Виктор прищелкнул пальцами: и в самом деле - он-то по наивности считал, что единственный ключ от кабинета - тот, что висит на гвоздике на стене у стола секретаря в приемной генерального директора. Его брали в начале дня, а в шесть часов вечера, уходя с работы домой, возвращали. Но что стоило, выйдя днем из кабинета, скажем, на обед, сделать в ближайшей мастерской за пять минут точно такой же ключ и положить его себе в карман?

- Мороховский передал ключ подручному Четверти и научил его, как пройти в здание...

Он должен был сказать, что он курьер. В здании располагалось несколько фирм и охранник, - а иногда его вообще не оказывалось на месте, - обычно удовлетворялся самыми общими объяснениями и не проверял документы...

Дождавшись вместе с Мороховским момента, когда Витя и еще один человек, который работал в их комнате, выйдут на обед, убедившись, что Виктор не взял с собой сумку, в которую утром положил деньги, подручный Четверти вышел из укрытия, спокойно вошел в здание, поднялся на этаж и зашел в почти всегда пустой отросток коридора, в котором была дверь в комнату, в которой работал Витя, быстро вытащил из сумки

сверток с деньгами, закрыл ее, вышел из комнаты, закрыл дверь и спокойно спустился вниз, вышел из здания...

52.

- Никаких камер в вашем коридоре нет, единственная камера, зафиксировавшая появление человека Четверти в вашем здании - та, что висит у входа. Но, во-первых, само по себе появление в вашем здании не означает, что он пришел именно в вашу фирму, а во-вторых, камеры работали, но запись в тот день по каким-то там техническим причинам, а по сути - из-за халатности службы безопасности, не производилась.

- Евлания, что же мне делать?! У меня нет никаких доказательств, что я не виноват! - в отчаянии воскликнул Витя и тут же закашлялся.

- Витя, если бы кому-нибудь удалось найти эти деньги... Ты ведь завернул их в какой-то документ, который тебе выдали в бухгалтерии, когда ты брал под расчет...

- Да, кажется, была какая-то бумажка...

- Они так и лежат в ней у Четверти... - проговорив это, Евлампия вдруг закусила губу, словно вдруг испытал сильную боль и изо всех сил стараясь не застонать.

- Но где эта квартира?.. Может быть, я могу... Я могу пойти в полицию, пусть они проведут обыск... Евлания, а? - с надеждой спросил он.

Девушка молчала, продолжая кусать губы.

Вдруг, - может быть потому, что он во время этого разговора мыслями был вынужден вернуться к своей прежней жизни - работе на фирме, истории с пропажей денег, - всему тому, что занимало его до того, как он встретил на берегу канала Евлампию, теперешний разговор показался ему *обыденным*, даже радостным - ведь он, наконец, узнал обо всех пружинах мрачных событий, произошедших с ним.

Перед ним была его возлюбленная - Евлампия: такая же красивая, как всегда, живая, отчего-то прикусившая губу...

Он сделал шаг в ее сторону. Сейчас он обнимет ее, прижмет к себе, поцелует и... Кошмар развеется, станет ясно, что это какая-то глупая игра: она просто выгораживает мать-мошенницу, выживающую ее из квартиры. Такая красивая девушка не может быть покойницей!

- Стой, Витя, не приближайся! - закричала она чуть ли не во весь голос.

Он в ужасе замер и даже, кажется, отшатнулся назад.

- Не двигайся, Витенька, - теперь уже тихим голосом продолжила она. - Что-то мне... Я как-то странно себя... Не чувствую, нет... Тут другое: ощущаю... Ты же ведь не хочешь сойти с ума, увидев меня... настоящую!

Лютым холодом повеяло на него после этих слов.

- Я ведь буду... С этим запахом!

- Евлампия! - воскликнул он. И в голосе его была и жалость, и любовь, и... страх перед тем, что неожиданно может произойти, который из всех сил глушил в себе.

В глазах ее вдруг заблестели слезы.

- Неужели, Витенька, я могу быть страшная? - она всхлипнула. - Я - и вдруг такая, от одного вида которой...

Она еще раз всхлипнула. Теперь уже громче.

- От меня может дурно пахнуть? - продолжала Евлампия.

Она вдруг схватила себя за рукав платья на локте, подняла локоть к лицу, понюхала ткань.

- От меня хорошо пахнет! - радостно воскликнула она следом.

- Так ведь, Витенька? Тебе ведь нравится, как от меня пахнет? - она с надеждой уставилась на него.

Несколько мгновений оба широко раскрытыми глазами смотрели друг на друга.

- Тебе приятно? - еще раз задала вопрос девушка.

Волна любви и жалости захлестнула его. Он рванулся к ней, но едва сделал шаг, Евлампия взвизгнула:

- Нет, Витя, все! Я... - она, обогнув его, стоявшего у нее на дороге, бросилась из комнаты.

Он хотел удержать ее, но она уклонилась от его объятий, его ладони скользнули по ее локтю, по плечу...

Евлампия была уже в прихожей, Витя слышал, как она дергает дверь за ручку, пытается открыть ее - так же как совсем недавно он сам, - а дверь не открывается.

Он поспешил следом за ней, но едва оказался в прихожей, Евлампия повернула ручку замка, раскрыла дверь и, выскользнув из квартиры, притворила ее за собой.

Витя подлетел к двери, дернул ручку на себя. Но едва распахнул ее на ширину ладони и уже хотел сделать шаг назад, чтобы распахнуть шире, - все заняло по времени какую-нибудь секунду, - в нос ему ударил сильный трупный запах и раздался громкий рык, вроде тигриного - так в то мгновение показалось молодому человеку...

Оно, чудовище!

Витя закричал, толкнул дверь обратно... Чудовища в истлевшем голубеньком платице он так и не увидел - оно еще было где-то там, сбоку от двери.

Ужас отбросил молодого человека назад.

То ли он слишком сильно отшатнулся назад, вглубь прихожей, то ли делая шаг назад, споткнулся, - затылком он с силой ударился об угол стоявшего в прихожей узкого шкафчика, потерял сознание и рухнул на пол.

Виктор прикоснулся пальцами к ссадине на затылке. Испытав боль, тут же отдернул их, покосился на дверь - она была плотно притворена, но, почти наверняка, не закрыта на замок.

Он медленно осторожно поднялся. Голова не кружилась, ничего не болело.

«Четверть, Мороховский, кража денег... Вот как это все было!»

Следом в его голове пронеслось: «Она любит меня! Сама призналась, а я-то дурак, не разглядел этого, верил всяким там мамашам и бабам Мариям!.. И про кражу денег рассказала мне она. Хочет спасти меня! Но где же она?! Превратилась в чудовище?!..»

Витя покосился на дверь, потом подошел к ней и решительно дернул на себя ручку - как и предполагал, замок не был закрыт, дверь распахнулась.

Никого!.. «А если бы здесь меня поджидало чудовище?!..»

Прежде от этой мысли его бы продрал по коже мороз, но теперь он впервые не испытал страха: «Это чудовище - Евлампия. Если она может превращаться из прекрасной девушки в ужасное чудовище, то почему невозможно и обратное превращение?»

Витя вышел из квартиры на лестничную площадку: в подъезде никого не было, стояла полная тишина.

Потирая саднивший затылок, он вернулся в квартиру и притворив за собой дверь, замкнул ее на замок.

«Буду сидеть в съемной квартире и ждать... Чего? - думал Виктор, сидя на краешке кровати. Рядом - перепачканное в высохшей рвоте полотенце. - Где-то сейчас - моя любимая Евлампия. Она страдает... Быть может, она еще не в могиле... Хотя, она с самого начала была в могиле...»

Он резко поднялся с кровати. Прислушался к своему состоянию. Затылок саднил, но в остальном чувствовал себя хорошо.

Виктор зачем-то сделал пару приседаний. Потом встряхнул правую ногу, левую. Как конькобежец, который готовится к старту. Помахал руками - он был в приличной форме...

Витя сам себе усмехнулся: для него в последнее время «быть в форме» означало лишь уверенность в том, что через несколько шагов у него не пойдет кровь горлом, он не грохнется в обморок, не испытает невыносимую боль в сердце... Но этих шагов, на которые простиралась его уверенность, было очень мало.

«Единственное место, где я сейчас должен быть - это сквер над каналом возле «Чаек», «наша» скамейка, темные чащобы парка - Евлампия, если она еще где-то есть, должна быть там!

Чувство, что кто-то наблюдает за ним, не оставляло его ни на мгновение. Оно появилось минут десять назад, когда он вышел из парка, обратно на берег канала к «Чайкам». Туда, где тоже росли деревья, но не так густо, и где стояла «их» с Евлампией скамейка.

Виктор бродил возле «Чаяк» уже часа три.

Придя в сквер над каналом, он сначала уселся на скамейку и принялся ждать. Почему-то был уверен - девушка вот-вот появится. Его знобило, а это всегда означало: Евлампия где-то рядом.

«Во всяком случае, она еще на этом свете, а не на том!» - подбадривал себя, сидя на скамейке, Виктор.

Потом ему надоело сидеть, он встал со скамейки и пошел гулять вокруг «Чаяк». Обошел их, потом, пройдя через арку, оказался в проходе между башнями - под стилобатом.

Постоял на том месте, где он некоторое время назад ждал вместе с ничего не подозревавшей Евлампией Сашку. Потом побродил по внутреннему дворику «Чаяк», прошелся вдоль той стороны микрорайона, что выходила на проспект.

Нашел там скамейку, уселся на нее и какое-то время сидел, глядя на вереницу автомобилей, медленно ползших по проспекту к центру города.

Затем вернулся в сквер.

Некоторое время ходил по берегу канала по одной и той же дорожке. Сначала шел в одну сторону, потом - в обратную...

Потом углубился в парк.

«А что, если я вообще ее не встречу?» - думал он. Но странно: сразу после того, как он оказался в парковых чащобах, его все сильнее стало охватывать нервное напряжение. Озноб усилился.

«Значит она выйдет ко мне в парке... Откуда? Из своего небытия? Появится вдруг из-за дерева...» - он внимательно смотрел по сторонам. Стало стремительно темнеть.

Кое-где в парке стояли фонари, в разных направлениях через лесную чащобу пролегла пара асфальтированных шоссе, ярко освещенных стоявшими в ряд современными фонарями, но кое-где попадались и совершенно темные участки.

Терпение его начинало иссякать.

«А чего я хотел? Чтобы она по первому моему желанию возникала передо мной из-под земли... *Из-под земли...* Да ведь она и в самом деле возникает именно оттуда, из-под своего черного обелиска. Евлампия, явись! Ты должна рассказать, как мне жить дальше! Велела, чтобы я жил, но не объяснила, как это теперь делать!.. Нет, она больше не появится!.. Но почему тогда меня мучает этот характерный озноб?! Значит, она все же где-то рядом, но по какой-то причине не может явиться передо мной... Что ж, тогда я буду бродить по этим местам всю ночь! Несколько дней подряд... Пока не упаду без сил!»

Нагулявшись по парку, исходив его самые дальние и глухие уголки, он повернул обратно в сторону «Чаек».

Тут-то и появилось у него чувство, что кто-то внимательно следит за ним, идет следом!

Предстояло пройти по самому темному участку парка - тому, что примыкал к скверу у «Чаек».

Витя невольно поежился от озноба.

Теперь он шел медленно, а по сторонам смотрел еще внимательнее, чем прежде. Вот и последний отрезок пути через парк: непроглядная чернота, а потом сразу - сквер, в котором тоже нет фонарей, но где деревья стоят редко и добывает зарево от освещенных окон «Чаек», от фонарей перед подъездами...

Виктор замер. Теперь он не сомневался - рядом кто-то есть, только что до его ушей донесся едва различимый звук осторожных шагов. Рядом с ним кто-то движется крадучись... Евлампия? Но почему она прячется?!.. Прежде такого никогда не было...

Озноб принялся колотить его сильнее - теперь уж он не мог разобрать, что это: проявление болезненного состояния или страх. «Не нравится мне все это!» - пронеслось у него в голове.

И следом вместе с ощущением, что кто-то смотрит на него, в душе молодого человека начало стремительно нарастать чувство смертельной опасности.

Надо было скорее преодолеть последние десятки метров до сквера! «Там люди, спасение!» Он слышал какие-то голоса: в сквере гуляли собачники... В самом деле тявкнула собачонка, хрипло огрызнулся, судя по басу, крупный барбос.

Его отделяла от людей плотная черная стена разросшихся деревьев и кустарников. Витя прибавил шагу и следом замер: впереди - теперь он уже не чувствовал, а видел это - кто-то был. Кто-то, кто стоял и ждал, когда он, Витя, подойдет ближе.

55.

Витя замер. И следом черная тень, почти незаметная на фоне черневших кустарников, двинулась в его сторону.

Мгновение, другое... Он вглядывался в темноту, но не мог рассмотреть, кто это.

Вдруг куда-то туда, к одной из башен «Чаек» подъехал автомобиль - дальний свет мощных фар ударил в сторону парка, рассеялся между деревьев... Кванты света проникли и на маленькую полянку, на которой стоял Виктор. Он разглядел, кто перед ним...

Это была не Евлампия!

Четверть сильно изменился: отсидка, на которую его отправила мать Виктора, пошла ему не на пользу - уголовник сильно исхудал, лицо избороздили глубокие морщины.

У Вити мелькнула мысль, что, вполне возможно, он в последнее время уже встречал где-то Четверть, быть может даже сегодня - когда тот не успевал куда-нибудь спрятаться от Виктора, - но попросту не узнавал его...

Все же с момента их последней встречи прошло больше полдесятка лет!

Теперь под дулом пистолета, который уголовник держал в руке, молодой человек узнал порядком подзабытые черты... Мгновенно вспыхнуло в сознании все, что рассказала перед тем, как убежать из съемной квартиры, Евлампия. Да он и так все время нет-нет, да и думал об этом: Мороховский - наркоман, украденные деньги, обуянный жаждой мести Четверть, мать, которая сыграла с Витей в игру, в которой ему была отведена роль ничего не подозревавшего... Нет, на статиста он все же никак не походил!

- Вот так, Витюша... Думал, отправишь меня за решетку - и все!.. Не-ет, за это придется заплатить!

Мысль Виктора работала четко. Что удивительно, несмотря на странную жизнь последних дней, на сегодняшний озноб, он был собран и ощущал собственную хорошую физическую форму.

Главным для него сейчас было сократить расстояние, разделявшее его с уголовником, попытаться как-то выбить из его руки пистолет, направить смотревшее на него дуло в другую сторону.

В том, что времени ему осталось совсем ничего и Четверть намерен спустить курок, Витя не сомневался. Не для того же, чтобы просто поговорить с ним, уголовник следил за Витей в парке, подкараулил здесь, в темном месте...

Едва Виктор сделал шаг, как рука Четверти, сжимавшая пистолет, поднялась на десяток сантиметров вверх. Теперь дуло целило молодому человеку прямо в сердце.

Четверть больше не произносил ни слова. Говорить что-то еще он, скорее всего, не собирался. В ночном воздухе повисло чудовищное напряжение. Жить Вите оставались какие-нибудь секунды.

Сейчас фары подъехавшего автомобиля, хоть как-то освещавшие полянку, погаснут, а в темноте Четверти, если он не хочет упустить жертву, остается только одно - тут же нажать на курок. А в призрачном свете ему сделать это еще удобнее...

«Я пришел к «Чайкам», потому что хотел встретиться с Евлампией... Но она так и не появилась. Быть может, знала, что сейчас я сам появлюсь у нее. Уже насовсем!»

Витя шестым чувством ощутил, как палец уголовника на курке напрягается сильнее и сам был в какой-нибудь доле мгновения от того, чтобы броситься на Четверть, но тут...

Прежде, чем погасли фары автомобиля, подъехавшего к «Чайкам», из мрака, царившего у деревьев, росших на краю поляны, к Вите и Четверти рванулась черная тень.

Ее появление было настолько неожиданным и стремительным, что оба повернулись и тут же закричали от ужаса...

В это мгновение Вите показалось, что страшный лошадиному вытянутый череп тянет оскаленную пасть не к нему, а к уголовнику...

Обоих обдала волна нестерпимого трупного запаха. Лохмотья истлевшего голубенького платица болтались на разложившейся плоти.

Грохнул выстрел. Предназначавшаяся Виктору пуля пролетела рядом с его ухом, слегка задев его, и впилась в толстый ствол старого дерева где-то за его спиной.

Витя, успевший рвануться еще до появления чудовища, к уголовнику, схватил его одной рукой за руку, державшую пистолет, а другой обхватил за шею и притянул к себе, толкнул назад.

Истошно крича оба, потеряв равновесие, полетели на землю. Падая, Четверть нажал на курок. Пуля улетела куда-то в сторону канала. Тут же уголовник выстрелил еще. Дуло его пистолета в этот момент было направлено в сторону от Виктора. Четверть от охватившего его после того, как увидел чудовище, ужаса, палил в темноту - непонятно куда.

Витя от ужаса смерти, которой чудом избежал, от кошмара, во второй раз представшего перед его глазами, на время полностью потерял рассудок: не осознавал, что с ним происходит, кого он яростно душит, чью руку отталкивает - навалился ли он на Четверть или это чудовище пытается сбросить его с себя.

От грохота - Четверть еще несколько раз выстрелил, - Виктор оглох. Словно в бреду донесся до него собачий вой, чьи-то крики.

- Собаку убили! - истошно вопил кто-то.

Потом вспыхнули какие-то огни, на тесном пятчке пространства между деревьями стало светло.

- Витя, все хватит! Мы его держим! - раздался у него над ухом знакомый Сашкин голос.

Чьи-то руки схватили Витю, подняли его с земли.

Четверть остался лежать, пара крепких молодых мужчин пыталась связать уголовника выдернутым из его джинсов ремнем.

Какая-то девушка, рыдая, держала на руках застреленную собаку...

Безумными глазами Витя смотрел по сторонам, пытаясь увидеть по краям полянки, освещенной лампочками смартфонов, в космах мрака чудовище или ту, которая в это чудовище превращалась... Но никого, кроме полдесятка

столпившихся вокруг него и Четверти собачников и Сашки не видел...

Постепенно приходя в себя, Виктор начинал догадываться, что произошло...

Посылая в темноту пулю за пулей, Четверть застрелил собаку, которую выгуливала в сквере над каналом какая-то девушка, чудом не попал в нее саму.

Девушка была со своим кавалером. Кроме них в сквере выгуливали своих собак еще несколько человек. Их псины сейчас надрывались от хриплого лая по сторонам площадки.

Сашка, возвращавшийся с работы и привлеченный стрельбой, рассказывал теперь всем, что Виктор - его хороший школьный друг, а связанный уголовник, у которого парни-собачники отняли пистолет - уголовник...

- Он поклялся отомстить Витьке! Это все знали... И я его возле «Чаяк» вижу не в первый раз. Видимо, он подкарауливал Витьку... Пистолет вот приготовил...

Один из парней-собачников уже разговаривал с телефонным оператором полиции.

57.

Витя сидел в кабинете у следователя. С того момента, как Четверть выстрелил в него, прошло всего двое суток...

58.

После того, как в сквер у канала приехала полиция, произошло много событий...

Витю, Четверть, собачников и собачниц увезли на микроавтобусе в ближайшее отделение.

Из полиции Сашка забрал Витю к себе домой.

Там Вите стало плохо - его трясло от озноба, начало рвать. Он потерял сознание - скорее всего, Евлампия была где-то рядом. Сашка вместо того, чтобы позвонить в скорую, позвонил Витиной родительнице. Ее номер оказался записан в старой телефонной книжке Сашкиной матери.

Вместе с Витиной матерью перевезли его домой. Там он погрузился в глубокий сон, в котором провалялся больше суток.

Мать неотлучно дежурила рядом...

Проснувшись утром в своей постели, он чувствовал себя лучше.

Мать поделилась новостями... От знакомого в полиции узнала: у Четверти провели обыск. Обнаружили деньги, обернутые Витиными бухгалтерскими документами. Из распечатанных на офисном принтере бумаг следовало - сумму Витя взял в компании под отчет.

Полиция позвонила Вите на работу. Там подтвердили: да, такая сумма выдавалась... К ней прилагались документы с

подписями бухгалтера и печатями. Потом, по словам парня, деньги были украдены... Прямо в офисе!

Накануне, кстати, представитель компании передал в полицию заявление о краже...

Четверть же, в свою очередь пояснил: деньги, завернутые в какие-то бумаги, получил в качестве оплаты за товар от наркомана Мороховского, - тот постоянно покупал у него «зелье». Свертков Четверть, по его словам, не разворачивал, «бумажек» - документов из бухгалтерии, не видел, не читал...

Четверть, похоже, после встречи с чудовищем, вел себя странно... В каких-то опасных для себя вещах, которые легко мог скрыть, признавался, от другого, в чем мог без серьезных для себе последствий сознаться, упорно открещивался...

Мороховский же, к которому неожиданно нагрянула полиция, узнав, что Четверть его сдал, немедленно раскололся: сказал, что денег не брал, но сделал для Четверти ключ от Витиной рабочей комнаты. Четверть, якобы, утверждал, что у Вити есть компрометирующие «бумажки», которыми молодой человек его шантажирует...

Витю вызвали в полицию. Отправился туда вместе с Сашкой. Тот как раз в момент, когда Витя намеревался выйти из дома, зашел к нему и вызвался проводить.

По дороге в отделение полиции Сашка рассказал все, что узнал от собачников в «Чайках»...

Четверть оказался наркоманом. В памятный день под воздействием дозы наркотика стрелял при каких-то темных обстоятельствах в полицейского, скрылся, но был опознан с помощью камер видеонаблюдения.

Перед тем, как отправиться в бега, Четверть пришел на берег канала... По старой памяти надеялся встретить там Виктора, рассчитаться с ним напоследок пулей из пистолета...

Полиции Витя сообщил многое. Но про то, что ему рассказала Евлампия, умолчал...

В парке, сказал, искал знакомую, которая, как он предполагал, прогуливается там вечером с собакой, но вместо этого наткнулся на Четверть...

Рассказал, что его обвиняли в краже, что против него, по его мнению, действовал недоброжелатель - Мороховский... Но того в момент кражи в комнате не было!

- Правильно, - ответил следователь. - ему там и не надо было быть, он сделал копию ключа и передал его Четверти. Ключ вместе с планом помещений был найден рядом со свертком с деньгами.

- А на ключе - отпечатки пальцев Мороховского и Четверти. Ключ к двери подходит, это установлено.

- Что мне теперь будет? - спросил у следователя в конце разговора Витя.

- Тебе?! - тот вскинул на молодого человека удивленные глаза. - Ты проходишь по делу потерпевшим...

Разговор был окончен...

Еще когда Витя шел от следователя по коридору в здании полиции, ему кто-то позвонил.

Достав из кармана смартфон, обнаружил: это Минеев.

Минеев поинтересовался Витиным самочувствием:

- Полицейские сказали, ты после той истории целый день провел в отключке.... Вот что, поправляйся и выходи на работу, дел невпроворот... Мороховский твой уволен, так что можешь не переживать... К тому же, по-моему, он под следствием. У него нашли наркотики...

Минеев дал отбой.

Витя кружным путем побрел от здания полиции пешком в сторону дома, в котором снял квартиру - забрать чемодан. Ключ от съемной квартиры по-прежнему был в кармане.

59.

«Поправляйся и выходи на работу!..» - крутилось в голове шагавшего по тротуару Виктора.

Слова Минеева поразили его.

«Как будто ничего и не было! Никаких обвинений в краже... Никакого Мороховского... Я чист! Свободен от всех страхов!..» - неслось в голове молодого человека.

За последние дни в его жизни случилось множество событий, каждое из которых выжгло в сознании неизгладимый след, но даже на их фоне звонок Минеева показался чем-то особенным.

Ему вдруг припомнилась та его самая «первая» прогулка в сквере над каналом, когда он впервые увидел Евлампия. Какой ужасной представлялась в тот момент собственная жизнь: нелепое обвинение в растрате денег едва ли ни заслоняло солнце над головой. И вот теперь... Свободен от всех обвинений!..

Огромный камень, который с самого начала этой истории лежал на Витиной душе, свалился.

Только он, хоть и был поражен избавлением от беды, не испытал радости...

Ведь из-за всех прежних бед в последнее время если и страдал, то не сильно, потому что... «Что мне была все эта ерунда, если я все равно... Не собирался жить дальше!.. Был уверен, что не выживу!.. Да и не нужно мне было жить... Евлампия!»

Без нее, какие бы камни ни падали с души, легче бы все равно не стало!..

И вдруг в точности, как в тот самый первый раз, когда он увидел ее в сквере над каналом, Евлампия появилась откуда-то сбоку из-за его спины и прошла перед самым носом у Виктора так, что он едва не натолкнулся на нее.

Пораженный ее появлением, он в первое мгновение решил, что она ему мерещится... Пока он смотрел на Евлампию - да точно ли это она?! - девушка, словно они были не знакомы (он от того и растерялся, что она прошла мимо него, не обратив на него ровным счетом никакого внимания, словно проходящая на другого прохожего, который к ней не имеет никакого отношения), торопливо подошла к светофору, - там как раз последние секунды догорал зеленый свет для пешеходов, и, решившись, быстро перебежала на другую сторону улицы.

- Евланя! - закричал Виктор, но его призыв потонул в рокоте двигателей мотоцикла и старого джипа со прямоточным глушителем, тронувшихся со светофора, едва только для машин загорелся зеленый свет, и помчавшихся, словно наперегонки друг с другом.

Виктор был уже у края тротуара, но перебежать на другую сторону сродни безумию - его бы тут же сбили: автомобили, как один, рванули со светофора, словно это была линия старта на спортивных гонках.

Евлампия же, едва ступив на противоположный тротуар, пошла быстрым шагом, так, словно очень куда-то торопилась. Вот она уже на углу улицы. Витя видит: там тоже переход со светофором - для пешеходов горит зеленый, Евлампия бежит, чтобы успеть - через несколько мгновений он видит ее на другой стороне перехода и затем она исчезает за углом дома.

Как назло, светофор бесконечно пропускает несущиеся на большой скорости автомобили и не хочет дать дорогу пешеходам.

Наконец, загорелся зеленый!

Витя бегом бросился на другую сторону улицы, добежал до перекрестка.

Евлампии нигде не было!

Что же это такое?!

Опять красный свет на светофоре. Но здесь машины не двигались таким плотным потоком, как на предыдущем переходе, и Виктор просто перебежал перед притормозившей санитарной машиной на другую сторону улицы.

Оказавшись на противоположном тротуаре, он замер, осматриваясь.

В местах, где располагался отдел полиции, который вел дело Четверти, он и раньше если и бывал, то всего пару раз проездом - видел их из окна автобуса. К тому же, в последнее время здесь, как и во всех старых окраинных районах столицы, ломали одни здания, на их месте строили несколько других - под самое небо. Улица, в которую вглядывался молодой человек, была совершенно незнакома...

«Все поменялось... Не узнаю мест, хотя, наверняка, хоть раз, да был здесь!.. Но что могло понадобиться в этом райончике Евлампии?!.. И почему прошла мимо, как будто мы незнакомы... Не-ет, не заметить она *меня* не могла!» - с какой-то даже гордостью подумал Витя, - теперь он знал, какое место занимал в жизни девушки.

Он бросился бегом по тротуару: если Евлампия не исчезла, растворившись в воздухе, как она уже не раз проделывала прежде, то, наверняка, свернула в один из проулочков между новенькими, по всему - год или два тому назад построенными, домами слева. Сейчас он ее увидит!

Витя бежал, а в голове его в этот момент проносилось: «Но что произошло?!.. Что все это значит?!..» Он уже простился с Евлампией - был уверен, что больше она не появится, и вот...

«Так и есть!» - от восторга (потому, что минуту назад боялся, что ему померещилось - никакой Евлампии не было!) Виктор едва не вскрикнул. Девушка торопливо шла по одному из проездов между домами, который вел на параллельную улицу. Она была в самом его конце. Еще пару мгновений - и повернет налево, а скорее - направо, потому что инстинктивно девушка прижималась к правому краю проулка.

Виктор бросился следом. Евлампия (или это только показалось ему?!) услышав его громкий топот за спиной (то, что она при этом не обернулась, хотя любая на ее месте сделала бы это, доказывало, что она знает, кто бежит - видела его!), как показалось молодому человеку, прибавила шагу, повернула за угол. Виктор стремительно добежал до него, повернул...

Перед ним была дорожная развязка, которой раньше здесь не было, - хотя он не помнил этого места, но во всяком случае, она явно была построена совсем недавно - уже после того, как Витя с матерью переехал в новый дом.

Уровней у развязки - три: пересекавшая улицу дорога, поднятая на эстакаду, асфальтовая лента, уходившая вниз, в двухполосный тоннель, и огибавшие въезд в него четыре полосы - по две в каждую сторону.

Между полосами, уходившими в тоннель, и теми, что огибали въезд в него справа и были к Вите ближе всего - узкий приподнятый над проезжей частью пешеходный тротуарчик, к которому ведет обозначенный зеброй на асфальте и стоящим рядом дорожным знаком пешеходный переход. С тротуарчика продолжение пешеходного перехода ведет на другую сторону широкой улицы к высоким, этажей в тридцать пять, жилым башням.

Когда Витя выбежал на улицу к углу дома, за которым скрылась девушка, она уже быстрым шагом преодолевала переход. Молодой человек ринулся за ней.

Оказавшись на тротуарчике, Евлампия неожиданно остановилась и, обернувшись, уставилась на Виктора. Неожиданно наткнувшись на этот взгляд, как на препятствие, он остановился.

Взгляд девушки был полон любви и бесконечной тоски. На мгновение у него мелькнула мысль, что она наконец-то заметила его. Сейчас помашет рукой, подзывая к себе, или перейдет быстро на его сторону улицы.

Безумная надежда осветила его душу огненной вспышкой: все предсказания оказались ерундой, Евлампия по-прежнему на этом свете, и никогда не уйдет с него туда, в мрачный мир теней, они будут вместе...

Вдруг решительно дернув головой и вскинув надменно подбородок, Евлампия, как это она делала всегда в минуты крайнего душевного волнения, когда какая-то мысль или чувство без остатка завладевала ею, отвернулась и... Бросилась в тоннель!

Там была какая-то узкая дорожка - что-то вроде пешеходного тротуарчика с одной стороны тоннеля. Вряд ли по нему отваживались ходить обычные пешеходы, может быть - какие-нибудь дорожные рабочие, обслуживавшие тоннель.

Пораженный Виктор кинулся следом... Ему пришлось пропустить три кативших куда-то огромных красных самосвала. Если бы бросился им наперерез, то вряд ли груженные машины смогли бы быстро встать, как вкопанные - рисковал попасть на тот свет даже раньше своей возлюбленной.

Едва самосвалы проехали, Витя перебежал дорогу и его глазам открылся уходивший под землю спуск в тоннель...

«Вниз!.. Я ведь уже один раз спускался вместе с ней... Под землю! Правда, всего только на несколько ступенек - в подвал!.. Случайно ли это?!» - пронеслось у него в голове.

Он увидел Евлампия, спокойно идущую по крутому спуску вниз, - теперь она не торопилась - прямая, гордая, со вскинутым вверх подбородком. И он только теперь понял, что на ней другое платье - белое!

Но что это?!..

На какие-то мгновение от изумления он даже остановился: проезд в тоннель закрыт. По нему не движутся автомобили. Поэтому Евлампия сходит с идущего вдоль стены тротуарчика и оказывается на самой середине дороги для машин.

Впереди тоннель перегорожен переносными ограждениями. Такие ставят во время каких-нибудь массовых мероприятий.

Ограждения стояли не впритык друг к другу, а на расстоянии примерно полуметра-метра. Рядом с заборчиками стояли полицейские в форме и рабочие в ярко-оранжевых комбинезонах.

За заборчиками стояли полицейский автобус и большой грузовик с надписью «Аварийная служба». Из-за этих двух автомобилей увидеть, что происходит в тоннеле - невозможно. К тому же, большая часть ламп под потолком тоннеля справа и слева не горели. Тоннель погружен в полумрак.

Витя остановился, пораженный открывшейся картиной.

Было ясно: дойдя до установленных ограждений, Евлампия что-то спросит у стоявших рядом с ними полицейских (Что она

хотела у них узнать?), и будет вынуждена вернуться обратно, на то место, где сейчас замер Виктор.

Девушка, не сбавляя шага, приблизилась к ограждениям. Когда была от них в нескольких шагах, полицейский, стоявший в проходе между двумя ограждениями, отвернулся и подошел к рабочим в ярких робах.

Евлампия быстро прошла в освободившееся пространство между ограждениями и пошла в сторону полицейского автобуса и грузовика аварийных служб.

Ни полицейские, ни рабочие не обратили на нее никакого внимания.

«Как будто ее нет! - поразился Виктор. - Может, они ее просто не видят?!»

Что девушке делать под землей в тоннеле, где произошла авария - прорвало трубу или пополз грунт?!

Витя уже шел в сторону полицейских. Ему казалось, что Евлампия в следующее мгновение остановится. Кто-нибудь преградит ей дорогу, объяснит, что идти дальше ни в коем случае нельзя. Но она прошла между автобусом и грузовиком, взяла чуть правее и... Исчезла из вида!

Может быть, места по которому шла девушка, не было видно из-за грузовика. А может, Витя не мог рассмотреть Евлампию потому, что в тоннеле было темно. В некоторых местах у его стен мрак был таким густым, что человека там не разглядишь...

Витя, прибавив шагу, был уже в проходе между заборчиками.

- Эй, вы куда, молодой человек?! - полицейский резко повернулся от рабочих к Виктору и, сделав шаг ему наперерез, преградил путь.

- Мне надо туда... Пройти по тоннелю... - сбивчиво произнес Витя, пытаясь заглянуть за спину полицейского, который был почти двухметрового роста, так что глаза Виктора оказались на одном уровне с его погонами.

- Да вы что?! Куда по тоннелю? Вы из организации что ли?

- Я? Нет... - Витя, наверное, бросился бы мимо полицейского в тоннель, - Евлампия исчезла и его охватывала паника. Но к полицейскому с боков приблизились еще двое. Обогнуть эту троицу можно лишь оттолкнув одного из них, - учитывая, что все трое были высокого роста, упитанные, у Вити это вряд ли получилось бы, - или сдвинув ограждения.

- Да я за девушкой. Вон туда! Только догоню ее и все! - в отчаянии воскликнул молодой человек.

Его все сильнее охватывала паника: уже успел поверить, что сейчас обнимет Евлапию, заговорит с ней, и вот теперь... Как будто ее и не было!

- Какой девушкой?! Ты что, псих?! - грубо бросил полицейский, что стоял слева от Виктора, самый молодой из троих.

- Да той, которая сейчас прошла мимо вас! Вы ее пустили!

У Вити вдруг закружилась голова, как будто стоит на краю бездонной пропасти и его неудержимо клонит вперед. Надо сделать шаг назад, за что-то ухватиться.

- Пустили?! Прошла мимо нас?! - полицейские переглянулись. - Здесь никто не проходил.

- Там авария! - проговорил первый полицейский. - Обвалилась стена тоннеля... Может вообще все... Мы сюда никого не пускаем, на нас же ответственность лежит...

Он внимательно посмотрел на Виктора.

- Но ведь я видел, она прошла сюда! - в тоске воскликнул молодой человек.

Вдруг из тоннеля на него дохнуло холодом и следом все вокруг, - и лица окруживших его полицейских, стены по обе стороны спуска в тоннель, грузовик и полицейский автобус, яркие робы рабочих - все начало кружиться...

Как сквозь сон он расслышал, как полицейский, сообразивший, что с парнем что-то не так, участливо спрашивает его:

- Когда она здесь прошла?.. Сколько времени назад?

Витя потерял сознание.

Полицейский, первым преградивший ему дорогу, успел подхватить его, иначе бы Виктор упал на асфальт.

60.

- Понимаете, я очень хорошо себя чувствую... Это у меня всегда бывает так. Я уже за собой все это знаю...

Виктор подошел ко врачу - молодому человеку, не на много старше его самого, может быть еще год или два назад - студенту медицинского вуза - ближе и стараясь придать голосу ноты бодрости и уверенности, добавил:

- Валюсь, к сожалению, в самый неподходящий момент... Говорят что-то то ли с сердцем, то ли с нервами, ходил по врачам... В общем, сейчас мне в больнице оставаться нет никакого смысла.

Врач - они стояли в коридоре на первом этаже больницы рядом с открытой дверью пустой палаты, в которую собирались поместить Виктора, - по-прежнему смотрел на него полным недоверия взглядом.

В сочиненную Витей на ходу историю про «валюсь в неподходящий момент» явно не верил, но какой-то собственной версии того, почему Виктор оказался в больнице, у него не было.

«Сейчас, конечно же, в голову ему придет то, что всем *им* по моему поводу приходит: наркоман!» - пронеслось в голове у Виктора.

Но врач смотрел на него без подозрительности во взгляде.

- Послушайте, если вы, как говорите, неожиданно валитесь, то это, наоборот, повод для вас остаться в больнице, а не постараться поскорее сбежать отсюда...

- Я... - заговорил, перебивая врача, Виктор.
Но тот, повысив голос, продолжал говорить:
- Мы можем, пока вы у нас лежите, сделать вам анализы, кардиограмму. В условиях стационара...
- Нет, я... - опять попытался вставить слово Виктор.
- Нет, так нет! Не хотите и не надо! - с неожиданным раздражением проговорил врач. - Что я вас уговариваю?! Не хотите обследоваться в хороших условиях, пожалуйста - бегайте потом по поликлиникам... Все, что мы можем вам сделать в больничных условиях за несколько дней, вам придется делать в городских поликлиниках месяц, а то и больше! Я бы мог показать вас одному специалисту, он будет завтра... Что я перед вами распинаясь, не хотите себе же сделать хорошо - не надо! Пожалуйста, сейчас вам дадут подписать бумагу... И пожалуйста, бегите, если вам так больше нравится...
- Нет... Да я... - изображал сомнения, охватившие от слов врача, Виктор. Сам при этом возликовал!
Меньше, чем через час он уже был на улице у входа в приемный покой больницы.

61.

«Может быть, есть какой-то способ, какой-то шанс в последние часы остановить ее... Может быть, об этом она как бы просила меня, когда неожиданно возникла на улице?» - пронеслось у Виктора в голове, пока он катил на такси в район, где некоторое время назад встретил Евлампия.

- Остановите вот здесь! - воскликнул молодой человек, узнав улицу, с которой Евлампия повернула в проезд между домами, который вел на параллельную улицу.

«Выскочу здесь и пройду к тоннелю, в котором она исчезла. Если ехать до него на такси, то неизвестно, сколько это займет времени! Наверняка, кружным путем... Может получиться долго!» - мелькнуло у него в голове.

Таксист, которого Витя попросил довезти его до местного управления внутренних дел, затормозил и подрулил к тротуару. Автомобиль остановился.

Виктор быстро расплатился и, выбравшись из автомобиля, пошел по дорожке между домами туда, где новая транспортная развязка, тоннель, в котором исчезла Евлампия.

Нетерпение подгоняло его, он почти бежал.

«Куда спешу? - спрашивал себя Витя. - Как будто она дожидается меня в тоннеле на дорожке для пешеходов!.. Даже, если бы она хотела это сделать... Я провел в больнице уйму времени!.. Ждать там в тоннеле - невозможно!»

И все же он спешил. Впереди через просвет между домами виднелась широкая улица, автомобили, автобусы... Был слышен рев грузовиков, гудение клаксонов.

Витю подгоняла надежда: раз Евлампия сегодня неожиданно возникла перед ним, есть шанс, что это повторится.

Почему бы ей не показаться где-нибудь снова? Ему представлялось, что в месте, где они расстались, вероятность этого выше. Может быть, это и не так. Но что же ему тогда - просто бродить по городу, надеясь вдруг различить ее в толпе?!

Его неудержимо тянуло на место, где они расстались.

Вот он повернул за угол и...

Пройдя полдесятка шагов, Виктор замер.

Он не верил своим глазам!

У дорожной развязки, той самой, недавно построенной, которой прежде здесь не было и которую он впервые увидел в прошлый раз, было теперь не три, а два уровня. Первый - улица, на которой он стоял: асфальт - по нему мчались автомобили, по бокам тротуары с бордюрами из массивных каменных блоков. Еще дальше - вздымавшиеся вверх стены новых домов (наверняка, построены на месте снесенных «старичков», таких же, как исчезнувший старый дом Виктора). Второй уровень - пересекавшая улицу дорога, поднятая на эстакаду. Она загораживала собой дома, и Виктор видел только их нижние и верхние этажи. В прошлый раз здесь был еще тоннель, в который убегала одна асфальтовая лента. Но теперь его не было! Машины по полосе ехали прямо под эстакаду, ни в какой тоннель не спускались. Пронесшись мимо толстых бетонных опор эстакады, катили дальше, мимо новых домов...

Узкого пешеходного тротуарчика, приподнятого над проезжей частью, который раньше разделял уходившую в тоннель полосу и огибавшую ее справа двухполосную дорогу не существовало. Не было ведущей к нему зебры на асфальте и знака пешеходный переход, - Виктор хорошо помнил, как он посмотрел на этот знак и перешел дорогу...

И тут до него дошло: «Она показывала мне, что уходит... Как раз в ту минуту она перемещалась в мрачный загробный мир. И я каким-то волшебным образом смог увидеть этот момент... Потусторонний мир, в который она двигалась, предстал передо мной убегающим под землю тоннелем...»

Виктор стал мелко дрожать, потому что именно в это мгновение услышал, что в кармане у него заиграл смартфон... Звонок в эти мгновения, когда он стоит на этом месте, не мог быть случайным!

Вытаскивая смартфон из кармана, успел подумать: «Я хотел пройти в этот тоннель следом за Евлампией, но меня... Полицейские - да какие могли быть там, в несуществующем тоннеле полицейские?! Наверное, тоже несуществующие! - не пустили в тоннель!»

«Для меня время еще не пришло! - понял Виктор. - И хода в тоннель - подземное царство, в которое погружаются души умерших, мне нет!»

Смартфон уже был у него в руке. Он уставился на экран: номер - не знаком! Но ведь именно с незнакомых номеров всегда звонила *оттуда* Евлампия!

Дрожь, колотившая его, усилилась... Он ответил на звонок.

62.

Это была девушка из автосалона - менеджер, продавшая ему автомобиль.

Она сразу назвала свое имя, полагая, что он тут же вспомнит, кто она и откуда. Но он лишь понимал, что где-то уже слышал этот голос...

Приятный, немного низковатый для девушки тембр, окающий говор делали его запоминающимся, - но вот только где он его слышал? В каком-то очень важном для него месте... Лишь когда она заговорила о давно приехавшем автовозе, с которого сотрудники автосалона скатили «ласточку-красавицу», до него дошло, с чем связан звонок.

Удивительно, он за последнее время ни разу не вспомнил о том, что еще не так давно было главным в его жизни: он же ждал оплаченный и такой желанный автомобиль!

Девушка-менеджер понравилась ему еще тогда, - во время переговоров о покупке спортивного седана. Ему даже показалось, что она строит ему глазки... Но он так был измучен оформлением кредита, так нервничал, правильно ли выбрал опции, что ему было не до нее...

- Небось любовь с кем-нибудь крутили, что даже о машине не вспоминаете? - игриво добавила девушка.

- Да, крутил! И еще какую! - честно признался Виктор.

И тут же в его воображении возникла Евлампия - такая, какой она была в съемной квартире:

- Обещай мне, Витенька, что будешь жить... Не дай мне взять грех на душу!

- Какой же на тебе грех, Евланя? - мысленно возразил он ей теперь. - Ты ведь спасла меня от пули Четверти тогда, в ночном парке! Если бы не твое появление, он бы не промахнулся... Я был бы уже мертв. А так - я жив!

Девушка из автосалона, - только тут он вспомнил, что - странно - ее тоже зовут Евлампией, - продолжала что-то ворковать в трубке, но смысл ее слов не доходил до него, он лишь понимал по интонации, что она с ним заигрывает...

- Вот бы меня кто-нибудь на такой машине покатал! - дошел до него смысл ее слов, когда он вернулся из своих видений в реальность. - Может быть, это будете вы?..

К О Н Е Ц